ВЕРНОР ВИНДЖ

ПРЕМИЯ «ХЬЮГО». ПРЕМИЯ «ЛОКУС»

КОНЕЦ РАДУГ

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роберт Гу, в прошлом профессор и поэт с мировым именем, вырван новейшими технологиями из лап смерти. Болезнь Альцгеймера побеждена, он снова молод, но дар писать стихи утрачен. Роберт и такие, как он, вынуждены заново обживаться в мире, дополненном цифровой реальностью, где люди носят прошитую микросхемами одежду, чтобы ни на минуту не покидать виртуальность. В попытках вернуть свой дар Роберт оказывается пешкой в игре гениального хакера и нескольких разведслужб, борющихся с террористами.

- Вернор Виндж
  -
  -
  -
  - Пролог
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

○ 34
○ 35

Вернор Виндж
Конец радуг

Vernor Vinge
RAINBOWS END
Copyright © 2006 by Vernor Vinge
© К. Сташевски, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Премия «Хьюго», премия «Локус»

«Конец радуг» – не киберпанк, а руководство по сборке собственного будущего в режиме реального времени для тех, кто с опозданием на сорок лет решил покататься на ударной волне футуршока».
Medium.com

«Нигде так глубоко не описано будущее Интернета (на следующие двадцать лет), как в «Конце радуг» Винджа. Это понимает каждый веб-профессионал или аналитик разведки».
Стюарт Бранд, создатель The Whole Earth Catalog

«Вернор Виндж – это Олдос Хаксли компьютерной эпохи».
Wired.com

«Виндж открывает новый путь к сингулярности, превращая шифропанковскую паранойю в историю социума, переживающего ударный эффект технологии».
Кори Доктороу

***

Посвящается когнитивным инструментам Интернета, меняющим нашу жизнь: Википедии, Google, eBay и прочим, сегодня и в будущем

Пролог
Слепое везение и находчивость

Первую составляющую слепого везения легко было перепутать с досадным просчетом Европейского центра биологической защиты. 23 июля алжирские школьники сообщили о распространявшейся по Средиземноморью эпидемии респираторного заболевания. К такому выводу пришли по результатам смарт-анализа антител из среды общественного транспорта Алжира и Неаполя.

Немедленного отклика из ЕЦБЗ не последовало, но не прошло и трех часов, как хоббиологи общественного здравоохранения доложили о схожих случаях у себя, сопроводив отчеты картами распространения инфекции. Эпидемия возникла по крайней мере неделю назад, вероятно, в Центральной Африке, где систематический надзор хоббиологов отсутствовал.

Когда пиарщики ЕЦБЗ собрались с мыслями, инфекцию уже выявили в Индии и Северной Америке. Хуже того, журналист из Сиэтла выделил и идентифицировал возбудитель, который оказался псевдомимивирусом. Такого постыдного поворота событий пиарщики и представить себе не могли: с конца 2010-х ЕЦБЗ оправдывал свой колоссальный бюджет блистательной ликвидацией секты «Новая Заря». Чума Новой Зари стала второй по масштабам террористической евроугрозой десятилетия, и лишь стараниями ЕЦБЗ удалось избежать пандемии.

Чума Новой Зари была основана как раз на псевдомимивирусе.

В ЕЦБЗ еще оставались хорошие спецы. Те самые спецы, которые спасли мир в 2017-м. С инцидентом 23 июля они сладили быстро, а пиарщики сварганили заявление, более-менее отвечавшее реальности: да, инфекция «псевдомими» ускользнула от стандартных протоколов, а причиной этого послужил банальный программный сбой в разделе текущих событий на веб-странице Центра. И да, эта разновидность «псевдомими» может происходить от чумы Новой Зари. Ослабленные штаммы исходного, заточенного под максимальную смертность вируса продолжали рыскать по миру, влившись в перманентный фоновый шум биосферы. В этом году их уже было отмечено три, в том числе один – всего пятью днями раньше, 18 июля. Более того (тут к пиарщикам возвращалась привычная elan[1]), *все* эти события имели субклиническую природу, то есть никаких ощутимых симптомов инфекция не вызывала. Геномы семейства

псевдомимивирусов огромны – для вирусов, а почти для всего остального – малы. «Новая Заря» трансформировала такой геном в подобие швейцарского армейского ножа, универсальное орудие убийства, пробивающее почти любую преграду. Однако в отсутствие оптимизации псевдомимики – не более чем раздутые мешки мусорной ДНК. «В связи с вышесказанным ЕЦБЗ приносит искренние извинения за то, что общественность не была своевременно проинформирована об этом рядовом происшествии».

Прошла неделя. Две недели. Новых сообщений об организме не поступало. Анализы антител показывали, что эпидемия так и не распространилась дальше средиземноморских берегов. Заявления ЕЦБЗ насчет вспышки были вполне корректны: «субклиническая эпидемия респираторной инфекции» – это, можно сказать, оксюморон. Если у одного человека на тысячу случается насморк, то вирусу в своем распространении по миру остается полагаться на благотворителей.

Объяснения ЕЦБЗ были приняты. Хоббиологи общественного здравоохранения зря подняли переполох.

На самом деле в заявлениях ЕЦБЗ содержалась одна неточность, но она, по счастью, ускользнула от внимания публики. Своевременному информированию о вирусе помешала не ошибка на публичной веб-странице, а глюк только что обновленной внутренней системы предупреждения Центра. Поэтому ответственные спецы пребывали в таком же неведении, что и общественность. Это хоббиологи открыли всем глаза.

Во внутренних кругах евросоюзовской разведки подобных просчетов с рук не спускали. Ее сотрудники вели ежедневную борьбу с терроризмом. Их величайшие успехи никогда не освещались во всеуслышание – а не случись успехов, последствия неудач могли быть куда страшнее чумы Новой Зари.

Вполне естественно, что люди эти страдали навязчивой паранойей. Европейское разведывательное сообщество отрядило одного из лучших своих агентов, молодого немца Гюнберка Брауна, провести негласную реорганизацию ЕЦБЗ. В тех кругах разведки, где Брауна знали хорошо, он пользовался определенной славой – как самый скрупулезный из параноиков. Как бы там ни было, а Браун и его помощники быстро перелопатили схему внутренней отчетности ЕЦБЗ, после чего запустили программу всеобщей проверки, которая должна была продлиться шесть месяцев и состоять из случайных «учений» с тестовыми угрозами и гипотезами намного экзотичней любых встречавшихся эпидемиологам по работе.

Следующие шесть месяцев в ЕЦБЗ обещали стать сплошной

пыткой для некомпетентных и усладой для талантливых. Однако режим «учений» Брауна продлился менее двух месяцев, а конец ему положила реклама во время футбольного матча.

Первая игра греко-пакистанской футбольной серии состоялась в Лахоре 20 сентября. Греко-пакистанские матчи окружала своеобразная традиция, а может, болельщики просто были старомодны. В любом случае реклама транслировалась кондовая, в стиле двадцатого века. Каждое объявление видели все. Дисплейные пространства на внутренних конструкциях стадиона были распроданы, но и там реклама не таргетировалась.

Во время игры имело место примечательное событие (а если учесть победу Греции, то два события). В перерыве показали тридцатисекундный ролик с рекламой туррона. В течение часа несколько фрилансеров-аналитиков рекламного рынка обнаружили всплеск продаж нуги, стартовавший на третьей минуте после рекламы. Спонсорские вложения окупились сторицей. Мечта, а не реклама, по крайней мере для тех, кто зациклен на маркетинге до аморальности. До вечера миллионы успели обсудить это примечательное происшествие. Рекламный ролик проанализировали во всех деталях. Ничего вдохновляющего, но ничего другого и не стоило ожидать от третьесортной компании-продюсера. Что важнее, ролик не содержал информации, ориентированной на подсознание (а такую в основном и надеялись обнаружить). Задержка и последующая амплитуда скачка продаж резко отличались от нормальной реакции на рекламу. Спустя несколько часов все рационально мыслящие участники сошлись во мнении, что Турронское Чудо – не более чем мираж, порожденный современными технологиями извлечения данных: если одновременно наблюдать триллионы событий, часто попадаются совпадения, шанс которых один на миллион. К концу дня интерес увял: обычная, едва заметная рябь на глади океана публичных дискуссий.

Но не все наблюдатели утратили интерес к происшествию. Гюнберк Браун, как и большинство высокопоставленных сотрудников евросоюзовской разведки, испытывал огромное почтение (ну ладно, будем честны: *опасение*) к возможностям анализа информации из открытых источников. Одна из его команд заметила Турронское Чудо. Они изучили дискуссию. Да, почти наверняка это случайность, мираж. Но кое-что следовало бы обсудить дополнительно; задать кое-какие вопросы, особо интересные правительствам.

Так дала о себе знать вторая компонента слепого везения. Браун, подчинившись прихоти, приказал провести «учения»:

выделить аналитические ресурсы ЕЦБЗ под исследование значимости Турронского Чуда для *общественного здравоохранения*. Какова бы ни была она на практике, а Центр обязали провести секретное срочное расследование в режиме реального времени. Впрочем, повестка «учений» выглядела не более абсурдной, чем в предыдущих случаях. Лучшие спецы ЕЦБЗ уже свыклись с подобными чудачествами. Они быстро набросали тысячу гипотез и составили планы полумиллиона тестов. Семена деревьев поиска для будущего расследования.

В течение двух следующих суток аналитики ЕЦБЗ продвигались по этим деревьям, занимались привоями и вытяжками, напрягая статистику до неразумного предела; такая работа генерирует больше миражей, чем мнится самым невоздержанным хоббиологам от маркетинга. Даже список тем оказался бы толщиной со старомодный телефонный справочник. Вот наиболее содержательные фрагменты, в порядке возрастания драматизма.

Связи между рекламой туррона и всплеском продаж не обнаружилось, и этот вывод был основан не на одном только теоретическом анализе: в ЕЦБЗ ролик показывали небольшим тестовым группам. Все объявления, транслировавшиеся в перерыве матча, тоже проанализировали таким способом. Одно из них – непродолжительная реклама сервиса знакомств – вызвало спорадический интерес к нуге. (Реклама сервиса знакомств отличалась дизайнерскими излишествами: фоном для нее служила решетка линий, пересекающихся в назойливом муаре.) Ниже по дереву тестовых вариантов рекламу сервиса знакомств показали некоторым специализированным группам. И оказалось, к примеру, что у лиц с антителами к псевдомимивирусу 23 июля она измеримого отклика не вызывает.

Вместе с тем реклама сервиса знакомств провоцировала страсть к нуге у тех, кто был инфицирован в ходе *предыдущей вспышки псевдомимивируса,* 18 июля, о которой ЕЦБЗ своевременно отчитался.

Ребенком Гюнберк Браун частенько мечтал, как предотвратил бы в прошлом огненный шторм при бомбардировке Дрездена, как остановил бы нацистов и конвейер лагерей смерти или сталинский голодомор на Украине. Когда маленькому Гюнберку не хватало сил орудовать нациями, он представлял, что мог бы сделать 7 декабря 1941-го на гавайском радарном аванпосте или в роли агента американского ФБР летом 2001-го.

Вероятно, все мальчишки проходят подобный этап, предпочитая игнорировать исторический контекст и предаваясь мечтам о роли героя-спасителя.

Но, читая свежий доклад, Браун внезапно ощутил себя персонажем эдакой вот детской фантазии. Псевдомимивирус 18 июля и реклама на футбольном матче, рассматриваемые совместно, чертовски напоминали превосходно замаскированное испытание концепта нового оружия. Перед его продвинутой версией померкнет чума Новой Зари. В самом лучшем случае придется иметь дело с биологическим оружием столь же педантичным и неожиданным, как пули и бомбы: медленно инфицируешь популяцию случайным распространением заразы, которую практически невозможно обнаружить, а потом – *бам!* – ослепляешь, калечишь или убиваешь нужную тебе жертву письмом по электронной почте либо миллиарды жертв – широкополосной трансляцией, слишком быстро, чтобы успели среагировать любые ЦБЗ.

Будь Браун сотрудником ЦБЗ, его открытие немедленно поставило бы на уши все аналогичные организации Индо-европейского альянса, Америки и Китая.

Но Гюнберк Браун был не эпидемиологом, а разведчиком и редким параноиком даже по меркам шпионов. «Учения» он проводил под строгим личным контролем и без труда подавил распространение слухов. Сам же в это время задействовал свои связи в евросоюзовской разведке и Индо-европейском альянсе и за считаные часы увяз в новых делах.

Он вызвал лучшую специалистку по тоталитарным культам в индо-европейском разведсообществе и поручил ей анализ собранных улик. Он связался с военными Альянса, Центральной Африки и всех «неудавшихся государств» на периферии современного мира. Следы псевдомимивируса 18 июля прослеживались отчетливо. Аналитики Брауна очень походили на лучших спецов ЕЦБЗ, только умнее, а еще их было больше, и они располагали доступом к намного более мощным ресурсам. Тем не менее им повезло всего за три дня сложить два и два (и два, и два, и два…). В итоге он получил довольно неплохое представление о том, кто мог стоять за этим испытанием оружия.

И впервые за всю свою жизнь Гюнберк Браун неподдельно испугался.

01
Мистер Кролик с визитом в Барселоне

В разведсообществе Индо-европейского альянса выделялась горстка бюрократических суперзвезд, людей калибра евросоюзовского разведчика Гюнберка Брауна. К счастью, личности их были неизвестны широкой публике или окружены дымовой завесой противоречий. Но и у суперзвезд свои герои. В частности, когда люди калибра Гюнберка Брауна сталкивались с отчаянными трудностями, им нужно было куда-то обратиться за помощью. И такое место, такое подразделение внешней разведки Индии, существовало. Четкой роли в организационной структуре СВР оно не имело, а его задачи отличались удачной неопределенностью. Короче говоря, занималось оно тем, что было угодно его начальнику. Возглавлял его гражданин Индии, известный (тем немногим, кто вообще был с ним знаком) как Альфред Вас.

Браун изложил свое ужасающее открытие Васу. Старшего коллегу оно поначалу шокировало не меньше, но Вас придерживался конструктивного подхода.

– Почти любую проблему можно решить, располагая достаточными людскими ресурсами, – заявил он. – Мне нужно несколько дней. Посмотрим, что получится нарыть.

Центр Барселоны, три дня спустя

Кролик прыгнул на свободное кресло-плетенку, а оттуда на середину самого столика, между чайными чашками и пряностями. Он слегка наклонил шляпу с полями сперва к Альфреду Васу, потом к Гюнберку Брауну и Кейко Мицури.

– Предвидится удачная сделка! – возгласил он.

В целом, как для таких типчиков, выглядел он непримечательно.

Альфред потянулся к нему и провел рукой сквозь картинку, просто затем, чтобы подчеркнуть собственную вещественность.

– Условия сделки определим мы.

– Гм-м. – Кролик плюхнулся задом на стол и выудил из-за солонки и перечницы небольшой чайный сервиз. Нацедив себе пару капель чаю, чтобы наполнилась чашка, он пригубил из нее.

– Я обращаюсь в слух.

И помахал длинными ушами, подчеркивая сказанное.

Сидящий напротив Гюнберк Браун посмотрел на кролика долгим взглядом. Браун был так же эфемерен, как и кролик, но проецировал кислую физиономию старательного служаки, вполне отвечавшую его реальному складу характера. Альфреду показалось, что на лице молодого человека мелькнуло разочарование. Спустя миг Гюнберк подкрепил это безмолвным сообщением.

Браун ↳ Мицури, Вас: <sm> *Это* и есть лучший спец, которого вы смогли нанять, Альфред? </sm>

Альфред ответил не напрямую, а обратился к существу на столике.

– Добро пожаловать в Барселону, мистер Кролик, – сказал он. Повел рукой в сторону башен собора Святого Семейства, возносящихся напротив через улицу. Собор лучше всего было осматривать без виртуальных усложнений; в конце-то концов, реальность буйной фантазии Гауди превосходила воображение современных ревизионистов. – Вы догадываетесь, почему именно это место было выбрано для наших переговоров?

Кролик пригубил чаю. Взгляд его совсем не по-кроличьи скользнул по шумным толпам, фланирующим мимо столиков, просканировал костюмы и телесные планы туристов и местных.

– О, разве не Барселона – лучшее место для прекрасного и удивительного, в числе немногих великих городов двадцатого века пронесшая свое очарование в современность? Разве не естественно, чтобы вы и ваши родственники прониклись желанием лично обойти и ощупать парк Гуэль, списав расходы на командировочный счет? – Он посмотрел на Брауна с Кейко Мицури. Мицури старательно замаскировалась, напоминая обнаженную женщину Марселя Дюшана: вся из переменчивых сложных кристаллических плоскостей. Кролик пожал плечами. – Но, впрочем, с таким же успехом вы можете находиться за тысячи километров отсюда.

Кейко рассмеялась.

– К чему такая нерешительность, – проговорила она, используя полностью синтезированные голос и акцент. – Я рада прямо сейчас находиться в парке Гуэль, ощупывать реальность моими собственными, вполне реальными руками.

Мицури ↳ Браун, Вас: <sm> В действительности я у себя в офисе, любуюсь Токийским заливом под луной. </sm>

Кролик продолжил, равнодушный к молчаливому обмену

сообщениями:

– Неважно. В любом случае истинные причины встречи таковы: с Барселоной напрямую связаны те, от чьего имени вы общаетесь, а современные технологии безопасности маскируют содержание беседы. И, что еще лучше, в Барселоне полиции и папарацци запрещается скрытое наблюдение… если, конечно, вы *не* представляете руководство разведсообщества ЕС.

Мицури ↳ Браун, Вас: <sm> Гм, а он на треть угадал. </sm>

Браун ↳ Мицури, Вас: <sm> Мистер Кролик говорит из порядочной дали. </sm>

Над головой маленького существа повисла уточняемая в реальном времени оценка евросоюзовских аналитиков: 75 % вероятности, что личность, прикрывающаяся Кроликом, в Северной Америке.

Альфред подался к нему и улыбнулся. Вас был ограничен в своих возможностях, поскольку присутствовал на месте физически, но это давало и некоторые преимущества.

– Нет, мы не из тайной полиции. И да, мы стремились к секретному общению, но несколько более тесному, чем текстовая переписка. – Он постучал себя по груди. – В частности, я здесь нахожусь физически. Это укрепляет доверие. – *И подбрасывает тебе множество обманок.* Вас жестом подозвал официанта и заказал бокал риохи. Потом переключился обратно на существо, рассевшееся на скатерти: – Последние несколько месяцев, мистер Кролик, вы много бравировали. В наши дни бравировать – дело обычное, но от подтверждений, приведенных вами, не отмахнешься просто так. Вас рекомендовали различные авторитетные специалисты.

Кролик прихорошился. Этому кролику была свойственна неправдоподобная манерность, и физическое правдоподобие явно располагалось внизу перечня его приоритетов.

– О, конечно же, меня рекомендуют многие. По любым вопросам политики, военного дела, науки, искусства, любви – обращайтесь ко мне, и я окажу помощь на своих условиях.

Мицури ↳ Браун, Вас: <sm> Давай, Альфред. </sm>

Браун ↳ Мицури, Вас: <sm> Ага, но по минимуму. Пока не убедимся, что ему по плечу такое, чего мы сами не осилим, – ничего больше. </sm>

Альфред кивнул, будто своим мыслям.

– Наша трудность не имеет ничего общего с войной или политикой, мистер Кролик. Она лишь научной природы.

Кролик покрутил ушами.

– И? Запостите ее на форум по интересам. Результат будет немногим хуже и придет почти так же быстро. И, уж конечно, обойдется тысячекратно дешевле.

Принесли вино. Вас демонстративно вдохнул его запах, оценивая букет, и бросил взгляд через улицу. Запись на физические экскурсии по собору Святого Семейства на сегодня уже завершилась, но у входа продолжали толпиться люди, надеясь на внеочередную. Это еще раз показывало высокую ценность того, что могут потрогать. Он снова глянул на серого кролика.

– Наши потребности более основательны, чем ковырялка мозгов пары тысяч аналитиков. Нам нужны серьезные, э-э-э, экспериментальные мощности. Кое-какие опыты уже проделаны, но еще многое впереди. В общем, наш проект масштабами не уступает правительственной программе краш-тестов.

Кролик осклабился, обнажив резцы оттенка слоновой кости.

– Хех! Правительственная программа краш-тестов? Бредятина прямиком из двадцатого века. Рыночные требования неизменно эффективней. Просто нужно навешать лапшу на уши и склонить рынок к сотрудничеству.

– Быть может. Но нам требуется… – Черт побери, в этом деле даже легенда экстремальненькая. – Нам требуется, гм, административный уровень доступа к большой физической лаборатории.

Кролик замер и на мгновение уподобился обычному травоядному, которого застигли на ярком свету.

– Да? А в какой именно области физики?

– Что-нибудь в плане глобальной интеграции с биологическими науками.

– Так-так-так. – Кролик подался назад, явно размышляя – и, хотелось верить, наедине. Евросоюзовская разведка давала 67 % вероятности, что Кролик не делится всей информацией с кем-то еще, и 95 %, что он не служит Китаю или США. Организация самого Альфреда, индийская, была еще больше убеждена в этом.

Кролик опустил чашку на столик.

– Я заинтригован. Значит, вам не просто информация нужна. Вы подстрекаете меня ко взлому крупного учреждения.

– Это совсем ненадолго, – сказал Гюнберк.

– Неважно. Вы пришли по адресу. – Он подергал носом. – Уверен, что вы в курсе дела: в Европе топовых институтов достаточно, однако полной степенью интеграции не обладает ни один, и они глотают пыль за Китаем и США.

Вас не стал кивать, но Кролик был прав. По всему миру

работают талантливые исследователи, но лабораторий, генерирующих интенсивные потоки данных, немного. В двадцатом веке ведущие учреждения могли быть спокойны за свое технологическое превосходство лет тридцать. Теперь все меняется быстрее, но Европа несколько отстала. Бхопальский комплекс в Индии интегрирован теснее, но микроавтоматизация там пока не лучшая. Возможно, через несколько лет Китай и США потеряют нынешнее преимущество.

Кролик, хмыкая, размышлял:

– Гм, гм. Значит, либо уханьские лаборатории, либо южнокалифорнийские. Конечно, я откуда угодно чудеса сотворю. – Либо он лгал, либо сотрудники Альфреда оценили их пушистого дружка совершенно неверно.

Кейко перебила:

– Мы предпочли бы биотехнологический комплекс в Сан-Диего, Калифорния.

У Альфреда уже было заготовлено правдоподобное объяснение:

– Мы изучали лаборатории Сан-Диего на протяжении нескольких месяцев. Мы уверены, что там имеются все необходимые нам ресурсы.

Именно на Сан-Диего сосредоточились ужасные подозрения Гюнберка Брауна.

– А что именно вы планируете?

Гюнберк кисло усмехнулся.

– Давайте поэтапно, мистер Кролик. Для первого задания установим тридцатидневный срок. Мы хотели бы получить обзор состояния системы безопасности лабораторий Сан-Диего. И, еще важнее, убедительное доказательство, что вы способны предоставить в наше распоряжение команду специалистов, которая выполнит определенные физические действия в самих лабораториях и поблизости.

– Ну ладно. Тогда я поскакал. – Кролик округлил глаза. – Совершенно очевидно, что вам нужен расходник, кто-нибудь, чтобы прикрыть вашу операцию от американцев. Хорошо. Я вас прикрою. Но помните: мои услуги очень дороги, и я *не забуду* истребовать плату.

Кейко рассмеялась.

– Нет нужды в подобной мелодраме, мистер Кролик. Мы наслышаны о ваших умениях.

– Совершенно верно! Наслышаны, но пока не верите. Ну что ж, я удаляюсь разнюхать, как обстоят дела в Сан-Диего. Через пару недель вернусь. К тому моменту у меня будет что вам предъявить. И, что важнее для меня, моя необъятная фантазия

уже подкинет сумму первого платежа по схеме, любезно предложенной Столь Похожим на Немца Господином. – Он едва заметно поклонился Гюнберку.

Мицури и Браун источали молчаливую озадаченность, поэтому беседу пришлось поддержать Альфреду.

– Тогда и початимся опять. Пожалуйста, помните, что на данный момент нам нужен только обзор. Мы хотим знать, кого вы в состоянии рекрутировать и как планируете использовать.

Кролик потрогал свой нос.

– Я буду сама избирательность. Я всегда знаю больше, чем делюсь. Но вам троим стоило бы серьезно улучшить свои перформансы. Вот, скажем, вы, Столь Похожий на Немца, попросту стереотипны и устарели. А вы, сеньора, прикрываетесь произведением импрессионизма, которое ничего не утаивает и ничего не обнажает. Кому могут быть так интересны биотех-лаборатории Сан-Диего? Действительно, кому? Ну а ваш… – Кролик указал на Васа, – ваш легкий колумбийский акцент все же чувствуется.

Зверек рассмеялся и соскочил со столика.

– Скоро поболтаем.

Альфред откинулся в кресле и проследил, как удаляется серый кролик, снуя между ногами прохожих. Наверное, у него был пропуск на фестиваль, поскольку они его явно тоже видели. Он не стал исчезать в мгновение ока – пуфф, и нету, – но предпочел оставаться видимым все двадцать метров вверх по Каррер-де-Сарденья, после чего шмыгнул в переулок и пропал, окончательно и вполне естественно.

Три разведчика мгновение сидели в притворно уютной тишине. Гюнберк склонился над виртуальным вином, Вас потягивал настоящую риоху и любовался ходульными марионетками, готовящимися к послеобеденному параду. Трое удачно вписывались в обыкновенную туристическую круговерть квартала Фамилия, вот только туристы, оплатившие столик в кафе на Каррер-де-Сарденья, обычно предпочитали присутствовать физически полнее чем на треть.

– Он и правда исчез, – сказал Гюнберк без особой в том нужды: все трое видели сводку от евросоюзовских аналитиков. Прошло еще несколько секунд. Присоединились японская и индийская разведки: личность Кролика выявить не удалось.

– Уже неплохо, – констатировала Кейко. – Он вышел сухим из воды. Возможно, сумеет нас прикрыть.

Гюнберк устало повел плечами.

– Возможно. Но до чего противный позеришка… Его образ дилетанта клиширован за столетие и возрождается при каждом

технологическом обновлении. Думаю, ему лет четырнадцать, и он из штанов вон лезет, чтобы прославиться. – Он бросил взгляд на Васа. – И это лучший спец, которого вы откопали, Альфред?

– Гюнберк, его репутация не подделана. На его счету проекты, мало уступающие в сложности нашему заданию.

– Это исследовательские проекты. Он может оказаться – как бы удачней выразиться? – погонщиком гениев. Нам требуется более прямое вмешательство.

– Ну он выщепил все подсказки, которые мы ему подкинули. – Акцент Альфреда и мнимая улика сетевого происхождения Кейко.

– Ach ja[2]. – Гюнберк внезапно усмехнулся. – Несколько покоробило, что меня обвиняют в переигрывании роли, а ведь я всего лишь остаюсь собой! Да, теперь мистер Кролик нас южноамериканскими наркобаронами считает.

Изменчивый кристаллический туман, которым представлялась Кейко, изобразил нечто похожее на улыбку.

– В каком-то смысле это объяснение правдоподобнее реальности.

Выжившим в наркокартельных войнах последнее десятилетие принесло невзгоды; доступ к экстази и прочим усилителям кайфа стал почти повсеместным, и конкуренция выполнила задачу, которую не удалось реализовать силой закона. Однако наркокартели все еще превосходили богатством многие малые страны, и те, кто окопался в неудавшихся государствах, вполне мог решиться на безумную затею вроде той, какую троица завуалированно очертила в задании Кролику.

– Уверен, что с Кроликом получится сладить, – сказал Гюнберк. – Достаточно ли он компетентен? Это куда менее вероятно.

– У вас появились сомнения насчет нашего небольшого проекта, Гюнберк? – Кейко заговорила своим настоящим голосом. Тон ее выражал легкомыслие, но Альфред догадывался, что у нее свои, и очень глубокие, подозрения.

– Разумеется, – сказал Гюнберк, которому на миг изменило самообладание. – Смотрите. Технологические сюрпризы террора – величайшая угроза выживанию человеческой расы. Сверхдержавы – мы, Китай и США – уже давно в мире, в основном потому, что мы эту угрозу осознаем и дисциплинируем остальных. А теперь оказывается, что американцы…

Кейко вставила:

– Но, Гюнберк, нельзя быть уверенными, что это американцы. Лаборатории Сан-Диего оказывают поддержку исследователям по всему миру.

– Это так. И неделю назад я бы тоже сомневался. Но сейчас…

подумайте: испытание оружия было мастерски закамуфлировано. Шедевр. Нам невероятно повезло это заметить. Терпение и профессионализм уровня сверхдержавы – приметы этого теста. У сверхдержав свои бюрократические препоны, им свойственна инерция. Полевые испытания по мере необходимости проводятся вовне, но они не разрабатывают системы оружия в лабораториях, которые не контролируют полностью.

Кейко издала звук, подобный далекому перезвону колокольчиков.

– Но какая польза сверхдержаве от усовершенствованного метода доставки чумы? В чем профит?

Гюнберк кивнул.

– Да, стратегия массового уничтожения более пристала бы секте, а не сверхдержаве. Вначале я не знал, что и думать: какой-то алогичный кошмар. Но мои аналитики снова и снова уточняли оценку. Они пришли к выводу, что Турронский симптом – не просто заменитель смертоносной болезни. Напротив, это самая существенная характеристика испытаний. Враг стремится к большему, нежели мгновенный биологический удар. У врага скоро появится эффективная технология ЛТМП.

Кейко погрузилась в полнейшее молчание, даже ее кристаллы перестали шевелиться. ЛТМП. Это из научно-фантастического жаргона рубежа столетий: Лучше Ты Мне Поверь. Сиречь – оружие массового ментального контроля. Слабые, общественные формы ЛТМП направляли всю историю человечества, но уже более ста лет темой академических исследований была возможность *неотразимого* убеждения. Последние тридцать лет считалось, что технология позволит достичь этой цели. А последние десять лет те или иные варианты ее испытывались в тщательно контролируемых лабораторных условиях.

Кристаллы сдвинулись: Альфред почувствовал, что Кейко смотрит на него.

– Альфред, это может оказаться правдой?

– Боюсь, что да. Мои сотрудники изучили отчет. Гюнберку исключительно повезло обнаружить одновременное испытание *двух* радикальных инноваций. Побуждение к покупке туррона гораздо селективней, чем требовалось бы для теста удаленного инициирования заразы. Злоумышленники отдавали себе отчет в том, что кодируют: вспомните рекламу нуги для прикрытия. Мои аналитики уверены, что меньше чем через год у врага уже может появиться технология более продвинутого семантического контроля.

Кейко вздохнула.

– Черт. Всю свою жизнь я боролась с сектантами, полагала,

что хотя бы сверхдержавы иммунны к самому чудовищному злу… Но это доказывает, что я ошибалась.

Гюнберк кивнул.

– Если мы правы в предположениях насчет этих лабораторий, если мы не отреагируем… соответственно… может наступить конец истории. Конец любой борьбы добра со злом. – Он встряхнулся, резким усилием возвращаясь к практическим задачам. – А нам приходится сотрудничать с этим гребаным кроликом.

Альфред вежливо возразил:

– Гюнберк, я проверил послужной список Кролика. Думаю, он выполнит то, что мы от него хотим. Так или иначе. Добудет нам инсайдерскую информацию или посеет такой хаос – *без* нашего явного соучастия, – что мерзавцев получится выманить на свет. Если справедливы наихудшие догадки, то мы, Китай и даже непричастные фракции в США можем использовать собранные доказательства, чтобы искоренить эту погань. – Превентивные удары по территории сверхдержавы редки, но прецедент имелся.

Троица мгновение безмолвствовала; Васа накрыли звуки послеполуденного фестиваля. Как давно он не бывал в Барселоне… Наконец Гюнберк мрачно кивнул.

– Я рекомендую начальству продолжить нашу операцию.

Призматический образ Кейко напротив поблескивал и звенел. Мицури специализировалась по социологии, а ее аналитики сотрудничали в основном с психологическими и общественными учреждениями – они были значительно менее диверсифицированы, чем команды, работавшие на Альфреда или Гюнберка. Но как знать, вдруг ей придет в голову альтернатива, которую они двое проглядели? Наконец она заговорила:

– В американском разведсообществе много достойных людей. Не нравится мне, что у них за спинами такое вытворяют. Но ситуация экстраординарная. Я получила разрешение продолжить операцию по плану «Кролик»… – она помедлила, – с одной оговоркой. Гюнберк опасается, что мы переоцениваем некомпетентного выскочку. Альфред изучил Кролика лучше и полагает, что таланты Кролика в точности адекватны задаче. Но что, если вы оба ошиблись?

Гюнберк опешил.

– *Черт подери!* – вырвалось у него. Альфред догадался, что между ними состоялся очень быстрый безмолвный разговор.

Призмы словно бы кивнули.

– Да. Что, если Кролик значительно *компетентнее*, чем мы думаем? В этом маловероятном случае Кролик может перехватить управление операцией или даже объединиться с гипотетическим

врагом. Мы обязаны разработать планы экстренного прерывания операции и слежки за Кроликом. Если он окажется угрозой даже более серьезной, придется поговорить с американцами. Вы согласны?

– Ja[3].

– Разумеется.

Кейко с Гюнберком задержались еще на пару минут, но столик реального кафе на Каррер-де-Сарденья в разгар фестиваля – не лучшее местечко для виртуальных туристов. Официант так и кружил рядом, интересуясь, не закажет ли Альфред еще что-нибудь. Они выкупили столик на троих, но толпы реальных туристов нетерпеливо ждали свободного места.

Поэтому японка и европеец вскоре отбыли. Гюнберку предстояло много кропотливой работы, в частности, аккуратно свернуть разбирательство в ЕЦБЗ. Нужно было внедрить достаточно искусную дезу, чтобы обманулись и хоббиологи-безопасники, и предполагаемый враг. А Кейко в Токио остаток ночи проведет без сна, расставляя ловушки на Кролика.

Вас в одиночестве сидел за столиком, допивая вино. Освободившееся место с удивительным проворством оккупировала семья туристов из Северной Африки. Альфред привык, что виртуальные артефакты меняются в мгновение ока, но опытный ресторатор решает вопрос в физической реальности почти так же умело, когда этот вопрос денежный.

Барселону Альфред предпочитал всем остальным европейским городам. Кролик прав насчет этого города. Но вправе ли он выкроить время и наведаться сюда физически? Да. Считайте это ежегодным отпуском, если угодно. Альфред встал, склонил голову к столику, оставил деньги и чаевые. Толпа на улице становилась труднопроходимой, ходульные танцоры плясали, отважно лавируя среди туристов. Он не видел входа в собор Святого Семейства напрямую, но туристический информатор сообщал, что следующая экскурсия со свободными местами через девяносто минут.

Где бы убить это время? Ага! На вершине Монтжуика. Он свернул в переулок, перешел на параллельную улицу, где толпа была не такой плотной… и удачно поймал проезжавший туристический мобиль. Сел на единственное пассажирское сиденье и отдался размышлениям. Крепость Монтжуик – не самая впечатляющая из европейских, он ее давненько не видел. Подобно своим сестрам, напоминает о давно ушедшей эпохе, когда революционные сдвиги в технологиях убийства занимали десятки лет, а массовую резню нельзя было учинить нажатием кнопки.

Машина проложила маршрут среди восьмиугольных жилых кварталов Барселонского бассейна и быстро взобралась по склону, потом подцепилась к фуникулеру, вознесшему их на вершину Монтжуика. Это автоматизированное устройство не нуждалось в утомительных процедурах отката к исходному состоянию. Город внизу раскинулся на мили. А потом, за гребнем холма, – Средиземное море, голубое, спокойное, в дымке.

Альфред вылез, и мобиль метнулся обратно в трафик, направляясь к канатке и спеша доставить очередного клиента через гавань.

Он оказался именно в том месте, какое выбрал из турменю: там, где пушки двадцатого века выступали над укреплениями. Ими никогда не пользовались, но пушки были самые что ни на есть реальные. За дополнительную плату можно потрогать и забраться внутрь. После заката тут развернется инсценировка сражения.

Вас подошел к каменной ограде и посмотрел вниз. Отключив наслоения туристической фантастики, можно было увидеть метрах в двухстах внизу – и в километре вдали – грузовой порт. Туда-сюда хаотично перемещались грузовые контейнеры. Воззвав к своим правительственным полномочиям, он мог проследить движение грузов, даже убедиться по сертификатам, утвержденным комбинацией методик физической и криптографической безопасности, что ни один из десятиметровых ящиков не содержит заразы, радиоактивных веществ или осколочно-лучевого заряда. Система отличная, такая же, как в любом другом месте цивилизованного мира, где работают с тяжелыми грузами. Продукт десятилетий нарастающего страха, перемены мнений относительно свободы и прав на приватность, а также технологического прогресса. Современные технологии безопасности были надежны… как правило. Пять лет прошло без потерянных городов. С каждым годом цивилизованный мир расширялся, а регионы беззакония и нищеты – сокращались. Многие считали, что мир становится безопасней.

Кейко с Гюнберком – и, уж конечно, Альфред – знали, что такой оптимизм абсолютно беспочвен.

Альфред взглянул через гавань на далекие башни. В прошлое его посещение Барселоны их там не было. Цивилизованный мир сделался богаче любой грезы его юности. Тогда, в 1980-х и 1990-х, правители современных государств осознали, что успех приносят не крупнейшие армии, самые благоприятные тарифы или самые богатые природные ресурсы, даже не самые продвинутые отрасли промышленности. В новом мире залогом успеха стало сочетание максимального охвата населения

образованием *и* возможностей самореализации для сотен творчески мыслящих людей.

Но утопия вынуждена была состязаться с угрозой вымирания. В гонке за Красной Королевой[4].

В двадцатом веке лишь у пары государств были возможности уничтожить мир. Человечество выжило – ему повезло. С рубежа столетий просматривалась эра, когда такие возможности появятся у десятков стран. Но к тому моменту сверхдержавы обзавелись определенным благоразумием. Никакому национальному государству не позволительно свихнуться до такой степени, чтобы пытаться уничтожить весь мир – а с несколькими варварскими исключениями разобрались основательно, включая методы, оставлявшие по себе остаточное свечение территории в ночном мраке. В 2010-х технология массового уничтожения стала доступна региональным и расовым хейтерам. Лишь череда счастливых чудес (к некоторым имел прямое отношение сам Альфред) принесла надежное решение проблем закономерного недовольства обездоленных.

Ныне технология Великого Террора так подешевела, что доступом к ней обзавелись культисты и мелкие уголовники. Кейко Мицури считалась крупнейшим экспертом в этой сфере. Работа Кейко, скрытая за многослойными легендами и умышленными фальсификациями, помогла спасти миллионы жизней.

Гонка за Красной Королевой продолжалась.

Из-за своей наивности и удивительной креативности человечество сталкивалось с новыми и новыми непредвиденными последствиями. Десятки исследовательских программ сулили оружие массового уничтожения всякому, кто поутру не с той ноги встанет.

Альфред подошел к ближайшей пушке, провел рукой в воздухе, оплатив прикосновение, и облокотился на теплую металлическую конструкцию. Он созерцал голубую дымку средиземноморской дали и грезил о временах, которые станут проще.

Бедняга Гюнберк. Он все понял с точностью до наоборот. Эффективная технология ЛТМП – не конец всего; напротив, в нужных руках она являет единственный инструмент разрешения современного парадокса, который позволит укротить человеческую креативность и не разрушить при этом весь мир. Фактически ЛТМП – последняя надежда человечества пережить двадцать первый век. *И в Сан-Диего я вплотную приблизился к успеху*. Минуло три года, как он внедрился со своим проектом в биотехнологические лаборатории. Великий прорыв произошел

менее года назад. Испытание во время футбольного матча подтвердило эффективность технологии доставки. Еще через год-другой станут доступны средства более продвинутого семантического управления. Располагая ими, он сможет надежно контролировать окружающих. И, что гораздо важнее, распространить новую инфекцию среди целых народов, а потом провести серию повсеместно доступных трансляций. Так он получит полный контроль. Впервые за историю человечества весь мир окажется под родительским присмотром.

Таков был изначальный план. Невероятное невезение помешало ему. *Но не все так плохо, ведь это ко мне Гюнберк пришел за помощью!* Альфред немало потрудился, докапываясь до мистера Кролика. Парень явно неопытен, а Гюнберк совершенно прав, считая его эгоистичным дуралеем. Послужной список Кролика был едва достаточен для серьезного рассмотрения его кандидатуры. Кролика они смогут контролировать. *Я смогу контролировать Кролика.* Действуя изнутри лабораторий, Альфред намеревался скармливать Кролику тщательно продуманную дезу. В конечном счете ни Кролик, ни коллеги Альфреда по Индо-европейскому альянсу не должны догадаться, как их одурачили. Впоследствии Альфред сможет беспрепятственно продолжить работу над тем, что, вероятно, является последним и лучшим шансом на спасение мира.

Альфред поднялся на турель пушки и залюбовался резьбой. Туристический департамент Барселоны потратил кучу реальных денег, восстанавливая эти памятники. Если анонсированная на вечер потешная битва грамотно интегрирована с физической реальностью, зрелище будет впечатляющим. Он сверился с мумбайским расписанием и решил, что может задержаться в Барселоне еще на несколько часов.

02
Возвращение

Роберту Гу полагалось быть мертвым. Он это знал не понаслышке. Он давно уже умирал. И не вполне понимал, как долго. В бесконечном настоящем все было размыто. Это не имело значения, ведь Лена так приглушила освещение, что видеть было особо нечего. А звуки? Какое-то время он носил эти специальные штуковины для ушей – чертовски сложные, но они все время ломались или терялись. Он обрадовался, когда от них удалось избавиться. Осталось нечленораздельное бормотание; иногда Лена костерила его тычками и толчками. Она с ним в туалет ходила, боже-боже. Он только и хотел, что отправиться домой, но Лена ему даже этой простейшей прихоти не позволила бы. Если это вообще Лена. Кем бы она ни была, а вела себя не слишком любезно. *Я просто хочу домой…*

Тем не менее до конца он так и не умер. Свет временами становился ярче, хотя оставался столь же нечетким. Люди и голоса окружали его: звуки на высоких тонах, запомнившиеся из дома. Они говорили так, словно он должен был их понять.

Раньше, в пору нечленораздельного бормотания, ему было лучше. Теперь все причиняло боль. Долгие поездки к врачу, после которых всегда болело сильнее. Какой-то парень утверждал, что он сын Роберта, и заявлял, что место, где Роберт находится *сейчас*, и есть дом. Иногда его выкатывали наружу, чтобы он послушал пение птиц и ощутил яркий солнечный свет на лице. Не-ет, это не может быть дом. Роберт Гу помнил свой дом. С заднего двора виднелись заснеженные горные вершины. Бишоп, Калифорния, США. Такое вот местечко. А это не оно.

Но если даже это и не дом, сестренка здесь, с ним. Кара Гу была с ним раньше, в темноте, исполненной нечленораздельного бормотания, но тогда он ее не видел. Не так сейчас. Понемногу он стал различать ее высокий певучий голос, похожий на звон колокольчиков, которые мама вешала дома на крыльце. Наконец наступил день, когда его выкатили в патио, и он вдруг почувствовал солнечный свет более ярким и теплым, чем… за очень долгое время. Даже размытые области стали резче и цветастей. Высокий голосок малышки Кары: Роберт, ты это, Роберт, ты то… И…

– Роберт, хочешь, я тебе окрестности покажу?

– А? Что? – Собственный язык показался Роберту липким, голос – хриплым. Ему внезапно явилась мысль, что в темноте и

бормотании он, наверное, очень долго не разговаривал. И еще что-то, более странное… – Кто ты?

Настало молчание, словно вопрос сочли глупым или уже слышали многократно.

– Роберт, я Мири. Я твоя внуч…

Он сделал рукой резкое, насколько мог, движение.

– Подойди ближе. Я тебя не вижу.

Размытый контур переместился к нему и заслонил солнце. Это уже было не призрачное присутствие за плечом или в воспоминаниях. Размытая форма превратилась в лицо, до которого считаные дюймы. Прямые черные волосы, маленькая круглая физиономия, улыбается так, словно он самый крутой парень на свете. О да, это и вправду его сестренка.

Роберт протянул руку, ощутил тепло ее руки в своей.

– О, Кара, как я рад тебя видеть.

Он не дома, но, наверное, где-то близко. Он помолчал.

– Я… Я тоже рада тебя видеть, Роберт. Прокатимся? Я тебе окрестности покажу.

– …Да, это было бы неплохо.

После этого все происходило очень быстро. Кара что-то сделала, кресло развернулось, снова стало темно и уныло. Они оказались в доме. Она, по своему обыкновению, засуетилась: шляпу на него нахлобучила. Продолжала его поддразнивать, например, спросила, не хочет ли он помыться. Роберт чуял присутствие убийцы, который выдавал себя за его сына. Злодей шнырял где-то рядом и за всем подсматривал.

Потом они проехали – что это, входная дверь? – на улицу. Кара катила его инвалидное кресло по пустынной улице, окаймленной высокими тонкими… пальмами, вот как называются эти деревья. Это не Бишоп. Но рядом с ним была Кара Гу – хотя такой приветливой он ее не помнил. Малышка Кара приятная особа, но с ней это недолго, нет-нет да и ударится в какой-нибудь дьявольский розыгрыш, по всему дому потом за ней гоняй. Или наоборот. Роберт улыбнулся своим мыслям. Интересно, как долго на сей раз намерена Кара ангелочка корчить? Может, она думает, что он болен. Он попытался шевельнуться в кресле. Не получилось. Гм. Да никак он и вправду болен?

– Во-от, мы живем на Хонор-Корт. Вон там дом Смитсонов. Их сюда с Гуама в прошлом месяце перевели. Боб считает, у них будет пятеро… упс, нельзя об этом говорить. А парень командира базы вон там живет, в угловом доме. В конце года у них свадьба… А это ребята из школы, не хочу пока про них говорить. – Кресло Роберта заложило резкий поворот и покатилось по другой улице.

– Эй! – Роберт снова попытался приподняться. А что, если эти

ребята – *его* друзья? Кара снова его подначивает. Он бессильно осел в кресле. Запахло медом. Над ними протянулось что-то вроде кустарниковых ветвей. Дома: серо-зеленые размытые контуры. – Ну и прогулочка! – простонал он. – Ни Хре На не вижу.

Кресло резко затормозило.

– Правда? – Маленькая шалунья с трудом сдерживала хихиканье. – Не переживай, Роберт! Мы твои глаза зафурьячим по спектру, будут как новенькие.

Бр-р.

– Мне очков вполне достаточно, Кара.

Может, она от него очки прячет.

В яркости света и сухости ветра, гулявшего по улицам, было что-то… что-то принуждавшее задуматься, а какого, собственно, черта он прикован к инвалидному креслу.

Они проехали еще пару кварталов. Кара без устали подшучивала над ним.

– Тебе не жарко, Роберт? Может, обойдешься без одеяла? Солнце тебе голову напечет, Роберт. Дай я тебе шляпу поправлю.

В какой-то момент дома кончились. Они очутились словно бы на краю длинного спуска. Кара утверждала, что в той стороне горы, но Роберт не видел ничего, кроме размытой бежево-охряной полосы. Ничего похожего на подпиравшие небо горы Бишопа, штат Калифорния, США.

Потом они вернулись под крышу, в место, откуда начинали, – домой. Там было все так же темно и уныло; комнатное освещение потерялось во мраке. Веселый голосок Кары замолк. Она сказала, что пойдет уроки делать. Роберту уроки делать не требовалось. Злодей взялся кормить его. Он, как и прежде, выдавал себя за сына Роберта. Но он же совсем взрослый. Потом очередная унизительная поездка на горшок, больше напомнившая полицейское дознание. Еще через некоторое время Роберта оставили в милосердном мраке и одиночестве. У них даже телевизора не было. Только тишина и далекие, тусклые лампочки.

Мне бы должно хотеться спать. Он смутно припоминал, как блеклые ночи сменялись ночами, слагались в годы, как его тянуло спать уже после обеда. А потом – поздние пробуждения, походы по странным комнатам в поисках дома. Споры с Леной. Сегодня все было… иначе. Он продолжал бодрствовать. Он размышлял о недавних событиях. Возможно, потому, что это случилось на полдороге домой. *Кара.* Он не сумел найти старый дом на Кромби-стрит, спальню с видом на старую сосну и маленький домик на ветвях. Но ведь Кара была частью всего этого, а она тут. Он долго сидел, собираясь с неподатливыми

мыслями. В другом конце комнаты водоворотом света среди тьмы полыхала единственная лампочка. Едва различимая фигура злодея у стены. Злодей с кем-то говорил. Роберт не различал, с кем именно.

Он решил игнорировать этого парня и как следует подумать. Спустя некоторое время он припомнил очень страшную вещь. Кара Гу скончалась в 2006-м. Они друг с другом много лет не разговаривали еще до того, как она умерла. И Каре в ту пору сровнялся пятьдесят один год.

В начале века Уэст-Фолбрук был уютным местечком. И суматошным. Совсем рядом с Кэмп-Пендлтоном, крупнейшая гражданская тусовка базы. Тут выросло новое поколение морпехов… которые ввязались в новое поколение войн. Роберта Гу-младшего принесло на хвосте той волны, в период, когда офицерам – американцам китайского происхождения снова начали доверять. Прекрасное, горьковато-сладостное времечко.

Теперь городок разросся, но морпехи перестали играть в его жизни настолько заметную роль. Армейский быт значительно усложнился. Разрываясь между эпизодическими войнами, подполковник Гу счел Уэст-Фолбрук подходящим местечком, чтобы вырастить дочурку.

– Я все же думаю, что это была ошибка Мири – называть его *Роберт*.

Элис Гу отвлеклась от работы и подняла глаза.

– Дорогой, ну мы уже это проходили. Мы ее такой воспитали. Мы для нее были *Боб* и *Элис*[5], а не Ма и Па или что там за глупости нынче в моде. Ну и Роберт был *Робертом*, а не дедушкой.

Полковник Элис Гу, невысокая, круглощекая, а в те моменты, когда ее по работе не измотали, – неплохая мать. Она окончила военную академию в Аннаполисе первой из своего курса в те годы, когда невысокий рост, круглощекость и материнские качества явно вредили карьере. Она бы уже до генерала дослужилась, но командование подыскивало ей более продуктивные и опасные задания. В том числе – основанные на кое-каких ее сумасбродных идейках. Но не на этой. Она всегда настаивала, чтобы Мири обращалась к родителям, словно к своим сверстникам.

– Послушай, Элис, меня никогда не напрягало, что Мири зовет нас по именам. Возможно, придет время, когда Маленькая Генеральша будет нам не просто любящей дочкой, но сотрудницей, а то и начальницей. Ты пойми, она моему старику путает… – Боб оттопырил большой палец в сторону сгорбленного

в кресле Роберта-старшего, созерцавшего их. – Посмотри, как папа себя вел сегодня. Он весь сиял. Он принимает Мири за мою тетю Кару в детстве!

Элис ответила не сразу. В ее часовом поясе стояла середина утра. На водах гавани блестело солнце. Она занималась поддержкой американской делегации в Джакарте, где Индонезия вступала в Индо-европейский альянс. Япония уже присоединилась к этому клубу с потешным названием. Шутили, что индо-европейцы скоро весь мир себе подчинят. В иное время Китай и США не сочли бы шутку смешной, но мир изменился. Китай и США восприняли перемену с облегчением: она позволила выиграть время для более серьезных задач.

Взгляд Элис метнулся из стороны в сторону, она кивнула в начале речи, засмеялась реплике какого-то острослова. Прогулялась немного с парой самодовольных типчиков, без умолку болтая на индонезийском, китайском и пиджинглише; Боб разбирал только пиджинглиш. Потом Элис снова осталась одна, подалась вперед и одарила его широкой улыбкой.

– Так это же круто! – сказала она. – Твой отец много лет как утратил навыки рационального мышления, верно? А теперь вдруг пришел в себя достаточно, чтобы как следует провести время. Тебе бы стоило обрадоваться. Он идет на поправку. Скоро твой отец к тебе вернется!

– Э-э-э… да.

Вчера он попрощался с последней сиделкой. Действительно, папа совсем скоро выздоровеет. В инвалидном кресле его до сих пор держат лишь потому, что врачи хотели убедиться в полноте костной регенерации, а уж потом отпускать его на прогулки по окрестностям.

Она заметила выражение его лица и насмешливо склонила голову вбок.

– Трусишка зайка серенький?

Он бросил взгляд на отца. Парагвайская операция всего через пару недель. Тайные делишки на краю света. Перспектива эта теперь виделась ему приятной.

– Наверное.

– Тогда позволь Маленькой Генеральше взять дело в свои руки и ни о чем не переживай. – Она развернулась и помахала кому-то невидимому. – Упс. – Картинка замерцала, отключилась, и остался только безмолвный канал сообщений.

Элис ↳ Боб: <sm> Мне пора. Я и так уже секретаря Мартинес прикрываю, а местная традиция разделение рабочего времени *не* приветствует. </sm>

Боб остался сидеть в молчаливой гостиной. Мири делала уроки наверху. На улице поздний послеобеденный час сменялся вечером. Спокойное время. В его детстве папа бы принес поэтические сборники, и они с мамой и маленьким Бобби стали бы читать вслух. Боб почувствовал неподдельную теплую ностальгию по тем временам. Он оглянулся на своего отца.

– Пап?

Ответа не последовало. Боб подался вперед и сделал попытку вежливого крика:

– Пап? Тебе светло? Я могу намного светлее сделать.

Старик с отсутствующим видом покачал головой. Может, он и вопроса-то не понял, но иного способа судить об этом не было. Он продолжал сидеть, сгорбившись в кресле. Правая рука снова и снова терла запястье левой. Тем не менее… улучшения несомненны. Роберт Гу-старший похудел до восьмидесяти фунтов и находился на грани между растительным образом жизни и смертью, когда медицинский факультет университета Сан-Франциско предложил испытать на нем новую методику. Оказалось, что лекарство от болезни Альцгеймера, разработанное там, гораздо эффективнее многолетней терапии обычными средствами.

Боб некоторое время слонялся по базе, проверял планы будущей парагвайской операции… потом сел и несколько минут ничего не делал, только наблюдал за отцом.

Не всегда я тебя ненавидел.

Ребенком он этого старика вообще не ненавидел. Наверное, это и неудивительно. Детям не с чем сравнивать. Но маленький Бобби четко помнил, что Роберт строг и требователен. Даже когда Роберт-старший во всеуслышание упрекал себя за чрезмерную родительскую мягкость (а такое случалось частенько и обычно противоречило виденному в домах приятелей), Бобу это никогда не казалось поводом для обиды.

И даже когда мама ушла от папы, Боба это не заставило обратиться против старика. Лена Гу много лет сносила изощренные оскорбления и устала от них, но маленький Бобби просто не осознавал всего. Лишь позднее, в разговорах с тетей Карой, он постиг, насколько несносней был Роберт с другими, чем с Бобом.

Подполковнику Роберту Гу-младшему стоило бы радоваться. Его отец, один из величайших поэтов Америки, возвращается из затянувшегося турпохода по долине смертной тени. Боб смерил долгим взглядом застывшую фигуру Роберта, его расслабленные черты. Не-ет, киношники бы сняли про это вестерн. Под

названием «Возвращение сукина сына».

03
Минное поле, засеянное на небесах

– Ой, глазные яблоки… жжет!

– Процедура не должна быть болезненной. Действительно дискомфортно?

– Н-нет. – Но свет полыхал так ярко, что Роберт даже в тенях видел пламенные оттенки. – Все еще размыто, но я так хорошо не видел… – Он не был уверен, как долго, ибо само время, по впечатлениям, погрузилось тогда во тьму, – много лет.

Справа за плечом раздался женский голос:

– Около недели вам, Роберт, стимулировали сетчатку. Сегодняшняя оценка показала, что работоспособная колония клеток уже сформирована, вот мы и рискнули их подключить.

И другая женщина:

– А нечеткость зрения можно устранить еще проще. Рид?

– Да, доктор. – Это ответила человекоподобная размытая фигура – мужчина? – прямо перед Робертом. Фигура склонилась к нему. – Роберт, позвольте, я вам глаза этим накрою. Вы ощутите легкое онемение. – Крупные аккуратные руки поместили очки Роберту на лицо. Ну, по крайней мере, это ощущение знакомо: как будто новые линзы примеряют. Но затем лицо онемело, и он почувствовал, что не может закрыть глаза.

– Просто расслабьтесь и взгляните перед собой. – Расслабиться – одно дело, но взглянуть перед собой совершенно невозможно. А потом… *О Боже*, нечто похожее он испытывал, глядя, как проявляется картинка на очень тормозном компьютере: размытые контуры становятся четче, детализация – тоньше и лучше. Онемение к тому моменту захватило шею и плечи, иначе Роберт бы непроизвольно дернулся.

– Клеточная карта сетчатки правого глаза в порядке. Переходим к левому. – Еще несколько секунд – и чудо повторилось.

Человек, сидящий перед ним, снял «очки» с головы Роберта. Он был средних лет, улыбчивый, в белой хлопковой рубашке. На кармане имелась синяя вышивка: «Рид Вебер, ассистент терапевта». *Я каждую ниточку вижу!* Он перевел взгляд за плечо мужчины. Стены клиники немного не в фокусе. Возможно, придется носить очки на улице. При этой мысли Роберт рассмеялся. Тут же он узнал картины на стенах. Это не клиника. Это каллиграфические работы, купленные Леной для их дома в Пало-Альто. *Где это я?*

Камин; раздвижные стеклянные двери открываются на лужайку. Ни одной книги: в таком месте он не жил никогда. Онемение в плечах почти прошло. Роберт оглянулся. Два женских голоса не удалось соотнести ни с кем видимым. Но в комнате присутствовал не только Рид Вебер. Слева от Роберта обнаружился кряжистый мужчина: он стоял, широко улыбаясь и уперев руки в бедра. Роберт перехватил его взгляд, и улыбка незнакомца померкла. Он кивнул и сказал:

– Привет, пап.

– Боб? – Воспоминания не то чтобы вернулись: он снова осознал их присутствие. Бобби вырос.

– Мы с тобой попозже поговорим, пап. Пускай пока доктор Акино и ее коллеги тобой занимаются.

Он мотнул головой в пространство за правым плечом Роберта и покинул комнату.

Пространство сказало:

– В принципе, Роберт, это и всё, что мы на сегодня наметили. Следующие недели вам будет чем заняться, но если действовать поэтапно, процесс окажется менее хаотичен. Мы проследим, не возникнут ли какие-нибудь проблемы.

Роберт притворился, что видит там кого-то.

– Отлично! Увидимся.

Он услышал дружелюбный смех.

– Совершенно верно, и Рид вам в этом поможет!

Рид Вебер кивнул, и Роберта посетило ощущение, что вот только теперь они с Вебером остались в комнате одни. Ассистент терапевта упаковал очки и какое-то другое оборудование. Обычные пластиковые коробки, прозаичные на вид, если не считать творимых ими чудес. Вебер поймал его взгляд и усмехнулся.

– О, это всего лишь визуальная реклама. Настоящую работу выполняют лекарства и устройства, которые у вас внутри.

Он упаковал последний кирпичеобразный аппарат и поднял голову.

– Вам чертовски повезло, знаете ли.

Настал день, а до этого, как мне казалось, ночь длилась вечно. Интересно, а где Лена?

– Что вы имеете в виду? – проговорил он, обдумав услышанное.

– У вас идеальный набор болезней! – Вебер рассмеялся. – Современная медицина напоминает минное поле, засеянное на небесах. Мы много чего умеем лечить: например, болезнь Альцгеймера, хотя вы чуть не пропустили последний вагон. У меня тоже Альцгеймер, обычная форма, ее сразу заметили и

вылечили. Но многие другие заболевания так же смертоносны или чреваты уродствами, как и раньше. С инсультами пока особо не поладили. От некоторых опухолей тоже нет спасения. Определенные формы остеопороза всё так же неприятны. Но все ваши неприятности мы в состоянии исправить одним слэм-данком. Кости у вас теперь как у пятидесятилетнего. Сегодня поработали с глазами. Примерно через неделю займемся периферической нервной системой. – Рид снова засмеялся. – Знаете, у вас даже биохимия кожи и подкожного жира такая, что отклик на терапию по Венну – Курасаве удачный. Пройти по небесному минному полю и не подорваться на нем удается, с натяжкой, одному из тысячи; а вы даже *выглядеть* будете намного моложе.

– А потом вы меня начнете обучать видеоиграм.

– Ага! – Вебер полез в свою сумку с аппаратурой и выудил оттуда лист бумаги. – Как же без этого.

Роберт принял лист и развернул его. Лист оказался приличных размеров, почти ин-фолио. В начале было помещено что-то вроде колонтитула. Логотип и слова красивым шрифтом: «Клиника Крика, гериатрическое отделение». Дальше какой-то список с основными категориями «Семейство Microsoft», «Great Wall Linux» и «Epiphany Lite».

– В конечном счете вы, скорее всего, остановитесь на «Epiphany Lite», но пока просто коснитесь типа компьютерных программ, который вам знаком лучше прочих.

В подразделе «Семейство Microsoft» были перечислены названия операционных систем от Microsoft, восходящие аж к 1980-м. Роберт неуверенно уставился на них.

– Роберт? Вы… гм, не слишком сведущи в компьютерах?

– Да. – Теперь, когда он об этом задумался, проявилось воспоминание. Он усмехнулся. – Я всегда тормозил. Купил свой первый ПК только в 2000-м. – Но только потому, что на факультете английской филологии и литературы его шпыняли за нежелание читать электронную почту.

– Вау. Ну что ж, вы можете имитировать любой из привычных вам старых стилей управления. Просто разложите его в плоской конфигурации на подлокотнике кресла. Ваш сын настроил эту комнату на воспроизведение аудио, но в большинстве других мест вам придется касаться пальцами страницы, чтобы услышать озвучку. – Роберт подался вперед, приглядываясь к бумаге. Она не светилась, она даже глянцевой, как те компьютерные дисплеи, не была. Просто бумага, плоский лист бумаги высокого качества. Рид указал на пункты списка. – Теперь нажмите на пункт, отвечающий вашей любимой ОС.

Роберт пожал плечами. Факультетские компьютеры пережили несколько обновлений, и… Он поднес палец к строке со словами WinME и нажал. Никакой паузы, никаких памятных ему задержек при загрузке. Внезапно прозвучала знакомая раздражающая стартовая мелодия: она пришла словно бы отовсюду, а не с листа бумаги. Страница налилась цветом и запестрела иконками. Роберта захлестнула волна ностальгии: сколько часов он убил перед мерцающими компьютерными экранами…

Рид усмехнулся.

– Хороший выбор. Эту WinME уже давно можно арендовать без проблем. Выбрали бы вы Эпифанию, пришлось бы продираться через джунгли лицензионных соглашений… О'кей, остальное вам должно быть почти полностью знакомо. Клиника Крика даже обеспечивает фильтрацию некоторых современных сервисов для вящего сходства с сайтами, открываемыми через браузер. Не так удобно, как то, чем пользуемся мы с вашим сыном, но у вас больше не возникнет трудностей с «невидимыми голосами»: если захотите, сможете увидеть Рэйчел и доктора Акино тут на странице. Все у вас будет кульненько, Роберт.

Роберт прислушивался к речи Вебера: смесь наверняка устаревших сленга и технического жаргона, подчеркнутая живость и построение фраз, вероятно, выдают сарказм. Когда-то ему этого бы хватило, чтобы составить представление о чуваке. Сегодня, только вынырнув из мрака старческого маразма, он не мог быть в себе уверен. И для надежности прозондировал почву:

– Так что же, я снова как молодой?

Рид откинулся в кресле и весело рассмеялся.

– Хотел бы я ответить на этот вопрос, Роберт. Вам семьдесят пять, в теле может сломаться много такого, о чем врачи представления не имеют. Но я занимаюсь вашим случаем уже шесть месяцев. Вас, человече, вернули из мертвых. Альцгеймер почти прошел. Имеет смысл испробовать на вас и другие препараты. Вас кое-что удивит, в основном приятно. Просто расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие. Например, я подметил, что вы сразу узнали своего сына.

– Д-да.

– Неделю назад я побывал здесь. Тогда вы не узнавали его.

Странно было вглядываться назад в этот сумрак, но…

– Да. Я был уверен, что у меня нет сына. Я не так стар. Мне просто хотелось домой, в смысле, в дом моих родителей, в Бишопе. Меня даже сейчас удивляет, что Боб такой взрослый. – Тяжкий груз следствий из этого факта упал на его плечи. – Значит, мои родители мертвы…

Рид кивнул.

– Боюсь, что так, Роберт. Вам предстоит вспомнить почти всю жизнь.

– По кусочкам, как петчворк? Или старые воспоминания проявятся первыми? Или я застряну в какой-то точке?..

– Доктора вам пояснят лучше меня. – Рид помедлил. – Роберт, послушайте, тут вот еще что… Вы ведь были профессором, не так ли?

Поэтом! Но он сомневался, что этот ранг произведет на Рида большее впечатление.

– Да. Профессором… в смысле, заслуженным, на пенсии. Английская филология и литература. Стэнфорд.

– Хорошо. Вы были умным человеком. Вам многому придется научиться, но я уверен, что ваши таланты к вам вернутся. Не паникуйте, если не сможете чего-то вспомнить. Но и не давите на педали слишком сильно. Практически ежедневно врачи будут восстанавливать какие-то дополнительные способности. В теории так вам должно быть проще. Правы теоретики или нет, но это не имеет значения, если вы расслабитесь и сохраните спокойствие. Помните, у вас большая любящая семья.

Лена. Роберт на мгновение потупился. Не совсем возвращение в детство, но вроде второго шанса. Если болезнь Альцгеймера полностью прошла, если, если… тогда, возможно, ему осталось еще лет двадцать – наверстать упущенное. Две цели: поэзия и…

– Лена.

Рид склонился к нему.

– Что вы сказали?

Роберт поднял голову.

– Моя жена. Я хотел сказать, бывшая жена. – Он попытался вспомнить еще что-нибудь. – Боюсь, что никогда не вспомню, как оно повернулось после того, как я с катушек съехал.

– Как я уже сказал, не переживайте по этому поводу.

– Я помню, что был женат на Лене и растил Бобби. Мы разошлись много лет назад. Но я… я также помню, что она была со мной, когда Альцгеймер меня реально подкосил. А теперь снова пропала. Рид, где она?

Рид нахмурился, потом, подавшись вперед, застегнул сумку с оборудованием.

– Мне жаль, Роберт, но она умерла два года назад. – Поднявшись, он осторожно похлопал Роберта по плечу. – Думаю, мы сегодня достигли отличного прогресса. Мне пора бежать.

В былой жизни Роберт Гу технологией интересовался даже меньше, чем текущими событиями. Природа человека не меняется, а задача поэта – выделить и отобразить эту неизменную

суть. Теперь… блин, *я воскрес из мертвых!* Спору нет, *это* уже нечто новое под солнцем, технологический куншток слишком серьезный, чтобы его игнорировать. Новый шанс в жизни, возможность продолжить карьеру. И вполне ясно, в каком направлении ее продолжать: начиная от «Тайн веков». Он истратил пять лет на поэмы из условного цикла. «Тайны ребенка», «Тайны молодых влюбленных», «Тайны старика»… Что до «Тайн пути к смерти», то это подделка от начала до конца, написанная прежде, чем он начал умирать сам, и неважно, что ее, кажется, считают лучшей частью цикла. А теперь… да, нечто новое: «Тайны вернувшегося». Идеи зарождались, стихи, несомненно, воспоследуют.

С каждым днем он ощущал в себе новые перемены, старые преграды без предупреждения рушились. Он спокойно воспринял совет Рида Вебера терпеливо отнестись к временным ограничениям. Столько перемен, и все они – к лучшему. Настал день, когда к нему вернулась способность ходить, пускай и дергающейся, неустойчивой походкой. В тот первый день он падал трижды и с каждым разом едва поднимался.

– Если не ушибете голову, профессор, все с вами будет в порядке, – говорил Рид.

Понемногу навыки ходьбы улучшились. К тому же он и руками теперь многое мог делать, ведь он видел: по-настоящему *видел*. Больше нет нужды вслепую лапать окружающее. Раньше он никогда не понимал, насколько важно зрение для координации движений. В трех измерениях объекты способны одурачить, подставить, запутать бесчисленным множеством способов; без зрения приходится действовать методом компромиссов и ошибок. *Больше не приходится. Мне это уже не нужно.*

А спустя еще два дня… он сыграл партию в пинг-понг с внучкой. Он помнил этот стол. Он его купил маленькому Бобби тридцать лет назад. Он даже помнил, как Боб его ухватил и забрал с собой, покидая наконец дом в Пало-Альто.

Мири посылала мяч через стол на все лады – медленно и быстро, оттачивала технику. Роберт перебегал туда-сюда. Он без труда удерживал мяч в поле зрения, но приходилось бить по нему очень аккуратно, чтобы тот не улетел слишком высоко. Игра шла неторопливо и осторожно, пока Мири не вырвалась вперед со счетом 15:11. А потом он взял пять розыгрышей подряд, спазматически дергаясь при ударах: это каким-то образом помогало наотмашь посылать белый пластиковый шарик в дальние концы стола.

– Роберт, ну ты даешь! Ты же просто придуривался!

Бедная толстушка Мири вся запыхалась, пытаясь за ним

угнаться. Роберт не умел придавать шарику вращение, но и Мири не была сильным игроком. 17:15, 18:15, 19:15. Потом вся мощь покинула его удары, и он снова стал неуклюжим рохлей. Теперь уже внучка с ним не церемонилась, а выиграла шесть розыгрышей подряд – и с ними партию.

А потом кинулась обнять его.

– Ты классный! Но ты меня больше не обманешь!

Не было смысла объяснять ей услышанное от Акино: реконструкция нервной системы будет порождать случайные всплески активности. Возможно, он обретет рефлексы атлета, но более вероятно, что кончится лечение чем-то близким к среднему уровню координации.

Забавно было снова обращать внимание на календарь. Дни недели потеряли значение еще до того, как он съехал с катушек. Но теперь по выходным внучка проводила с ним весь день.

– А на кого была похожа двоюродная бабушка Кара? – спросила она однажды субботним утром.

– Она была очень похожа на тебя, Мири.

Девочка вдруг улыбнулась – широкой, довольной улыбкой. Роберт догадался, что такой ответ и был ей желателен. *Но это чистая правда, не считая того, что у Кары никогда не было проблем с весом.* Мири действительно напоминала Кару в те годы взросления, когда почитание старшего брата как героя уступило место другим делам. Личность Мири представляла собой усиленную версию Кары. Очень умна, вероятно, смышленей своей двоюродной бабки, и уже проявляет характерные для нее качества: исключительную независимость и моральное превосходство. *Ох, помню я эту постоянную заносчивость*, – подумал Роберт. Постоянный источник раздражения; снова и снова сталкиваясь на этой почве, они в конце концов разругались и отдалились.

Иногда Мири приводила своих сверстников. Мальчишки и девчонки, почти неразличимые в этом возрасте, в эту эпоху. Несколько кратких лет их физическое развитие будет почти одинаковым. Мири любила парный пинг-понг.

Он непроизвольно улыбался, глядя, как она своих приятелей строит по струнке. Турнир организовала. И, скрупулезно придерживаясь правил, все равно *выиграла*. Когда пара Мири уступала в счете, челюсти девочки сжимались в яростной решимости, а в глазах сверкала сталь. На послематчевых разборах она без труда признавала собственные оплошности, но также не щадила напарников и напарниц.

И даже когда ее друзья уходили физически, их присутствие

часто сохранялось: незримое, как у врачей Роберта. Мири гуляла по заднему двору, споря и беседуя с невидимками: пародия на мобилкоманию, которую Роберт помнил по своим поздним стэнфордским годам.

Иногда на Мири находило великое молчание. С его воспоминаниями о Каре эта черта совсем не вязалась. На заднем дворе имелось единственное дерево, более-менее подходившее по размеру для качелей, и Мири могла раскачиваться там *часами,* изредка что-то говоря – а потом переключаясь на беседы с пустотой. Глаза ее были сфокусированы на чем-то очень далеком. Он спрашивал, чем она занята, а Мири смеялась и отвечала, что уроки делает. Роберту Гу это состояние скорей напоминало наведенный злым фокусником гипноз.

Рабочие дни недели Мири проводила в школе; каждое утро за ней приезжал лимузин, и всегда в тот момент, когда она была готова отправиться. Боб куда-то уехал, пообещав вернуться «через неделю или около того». Элис появлялась ежедневно, но ненадолго, и всегда раздраженная. Иногда он пересекался с ней за ланчем, но чаще его невестка задерживалась в Кэмп-Пендлтоне далеко за обеденный час. После возвращения с базы настроение у нее бывало особенно скверное.

Если не считать терапевтических сеансов с Ридом Вебером, Роберт был предоставлен сам себе. Он слонялся по дому, спускался в подвал, где обнаружились некоторые его старые книги в картонных коробках. Больше в доме книг почитай что и не было. Безграмотная семейка. Мири, конечно, хвастала, что в любой момент, как пожелаешь, можешь кучу книг увидеть, но это не совсем так: браузерная бумага, полученная от Рида, действительно умела искать книги в Сети, однако читать их на этом листе ин-фолио было утомительно и унизительно.

Но до чего же интересный лист. Телеконференции поддерживает, все верно: доктор Акино и ее далекие терапевты перестали быть говорящими невидимками. Веб-браузер в целом походил на запомнившиеся ему, хотя многие сайты отображались некорректно. Гугл продолжал функционировать. Он поискал Лену Льюэллин Гу. Конечно, информации о ней было достаточно. Лена была врачом, довольно известным в узких кругах. И да, она действительно умерла пару лет назад. Подробности окружены туманом противоречий; кое-что согласуется с информацией от Боба, кое-что расходится. Чертовы Друзья Приватности. Ему и в голову бы не пришло, что какие-то вандалы поставят своей задачей подорвать достоверность любой поисковой выдачи в Сети. Благотворительный вандализм, так они сами определяли свою деятельность.

В конце концов он наткнулся на службу новостей дня. Мир, в общем, все так же катился по наклонной. Темой месяца была интервенция в Парагвае. Подробности показались бессмыслицей: что еще за «бутлегерские фабы» и за каким хреном американцы помогают местной полиции их прикрыть? В общих же чертах картина ясна: цель вторжения – поиск ОМП. Сегодня, например, найдены ядерные заряды, спрятанные под детдомом; он видел трущобы, бедноту, детей в лохмотьях – те невозмутимо играли в какие-то игры, словно отрицая этим окружающую безысходность. Время от времени в кадре появлялся одинокий солдат.

Бьюсь об заклад, Боб именно там, – сказал себе Роберт. Он уже не впервые – и не в тысячный раз – задумался, что заставило сына выбрать настолько отвратительную и тупиковую карьеру.

По вечерам устраивали что-то вроде семейного ужина. Элис, Роберт и Мири. Элис, по впечатлению, готовку любила, хотя сегодня у нее был вид, словно после пары бессонных ночей.

Роберт слонялся по кухне, наблюдая, как мать и дочь выдвигают подносы из холодильника.

– Мы это раньше называли телеужинами, – сказал он. А в общем-то, выглядело восхитительно. Привкус, впрочем, был у всего одинаковый, будто у кукурузных хлопьев; как объяснил Рид, это потому, что вкусовые луковицы у Роберта на девяносто пять процентов отмерли.

Мири помедлила с ответом, как всегда делала, когда Роберт подкидывал некую новую идею. Но, как обычно, ответила авторитетным тоном:

– О, это гораздо лучше того мусорного телехавчика по рецептам. Можно ведь смешивать и подбирать. – Она указала на контейнеры без пометок, которые шкворчали в… чем-то вроде микроволновки. – Видишь? Я выбрала мороженое на десерт, а Элис… черничную пасту от «Angel Hair». Вау, Элис!..

Элис мимолетно усмехнулась.

– Я с тобой поделюсь. Ладно, понесли в столовую.

Пришлось впрягаться всем троим, зато второй ходки не потребовалось. Еду разместили на длинном обеденном столе. Скатерть из дамаста, тонкой работы, и казалось, что от вечера к вечеру узор ее меняется. Сам стол ему был знаком, еще один «унаследованный» предмет. Присутствие Лены продолжало ощущаться во всем.

Роберт сел рядом с Мири.

– А ты знаешь, – сказал он скорее затем, чтобы проверить их реакцию, – мне все это кажется довольно примитивным. Где робослуги, ну хотя бы маленькие автоматические руки, чтобы

переносили контейнеры для телеужина в печку и вынимали их?

Невестка раздраженно передернула плечами.

– Роботы у нас есть. Там, где это оправдывает себя.

Роберту вспомнилась Элис Гун, какой она была, когда только что вышла за Боба. В ту пору Элис могла дать мастер-класс дипломату – она так гладко уживалась с людьми, что это ее умение осознавали немногие. В те дни Роберт еще владел языком как в стихах, так и в спорах с людьми; и такой склад личности представлялся ему личным вызовом. Тем не менее прежняя версия Роберта так и не смогла пробить доспехи Элис. Нынешняя Элис только *притворялась* непроницаемо спокойной, и не всегда успешно. Этим вечером удача ей явно не сопутствовала.

Далее Роберту припомнились новости из Парагвая, и он наудачу брякнул:

– За Боба переживаешь?

– Нет, с Бобом все в порядке, – ответила она и улыбнулась странной улыбкой.

Мири покосилась на мать и чирикнула:

– Если тебе боевые роботы нужны, можешь мою коллекцию кукол посмотреть.

Боевые роботы? Куклы? Трудное это дело, подчинять себе собеседников, когда они несут такую чушь. Он сдал назад:

– Я имел в виду, что, ну, фрики про будущее фантазировали сотню лет, но это никогда не сбывалось. Вроде летающих машин.

Мири подняла на него взгляд от остывающего блюда. В уголке подноса и вправду приютилась чашка с мороженым.

– У нас аэротакси есть. Тебя это устроит?

– Отчасти. – И он сам удивился тому, что говорит: – А можно на них посмотреть?

Прежний Роберт отнесся бы к таким изобретениям презрительно, сочтя их игрушкой для переростков.

– В любое время! А как насчет после ужина? – Этот вопрос был адресован в равной степени Роберту и Элис.

На сей раз улыбка Элис выглядела чуть натуральнее.

– Может, в этот уик-энд.

Некоторое время они ели в молчании. *Жаль, что я не знаю, какова эта стряпня на вкус.*

Потом Элис перевела разговор на тему, к которой явно подготовилась заранее.

– Роберт, ты знаешь, я просматривала отчеты врачей о твоем состоянии. Ты почти в норме. Не думаешь вернуться к работе?

– Конечно, думаю. Я все время об этом думаю. У меня литературные идеи появляются… – Он энергично зажестикулировал, отгоняя внезапно нахлынувший страх. – Элис,

да не беспокойся ты. Я снова научился писать. У меня предложения от университетов по всей стране. Как только уверенно почувствую почву под ногами, так сразу и избавлю вас от своего присутствия.

– Роберт, нет! – воскликнула Мири. – Можешь остаться с нами. Ты нам *нравишься*.

– Но разве тебе не кажется, что пора и самому активно искать? – спросила Элис.

Роберт с вежливым непониманием посмотрел на нее.

– Как это?

– Ну ты же знаешь, что во вторник Рид Вебер последний раз к тебе наведается. Готова побиться об заклад, что тебе еще есть чему научиться. Ты не думал снова пойти в школу? В Фэйрмонтской старшей спецклассы…

Полковник Элис грамотно выстроила стратегию, но тринадцатилетка, сидевшая рядом с Робертом, перехватила инициативу.

– Ой блин, – пискнула Мири, – так там же профтехобучение. Несколько старперов и куча тупых подростков. Скука смертная. Скука смертная.

– Мири, ну это ж базовые навыки…

– Рид Вебер хорошо поработал. А *я* могу научить Роберта *носимым*. – Она погладила его по руке. – Не переживай, Роберт. Как только научишься *носить*, все остальное сумеешь выучить. Ты сейчас в западне, ты на мир будто через узкую дырочку смотришь, видишь только то, что видят твои невооруженные глаза, и осмысливаешь только *это*. – Она ткнула пальцем в торчавший из кармана рубашки Роберта волшебный лист. – После некоторой практики ты сможешь видеть и слышать не хуже остальных.

Элис покачала головой.

– Мири… полно людей, которые не используют контактной и носимой электроники.

– Да, но они же не мой дедушка. – Она воинственно выставила вперед маленький подбородок. – Роберт, тебе нужно научиться носить. Ты как мамонт выглядишь с этим визопейджером в руке.

Элис, кажется, задумалась, не возразить ли энергичнее, потом передумала и окинула Мири нейтральным взглядом, смысла которого Роберт не понял.

Мири этого, похоже, не заметила. Она подалась вперед и стала ковыряться пальцем в уголке правого глаза.

– Ты уже знаешь про контакты, да? Хочешь посмотреть? – Она отвела руку от глаза. На кончике среднего пальца Роберт углядел

маленький диск. По форме и размерам – совсем как знакомые ему контактные линзы. Он не ожидал ничего большего, но… Он наклонился и присмотрелся. Спустя миг до него дошло, что линза не вполне прозрачная. Внутри вихрились и сбивались вместе разноцветные пятнышки.

– Я вывела на максимум, насколько вообще безопасно, иначе бы ты не увидел подсветки. – Крошечная линза затуманилась, потом стала инисто-белой. – Упс. Отключилась. Но ты понял принцип, ага? – Она вставила линзу обратно и усмехнулась, глядя на него. Правый глаз Мири словно бы огромная катаракта затуманила.

– Купила бы ты себе новую, солнышко, – заметила Элис.

– Ай, да зачем, – ответила Мири, – щас разогреется, будет в порядке на остаток дня. – И действительно, «катаракта» уже рассасывалась. Проявлялась естественная для Мири темно-каштановая радужка. – Так что думаешь, Роберт?

Думаю, что для чтения это довольно неуклюжая замена моему визопейджеру.

– И это всё?

– Э-э-э, нет. В смысле, мы тебя можем прямо сейчас привести в порядок, всего-то и нужно, что футболка Боба и коробка контактов. Фокус в том, чтобы научиться ими пользоваться.

Полковник Элис добавила:

– Без определенных мер контроля они вроде старомодного телевидения, но куда навязчивей. Мы не хотим, чтобы тебя кто-нибудь облапошил, Роберт. Как насчет того, чтоб я тебе выдала кой-какую тренировочную одежку и коробку контактов, всё, как Мири говорит? А ты пока подумай про Фэйрмонтскую старшую, ага?

Мири подалась вперед и усмехнулась матери.

– Бьюсь об заклад, он через неделю будет эти штуки внутри носить. Не нужны ему эти классы для лузеров.

Роберт доброжелательно улыбнулся поверх головы Мири.

Говоря начистоту, предложения по работе у него действительно были. Весть о его возвращении распространилась по Сети, ему написали из двенадцати университетов. Но… пять просто поздравили в режиме голосового послания, три ограничились предложением гастролей на семестр, а остальные попросту не отвечали его уровню. Роберт, считавшийся (цитата из критиков) «одним из гениев литературы последнего века» (конец цитаты из критиков), не совсем этого ожидал.

Боятся, что я все еще овощ.

Поэтому Роберт не торопился отвечать на предложения, а оттачивал писательские навыки. Он хотел показать

сомневающимся, что разум его остер, как и прежде, а в перспективе и перегнать их, удостоившись причитающегося ему признания.

Но на поэтическом фронте дела двигались медленно. На многих фронтах. Лицо его действительно стало моложавей. Рид говорил, что такое замечательное косметическое улучшение – редкость, что Роберт был идеальным подопытным субъектом для терапии по Венну – Курасаве. Чудесненько, вот только координация оставалась во многом спазматической, суставы все время ныли, и, самое неприятное, он по-прежнему вынужден был по нескольку раз за ночь наведываться к горшку. Определенно, Судьба *не уставала* ему напоминать, что он все еще старик.

Вчера Вебер нанес заключительный визит. Мозги у парня так себе, но, впрочем, это отвечает сути выполняемой им работы – так себе. *Все же, думается, я буду по нему скучать*. Не в последнюю очередь потому, что в сутках добавится пустой час.

И да, на поэтическом фронте подвижки оказались особенно медленными.

Сны никогда не служили Роберту надежным источником вдохновения, что б он там ни утверждал в нескольких довольно известных интервью. Но и черпать идеи только из бодрствующего состояния – удел приземленных умов. Истинное вдохновение посещало Роберта Гу после хорошего сна, в моменты, когда он только начинал просыпаться. Ритуал был так отлажен, что, испытывая проблемы с вдохновением, он зачастую попросту отправлялся гулять вечерком, загружал ум непреходящими повседневными заботами… а следующим утром, пробуждаясь ото сна, редактировал уже известное. И тогда в лабильности освеженного сознания зарождались ответы. В стэнфордскую пору он делился наблюдениями этого явления с философами, религиоведами и людьми хардкорной науки. Те объясняли эффект на сотню ладов, используя то фрейдистский психоанализ, то квантовую физику. Неважно; метод «переспать с этой проблемой» всегда срабатывал.

Теперь, пробуждаясь после долгих лет маразма, он все еще испытывал такой утренний подъем. Но управлять им, как и прежде, толком не мог. Порою его ум захлестывали идеи насчет «Тайн вернувшегося» и новой версии «Тайн пути к смерти». Но никаких поэтических деталей эти мозговые атаки поутру не приносили. Его посещали идеи. Концепты вплоть до стихотворных фрагментов. А вот слова и фразы, способные творить прекрасное, – нет. Возможно, это нормальное состояние. Пока еще нормальное. В конце концов, стихотворчество остается высочайшим и сложнейшим талантом. Разве не естественно

ожидать, что из всех его способностей эта возвратится последней?

Но большую часть утреннего времени он тратил на эдакие ерундовые озарения: подсознание предательски перескакивало на то, *как* устроены вещи, на технологию и математику. Пока днем он сёрфил на своем визопейджере, его постоянно отвлекали темы, никак не связанные с художественным творчеством. Однажды он полдня провозился с элементарным введением в конечную геометрию, и, Господи избави, следующим утром его озарило… доказательство одного из самых сложных примеров.

Дневное время Роберт проводил, терзаемый скукой, в тщетных поисках нужных слов, и пытался игнорировать зов сирен со страниц визопейджера. По вечерам отгонял Мири, которая настойчиво пыталась засунуть ему в глаза посторонние предметы.

Наконец однажды утром его посетило решающее озарение. Пробуждаясь в унылых мыслях о своей неудаче, он заметил зеленеющие можжевельники под окном, на дворе, раскрашенном в мягкие пастельные оттенки. Снаружи был целый мир. С миллионом различных точек зрения. Как поступал он в прошлом, очутившись в тупике? *Делал перерыв*. Займись чем-нибудь другим, сказал он себе; неважно чем. Например, вернись в школу, чтобы отвлечься от всего этого и от приставаний Мири. Там он уж наверняка столкнется с иными, какими бы узкими они ни были, точками зрения.

Да и Элис это очень порадует.

04
Превосходная аффилиация

Хуану Ороско нравились прогулки в школу с близняшками Раднерами. Фред и Джерри оказывали на него Дурное Влияние, но геймеров лучше их Хуан не знал.

– У нас отличная придумка на сегодня, Хуан, – сказал Фред.

– Ага. – Джерри улыбался так, как это было ему свойственно, когда он задумывал что-нибудь реально забавное или деликатного свойства.

Трое шли обычным путем, вдоль канала водоотводной системы. Бетонная траншея, сухая и белая, как кость, петляла через каньон за Меситасом. Вставшие над нею холмы покрыты ледяной травой и донником, впереди маячит клочок чапарраля. Чего еще ждать от Северного округа Сан-Диего в октябре?

По крайней мере – в реальности.

Каньон вовсе не был мертвой зоной, какой казался. Отнюдь. Управление надзора за водными ресурсами усовершенствовало всю округу, и общественный слой тут не хуже, чем на городских улицах. Хуан пожал плечами и дернулся. Достаточно, чтобы носимое устройство Эпифании восприняло команду. Оверлей переключился в мир «Опасного знания» Гачека; донники трансформировались в чешуйчатые щупальца. Дома по краям каньона увеличились, обросли плотными досками, на крышах взметнулись флаги. Высоко над ними и впереди появился замок, дом великого герцога Хва Фэна – в реальности там обитал местный паренек, всеми силами поддерживавший круг убеждений. Близнецов Хуан облачил в кожаные латы рыцарей замковой стражи.

– Эй, Джер, глянь. – Хуан передал ключи и дождался, пока близнецы войдут в консенсус с его восприятием. Он неделю тренировался, чтобы удерживать визуал бесперебойно.

Фред поднял голову, принимая спроектированную Хуаном картину.

– Старье, Хуанито. – Он глянул в сторону замка на вершине холма. – К тому же Хауи Фен безнадежный лузер.

– А-а. – Хуан ослабил контроль, картинка утратила стабильность и каскадом свернулась, уступая реальности: сначала пропал ландшафт, потом небо, потом существа и их костюмы. – Но на прошлой неделе вам понравилось.

Тогда, как помнилось Хуану, Фред и Джерри строили заговор против великого герцога.

Близнецы переглянулись. Хуан чувствовал, что они обмениваются безмолвными сообщениями.

– Мы ж тебе сказали, сегодня все будет по-другому. У нас реально крутая задумка.

Они наполовину углубились в чапарраль. Выйдя с другой стороны зарослей, можно увидеть дымку над океаном; ясным деньком или в яснозрительский модуль видна вся дорога до океана. К югу тянутся земельные участки, пятном зелени обозначает себя Фэйрмонтская старшая школа. На севере же располагается самое интересное местечко в известной Хуану Ороско округе.

Парк развлечений «Пирамидальный холм» господствовал над маленькой долиной. Подстилавшая его скала напоминала скорей заостренный холмик, чем пирамиду, но менеджеры парка посчитали, что «Пирамидальный холм» звучит внушительней. Некогда там росли деревья авокадо, темно-зеленые, покрывая все склоны. В ракурсе паркового логотипа они именно такими и видны. Как на невооруженный глаз, деревьев все еще много, но есть и лужайки, и настоящие дома, и даже тарзанка. Среди прочего «Пирамидальный холм» хвастался самой высокой башней свободного падения из всех аттракционов Калифорнии.

Близнецы смотрели на него и лыбились. Джерри махнул рукой в сторону холма.

– Хочешь «Назад в меловой период», но совсем как в реале?

Менеджеры «Пирамидального холма» разработали тщательно продуманную шкалу тактильного правдоподобия аттракционов. Самые дешевые – полный отстой, самые дорогие – совсем как в реале.

– А, ну это ж слишком дорого.

– Ну да. Если ты платишь.

– Гм, а тебе разве перед классом выступать не нужно? С проектом.

В расписании близнецов первым уроком значился труд.

– Еще в Ванкувере, – сказал Джерри.

– Но ты за нас не переживай. – Фред посмотрел вверх, вид у него сделался одновременно просительный и ехидный. – *«UP/ Express» – своевременный ответ на ваши мольбы.*

– Ну ладно. Но ты смотри, чтоб мы не вляпались.

Зависая с Раднерами, приходилось постоянно следить, как бы не вляпаться. Парой недель раньше близняшки показали Хуану, как обойти проверку безопасности нового велосипеда, купленного на wikiBay. В результате Хуан обзавелся устрашающим оружием для единоборств, но велосипед стало почти невозможно разложить. Маму это не порадовало.

– Не переживай, Хуан.

Трое двинулись прочь от канала, по узкой тропинке вдоль восточного края «Пирамидального холма». Далеко от входов, но дядья близнецов работали в управлении водного надзора и имели доступ к вспомогательным слоям утилит УНВР, которым Раднеры теперь и поделились с Хуаном. Почва под ногами стала прозрачной и бледно засветилась. На глубине пятнадцати футов Хуан углядел графическое отображение отводной трубы десятидюймового диаметра. Там и сям – указатели на журналы проверок местных техников. Фред с Джерри уже пользовались таким режимом всеведения раньше, и их ни разу не сцапали. Сегодня близнецы скрестили его с картой узлов местной сети. На фоне яркого солнечного дня оверлей выглядел бледно-фиолетовым: слепые зоны систем связи, активные высокоскоростные линки.

Двое остановились на краю полянки. Фред глянул на Джерри.

– Кхм. УНВР бы постыдилось. Тут на тридцать футов кругом ни одного локализатора-узла[6].

– Ага, Джер. Вытворяй почти все, что душе угодно.

Если покрытие локализаторов недостаточно плотно, узлам невдомек, где именно находятся они сами и их соседи. Высокоскоростную лазерную связь не наладишь, а низкокачественные сенсоры в ландшафте одну кашу выдают. Внешний мир толком не знает, что здесь творится.

Они шагнули на поляну. Глубоко в слепом пятне Сети и в зоне прямой видимости вверх по холму, наверняка почти до самого «Пирамидального холма». Если двигаться тем же путем, на Холме с них наверняка потребуют плату.

Но близняшки не на Холм смотрели. Джерри подошел к деревцу и прищурился.

– А интересненькое тут местечко. Пытались покрытие с воздушного шара замкнуть.

Он показал на ветви и пинганул. Утилиты дали слабый отклик и высветили сообщение об ошибке.

– Унылое сетевое гуано, да и только.

Хуан пожал плечами.

– Вечером уже пофиксят.

С наступлением сумерек над каньонами разлетались воздушные шары, латая прорехи в Сети.

– А почему бы нам не помочь обществу и не заделать дырку прямо сейчас?

Джерри вынул зеленоватый предмет размером с большой палец и протянул его Хуану.

Из верхней грани предмета высунулись три антенных усика.

Типичный адхок-узел. От мертвых узлов проблем обычно больше, чем от гуано.

– Ты этой штуке мозги заморочил?

Узел явно из «BreakIns-R-Us», к гадалке не ходи, но заморочить Сеть в реале тяжелей, чем в играх.

– А где коды доступа добыл?

– Дядя Дон беспечный чувак. – Джерри ткнул пальцем в машинку. – Все разрешения загружены. К сожалению, бутылочное горлышко Сети по-прежнему забито. – Он показал вверх, на сплетение тонких веток. – Хуан, ты еще маленький, влезешь туда? Просто заберись и сбей узел на землю.

– Э-мм…

– Да не сцы. Безопасники не заметят.

На самом-то деле Управление внутренней безопасности почти наверняка это заметит. Во всяком случае, после того, как залатает дырку в локализаторной сети. И так же почти наверняка всем будет наплевать. Логика УВБ во всем железе глубоко прошита. «Всё видим, всё знаем» – такой у них девиз, но видели и знали они только то, что относилось к их личным задачам. С полицией делиться данными эти ребята совсем не любят. Хуан покинул слепое пятно и осмотрел территорию через управление окружного шерифа. В зоне вокруг «Пирамидального холма» произведено немало арестов, в основном за усилительную наркоту… но уже несколько недель тут было тихо.

– О'кей. – Хуан вернулся к дереву и залез по стволу футов на десять, туда, где расходились ветви. Старый узел свисал с ветки на расклеившейся липучке. Он сбил его ногой вниз, а близнецы позаботились устроить узлу гибель от несчастного случая при ударе о камень. Хуан спустился с дерева. Трое немного понаблюдали за диагностической выдачей. Из фиолетовой мглы проступали яркие пятна: узлы определяли свое (и замороченного собрата) местоположение, координировались, восстанавливали полную функцию Сети. Стал доступен лазерный p2p-роутинг, и на границах «Пирамидального холма» проявились отметки частной собственности.

– Ха, – сказал Фред. Близняшки двинулись на границу запретной зоны. – Хуан, камон. Мы под прикрытием администрации округа. Если не застревать надолго, все будет в порядке.

На «Пирамидальном холме» все тактильное оборудование по последнему слову техники. Не просто фантомы, нарисованные контактными линзами на тыльной стороне глазных яблок. На «Пирамидальном холме» можно было объезжать скучера-

сальсипуэда[7] или воровать яйца рапторов – либо забавляться с милыми пушистыми существами, которые отирались и танцевали кругом, будто упрашивая взять их на руки и погладить. Наконец, отключив все игровые ракурсы, можно было понаблюдать, как шарятся другие игроки по своим мирам. Холм каким-то образом не позволял им врезаться друг в дружку.

Звук аттракциона свободного падения в мире «Назад в меловой период» был замаскирован под раскаты грома. Деревья отрисованы высоченными гинкго, во многих местах чаща непроницаемо плотная. Хуан часто играл в НвМП на чистом визуале, как телесно, в компании близнецов, так и по всему миру, с другими. Не слишком вдохновляющий опыт. Только на этой неделе, например, его трижды «убили и сожрали». Трудная игра, так или иначе нужно вносить свой вклад, иначе каждый раз тебя будут убивать и пожирать. Поэтому Хуан вступил в Гильдию Фантазистов… ну пока что в статусе джуниора-энтузиаста. Надеялся прокачать изобретательность и уже разработал пару видов для НвМП. Его ящеры были маленькие и проворные, чтобы не привлекать особого внимания заядлых критиков. Близнецов не впечатляли, но им нечего было предложить со своей стороны.

Блуждая по лесу гинкго, он был предельно осторожен, не прыгнет ли с низко свисающих ветвей кто-нибудь зубастый. Хуана в понедельник так прикончили. А во вторник его свалила какая-то палеозараза.

Пока все выглядело достаточно безопасно, но Хуан не видел никаких следов собственных работ. Он задумал их быстроразмножающимися и легкомасштабируемыми, ну и где же маленькие монстры? Ох-хо. Надо бы проверить другие игросайты. Может, в Казахстане они вырастают большими. Но здесь и сейчас… nada[8].

Хуан слонялся по Холму, несколько разочарованный, но покуда никем не съеденный. Близнецы приняли облик стандартных игровых велоцирапторов и развлекались как могли. Охотились на игровых ботов «Пирамидального холма», созданий размером с цыпленка.

Раптор-Джерри повернул голову и глянул на Хуана через плечо.

– А твоя зверюга где?

Хуан не подразумевал за собой никакого зверообличика.

– Я путешественник во времени, – заявил он. В последнем обновлении такую роль ввели, так что все по правилам.

Фред оскалил полную зубов пасть.

– Я имел в виду, где те зверюги, которых ты на прошлой неделе изобрел?

– Не знаю…

– Скорее всего, их критики сожрали, – сказал Джерри. Братцы дружно загоготали на рептилоидный манер. – Хуан, бросай пойнты создателя копить. Забей на все и начни с начала, с нормальным исходником.

Он подкрепил свою мысль, нанеся достойный футболиста удар по какому-то существу, случившемуся у них на пути. Этим он заработал тучу классических пойнтов и положил начало нескольким волнующим минутам годной резни. Фред присоединился к нему, полетели красные брызги.

В добыче братцев было что-то знакомое. Молодая особь, по виду смышленая… новорожденный динозаврик собственной разработки Хуана! А значит, совсем недалеко его мамаша.

– Вы знаете, – начал Хуан, – я не думаю…

– Проблема в Том, о Чем Никто из Вас Даже Не Подумал.

Звук был премиальный – внешний относительно игры, это как голову в старинный бумбокс засунуть. С опозданием троица увидела, что стволы деревьев позади перемежаются клыками ярдовой длины. Мамочка. Задождило десятидюймовыми шариками слюны.

Дизайн Хуана прокачали на максимум.

– Чт… – успел вымолвить Фред. Это было последнее шипение, какое он испустил в роли велоцираптора. Голова и зубы разорвали завесу слюны, опустились из-под навеса листьев гинкго и захавали Фреда до кончиков задних когтей. Монстр некоторое время чавкал и хрустел. На просеке поднялся шум раскалывающихся костей.

– А-аххх! – Чудовище распахнуло пасть и отвратительно рыгнуло. Прелесть какая… Хуан на миг переключился в реальный мир. Там Фред стоял, окруженный дымящимися останками своего раптора. Рубашка у него задралась и вылезла из штанов, а еще он с головы до ног был облит слюной – настоящей, вонючей. За такое нешуточные деньги платят.

Сам монстр оказался одним из крупнейших игровых роботов Холма, вот только отдизайнили его по образу и подобию одного из новосозданных Хуаном видов.

Трое поглядели ему в челюсти снизу вверх.

– Достаточно ли убедительны были эти тактильные ощущения? – вопросило существо, обдав их струей жаркого воздуха с запахом гниющего мяса. Да уж, нечего сказать. Фред попятился, поскользнулся и едва не упал в мерзкую лужу.

– Покойный Фред Раднер только что потерял пригоршню пойнтов… – Монстр повел мордой размером с грузовик. – А я все еще голодный. Лучше бы вам поскорей убираться с Холма.

Они начали отступление, не сводя глаз с клыков чудовища. Потом близнецы развернулись и кинулись наутек. Хуан, как обычно, чуть отстал. И его схватило что-то вроде исполинской руки.

– А тебя я попрошу остаться. Есть дело. – Рев был подобен скрежету металла о сжатые клыки. – Садись. Початимся.

Caray![9] *Ну мне, как всегда, не повезло.* Потом он вспомнил, что это ведь Хуан Ороско влез на дерево и помог заморочить электронику у входа на Холм. Дурачок Хуан Ороско не нуждался в особом невезении, он и так по уши в дерьме. А близнецы свалили.

Но когда «челюсти» опустили его на землю и он обернулся, чудовище никуда не делось – не превратилось в какого-нибудь рентакопа «Пирамидального холма». А вдруг это и вправду игрок в НвМП?! Хуан ёрзал, пытаясь уйти от неотступного взгляда. Ну это же просто игра. Можно попросту смотаться от этого четырехэтажного ящера. Конечно, его кредит в НвМП обнулится, а может, Хуана в вонючей слизи вдобавок вымочат. А если Большой Ящер примет оскорбление близко к сердцу, гарантированы проблемы и в других играх. *О'кей.* Он сел, уперевшись спиной в ближайшее гинкго. Наверняка он снова опоздает в школу, но хуже там себе этим не сделает; хуже некуда.

Ящер отступил, отпихнул в сторону дымящиеся останки раптора Фреда Раднера. Башку он держал близко к земле, чтобы смотреть прямо на Хуана. Глаза, голова и цвет полностью соответствовали изначальным спецификациям Хуана, но игрок приложил усилия, чтобы выглядело все чрезвычайно впечатляюще. По боевым шрамам Хуан понял, что существо сражалось в нескольких горячих точках мира мелового периода.

Хуан принужденно улыбнулся.

– Значит, тебе понравился мой дизайн?

Существо сверкнуло ярдовыми клыками.

– Бывали прикиды и хуже.

Игрок перетасовал параметры, вывел замечания слоя критики. Он крут, возможно, даже один из игровых взломщиков! На земле между ними остался лежать мертвый и вскрытый образец дизайна Хуана. Большой Ящер пихнул его концом клыка.

– Но кожная текстура из стандартной библиотеки Гильдии Фантазистов, а цветовая схема – клише. Пледовый узор выглядел бы прикольно, да вот беда: он же в любой рекламе «Epiphany Now» крутится.

Хуан подтянул колени к подбородку. Он и в школе был вынужден слушать, как его отчитывают подобным образом.

– Я заимствую у лучших мастеров.

Ящер фыркнул так, что у Хуана все кости завибрировали от жужжащего рева.

– С твоими учителями ответ, может, и прокатил бы. Они всё схавают, что ты им подкинешь, по крайней мере, до тех пор, пока ты не закончишь школу и тебя на улицу не выгонят. Дизайн так себе. Его кое-где адаптировали, возможно, из-за хорошей механики. Но сравнения с подлинно качественными образцами он не выдерживает.

Существо пошевелило своими кастомными боевыми шрамами.

– Я и другие штуки делаю.

– Да, и если не возьмешься за дело как следует, то и с ними провалишься.

Хуан Ороско и сам об этом часто размышлял, когда его одолевало уныние. Чем дальше, тем больше похоже, что кончит он совсем как его папаша – но в отличие от папаши у Хуана может не найтись даже работы, с которой его бы уволили! Девиз Фэйрмонтской старшей школы гласил: «Делайте всё, что в ваших силах». Но приложить все усилия – только начало пути. Если даже сделаешь всё, что в твоих силах, риск отстать сохраняется.

Другому геймеру он бы в таких мыслях не признался. Он зыркнул в желтые звериные глазки-щелочки, и до него вдруг дошло, что этому существу, в отличие от учителей, не платят за вежливость. Вместе с тем монстр потратил уже слишком много времени для обычной издевки над побежденным. *Ему от меня и впрямь что-то нужно!* Хуан придал взору непреклонность.

– И что же ты посоветуешь, о Могучий Виртуальный Ящер?

– Есть у меня… наметки. Помимо НвМП, я еще кое-чем занимаюсь. Как тебе понравится аффилированный статус в моем маленьком проекте?

Если не считать локальных игр, Хуана еще никто и никогда не просил ни в чем поучаствовать на правах аффилиата. Он скорчил гримасу притворного презрения.

– Аффилированный? За долю процента процента… чего? Как низко ты стоишь в пищевой цепочке?

Ящер пожал плечами, стволы гинкго заскрипели за его спиной.

– Думаю, довольно низко, довольно. С аффилированными так часто бывает. Но за каждый ответ, который я передам стоящим выше по цепи, полагается реальная плата.

Существо озвучило свое предложение. Этих денег хватило бы на аттракцион свободного падения – целый год и ежедневно. В воздухе между ними повис платежный сертификат с названной суммой и условиями бонусов.

Хуан уделял должное время финансовым играм.

– Вдвое больше, или кина не будет.

Потом он заметил, что суммы в разделе производных прав не отображаются. Вероятно, потому, что любому, кого он наймет, полагается гораздо больше.

– Согласен! – воскликнул Ящер прежде, чем Хуан успел скорректировать свой запрос в сторону увеличения.

И Хуану явственно показалось, что существо ухмыляется.

– …О'кей. Чего тебе надо?

И с какой стати ты вообразил, что остолоп вроде меня тебе в этом поможет?

– Ты же в Фэйрмонтской школе, угу?

– Ты это уже знаешь.

– Странное место, не так ли?

Хуан не ответил. Существо продолжило:

– Поверь мне, странное. В большинстве школ, даже не входящих в систему образования штата, взрослым не разрешается учиться инклюзивно.

– Ага, устный курс. Старперы этого не любят. И мы не любим.

– Так вот, мой аффилиат выше по цепи хочет, чтоб ты законтачил там, в основном со старперами. Подружился с ними.

Упс. Хуан снова глянул на сертификат. Тестирование на подлинность проходит. Условия адъюдикации сложней, чем у него было настроение разбираться, но, во всяком случае, гарантия от Bank of America есть.

– А с кем именно?

– У-у, в этом и проблема. Кто бы там наверху ни командовал, он осторожничает. Мы просто инфу вынюхиваем. В общем, некоторые старперы раньше были крутыми перцами.

– Если такие крутые, что они в нашей школе делают сейчас?

Именно этот вопрос дети в школе и задавали.

– Причин много, Хуан. Некоторые из них просто одиноки. Некоторые по уши в долгах и пытаются понять, как им выжить в современной экономике. Некоторые ни на что не годны, но тело у них в порядке, а старых воспоминаний полно. Эти бывают большими склочниками.

– Но как мне подружиться с ними?

– Если тебе нужны деньги, придумай способ. Впрочем, вот поисковые критерии.

Большой Ящер переслал ему документ. Хуан пролистал верхний слой.

– Тут много всяких. – Бывшие политики из Сан-Диего на пенсии, ученые по биологическим дисциплинам, родители тех, кто в данный момент ищет работу по следующим

специальностям…

– По ссылкам найдешь квалификационные характеристики. Твоя работа – заинтересовать подходящих людей аффилиацией с моим проектом.

– Я… Я просто не слишком умею с людьми знакомиться.

Особенно с такими людьми.

– Тогда оставайся нищебродом, цыпленочек.

Хуан мгновение помолчал. Папаша бы ни за что не согласился на такую работу.

Наконец ответил:

– Хорошо, я принимаю аффилиацию с тобой.

– Если ты чувствуешь, что тебе это не по плечу, ты бы лучше…

– Я же сказал, *я согласен!*

– О'кей! Тогда будем считать, что вводную я тебе дал. В документе контактная инфа. – Существо поднялось с земли, и голос его громыхал теперь далеко в вышине. – И учти, что на «Пирамидальном холме» мы больше не встретимся.

– Меня это устраивает.

Хуан тоже встал и, спускаясь с холма, выразительно похлопал монстра по могучему хвосту.

Близнецы сильно опередили его: они стояли на краю футбольного поля, на другой стороне кампуса. Появившись из-за поворота дорожки, Хуан подхватил их точку зрения у трибун и пинганул ребят. Фред помахал ему вместо ответа: рубашка все еще была пропитана слизью и не могла передавать. Джерри смотрел вверх, а пакет из UP/Ex снижался к его протянутым рукам. Своевременный ответ на мольбы, что тут сказать. Входя в палатку на урок труда, близнецы еще вскрывали почтовую обертку.

К сожалению, самому Хуану нужно было на первый урок аж в конец дальнего крыла. Он метнулся через лужайку, удерживая зрительное поле в неусовершенствованной реальности. Сегодняшние здания были преимущественно трехэтажные, их серые стены напоминали игральные карты в шатком равновесии.

Внутри полным хозяином своей точке зрения он уже не был. По утрам школьная администрация принудительно транслировала на все внутренние стены фэйрмонтские новости. Трое ребят из Гуверской школы выиграли карьерные стипендии от IBM. Аплодисменты, аплодисменты, хотя Гуверская школа – заклятая соперница Фэйрмонтской, и у них фора: в систему штата они не входят, а спонсируются факультетом математической педагогики университета Сан-Диего. Трем юным гениям

гарантировано бесплатное обучение в колледже, даже если они ни дня на IBM не поработают. *Тоже мне*, – подумал Хуан, стараясь утешиться. Возможно, эти пацаны когда-нибудь станут очень богатыми людьми, но долю от их состояния всегда будет отщипывать себе IBM.

Он рассеянно следовал по зеленым навигационным стрелкам… и вдруг осознал, что поднялся на два лестничных пролета. Школьный админ все со вчерашнего дня перетасовал. И навигационные стрелки тоже обновили, конечно. Хорошо, что он не обратил внимания.

Он проскользнул к себе в класс и сел за парту.

Мисс Чумлиг уже начала урок.

Основной ее дисциплиной были поиск и анализ. Она в Гуверской школе такой же, но ускоренный курс вела и, по хорошо документированным слухам, сама не поспевала. Поэтому Департамент образования перевел ее в Фэйрмонтскую, читать аналогичный курс. Хуану она скорее нравилась. Она тоже была неудачница.

– Навыков много, – говорила она, – иногда лучше координироваться с другими людьми и искать ответы совместно. – Ученики кивнули. Стать координатором значило снискать славу и заработать больше всего денег. Но они понимали, куда клонит Чумлиг. Она оглядела класс, кивая тем, кто, как она знала, это понимал.

– Увы, все вы только и хотите, что стать агентами высшего класса, э?

– Некоторые из нас ими станут.

Ответил кто-то из великовозрастных учеников… Ага, Уинстон Блаунт, такой старый, что годится Хуану в прадедушки. Когда у Блаунта не задавался день, он любил больно подкалывать мисс Чумлиг.

Учительница поиска и анализа улыбнулась ему.

– Это такое же редкое дарование, как талант бейсбольной звезды высшей лиги. Чистый «агент-координатор» – редкий тип, декан Блаунт.

– Некоторые из нас так или иначе станут администраторами.

– О… – Чумлиг на мгновение погрустнела, словно готовилась сообщить ему дурную весть. – Администрирование сильно изменилось, декан Блаунт.

Уинстон Блаунт откинулся на стуле.

– О’кей. Поэтому нам приходится учить новые трюки.

– Да. – Мисс Чумлиг посмотрела поверх голов учащихся. – И это важный момент. Этот урок посвящен поиску и анализу,

центральным компонентам экономики. Важность поиска и анализа для нас как потребителей очевидна. Почти все современные рабочие места так или иначе требуют поиска и анализа. Но, в конце концов, и мы должны знать кое-что кое о чем.

– Это вы про те курсы, по которым нам больше тройки не натянешь?

Вопрос задали с галерки, где предпочитали отираться физически отсутствующие.

Чумлиг вздохнула.

– Да. Но не позволяйте этим умениям заглохнуть. Вы ознакомились с ними. Используйте. Совершенствуйтесь. Вам это по силам при помощи особой формы предварительного анализа, которую называют обучением.

Одна из учениц подняла руку – на полном серьезе подняла. Такая старая.

– Да, доктор Сян?

– Я понимаю, что вы правы. Но… – Женщина окинула взглядом класс. На вид примерно сверстница Чумлиг, совсем не такая старая, как Уинстон Блаунт. Но в глазах ее застыл испуг. – Но некоторым это дается легче. Я не такая смышленая, как раньше. Или, может, другие смышленей меня… Что будет, если мы приложим все усилия и у нас просто не получится?

Чумлиг помедлила. *Послушаем-ка, что она на это ответит!* – подумал Хуан. Хороший вопрос.

– Эта проблема касается всех, доктор Сян. Все мы в руках Провидения. В вашем случае… вам дан еще один шанс начать новую жизнь. – Она оглядела остальных. – Некоторым из вас кажется, что на руки сданы только двойки и тройки. – На передних партах сидели в основном очень старательные ученики, немногим старше Хуана. Они тоже *носили*, но вкуса в одежде не развили, да и ансамблевому кодированию так и не обучились. Пока Чумлиг говорила, их пальцы что-то отстукивали: искали про «двойки и тройки на руки».

– Но у меня есть теория насчет жизни, – продолжала Чумлиг, – и она напрямую происходит от игр: *никогда не бывает так, что все потеряно*. У вас, у всех вас, есть особые карты на руках, с непредсказуемой ценностью. Играйте. Ищите, как стать особенными, как стать лучше. У вас это качество есть, вам только нужно найти его. А как только найдете, сможете поставлять ответы другим, и другие с радостью поделятся с вами своими ответами. Коротко говоря, синтезировать удачное стечение обстоятельств по заказу не научились. Но *вам* предстоит его для себя создать.

Она поколебалась, глядя в незримые наброски, и голос ее стал тише, утратил ораторский раскат.

– Это глобальный аспект. Сегодня же нам предстоит обсудить морфинг решений через форумы по интересам. Как обычно, суть в том, чтобы правильно задать вопрос.

Хуан предпочитал сидеть у стены, особенно в тех случаях, когда классная комната попадала на третий этаж. Там можно было ощутить, как слегка покачивается стена из стороны в сторону, помогая зданию удерживаться в равновесии. Маму это сильно нервировало.

– Одна секунда системного сбоя, и все развалится к чертям! – жаловалась она на родительском собрании. С другой стороны, конструкция карточного домика дешева и при сильном землетрясении пострадает ничуть не больше, чем от порыва утреннего ветерка.

Он отклеился от стены и немного послушал Чумлиг. Собственно, поэтому и требовали посещать большую часть уроков физически: оказавшись в настоящей комнате с настоящим учителем, так или иначе станешь уделять внимание предмету. Лекционная графика Чумлиг парила в воздухе над головами учеников. Ей удалось их заинтересовать: непристойных граффити по краям присоседилась самая малость.

И некоторое время Хуан тоже внимал. Он честно пытался. Да, форумы по интересам выдают надежные результаты, зачастую бесплатно. Там нет аффилиаций, просто единомышленники, корпящие над сложными задачами. Но если ты не единомышленник? Например, генетические форумы. Перепутаешь транскрипцию с трансляцией – и потом месяцы ничего вменяемого в ответ не получишь.

В конце концов Хуан ее отключил и стал бродить по точкам зрения класса. Некоторые ученики предпочитали выставлять свои точки зрения на публику. В основном же – случайные картинки. В промежутках он изучал список задач, полученный от Большого Ящера. Оказалось, что Ящера не только старперы интересовали. Некоторые обычные ученики тоже. Аффилиация у него, надо полагать, охватом не уступает калифорнийской лотерее.

Он приступил к фоновым проверкам. Как и многие дети, он любил накапливать информацию в носимой электронике. Это позволяло искать, не сильно высовываясь наружу. С внешним миром он не соединялся, кроме случаев, когда для запросов можно было использовать сайты, о которых рассказывала Чумлиг. Ей успешно удавалось расшевелить умственно отсутствующих, но Хуан был мастер ансамблевого кода: он обращался к носимому устройству едва заметными жестами, а меню пролистывал

взглядами. Когда Чумлиг посмотрела в его сторону, он жизнерадостно кивнул и воспроизвел несколько предыдущих секунд ее выступления.

Так-так, старперы… компетентные ретарды сюда не попадут: они богаты и знамениты, им принадлежит большая часть реального мира. Звездный час взрослых учеников Фэйрмонтской школы давно миновал. Они весь семестр сюда понемногу стекались. В домах престарелых их до начала занятий подержать не хотели, заявляя, что эти люди «достаточно социализированы», чтобы справиться с неудобствами поступления посреди семестра.

Хуан скользил взглядом по лицам, сличая увиденное с общественными записями. Уинстон Блаунт. Сущая развалина; медицина к ретардам неласкова. Кое-что лечить умеют, остальное не берутся. И даже успешные методики лечения от пациента к пациенту давали неодинаковые результаты. Уинстону Блаунту, похоже, не слишком повезло.

Старик напряженно щурился, пытаясь проследить поисковый пример Чумлиг. Хуан его на нескольких уроках встречал. Медицинская карта Блаунта не в открытом доступе, но похоже, что с мозгами у него все более-менее; умом он не уступал некоторым соученикам. В свое время он был важной шишкой университета Сан-Диего. В свое время.

Ладно, оставим его в списке перспективных.

А это Сю Сян. Степень по физике, степень по электротехнике, президентская медаль за достижения в сфере информационной безопасности 2010 года. Послужной список почти как у нобелиата. Доктор Сян сгорбилась, глядя на парту перед собой. Она пыталась отслеживать урок по *визопейджерной странице*! Бедняжка. Но у нее, конечно, остались связи.

Чумлиг продолжала разглагольствовать о морфинге результатов в новые вопросы, не замечая, что Хуан мыслями далече.

Кто у нас следующий? Роберт Гу. Хуану на миг почудилось, что он промахнулся точкой зрения. Он бросил взгляд вправо, где зависали старперы-инклюзивщики. Роберт Гу, степень по литературоведению. Поэт. Гу сидел среди старперов, но на вид ему от силы семнадцать дашь! Хуан притворился, что внимает мисс Чумлиг, и рассмотрел новичка детальнее. Гу был тонкий, почти костлявый, и высокий, кожа – гладкая, без пигментации, но казалось, что он потеет. Хуан рискнул сходить по медицинским ссылкам наружу. *Ага*! Симптомы терапии по Венну – Курасаве. Доктор Роберт Гу большой везунчик: на такую магию среди ретардов хорошо реагирует один из тысячи. И его совсем не получалось пинганути. На парте перед ним валялся скомканный

визопейджер, но Гу его не использовал. Много лет назад чувак был известен даже больше Сю Сян, но сейчас превзошел ее в лузерстве… А кстати, что еще за «деконструктивный ревизионизм»? М-да, в списке Большого Ящера ему явно не место. Хуан отбросил результаты по этому имени в корзину… но стоп, семейные связи Гу бы надо проверить. Он послал запрос… и вдруг поперек всего зрительного поля безмолвным огнем воспылали символы беззвучного сообщения:

Чумлиг ↳ Ороско: <sm> У тебя весь день есть, чтобы в игры играть, Хуан! Если не будешь следить за материалом здесь, проваливай лучше с курса на все четыре стороны. </sm>

Ороско ↳ Чумлиг: <sm> Простите. Простите! </sm>

Он прервал очередь запросов и закрыл сеанс внешней связи. Одновременно воспроизвел последние несколько минут ее урока, отчаянно соображая над резюме. Чумлиг обычно ограничивалась колкими вопросами; это впервые она его так шуганула.

И самое удивительное, что сделала она это в коротком промежутке, пока, по мнению остальных, сверялась с заметками. Хуан поглядел на учительницу с новым уважением.

– Ты с мальчуганом как-то слишком сурова, не находишь?

В этот день Кролик испытывал новый образ, спроектированный по классическим гравюрам к «Алисе в Стране чудес», с сохранением линеатуры. На трехмерном теле эффект смотрелся откровенно глупо.

Большая Ящерица не впечатлилась.

– Ты тут чужак. Хуан мой непосредственный аффилиат, а не твой.

– Ты чего такая резкая? Я просто проверяю глубину своей аффилиации, наудачу.

– Не суйся. Хуану этот урок полезен.

– Конечно, я разделяю твои гуманитарные соображения. – Кролик послал Ящерице самую неискреннюю из своих улыбок. – Но ты его заглушила именно в тот момент, когда он заинтересовался типом, крайне любопытным мне самому. Я обеспечил тебе самую что ни на есть превосходную аффилиацию. Если ты и дальше рассчитываешь на мою поддержку, нам лучше скооперироваться.

– Слышь, ты! Я не против, чтобы пацан снаружи по своим делам лазил, но не хочу, чтоб ему навредили.

Голос Ящерицы стих, и Кролику стало интересно, не появились ли наконец у Чумлиг свои соображения. Впрочем,

неважно. Кролик развлекался, блуждая по общественной сцене Южной Калифорнии. Рано или поздно он выяснит, для чего нужна вся эта работка.

05
ОНА, доктор Сян

Урок труда. Без преувеличения, любимый урок Хуана Ороско. Труд напоминал игру на премиум-уровне: реальные гаджеты, которые можно трогать и коннектиться. На «Пирамидальном холме» за такое деньги платишь. А мистер Уильямс – не Луиза Чумлиг; он разрешал следовать своим наклонностям, но никогда не пенял за неудачи. На уроках Рона Уильямса практически никому не удавалось увернуться от высшей оценки; он был на удивление старомоден.

Кроме того, на уроках труда Хуану предоставлялась наилучшая возможность поработать над проектом Большого Ящера: во всяком случае, прозондировать старперов и сдвинутых на приватности фриков. Он бродил по большой гаджетной палатке с откровенно идиотским видом. Дипломатические игры Хуану всегда тяжело давались. А сейчас он пытался очаровать старикашек. Или делал вид, что пытается.

Сю Сян приятная дама, но она ничего толком не делала, просто сидела за лабораторным столом и читала что-то с визопейджера. Страницы были форматированы по образцу старого бумажного каталога.

– Когда-то я в этом разбиралась, – сказала она. – Посмотрика.

Она показала ему раздел на музейных страницах: *Окружение неотчуждаемой аппаратуры, авт. Сян.*

– Я разработала эту систему.

Хуан вставил уместное:

– Вы же спец мирового уровня, доктор Сян.

– Да, но… я в принципе не понимаю, как работают новые компоненты. Похожи скорей на болотную ряску, чем на уважающие себя оптические полупроводники. – Она вчиталась в описание одного из продуктов, остановилась на третьей строчке: – Что еще за избыточное запутывание?

– А-а. – Он поискал и увидел, что указатели ведут в дебри фоновых концепций. – Нам еще не положено про избыточное запутывание знать, мэм, не в этом классе.

Он махнул рукой над описаниями продуктов на визопейджере Сян. Картинки никак не отреагировали, застыли, словно каменные изваяния.

– Прокрутите вперед на несколько страниц, там будут штуковины, с которыми мы в этом классе работаем. Поищите в

разделе… – Господи, как тяжко-то искать вручную, пословно. – *Прикольные функциональные композиты* и дальше. – Он показал ей, как отождествить идентификаторы локальных частей на визопейджере. – Вам не нужно всего понимать.

– Ага. – Спустя пару мгновений она уже забавлялась с меню, загрузив полдюжины компонентных гаджетов. – Я себя ребенком чувствую. Делаю что-то, но не понимаю как. – Но стоило Хуану показать ей способы поиска интерфейсных спецификаций, и она отлично справилась с компоновкой и сборкой BuildIt. Некоторые описания ее рассмешили. – Сортировщики и перетасовщики. Твердотельные роботы. Думаю, я бы могла себе резак соорудить.

– Не вижу. – Резак? – Не беспокойтесь, вы ничего не сломаете.

Это не совсем так, но довольно близко к истине. Он сидел и наблюдал, внося некоторые предложения, хотя не совсем понимал, что именно она затеяла. Ладно, хватит, пожалуй, и такой попытки закорешиться; он проставил галочку в списке целей вынужденной дипломатии и перешел к следующему этапу.

– Доктор Сян, вы еще контачите с вашими старыми приятелями в Intel?

– Давно это было. Я вышла на пенсию в 2010-м. А когда началась война, меня даже в консалтинг не пускали. Я физически чувствовала, как мои навыки ржавеют.

– Альцгеймер?

Он понимал, что Сян *намного* старше, чем выглядит, даже старше Уинстона Блаунта.

Сян поколебалась, на миг Хуан испугался, что серьезно рассердил старушенцию. Но она лишь рассмеялась коротким печальным смехом.

– Нет, ни Альцгеймера, ни деменции. Вы… современные люди не знают, что значит постареть.

– Я знаю! Мои дедушка и бабушка еще живы. И в Пуэбло у меня прадедушка есть. Он часто в гольф играет. А у прабабушки деменция – ну вы понимаете, такая форма, что ее пока фиксить не умеют. – Вообще говоря, прабабушка выглядела гораздо моложе доктора Сян. Все полагали, что ей очень повезло. Но, если подумать, это значило только, что она прожила достаточно долго, чтобы вляпаться в такую напасть, какой лечить еще не умеют.

А доктор Сян лишь покачала головой.

– Даже в мое время не все впадали в старческий маразм. Не в этом смысле. Я просто отстала. Моя подруга умерла, и мне постепенно стало все равно. У меня не осталось жизненной энергии. – Она посмотрела на гаджет, который конструировала. – Теперь-то у меня, во всяком случае, энергии не меньше, чем в шестьдесят. Возможно, даже уровень интеллекта соответствует. –

Она хлопнула по столу. – И все, на что я гожусь, – это прокачанные кубики Лего собирать!

Было похоже, что она вот-вот расплачется, прямо на уроке труда. Хуан просканировал окружение: вроде бы никто не смотрит. Он потянулся взять Сян за руку. Ему нечего было ответить ей. Мисс Чумлиг бы сказала, что он просто не нашел правильного вопроса.

Еще нескольких нужно проверить, скажем, Уинстона Блаунта. Вряд ли это будет джекпот, но, во всяком случае, Ящеру он наверняка покажется полезен. На уроках труда Блаунт предпочитал отсиживаться в тенечке под навесом палатки и смотреть в пространство. Он что-то *носил*, но на сообщения не реагировал. Хуан дождался, пока мистер Уильямс отлучится выпить кофе, скользнул к Блаунту и сел рядом. Господи, а чувак конкретно *старый.* Хуан не видел, что же тот сёрфит, но к урокам труда это отношения явно не имело. Хуан отметил, что если Блаунту не интересен урок, он просто отключается полностью. Посидев несколько минут в молчании, Хуан понял, что и обычное общение Блаунту не интересно.

Так поговори с ним! Представь себе, что укрощаешь очередного монстра.

Хуан морфировал на Блаунта шутливый образ, и внезапно ему показалось, что начать разговор первым не так уж сложно.

– Ну и как вам уроки труда, декан Блаунт?

Древние глаза повернулись и посмотрели на него.

– Не могу быть к ним равнодушней, мистер Ороско.

О'кей. Гм. В открытом доступе на Уинстона Блаунта много чего лежит, даже переписка из какой-то старой местной группы новостей. Это всегда полезно, если хочешь привлечь к себе, м-м, внимание взрослых.

К счастью, Блаунт продолжал говорить:

– Я не такой, как некоторые тут. Я не маразматик и никогда им не был. По справедливости, мне тут не место.

– По справедливости? – Возможно, получится набрать пойнты, подражая шринкам.

– Да. Я был деканом факультета искусствоведения и литературы в 2012-м. Меня должны были избрать канцлером университета Сан-Диего. А вместо этого на академическую пенсию вытолкали.

Хуан все это знал.

– Но вы… вы так и не научились *носить*.

Блаунт прищурился.

– Я выставлял это нежелание напоказ. Мне казалось, что пристрастие к носимой электронике – просто мода, и оно

пройдет. – Он передернул плечами. – Я ошибся. Я заплатил за это тяжкую цену. Но времена меняются. – Глаза его замерцали целеустремленным блеском. – Я четыре семестра инклюзивки оттрубил. Теперь мое резюме там, в мировом эфире.

– Вы, вероятно, знакомы со многими авторитетными людьми.

– Действительно, это так. Успех придет. Это дело времени.

– В-вы знаете, декан, не исключено, что я сумею помочь. Нет, постойте, я не про себя самого. У меня есть аффилиация, в которой вы также можете быть заинтересованы.

– Да?

Похоже, он в курсе, что такое аффилиация.

Хуан разъяснил суть предложенной Большим Ящером сделки.

– В общем, тут можно заработать реальных денег.

Он показал Блаунту платежные сертификаты и задумался, какую сумму там увидит потенциальный рекрут.

Блаунт прищурился – явно пытается пропарсить сертификаты в пригодную для валидации Bank of America форму. Спустя миг он кивнул, не поделившись с Хуаном численными результатами своего просветления.

– Но деньги – еще не все, особенно в моей ситуации.

– Э-э-э, я уверен, что тот, кто оплачивает эти сертификаты, достаточно могуществен. Возможно, вам предложат приемлемую конверсию. В смысле, устраивающее *вас* занятие.

– Хорошо.

Они поговорили еще несколько минут, пока в классе не началось оживление. Некоторые проекты наконец увенчались успехом. Подвижные узлы и роевые приборы по меньшей мере у двух команд. Повсюду затрепетали бумажные крылышки. Другой роевик прополз по траве и стал подниматься по стульям и мебели. Рой избегал одежды, но все равно казался чертовски назойливым. Хуан шуганул нескольких, но приползли новые.

Ороско ↳ Блаунт: <sm> Считываете меня? </sm>

– Да, разумеется, – ответил старик.

Значит, несмотря на хвастливые заявления Блаунта, он не осилил безмолвную коммуникацию, даже пальцами стучать не научился.

Урок, впрочем, и без того подходил к концу. Хуан оглядел нависавший над ними купол палатки. Он был несколько разочарован. Почти всех по списку проверил, и никого лучше Уинстона Блаунта найти не удалось, а тот даже без слов общаться не умеет.

– О'кей. В общем, помните о моем предложении, декан

Блаунт. И подчеркну, что число вакансий ограничено.

Блаунт отреагировал на маркетинговую трепотню проницательной улыбочкой.

– А я тем временем, гм, проверю другие варианты.

Хуан мотнул головой в сторону странного новичка, Роберта Гу.

Уинстон Блаунт не следил за взглядом Хуана, но явственно покосился туда. На миг кожа его лица ощутимо напряглась. Потом усмешка возникла снова.

– Да благословит Бог вашу душу, мистер Ороско.

Хуану не выпало возможности поговорить с Робертом Гу аж до пятницы, когда они пересеклись сразу после *другого* урока мисс Чумлиг. По творческому сочинительству у Хуана почти еженедельно бывали низкие оценки. Чумлиг не придиралась к медийной форме, но требовала исполнять лично. Наблюдать чужие эпик фейлы уже неприятно, а знать, что вскоре *тебя самого* выдернут на сцену, совсем невмоготу. Порядок выступлений определялся прихотью мисс Чумлиг. Обычно Хуан только об этом бы и переживал, но сегодня у него были другие проблемы, милосердно вытеснившие привычную панику.

Хуан прошмыгнул к дальним партам и затаился там, исподтишка наблюдая. Уинстон Блаунт явился на урок, что его удивило. Блаунт прогуливал эти уроки немногим реже, чем труд. *Но он принял мое предложение*. Учетка Ящера показывала, что старик сделал первый шаг к подписи.

В дальнем углу класса Роберт Гу сёрфил по своему визопейджеру. Казалось, ему даже это дается с трудом. Но Гу принадлежал к интересной семейке морпехов – и Хуан, проверив все инструкции для аффилиата, обнаружил, что *такое* обстоятельство может оказаться очень полезным. Если получится зааффилировать Роберта Гу, он сразу на топ-уровень по бонусам выскочит.

Голос Чумлиг оборвал его мысли.

– Первым никто вызваться не рискнет? Ну что ж…

Она уставилась в пространство, потом развернулась к Хуану.

Caray!

06
Так много технологий, так мало таланта

Урок творческого сочинительства у Чумлиг обещал Роберту Гу самые неприятные впечатления из всей первой недели в Фэйрмонте. Роберт очень хорошо помнил свою учебу в старших классах. В 1965-м она ему труда не составляла, за исключением математики и естественно-научных предметов, но они ему и не были интересны. Он, по существу, никогда домашних заданий не делал. Но стихи, которые он сочинял почти бессознательно, принадлежали миру, не имевшему ничего общего с миром несчастных учителей. Те полагали, что он им послан свыше, и явно были правы. В дивном новом мире, однако, Роберту Гу была доступна лишь малая толика творений соучеников, и он не сомневался, что те, в свою очередь, мало что поймут из его собственной работы.

Он сидел на краю группы и рассеянно чертил закорючки на своем визопейджере. Как обычно, дети расселись слева, а старперы-инклюзивники – справа. Лузеры, вот они кто. Он выучил несколько имен, даже с этой Сян поболтал. Она сказала, что собирается бросить креативные уроки у Чумлиг. У нее попросту смелости не хватало выступать перед остальными. Единственный ее талант – устаревшие железки, но она хотя бы достаточно умна, чтобы признать свое лузерство. Не таков Уинстон Блаунт, лузер из лузеров. Время от времени Роберт ловил на себе косой взгляд Уинни и усмехался.

Мисс Чумлиг, стоявшая перед классом, уже выбрала первую сегодняшнюю жертву.

– Хуан, я знаю, ты практиковался. Покажи нам, что умеешь.

Мальчишка, которого назвали Хуан, встал и поплелся к центру класса. Он раньше пытался завести разговоры со старперами на уроке труда. Роберту помнилась его продаванская настойчивость. Мальчуган, пожалуй, скорее глуповат. Когда сам Роберт учился в школе, таким аттестат выдавали для проформы. Но в двадцать первом веке некомпетентность не считалась для этого уважительной причиной: у Чумлиг, кажется, на него серьезные планы. Паренек помедлил и замахал руками. Без видимого эффекта.

– Ну, мисс Чумлиг, я не зна-а-аю… еще не вполне готово.

Мисс Чумлиг лишь терпеливо покивала и жестом показала

ему продолжить.

– О'кей. – Малец прищурился, и взмахи его рук сделались еще хаотичнее. Это не было похоже на танец, и мальчишка не произносил ни слова. Но Чумлиг оперлась о стол и кивнула. Большая часть ребят наблюдала за непонятной пантомимой с таким же пристальным вниманием, и Роберт отметил, что у некоторых головы качаются словно бы в такт музыке.

Черт. Опять эта невидимая чушь. Роберт посмотрел на волшебный лист бумаги и повозился с меню выбора браузеров. Internet Explorer почти не изменился, но в выпадающем меню проявилась опция выбора режима просмотра. Ага, вот и фэнтезийные оверлеи. Он нажал на **Выступление Хуана Ороско**. Первый оверлей напоминал граффити, непристойные замечания по поводу выступлений Хуана. Вроде заметок на клочке бумаги, которым ребята перекидываются. Он выбрал второй пункт. Ага. Здесь мальчик представал стоящим на концертной сцене. За окнами класса была панорама большого города, словно бы с вершины высокой башни. Роберт задержал руку на полях страницы, и включился звук. В сравнении со звуками домашней аудиосистемы – металлический, приглушенный, а все же это был звук… музыка. Почти вагнеровская, но тут же сорвалась в нечто бравурное, вроде полкового марша. В окошке визопейджера мальчугана окружили радуги. Пушистые белые создания – *фретки*? – возникали из ниоткуда при каждом жесте его рук. Все ребята засмеялись. Хуан тоже смеялся, но жестикуляция его выдавала отчаянное замешательство. Фретки толпились на полу, плечом к плечу, музыка стала быстрой и энергичной. Зверьки слились воедино, превратились в пушистый снег и подняли мини-торнадо. Мальчишка сбавил темп; теперь музыка уподобилась медлительной колыбельной. Снег заблестел и сублимировался в пустоту по мере затихания звуков. В браузерном окне Роберта остался только пацан: ничего волшебного, стоит себе и стоит в реальности перед классом.

Одноклассники Хуана вежливо поаплодировали. Кто-то зевнул.

– Очень хорошо, Хуан! – одобрила мисс Чумлиг.

Впечатляло не меньше рекламных роликов, виденных Робертом в двадцатом веке. Вместе с тем выступление получилось явно раскоординированным: мусорная куча спецэффектов, да и только. Так много технологий, так мало таланта.

Чумлиг обсудила с классом компоненты выступления Ороско, вежливо уточнила у мальчугана, в каком направлении он планирует продолжать работу, и предложила сотрудничать (сотрудничать!) с остальными для словесного оформления

композиции.

Роберт исподтишка оглядел комнату. Окна выходят на иссушенные коричневые холмы, типичное зрелище для осени в Северном округе. Везде солнце, слабый ветерок несет запах жимолости. Он слышал, как шумят играющие дети на дальнем краю лужайки. Класс был обставлен самой дешевой пластиковой мебелью и являл эстетическое недоразумение. Да, в школе учиться было легко и в то же время неимоверно скучно; надо бы свои старые стихи перечитать на этот предмет. Заточение. Бесконечные дни сидишь ровно и слушаешь унылый треп, а снаружи тебя ждет целый мир.

Большинство учеников смотрели куда-то в сторону Чумлиг. Может, это такая искусная подделка? Но когда женщина задавала вопросы случайно выбранным детям, то получала осмысленные, хотя и сбивчивые, ответы.

И вдруг, гораздо раньше, чем он рассчитывал:

– …сегодня рано уходить, поэтому время у нас остается только для одного выступления, – сказала Чумлиг. *О чем это она? Блин.* Чумлиг посмотрела прямо на него. – Пожалуйста, покажите нам, что вы приготовили, профессор Гу.

Хуан поплелся за свою парту, вполуха слушая разбор Чумлиг. Она всегда была аккуратна в публичной критике, но дурные вести едва ли заставят себя ждать. Только близняшки Раднеры запостили одобрительный отзыв. С галерки ему ухмылялся кто-то, похожий на кролика. *А это еще кто?* Он развернулся и осел на стул.

– …поэтому время у нас остается только для одного выступления, – закончила Чумлиг. – Пожалуйста, покажите нам, что вы приготовили, профессор Гу.

Хуан глянул на Гу. Что же тот мог приготовить, в самом деле?

Роберта Гу, видимо, посетила аналогичная мысль.

– У меня, говоря по правде, нет ничего, что могли бы оценить… в этом классе. Я не делаю аудиовизуалов.

Чумлиг благожелательно улыбнулась. Когда она так улыбалась Хуану, он понимал, что отговорки не принимаются.

– Ерунда, профессор Гу. Вы же были… вы поэт.

– Да, это так.

– И я вам домашнюю работу задала.

Гу выглядел моложаво, но когда он вскинул голову и смерил мисс Чумлиг взглядом, в его глазах сверкнула непреклонная властность. *Хоспаде, ну почему я не могу на мисс Чумлиг так зыркнуть в ответ, когда она меня на вертеле крутит?* Молодой старик мгновение помолчал, затем отозвался спокойно:

– Я написал небольшое стихотворение, но, как уже говорилось, там нет… – он оглядел класс, мимолетно пришпилив Хуана взглядом к стулу, – никаких картинок и музыки, а их, как мне кажется, вы ожидаете.

Мисс Чумлиг жестом призвала его выйти на сцену.

– Ваших слов будет на сегодня вполне достаточно. Пожалуйста, проходите.

Гу помедлил еще секунду, поднялся и спустился по ступенькам. Он шел быстро, но временами спазматически подергивался. Зашелестели шепотки. На миг внимание класса сконцентрировалось так, как всегда и добивалась мисс Чумлиг.

Чумлиг уступила ему дорогу, и Роберт Гу развернулся лицом к ученикам. Конечно, слововизор он вызывать не умел, но и на визопейджер не смотрел. Он просто глянул на них и произнес:

– Стихотворение. Триста слов. Я расскажу вам о землях Северного округа – таких, каковы они в реальности, здесь и дальше.

И его рука дернулась к открытым окнам.

Потом он взял и… заговорил. Без спецэффектов, без прокрутки слов в воздухе. Да и стихотворением это сложно было назвать, потому что голос его звучал отнюдь не напевно. Роберт Гу просто говорил о лужайке вокруг школы, о маленьких газонокосилках, снующих по ней. О том, как пахнет трава и как поутру стекает по ней роса. О том, как понижается холм к ручейку на краю школьного участка и каково по этому склону бежать. Это каждый день видишь, во всяком случае, если у тебя перед глазами нет оверлеев какого-нибудь другого места.

И вдруг Хуан перестал воспринимать слова. Он *увидел*; он оказался там. Разум его воспарил над маленькой долиной, метнулся вверх по течению ручья, почти достиг подножия «Пирамидального холма»… а потом Роберт Гу замолчал, и Хуана катапультировало обратно в реальность, за парту в задних рядах на уроке творческого сочинительства у мисс Чумлиг. Он просидел несколько секунд в полном обалдении. Слова. Это же просто слова. Но они каким-то образом сотворили больше, чем визуалы. Чем гаптики. Он даже запах травы на дне пересохшего ручья почувствовал.

Какое-то время все молчали. Мисс Чумлиг стеклянными глазами смотрела на Роберта Гу. Либо сильно впечатлилась, либо сёрфит.

Затем со стороны старперов прилетела классическая Напыщенная Птичка, заложила маневр по комнате и обильно нагадила Роберту Гу на голову. Фред с Джерри захохотали, и на миг их поддержал весь класс.

Роберт Гу спецэффектов, разумеется, не заметил. Вид у него сделался озадаченный, потом он зыркнул на Раднеров.

– Спокойно! – Кажется, мисс Чумлиг не на шутку разъярена. Смех улегся, все вежливо зааплодировали. Чумлиг присоединилась на мгновение, потом опустила руки. Хуан понял, что она их всех сканирует. Обычно на граффити она внимания не обращала, но сейчас искала, на ком бы разрядиться. Взгляд ее упал на старперов и внезапно выразил некоторое удивление.

– Отлично. Спасибо, Роберт. На сегодня достаточно. Класс, задание на дом: совместная работа и совершенствование уже сделанного. Найдите себе партнеров для следующего этапа. Не забудьте прислать мне составы команд и планы игры, прежде чем мы снова увидимся.

Когда они вернутся по домам, на почту уже упадут письма с Неприятными Подробностями.

Прозвучал звонок – на самом деле сигнал, поданный самой мисс Чумлиг. Когда Хуан выбрался из-за парты, все уже сломя головы устремились к двери. Неважно. Он все еще не вполне очнулся после погружения в *виртуальную* виртуальность Роберта Гу.

Он видел, что до Гу наконец доходит – урок окончен. Через несколько секунд поэт тоже выйдет из класса. *Мой шанс завербовать его к Ящеру.* И, возможно, еще один шанс… Он задумался о волшебной силе слов старика. А вдруг, а вдруг они бы смогли сотрудничать? Над Робертом Гу все посмеялись. Но прежде чем вылетела Напыщенная Птичка, прежде чем поднялся хохот, Хуан Ороско ощутил ошеломленное молчание вокруг.

И подумать только, он это сотворил одними словами…

Когда Роберт шел на сцену, он был скорее раздражен, чем нервничал. Он очаровывал студентов тридцать лет. Не составит труда очаровать их стишком, составленным сегодня. Он развернулся и посмотрел на учеников.

– Стихотворение, – проговорил он. – Триста слов. Я расскажу вам о землях Северного округа – таких, каковы они в реальности, здесь и дальше.

Пасторальное клише; он набросал стишки вчера вечером по воспоминаниям о Сан-Диего и виденном в поездке до Фэйрмонта. Но на несколько минут слова зацепили слушателей, как в старые дни.

Когда он замолчал, пала кратковременная абсолютная тишина. Какие впечатлительные детишки. Он глянул на взрослых: кривая враждебная усмешка на лице Уинстона Блаунта. *А ты, как всегда, завидуешь, э, Уинни?*

Потом парочка олухов на передних партах засмеялась. Это

спровоцировало остальных на сдавленное хихиканье.

– Спокойно! – Чумлиг выступила вперед, и все зааплодировали. Даже Блаунт.

Чумлиг еще что-то сказала. Прозвенел звонок, ученики кинулись к дверям, на перемену. Он пошел за ними.

– О, Роберт, пожалуйста, задержитесь ненадолго, – сказала Чумлиг. – Колокол этот звонит не по вам. – Она улыбнулась, без сомненья, крайне довольная удачно ввернутой аллюзией. – Ваши стихи так прекрасны! Я бы хотела перед вами извиниться за поведение класса. Они не имели права так…

Она показала на что-то в воздухе над его головой.

– Что?

– Не обращайте внимания. Боюсь, они не слишком одарены. – Она испытующе посмотрела на него. – Трудно поверить, что вам семьдесят пять! Современная медицина чудеса творит. Были у меня и раньше пожилые студенты, и я понимаю ваши трудности.

– Ну да, несомненно.

– Что бы вы ни сделали тут, тем самым окажете им услугу. Надеюсь, вы останетесь и поможете им. Переработайте свое стихотворение с учетом визуальных дополнений какого-нибудь ученика. Они научатся у вас, а вы – у них. Мир покажется вам более уютным и удобным местом.

Роберт скорчил улыбочку. М-да, в мире никогда не переведутся кретины вроде Луизы Чумлиг. К счастью, ее внимание уже переключилось на кого-то другого:

– Ой, я *заболталась*. Вы только гляньте на время! Мне пора на удаленку. Пожалуйста, извините.

Чумлиг развернулась и отошла к центру комнаты. Выставила руку в сторону верхнего ряда парт.

– Привет всем. Сэнди, перестань с единорогами играть!

Роберт уставился на пустое помещение и говорившую с собой женщину. Так много технологий…

Толпа учеников снаружи рассеялась. Роберт остался один и начал осмысливать свое погружение в «академическую среду». Могло быть и хуже. Его стишок им более чем понравился. Даже Уинни Блаунт аплодировал. Всегда приятно впечатлить ненавистника.

– Мистер Гу? – спросил застенчивый голосок. Роберт вскинулся. Из-за двери класса выглядывал тот пацан, Ороско.

– Привет, – сказал Роберт и добродушно улыбнулся ему.

Наверное, чересчур добродушно. Ороско выбрался из засады и пошел рядом с ним.

– Мне… мне очень понравилось ваше стихотворение.

– Да полно тебе.

Мальчик обвел рукой залитую солнцем лужайку.

– Мне показалось, что я действительно там, снаружи, бегу под солнцем. И все это без гаптиков, без контактов и носимых приблуд. – Он вскинул глаза на Роберта и тут же отвел. В них был восторг, не лишенный приятности, окажись это кто-нибудь достойней. – Готов об заклад побиться, вы ничем не хуже топовых игрекламистов.

– Я тоже готов.

Мальчуган замялся и на мгновение умолк.

– Я заметил, вы не носите. Я бы вам мог с этим помочь. А вдруг, а вдруг у нас получится работать в команде? Ну а вы бы мне со словами помогли.

Еще один взгляд на Роберта, и слова хлынули бурным потоком.

– Мы могли бы друг другу помочь, и вот еще что, у меня есть для вас предложение. Можно денег заработать. Ваш друг мистер Блаунт уже согласился поучаствовать.

Они прошли молча еще дюжину шагов.

– Что скажете, профессор Гу?

Роберт ласково улыбнулся Хуану и, дождавшись, пока пацан явственно воспрянет духом, произнес:

– Скажу, молодой человек, что скорее ад замерзнет, чем я надумаю работать в команде со старым идиотом вроде Уинстона Блаунта… или юным идиотом вроде тебя.

Псс! Мальчишка отпрянул, аж споткнулся, словно Роберт ему закатил оплеуху. Роберт, улыбаясь, двинулся дальше. Радость маленькая, как то стихотворение, но это уже кое-что.

07
Инцидент с Эзрой Паундом

Утренние озарения Роберта имели темную изнанку. Порой он просыпался не с отличным решением, а с жутким осознанием, что определенная проблема реальна, назрела и кажется неразрешимой. Он себя не накручивал: это было проявлением защитной креативности. Иногда опасность заставала его врасплох, но чаще он уже отдавал себе отчет в том или ином неудобстве, а теперь понимал, что оно чрезвычайно опасно. Приступы паники обыкновенно приводили к верным решениям, например, в случае, когда он отозвал самую первую свою длинную поэму из маленького издательства и тем скрыл ее наивное мелкотемье от глаз публики.

И, очень редко, новая проблема оказывалась абсолютно неразрешимой, а он совсем терял голову в преддверии катастрофы.

Тем вечером, возвращаясь с презентации в Фэйрмонте, он чувствовал себя довольно неплохо. Подрастающее поколение впечатлено его работой, как и старперы вроде Уинстона Блаунта – идиоты, устроенные чуть сложней. *Дела идут на лад. Я возвращаюсь.* За ужином Роберт рассеянно отбивался от попыток Мири навязать ему различную помощь. Боб все еще отсутствовал. Роберт без особого энтузиазма расспрашивал Элис, как прошли последние дни Лены. Спрашивала ли Лена про него под конец? Кто присутствовал на ее похоронах? Элис вела себя терпеливей обычного, но особой информации из нее вытянуть по-прежнему не удавалось.

С этими вопросами он заснул.

И проснулся, намереваясь отыскать ответы. Когда вернется Боб, нужно будет с ним поговорить начистоту насчет Лены. Боб знает некоторые ответы. А остальное… для остального существуют поиск и анализ. Чумлиг рассказывала про Друзей Приватности. Есть методы, позволяющие пробиться сквозь сети вранья, сплетенные ими. У Роберта все лучше получалось искать и анализировать. Так или иначе, а память об утраченном времени с Леной он восстановит.

Это хорошие новости. А плохие надвинулись постепенно, пока он лежал, сонно раздумывая о том, как бы приспособить технологию к поискам Лены… Самой скверной новостью стала его абсолютная, нутряная уверенность в том, что раньше он ощущал лишь смутно. *Да, вчера моя поэзия потрясла подростков*.

Но какой смысл этому радоваться? Он дурень, что позволил себе даже на миг потешиться таким результатом. Даже намек на удовольствие должен был испариться вместе с похвалой мальца Хуана Как-Его-Там, сравнившего Роберта с талантливыми рекламщиками-копирайтерами. *О Боже!*

Но Уинстон Блаунт тоже аплодировал легкой импровизации Роберта. Уинстон Блаунт вполне компетентен и понимает, стоила ли стихотворная овчинка выделки. Тут-то Роберта и посетило утреннее озарение: он вспомнил аплодисменты Уинни, размеренные хлопки его ладоней, усмешку на лице. *Не так* выглядят пораженные и пристыженные враги. В старые дни Роберт ни за что бы не поддался иллюзии. О нет. Уинни *подтрунивал*. Уинстон Блаунт дал ему понять то, что и самому Роберту полагалось бы сразу сообразить. Стихотворение, вдохновленное видом из окна, – дерьмо собачье, и похвалили его те, кто в жизни ничего слаще не едал. Роберт долго лежал в неподвижности, чувствуя, как рвется из горла сдавленный стон, и вспоминал банальные слова небольшого стихотворения.

Вот в чем состояло мрачное озарение того утра. Оформился вывод, от которого ему удавалось уворачиваться все время после возвращения из мертвых. *Я потерял дар музыки слов.*

Его ежедневно посещали поэтические идеи, но стихи не ложились на бумагу. Ни строфы. Он твердил себе, что гениальный талант вернется, как вернулось все остальное, что дар уже возвращается – постепенно, вместе с небольшими стихотворениями. Но это мираж. И он сам понимал, что это мираж. Он умер изнутри, его дарование испарилось и заменено случайным сочетанием механических диковинок.

Ты не можешь быть в этом уверен! Он скатился с кровати и кинулся в ванную. Воздух был холодный, неподвижный. Он уставился через полуоткрытое окошко ванной в садик, на искривленные можжевельники, на пустынную улочку. Боб и Элис отвели ему комнаты на верхнем этаже. Забавно было снова подниматься и спускаться по лестнице.

Если начистоту, то никаких принципиальных перемен не произошло. Новых подтверждений его уродства не появилось. Он просто исполнился уверенности, что искалечен: такой уверенности, какая приходила лишь с озарениями поутру. *Ну блин. Но ведь может в кои-то веки паника оказаться беспочвенной?* Возможно, это тревога из-за мыслей о смерти Лены вынуждает его во всем видеть смерть и бесплодие.

Да-да. Никаких проблем. Совсем никаких.

То утро он провел в панической горячке, пытаясь доказать

себе, что сохранил талант и по-прежнему способен писать. Но никакой бумаги, кроме умного листа инфолио, под рукой не было, а когда он писал на нем, каракули превращались в ровные ошрифтованные строки. В прошлом его это раздражало, но ни разу настолько, чтобы пуститься на поиски настоящей бумаги. Сегодня же, сейчас… он чуял, что душа уходит из его слов еще прежде, чем они сложатся в поэзию! Окончательная победа автоматизации над творческой мыслью. Ничего толком не коснешься. Вот что мешает окончательному возвращению его талантов! А во всем доме нет ни одной нормальной книги, бумажной, с печатными строчками.

Ага… Он ринулся в подвал и выволок оттуда одну из плесневеющих картонных коробок, привезенных Бобом из Пало-Альто. Внутри оказались настоящие книги. Ребенком Роберт почти все лето проводил на диване в гостиной. Телевизора у них не было, но он ежедневно приносил домой новую связку книг из библиотеки. Летом, валяясь на диване, он вкушал глубокой мудрости и фривольного трэша – и узнавал больше, чем за весь учебный год. Быть может, там он и научился музыке слов.

Эти книги ценности почти не имели. Университетские каталоги времен, предшествующих полной оцифровке в Стэнфорде. Рукописные заметки, терпеливо отксерокопированные его секретаршами для студентов.

Но да, несколько томиков поэзии здесь нашлось. Прискорбно мало, и последние лет десять их перечитывали только мокрицы. Роберт поднялся и окинул взглядом коробки, уходящие дальше в сумрак подвала. Несомненно, в них есть и другие книги, пускай подбор их и случаен: то, что осталось после продажи Бобом на аукционе имущества из Пало-Альто. Он опустил глаза на книгу в своей руке. Киплинг. Ох уж эти бравурные марши ура-патриотов. *Но для начала сгодится.* В отличие от библиотек киберпространства, эти книги можно в руках подержать. Он устроился на коробках и начал читать, забегая умом впереди слов, пытаясь вспомнить остаток стихотворения, пытаясь *воссоздать* его.

Прошел час. Два часа. Он отстраненно осознавал, что Элис спускалась пригласить его на ланч, а он нетерпеливым жестом отогнал ее. Слишком важное дело. Он начал вскрывать коробку за коробкой. Местами попадались книги Боба с Элис, еще более бессмысленные, чем тот мусор, который они притащили из Пало-Альто. Однако добычей Роберта стала и еще дюжина томиков поэзии. Включая… достойные работы.

Минула середина дня. Он все еще мог *наслаждаться* поэзией, но это наслаждение было неотделимо от боли. *Я больше не могу*

писать хорошие стихи, если только не вспомню их по случаю. Паника нарастала. Наконец он поднялся и швырнул томик Эзры Паунда в стену подвала. Переплет старой книги треснул, она распласталась на полу, как бумажная бабочка с оторванными крыльями. Мгновение Роберт смотрел на нее. Никогда еще он не причинил вреда книге, даже самой дерьмовой. Он пересек подвал и опустился на колени рядом с калекой.

Именно этот момент выбрала Мири, чтобы весело сбежать вниз по лестнице.

– Роберт! Элис говорит, можно аэротакси вызывать! Куда ты хочешь отправиться?

Слова эти бессвязным шумом саднили его отчаявшуюся душу. Он поднял книгу и покачал головой.

– Никуда.

Уходи.

– Не понимаю. Зачем ты тут корячишься? Есть же способы полегче. Найти то, что тебе нужно.

Роберт поднялся, ощупывая томик Эзры Паунда и пытаясь сложить его вместе. Он посмотрел на Мири. Теперь-то она заслужила его внимание. Улыбается, такая уверенная в себе, не потерпит никакого неповиновения. В тот момент она не поняла, что за свет загорелся в его глазах.

– И какие же это способы, Мири?

– Проблема в том, что у тебя нет доступа ко всему вокруг. Ты ведь поэтому тут внизу сидишь и читаешь старые книги, ага? В каком-то смысле ты вроде маленького ребенка, но это классно, это *здорово!* У взрослых, вроде Элис и Боба, полно дурных привычек, которые их тормозят. А ты начинаешь практически с чистого листа. Тебе будет совсем легко выучиться новому. Но не в этих идиотских устных классах. Понимаешь? Давай я тебе покажу, как носить.

Она его давно уже донимала этой тягомотиной, но сегодня ее приставания воспринимались в новом, оригинальном аспекте.

На сей раз он ей так этого не оставит.

Роберт сделал шаг ей навстречу.

– Так, значит, ты за мной тут подглядывала? – мягко спросил он, закладывая фундамент намеченного.

– Э-э-э, ну в общих чертах. Я…

Роберт сделал еще один шаг ей навстречу и сунул Мири в лицо изуродованный томик.

– Ты слышала когда-нибудь об этом поэте?

Мири прищурилась на исковерканный переплет.

– Э… З… А, Эзра Паунд? Ну… да, я ее читала. Давай я тебе покажу, Роберт!

Она помедлила, но потом увидела лежащий на коробке лист. Подхватила, и он ожил. По странице заструились названия, стихи, эссе – боже правый, даже позднейшая критика из немыслимых глубин двадцать первого века.

– Но если ты его на этом листе читаешь, Роберт, то это все равно что в замочную скважину смотреть. Давай я тебе покажу, как видеть все вокруг, как с помощью…

– Хватит! – воскликнул Роберт. Усилием воли он приглушил голос, сделал его режущим, подчеркнуто рассудительным. – Ты простушка. Ты ничего не знаешь, а воображаешь, что рулишь моей жизнью, как жизнями своих маленьких приятелей.

Мири отступила на шаг. На ее лице возникло ошеломленное выражение, но до губ еще, надо полагать, не добралось.

– Да, так Элис говорит, что я слишком властная, и…

Роберт сделал еще шаг, припер Мири к лестнице.

– Ты всю жизнь в видеоигры играешь, уверяешь себя и своих дружков, будто вы чего-то стоите, будто вы красавцы. Готов об заклад побиться, ваши родители настолько глупы, что поддерживают вас в превосходном мнении о ваших умственных способностях. Но толстая избалованная бездарь в начальницы не слишком годится.

– Я…

Мири вскинула руку ко рту, глаза ее полезли из орбит. Она неловко попятилась вверх по лестнице. Слова Роберта пробили броню самоуверенности и веселости.

Роберт продолжал напирать:

– *Я, я*… Да, наверное, твой эгоистичный маленький ум в основном на себе и сосредоточен. Трудно было бы иначе мириться с ощущением собственного ничтожества. Но в следующий раз, когда нацелишься командовать *моей* жизнью, подумай об этом как следует.

В глазах девочки закипели слезы. Она развернулась и кинулась вверх по ступенькам. Не уверенным детским топотом, как прежде, а мягко, почти неслышно, словно не хотела никоим образом привлекать к себе внимание.

Роберт мгновение стоял, оглядывая пустую лестницу. Это было как стоять на дне колодца с пятнышком света наверху.

Он вспоминал. В то время… когда ему было пятнадцать, а его сестре Каре десять… Кара сделалась независимой и стала его раздражать. У Роберта наметились свои проблемы, совершенно тривиальные с позиции семидесятипятилетнего человека, но в ту пору они казались значительными. Он пробился мимо новообретенного сестринского эго и дал ей понять, как мало она значит для великого порядка вещей; его это очень порадовало.

Роберт стоял, смотрел вверх, на пятно дневного света, и ждал прилива радости.

Боб Гу вернулся после отчета поздно вечером в субботу. Он мало следил за событиями дома, парагвайская операция занимала его всецело. Ну да, предлог. Но и зерно истины в этом есть. Ракеты под детдомом, готовые к запуску. Там, в Асунсьоне, он заглянул в бездну.

И лишь вернувшись домой, он услышал скверные новости *местного* масштаба…

Дочка слишком подросла, чтобы сидеть у него на коленях, но придвинулась близко к нему на диванчике и взяла его руки в свои. Элис устроилась напротив; вид у нее был спокойный, но Боб понимал, что она в бешенстве. Трудности на тренингах, да еще эта история дома… у нее скоро крыша поедет.

Его очередь разгребать семейные дела.

– Мири, ты ничего плохого не сделала.

Мири покачала головой. Ее глаза были окольцованы темными пятнами; по словам Элис, она лишь час как перестала плакать.

– Я ему помочь хотела, а он…

Она умолкла. В голосе девочки и следа не осталось от уверенности, присущей Мири в последние два-три года. *Блин.* Краем глаза Боб видел, что отец все еще пребывает в комфортном уединении у себя наверху, молча нависает над ними всеми. Следующий пункт программы: навестить папочку. Старому хрену заготовлен сюрприз.

А пока есть дела поважнее, нужно кое-что исправить:

– Я понимаю, Мири. И мне кажется, ты очень помогла дедушке за то время, что он с нами живет. – Если б не Мири, старикан бы все еще шнурки учился завязывать. – А помнишь, мы о таком говорили, когда дедушка вернулся? Он не всегда приятный человек… – *точнее, никогда, за исключением случаев, когда ему что-нибудь нужно или он готовит пакость; тогда он почти любого на свете очаровать способен.*

– Д-да, помню.

– Когда ему приспичит тебя обидеть, то, что он говорит, не имеет никакого отношения к тому, плохо ты поступаешь или хорошо, умно или глупо.

– Н-но, может, я слишком на него давила. Ты его не видел утром, Боб. Он такой грустный. Он думал, я не замечаю, а я вижу. У него пульс участился. Он сильно боится, что больше не сможет писать. Он скучает по бабушке, в смысле, по Лене. *Я* скучаю по Лене! Но я…

– Мири, это не твои заботы. – Он бросил взгляд поверх ее головы на Элис. – Это мои заботы, и пока я с ними справляюсь

отвратно. А твоя работа, гм, ходить в Фэйрмонтскую начальную старшую.

– Она называется *Фэйрмонтская старшая.*

– О'кей. Слушай. Ты ведь только об учебе и думала, пока дедушка не нарисовался. О школе, друзьях, проектах. Ты разве не собираешься на Хеллоуин это место переделать?

Лицо Мири озарили отблески прежнего энтузиазма.

– Ага. У нас полная детализация по Спилбергу – Роулинг, Аннет хочет…

– Сконцентрируйся на этом и на обычных школьных заданиях, пожалуйста. Это твоя миссия, детка.

– А что с Робертом?..

А Роберт пускай катится к черту.

– Я поговорю с ним. Думаю, ты права, и у него проблема. Но, знаешь ли, иногда… в общем, тебе нужно кое-чему научиться. Так вот, есть на свете люди – мастера создавать проблемы самим себе. Они никогда не прекращают вредить самим себе и окружающим пакостить. В этих случаях главное – не дать им навредить тебе.

Мири потупилась, вид у нее сделался неимоверно грустный. Но потом вскинула голову и, с привычной воинственностью выпятив подбородок, опять посмотрела на него.

– Может, с другими это так и есть… но он *мой* дед.

08
Не предназначено для обслуживания пользователем

После той примечательной субботы Роберт Гу проводил в доме своего сына все меньше времени. Он там спал, по-прежнему занимая комнату на верхнем этаже. Порой даже ел в столовой; Мири неизменно отсутствовала, Элис держалась каменно-равнодушно. Боб, когда появлялся, привечал его еще меньше. Роберт жил взаймы, и с его физиологическим состоянием это не имело ничего общего.

Он зависал в пустых классах школы и читал свои старые книги. Он чаще обычного сёрфил в Сети. Чумлиг показала ему некоторые современные приложения на визопейджере, которые даже не пытались маскироваться под программы эпохи WinME.

Он ездил по городу. Отчасти затем, чтобы разобраться с беспилотными машинами, отчасти желая увидеть, как поменялся Сан-Диего. Муравейник пригородов показался ему таким же унылым, как и в прошлом. Однако, обнаружил Роберт, его новая увечная личность обрела тягу к гаджетам. Повсюду он замечал таинственные машинки. Они рыскали в стенах, гнездились на деревьях или просто валялись на лужайках. Работали они бесшумно, почти не попадаясь на глаза, двадцать четыре часа в сутки. Он стал задумываться, где пределы всего этого.

Однажды после уроков Роберт поехал далеко в Восточный округ, углубляясь в бескрайние безликие пригороды. Он забрался уже далеко в горы, но плотность застройки никак не уменьшилась. Лишь милях в двадцати за Эль-Кахоном он увидел пустынный район, где, по впечатлению, разворачивались боевые действия. Из домов в нескольких сотнях ярдов дальше по трассе вздымались столбы дыма. Он опустил стекло и услышал нечто вроде артиллерийских залпов. Ответвление дороги утыкалось в высокий забор. На ржавой табличке значилось «UP/Express» или что-то в этом роде.

Он поехал дальше, оставив странный полигон за спиной.

Уровень хайвея неуклонно поднимался, перевалив за четыре тысячи футов. Съезды с трассы попадались все реже. Автомобиль медленно набирал скорость. Если верить неуклюжему эмулятору приборной доски из игровой папки WinME, беспилотное авто выдавало больше 120 миль в час. Валуны и кустарники за плечом размылись в марево, потом стекло машины поднялось само собой.

На полосах далеко справа возникали авто с ручным управлением; Роберт обгонял их, будто стоячие. *Надо все же снова научиться водить самому.*

Он перевалил через гребень. Автомобиль замедлился, входя в повороты на скорости не больше пятидесяти миль в час. Ему вспомнилась поездка с Леной по куда более тесному хайвею номер 8, наверное, где-то в 1970-м. Лена Льюэллин впервые оказалась в Калифорнии и США. Масштабы местности в сравнении с ее родной Британией ошеломляли. Какая Лена была тогда открытая, какая доверчивая. Еще до того, как решила стать психиатром.

Холмы утратили блекло-зеленый оттенок и превратились в груды скругленных валунов. За ними и в стороне, насколько хватало глаз, простиралась пустыня. Он съехал с гор, свернул с хайвея номер 8 и медленно двинулся по старым пустынным дорогам в сторону парка Анса-Боррего. Последние пригороды маячили на гребне гор. Внизу все было, в общем, таким же, каким запомнилось ему в студенческие годы. И за столетия до того.

На дорогах местного значения в изобилии встречались указатели. Некоторые заржавели и накренились, но они были настоящие. Он заметил продырявленный пулей указатель остановки, исчезающий позади. Какая красота. Еще чуть дальше пыльная тропинка петляет по бесконечной пустыне. Автомобиль отказался туда поворачивать и вякнул:

– Простите, сэр, но навигация на этой дороге недоступна, а у вас нет водительских прав.

– Ха. В таком случае я пешком пройдусь.

Как ни странно, ему не возразили. Он открыл дверь и вышел навстречу послеобеденному ветерку. Он почувствовал, как спадают оковы духа. Отсюда была видна вечность. Роберт двинулся на восток по грязному проселку. *Наконец-то* естественная природа.

Он споткнулся о что-то металлическое. Гильза? Нет. Из серого камня выступали три антенны. Он отшвырнул приборчик в кусты. Даже здесь от Сети не ускользнуть. Он вытащил волшебный свиток и посёрфил местность. Ему показали почву вокруг – вероятно, с какой-то встроенной камеры; над каждым сорняком парили маленькие надписи: *Ambrosia dumosa* тут, *Encelia farinosa* там. По верху страницы побежала реклама парковой сувенирной лавки.

Роберт набрал 411. В углу страницы включился счетчик: почти пять долларов в минуту. Такой тариф означал, что ответит ему человек. Роберт сказал бумаге:

– Как далеко я от… – *естественного мира?* –

неусовершенствованной территории?

Цвет тега изменился, его запрос направили субконтрактору. Ответил женский голос:

– Вы почти на месте; еще… две мили в выбранном вами направлении. Если позволите, сэр… не обязательно звонить в 411 по таким вопросам. Вам нужно только…

Но Роберт уже сунул лист обратно в карман. Он двинулся на восток, тень проторяла ему дорогу. Он очень давно не ходил пешком две мили. Даже до болезни Альцгеймера прогулка в две мили показалась бы ему чем-то чрезвычайным. Но сегодня он даже не запыхался, а суставы не болели. *Самая важная часть меня поломана, а все остальное работает идеально.* Рид Вебер был прав. Минное поле, засеянное на небесах. *Как мне повезло.*

По ветру донесся шум стартующего электродвигателя. Его машина куда-то уезжала по своим делам. Роберт не оглянулся.

Тень стала длинней, воздух остывал. Наконец он достиг рубежа природы. Ему в ухо пропищали, что он покидает размеченный участок парка. За этой границей гарантировалась лишь «низкоскоростная беспроводная связь на случай ЧП». Роберт пошел дальше, в неведомую глушь. *Значит, вот каково наилучшее доступное в эти дни приближение к одиночеству.* Хорошее чувство. Холодная чистота.

На миг его захлестнули воспоминания о субботней стычке с Бобом, а реальность пустынного вечера отдалилась. Много лет назад он часто ссорился с сыном, пытаясь отговорить того закапывать свои таланты в армии. Но в прошлую субботу гнев обратился на него самого.

– *Сядь!* – гаркнул на отца взрослый мальчик неслыханным тоном.

Роберт опустился на диван. Сын навис над ним, потом отстранился, сел рядом и подался поближе.

– Мири не хочет делиться подробностями, но мне и так ясно, что вы натворили тогда, мистер.

– Боб, я только…

– Заткнись. У моей дочки достаточно проблем, и я не потерплю, чтобы *еще и ты* ее нагружал! – Он не сводил с Роберта гневного ровного взгляда.

– …не хотел ей навредить, Боб. У меня выдался неудачный день. – Далекой частью сознания он понимал, что *ноет*, но перестать не мог. – Боб, где Лена?

Боб прищурился.

– Ты меня уже спрашивал. Я тогда задумался, не наигранный ли это интерес. – Он пожал плечами. – Теперь мне начхать. После сегодняшнего я бы тебя с удовольствием выставил, но… Папочка,

ты в курсе своих финансов?

Все к этому шло.

– Да… в WinME есть пакет финансовых программ. Мои сбережения в 2000-м… Я был мультимиллионером.

– Три пузыря назад, пап, и в каждом случае ты поставил не на ту лошадку. Видишь ли, ты практически самостоятельный человек. Тебе трудно будет рассчитывать на какую-нибудь помощь общества. Налогоплательщики неласковы к старикам; страной и так почти сплошь старперы рулят. – Он помедлил. – И после сегодняшнего на мою щедрость ты тоже не рассчитывай. Мама умерла два года назад, а ушла от тебя за десятки лет до того. Тебе бы стоило вот о чем подумать. Где все твои старые стэнфордские друзья?

– Я… – В памяти Роберта всплывали лица. Он тридцать лет работал на факультете английской филологии и литературы в Стэнфорде. Много лиц. Некоторые принадлежали людям намного младше. Где они сейчас?

Он молчал. Боб кивнул.

– Правильно. Никто к тебе не заглянул, никто даже не попытался с тобой связаться. Я должен был догадаться. Я уже понял, еще до происшествия с ней, что как только к тебе вернутся силы, ты постараешься напакостить ближним, и твоей целью, скорее всего, станет Мири. Я пытался помешать этому, натравить тебя на кого-то из старых приятелей. И знаешь что, пап? Никто не хочет с тобой знаться. Ну да, журналюги, поклонники творчества, хотя их стало гораздо меньше, но ни одного друга. – Он помолчал. – Вариантов у тебя в обрез. Доучись семестр, научись, чему сможешь. *А потом проваливай из нашего дома*.

– Но, Боб, Лена, что с Леной?

Боб покачал головой.

– Мама умерла. Тебе от нее никакой пользы не было, кроме как от служанки или боксерской груши. Слишком поздно. Она мертва.

– Но… – Воспоминания наползали друг на дружку. Последнее десятилетие в Стэнфорде. Боллингенская премия, Пулитцеровская премия. Лены с ним *тогда* не было. Они развелись примерно в то же время, когда Боб завербовался в морпехи. И тем не менее… – Ты же помнишь. Лена меня отвезла в тот приют, «Конец радуг». И *она была там*, когда мне стало реально хреново. Она была там с Карой… – его сестренкой, все еще десятилетней, мертвой с 2006-го. Он осекся.

В глазах сына что-то блеснуло.

– Да, мама была там, и Кара тоже. Ты меня на жалость не купишь, пап. Выметайся из этого дома. В конце семестра самое

позднее.

После той субботы более продолжительной беседы Роберт не имел ни с кем.

Стало холодно. Он забрался далеко в пустыню. Половину небосклона проглотила ночная тьма. Над ровной пустыней, уходящей в вечность, зажигались звезды. Может, где-то там сокрыта «Тайна вернувшегося»… и состоит она в том, что лучше б ему уйти туда, вечно блуждать в голубоватой тьме. Он прошел еще немного, потом сбавил шаг, остановился рядом с большим валуном неправильной формы и посмотрел в ночь.

Спустя несколько минут он повернулся и пошел обратно, к ярким сумеркам.

Хуан затруднялся выполнить задание Большого Ящера. Школа слишком отвлекала. Чумлиг требовала закончить проекты и хотела увидеть впечатляющие результаты. Хуже всего, что попечительский совет неожиданно постановил назначить креативную демонстрацию на вечер родительского собрания – вместо последнего экзамена. Низкие оценки и разочарование Чумлиг на него и так давили; Хуан смирился с мыслью, что он лузер. Но подобного публичного унижения он стремился избежать всеми силами.

Поэтому уже некоторое время он был занят другим: подыскивал себе напарника по сочинительству. Трудность заключалась в том, что литературным даром Хуан не обладал. С математикой и форумами по интересам дела у него тоже обстояли посредственно. Мисс Чумлиг говорила, секрет успеха – научиться задавать правильные вопросы. Но чтобы это делать, нужно, как она тоже говорила, кое-что знать кое о чем. Сия мудрость в сочетании с «у каждого свой талант» легла в основу ее уроков. Хуану это не помогало. Он мог надеяться, вероятно, лишь на участие в такой большой группе, что лузеры там надежно прикроют друг друга.

В тот день он сидел у задней стены трудовой мастерской вместе с Фредом и Джерри. Близнецы прогуляли свой урок труда и остаток дня маялись тут, а не в учебном классе. По-своему прикольное зрелище. Они делали вид, что работают над магнитным оррерием – вопиющий плагиат, на планах даже исходные URL не затерты. Примерно половине учеников удалось что-нибудь склепать. Бумажные самолетики Дорис Шлей поднялись в воздух, но команда обнаружила катастрофические проблемы с устойчивостью полета. Они не знали, что виной тому неофициальный проект Фреда и Джерри: близнецы хакнули систему вентиляции мастерской и, притворяясь, что корпят над оррерием, отклоняли самолетики Шлей кондиционерами.

Сю Сян сгорбилась над транспортным лотком, который с недавних пор ее занимал. В последнее время выглядела она не такой отчаявшейся и равнодушной, хотя лоток помяла, и было ясно, что проку с него мало. Сян буквально носом уткнулась в оборудование, то и дело отвлекаясь, изучая визопейджер и возвращаясь к недвижимой горемычной конструкции.

После того как Хуан завербовал Уинстона Блаунта, бывшего декана было почти не видать. Хуана это обнадежило: может, над своим заданием по аффилиации работает.

Хуан откинулся так, чтобы его обдувало холодным воздухом из кондиционеров. Хорошо. У входа в мастерскую, напротив, жарко и шумно, но именно там обосновался Роберт Гу и раньше украдкой подсматривал за Сян. Порой казалось, что Сян тоже поглядывает на него, но еще более настороженно. Теперь глаза Гу были устремлены на перекресток: время от времени подкатывали автомобили, высаживали или забирали пассажиров и уезжали. Стол перед лжетинейджером был завален фрагментами BuildIt; виднелось несколько неустойчивых башенок. Хуан приблизил картинку, захватил пару их в ракурс из точки под крышей палатки над головой Гу. Гм. У этих гаджетов ни движков нет, ни даже контроллеров.

Значит, Гу провалится на экзамене с не меньшим треском, чем Хуан на сочинении. Хуана внезапно осенило – не испытать ли метод Большого Ящера? А вдруг сейчас его одноклассник более расположен к сотрудничеству в проекте для мисс Чумлиг? *Но я на прошлой неделе уже пытался*. Писателя круче Роберта Гу Хуан не знал. Такой мастер, что словом убить может. Хуан понурился – забыть бы события прошлой недели…

И тут он понял. *Чувак же не носит, значит, сейчас смотрит в никуда. Он, наверное, одурел от скуки*. Минут десять Хуан боролся с искушением, но до конца урока труда было еще тридцать, а Раднеры слишком сосредоточились на системе ПВО мастерской.

Джерри ↳ Хуан: <sm> Эй, ты куда? </sm>

Хуан ↳ Раднеры: <sm> Попытаюсь снова наживку на Гу закинуть. Пожелайте мне удачи. </sm>

Фред ↳ Хуан: <sm> Вредно для здоровья так на оценки наяривать. </sm>

Хуан блуждал по палатке, обходя лабораторные столы и делая вид, что разглядывает чужие проекты. В итоге он прибился к странному старику. Гу повернулся посмотреть на него, и с Хуана вся решимость слетела. Потное лицо Гу казалось не старше, чем у Фреда Раднера, но глаза, холодные и жестокие,

заглядывали прямо в душу Хуану. На прошлой неделе чувак притворялся дружелюбным, а потом взял и одним ударом располосовал Хуана. Заготовленное Хуаном умное вступление испарилось из башки, и даже глупой замены он не подыскал.

Наконец он робко показал на диковинные башенки, с которыми работал Роберт Гу.

– А что это за проект?

Молодой старик не сводил глаз с Хуана.

– Часы.

Потом он полез в ящик с запчастями, вынул три серебристых шарика и уронил их в отверстие на вершине самой высокой башни.

– Ой!

Шарики, ударяясь друг о друга, покатились по соединявшимся лестничным пролетам. Первая башня была установлена прямо перед Хуаном. Каждая из остальных, переходя слева направо, – немного короче и значительно сложнее последней. Мистер Гу израсходовал большую часть «классических запчастей» Рона Уильямса. И что ж это за часы такие? Хуан попытался сопоставить их со старомодными моделями. Точного аналога не нашлось, но вот рычажки, клацавшие туда-сюда, и какая-то еще фигня… тэк-с, погуглим… анкерное колесико. Возможно, скачки шариков по лестницам аналогичны движениям стрелок на циферблате.

Гу продолжал смотреть на мальчишку.

– Они спешат, – проговорил он.

Хуан наклонился вперед, стараясь уйти от этого взгляда. Он записал примерно три секунды работы странного механизма, чтобы определить устойчивые точки и размеры. Потом скормил данные старому механическому симулятору, полезному для игр со средневековыми гаджетами; результаты легко поддавались истолкованию.

– Нужно вон тот рычажок на четверть дюйма удлинить.

Он протянул палец к штырьку.

– Знаю.

Хуан глянул на него.

– Но вы же не носите. Как вы это поняли?

Гу пожал плечами.

– Подарок от врачей.

– Круто, – неуверенно прокомментировал Хуан.

– И на что оно годится? На то, что любой ребенок и так умеет?

Хуан не придумал ответа.

– Но вы ведь еще и поэт.

– Теперь я гаджетоман. – Рука Гу дернулась, ударила по рычажкам и колесикам. Элементы механизма брызнули во все стороны, некоторые от силы удара сломались.

Этим он привлек всеобщее внимание. В классе неожиданно замолчали – и стали оживленно перебрасываться безмолвными сообщениями.

Пора закругляться, понимал Хуан, но ему очень нужна была помощь по сочинительству. Поэтому он сказал:

– Но вы ведь все еще знаете про слова, не так ли, э-э-э?

– Да, я все еще знаю слова. Я все еще знаю грамматику. Я разбираю фразы. Я даже умею писать – без помощи машинок, аллилуйя! Как тебя зовут?

– Хуан Ороско.

– Да, помню. Какая от вас польза, мистер Ороско?

Хуан понурился.

– Я учусь задавать нужные вопросы.

– Так сделай это.

– Э-э-э. – Хуан оглядел остальные запчасти, которые Гу забрал себе, но в часах не использовал. Ротационные моторчики, беспроводные синхронизаторы, программируемые зубчатые передачи. Даже транспортный лоток вроде испорченного доктором Сян. – А как так получилось, что вы всем этим не пользуетесь? Так же гораздо проще.

Он ожидал услышать от Гу отмазку в стиле Чумлиг, про необходимые ограничения при решении задачи. Вместо этого тот гневно ткнул пальцем в запчасти.

– Потому что я внутрь заглянуть не могу. Смотри. – Он перекатил по столику ротационный моторчик. – **НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.** Прямо на пластмассе оттиснуто. Сплошь черные ящики. Всюду непостижимая магия.

– Можно в руководства заглянуть, – сказал Хуан. – Там показана начинка.

Гу поколебался. Его ладони сжались в кулаки. Хуан отступил на пару дюймов.

– Ты видишь начинку? Ты можешь заменить ее?

Хуан опасливо следил за его кулаками. *Он сдурел*.

– Ее легко можно посмотреть. Почти все снабжено собственным руководством. Если его нет, просто погуглите серийник. – Увидев лицо Гу, Хуан зачастил: – А насчет замены… начинка часто программируемая. Но если нет, то изменения можно внести только при заказе, на этапах дизайна и печати. В смысле, это ж обычные *компоненты*. Кому нужно их менять после изготовления? Если не работают так, как надо, просто выбросьте.

– Обычные компоненты? – Гу посмотрел на улицу от входа в мастерскую. По Пала-авеню взбирался автомобиль, направляясь к разворотному кольцу рядом со школой. – А как насчет гребаных машин?

– Гм. – На них глазел весь класс. Ну почти весь: мистер Уильямс ушел перекусить, и с ним связи не было.

Мистер Гу несколько мгновений дергался, потом внезапно вскочил и сгреб Хуана за ворот.

– Клянусь Богом, я хочу посмотреть.

Хуан болтался в грубых лапах Роберта Гу, который волок его за собой.

– Вскрыть машину? А зачем?

– Это неправильный вопрос, дитя. – По крайней мере, они *удаляются* от перекрестка. Ну ладно, полезет он в авто: какой ущерб-то причинит? Корпуса машин из говнокомпозита, удобные для переработки, при этом достаточно прочные, чтобы выдержать столкновение на скорости пятьдесят миль в час. Хуану представились боевые лазеры и монструозные отбойные молотки. Но это же реальность.

Джерри ↳ Хуан: <sm> Что задумал этот кусок гуано? </sm>

Хуан ↳ Раднеры: <sm> Не знаю! </sm>

Роберт Гу протащил Хуана через палатку к рабочему месту Сю Сян. Когда он добрался туда, от безумия не осталось и следа, если не считать легкого тика лицевых мускулов.

– Доктор Сян?

Безумец казался расслабленным и дружелюбным, но Сян долго колебалась.

– Да, – ответила она наконец.

– Мне очень понравился ваш проект. Это для грузоперевозки?

Сян повернула к нему искривленную поверхность.

– Да. Просто игрушка, но мне подумалось, что если изогнуть поверхность, получится эффект рычага.

Разговор о гаджете, казалось, отвлекал ее от странностей Гу.

– Отлично! Превосходно! – Гу был само очарование. – Можно? – Он поднял панель со стола и присмотрелся к иззубренной кромке.

– Пришлось заточить, чтобы бороздки друг на друга не наезжали, – сказала Сян, поднимаясь и указывая на дело рук своих.

Транспортные лотки применялись для перевозки небольших контейнеров или очистки от грязи. Для большинства задач они

подходили лучше роботизированных манипуляторов, хотя визуально не впечатляли. Мать Хуана переделала кухню с помощью фальшмраморных транспортных лотков, и теперь все, что ей требовалось переместить туда-сюда – на жаровню, в холодильник или на разделочную доску, само подъезжало в нужное место. Обычно микроборoздки не способны были развить скорость выше пары дюймов за секунду.

Слова Сян навели Хуана на мысль. Изогнулся-то лоток отнюдь не потому, что она его помяла. Он начал вводить размеры в механический симулятор.

Но Роберт Гу, кажется, уже сообразил, на что способна эта штука.

– Если подъюстировать вот здесь, сила нажима утроится.

Он выкрутил лоток. Прозвучал скрип, какой издает керамика, если ее выгнуть так, что еще *чуть-чуть* – и сломается.

– Постойте. – Сян потянулась отобрать у него свою работу.

– Я не сломал его. Стало даже лучше. Пойдемте, я покажу вам.

Открытый и дружелюбный тон, вот только Гу уже двинулся прочь.

Сян кинулась вдогонку, но не так, как бросаются дети за похитителями игрушек. Она поравнялась с Гу и зашагала рядом, склонив голову и разглядывая изувеченный транспортный лоток.

– Но с батарейками, на какие рассчитана эта штука, воспользоваться механическим преимуществом не…

Остальное Хуан просто сохранил: сплошная математика.

Проходя мимо близнецов Раднеров, Гу правой рукой проворно цапнул пригоршню металлических шариков, которые Фред и Джерри заряжали в оррерий.

– Эй! – Раднеры вскочили и побежали следом, предпочитая отмалчиваться. Взрослые одноклассники были вроде неприкасаемых: к ним не лезешь, а они не лезут к тебе.

Джерри ↳ Хуан: <sm> Мы что-то пропустили, Хуан? </sm>

Фред ↳ Хуан: <sm> Да-да. Что ты ему сказал? </sm>

Хуан оглянулся на ходу и выразительно развел руками: он, дескать, ни в чем не виноват, просто рядом случился.

Почти ни в чем. Проходя мимо его рабочего стола, Гу дернул подбородком в сторону входа.

– Ороско, сделай что-нибудь полезное. Линейный ток мне добудь.

Хуан устремился вперед. В кампусе были гнезда на 110 В, но

преимущественно внутри. Он поискал общественные удобства и увидел большую стрелку, направленную вниз по лужайке. Это гнездо использовалось для переконфигурации зданий, когда нужна была внешняя аудитория. Провод на тридцать футов. Хуан подбежал к нужному месту и вытащил кабель из свежескошенной травы.

Все ученики, за исключением команды Шлей, приободренной неожиданным скачком производительности самолетиков, высыпали из палатки и потянулись следом.

На разворотном кольце возник автомобиль и притормозил чуть позади. Мисс Чумлиг вернулась с ланча.

Роберт Гу нагнал Хуана. Сян бежала сразу за ним, вид у нее был недовольный. Гу явно не собирался больше ворковать с ней. Он выхватил у Хуана кабель энергопитания и воткнул в универсальный разъем лотка, в обход маленькой батарейки, которую использовала при отладке доктор Сян. После этого он накренил лоток и пересыпал в отверстие на верхнем торце порцию металлических шариков из проекта Раднеров.

Чумлиг выскочила из машины.

– Что у вас тут…

Безумец осклабился.

– Мой проект с урока труда, Луиза. Меня задолбали все эти **НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.** Дайте-ка я сам посмотрю.

Он перегнулся через капот и провел пальцем по словам, запрещавшим пользовательскую техподдержку. Дети разбились на группки и восхищенно глазели на него. Насколько помнил Хуан, в Фэйрмонтской старшей школе маньяков еще не водилось. Роберт Гу творил историю на его глазах.

Старик приложил транспортный лоток к корпусу автомобиля.

И где ж ваш боевой лазер, мистер космонавт?

Гу примерился к лотку и глянул вправо, где стояли братья Раднеры.

– Вы бы отсюда свалили, чесслово.

Сю Сян в панике завопила, отгоняя близняшек:

– Назад, назад!

Результаты, поступавшие из механического симулятора, ошеломляли. Хуан отскочил от транспортного лотка, будто ошпаренный. Роберту Гу не нужен боевой лазер, для этой работы у него есть инструмент не хуже.

Гу включил лоток. С похожим звуком разрывается ткань, но этот был *громче,* словно весь мир треснул напополам. Когда транспортный лоток соприкоснулся с капотом машины, полетели натуральные искры. В двадцати футах от авто, где раньше

торчали близнецы Раднеры, имелась олеандровая изгородь; некоторые ветки были толщиной с руку Хуана. Белые цветы затряслись, как от резкого ветра, одна из самых крупных веток сломалась и упала на тротуар.

Гу провел лотком вдоль корпуса, посылая в капот десятки металлических шариков за секунду и прорезая в композите восьмидюймовую щель. Он повернул лоток – *резак* – и продлил ее за угол. Траву у его ног вздыбили незримые рикошеты.

Не прошло и десяти секунд, как Гу завершил разрез, вернувшись к началу. Вырезанная секция провалилась в темный двигательный отсек.

Гу швырнул на лужайку устройство Сю Сян, полез в двигатель и выбросил следом отрезанную крышку капота. Кто-то из ребят за его спиной засмеялся срывающимся и, пожалуй, презрительным смехом.

– Эй, придурок! Там же наверняка замок есть. Почему бы тебе его не заморочить?

Гу, кажется, не слышал. Он склонился над машиной и заглянул внутрь. Хуан подобрался поближе. Двигательный отсек был в тени, но это не слишком мешало. Если не считать механического ущерба, выглядело все точно так, как в руководстве. Процессорные узлы и оптоволокно ведут к десяткам других узлов, сенсоров и эффекторов. Рулевой сервомеханизм. Внизу – шина электропитания левого переднего колеса, чудом не пострадавшая от резака Гу. Остальное место пустовало. Конденсатор и батареи размещались сзади.

Гу уставился в затененный отсек. Ни огня, ни взрыва. Если бы даже он вломился в заднюю часть, системы безопасности предотвратили бы столь эффектный исход. Но Хуан видел, как расползаются сообщения об ошибках. Вскоре приедет эвакуатор.

Плечи Гу обвисли, и Хуан присмотрелся к ящичкам с компонентами. На каждом физически значилось: **НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.**

Старик распрямился и отошел на шаг. Позади мисс Чумлиг и подоспевший Уильямс загоняли учеников обратно в мастерскую. Те в большинстве своем были ошарашены безумием Гу. Никто, даже братья Раднеры, не осмелился бы на такое. Любая их крупная эскапада обычно имела программный характер, вроде той, какую предложил крикнувший из толпы паренек.

Сю Сян наклонилась поднять свое диковинное творение, усовершенствованное Гу. Она качала головой и что-то бормотала себе под нос. Отключив гаджет от сети, она подошла к Роберту Гу.

– Я протестую против кражи моей игрушки! – сказала она с довольно странным выражением лица. – Хотя, спору нет,

дополнительный изгиб ее улучшил. – Гу не ответил. Она помедлила. – И мне бы *никогда* не пришло в голову такое вот линейное подключение!

Гу жестом обвел потроха умерщвленной им машины.

– Ороско, там матрешки внутри матрешек, да?

Хуан не стал отвлекаться на поиск слова *матрешки*.

– Профессор Гу, это ж одноразовая приблуда. Зачем в ней вообще ковыряться?

Сю Сян перегнулась через плечо мальчишки, осмотрела полупустой отсек и ящички с оттиснутыми надписями. Подняла голову на Гу.

– Тебе пришлось еще хуже моего, не так ли? – произнесла она мягко.

Рука Гу задрожала, и на миг Хуану показалось, что он закатит ей оплеуху.

– Ах ты сучка бездарная. Ты всю жизнь была унылой инженеришкой, а теперь даже этому вынуждена переучиваться.

Он развернулся и пошел прочь, вдоль разворотного кольца и вниз по холму, к Пала-авеню.

Сян сделала было пару шагов следом. Чумлиг изнутри школы командовала всем возвращаться; Хуан взял Сян за руку.

– Доктор Сян, нас зовут обратно внутрь.

Она не противилась. Развернувшись, пошла обратно в палатку, держа в руках транспортный лоток. Хуан последовал за ней, но все время озирался, наблюдая, как безумец удаляется в противоположном направлении.

Несмотря на бегство Роберта Гу из кампуса, остаток дня прошел восхитительно. Попечительский совет школы врубил глушилки. То бишь попытался врубить глушилки, но ученикам пришлось разрешить связь с домом, и многие использовали эту возможность для своих журналистских аффилиаций. Хуан был одним из ближайших свидетелей происшествия и автором едва ли не лучших снимков «вопиющего автомобильного вандализма». Матушку это не слишком порадовало. Еще меньше ее порадовало то обстоятельство, что «безумец» и Хуан вместе ходили на три предмета.

Короче говоря, кампус прославился на весь Сан-Диего и округу, составив достойную конкуренцию миллиарду прочих занятных происшествий этого дня со всей планеты. Ученики других классов сбегали с уроков и приходили к ним. Хуан заметил молодую толстушку, затеявшую физический разговор с мисс Чумлиг. Это была Мири Гу.

К трем часам пополудни хайп улегся. Большинство учеников

уже расходились по домам. Раднеры сделали ставку, что Гу выгонят из школы, но какие-то пацаны в ЛА выкупили ее. Близнецам повезло. С мгновенной известностью одна проблема: все время происходит что-то новое и отвлекает других от тебя. В целом день получился бомбезный, но немного грустный.

Уже подходя к дому, Хуан понял, что ему звонят.

По телефону? Гм, Эпифания определила облегченную версию классических мессенджеров. Наверное, прадед.

– Да? – откликнулся он без раздумий.

Звонили через маленькое окошко с синтезированной камеры. Он смотрел вверх в тесную спальню. Странные декорации: бумажные книги в картонных коробках. Большую часть окна занимало искаженное лицо. Потом абонент отстранился. Это был Роберт Гу, и звонил он со своего визопейджера.

– Привет, мальчик.

– Привет, проф.

Телесное присутствие Роберта Гу вселяло ужас. В дешевом плоском окошке он, однако, выглядел маленьким и помятым.

– Слушай, мальчик… – Картинка дергалась и выкручивалась, Гу возился со страницей. Когда все успокоилось, его лицо снова заполнило весь экран. – Ты на прошлой неделе говорил, что… Думаю, я тебе смогу помочь по литературе.

Да!

– Трагично, профессор Гу.

Гу непонимающе уставился на него.

– Ой, я хотел сказать, прикольно. Я с удовольствием научу вас носить.

Он уже прикидывал, как объяснять ситуацию маме.

– Хорошо. – Гу отодвинулся от экрана и пожал плечами. – Наверное, это тоже полезно. Если меня пустят назад в школу, увидимся там.

09
Морковная ботва

Не сомневайтесь, спасать мир на этом задании – работка не из приятных.

Альфред гневно созерцал свежайший доклад Гюнберка Брауна: *Секретные поиски признаков Великого Террора в Сан-Диего.* Еще прежде, чем Гюнберк наткнулся на ЛТМП-проект Альфреда, дела шли непросто, но после барселонских переговоров играть на обеих сторонах доски Альфреду становилось все труднее и труднее. Он совсем не ожидал, что Браун сумеет установить настолько аккуратное наблюдение за лабораториями Сан-Диего. Альфред был вынужден прекратить почти всю деятельность, даже обычные отгрузки лабораторных образцов приостановил; это угрожало сместить график на несколько месяцев.

Единственную отраду доставляли успехи тех же Гюнберка и Кейко по плану «Кролик». Точнее говоря, Кролик сам проявился неделю назад, прислал предварительный обзор и выдвинул требования по гонорару. Последние оказались смехотворно низки: полный каталог усилителей кайфа, именно то, чем, скорее всего, заплатили бы южноамериканские наркомафиози молодому смышленому предпринимателю. Что же до обзора… ну Кролик подготовил список контактов в Сан-Диего и разработал сложный детализированный план внедрения шпионской аппаратуры в лаборатории. Гюнберка с Кейко эта схема напрягла и восхитила соответственно, но три разведчика сошлись во мнении, что план годный. Американцы, скорее всего, заподозрят, что их прощупывали, но если обойдется без явного провала, то всю операцию можно будет отрицать.

Конечно, Гюнберк с Кейко видели только легкую часть работы. Трудности начинались, когда самому Альфреду нужно было действовать под прикрытием плана «Кролик». Когда великолепное внедрение/исследование завершится, от его исследовательской программы не должно остаться и следа. Альфред, руководитель операции, пользовался доверием коллег и не сомневался, что задача эта выполнима. Он счел бы *триумфом* улики настолько правдоподобные, чтобы направить эту чертову ищейку, Гюнберка, куда-нибудь за тридевять земель, а бесценный проект Альфреда сохранить в неприкосновенности в Сан-Диего. Если не выгорит, Альфреду придется восстанавливать исследовательскую базу и налаживать ее безопасную работу на запасных площадках. Он рисковал потерять год-другой.

Принципиальна ли такая задержка? Он уже решил самые сложные задачи. Турронский тест продемонстрировал надежность системы доставки. Псевдомимивирус сработал даже лучше, чем следовало из отчета Гюнберка: если бы Альфред действительно преследовал цели Великого Террора, то его победе не помешало бы ничто. Он мог по своему желанию вызывать разрушительные психозы и даже нацеливать их на конкретных людей. Путь к разработке ментальных систем контроля высокого уровня был очерчен. Однако человечество продолжало носиться без руля и ветрил. Самодельные атомные бомбы, дешевые системы доставки, массовые инфекции… за каждым обрывом новый обрыв, Новая Большая Угроза. А что, если очередная Новая Большая Угроза окажется последней, заключительной Большой Угрозой, что, если мир сорвется в пропасть прежде, чем Альфред успеет перехватить управление?

Поэтому даже задержка в несколько месяцев может быть роковой, и следует всеми силами избегать ее. Он отложил доклад Гюнберка и вернулся к планированию своих собственных действий на те краткие часы, пока ход операции поставит Гюнберка и Кейко рядом с ним во главе проекта, которым заняты в Сан-Диего.

Он так увлекся, что поначалу не осознал прозвучавшего за спиной сигнала. Что-то негромко хлопнуло, подул легкий ветерок: типичные геймерские эффекты. И совершенно нелепые для этого места. Альфред вздрогнул и обернулся.

Кролик увеличился в размерах.

– Привет-привет! – произнес он. – Я тут подумал, а не нагрянуть ли к вам в гости с личным докладом об успехах операции, может, проконсультироваться кое о каких деталях.

Кролик осклабился, показав Альфреду крупные выступающие резцы, сел и стал с наслаждением обгрызать морковку. Он уселся в большое кожаное кресло для посетителей за столом самого Альфреда. В офисе Альфреда. В его личном кабинете, в глубине взрывоустойчивого лабиринта под Мумбаем, в самом сердце индийской Службы внешней разведки.

Альфред почти семьдесят лет руководил тайными операциями и уже несколько десятилетий не помнил себя таким сконфуженным. Он словно помолодел, но не в хорошем смысле. Мгновение Альфред тупо созерцал Кролика, осмысливая ужасающие последствия, какие несло появление здесь этого субъекта. *Наверное, лучше пока о них не задумываться*. Он брякнул наобум:

– Доклад об успехах операции? Видели мы ваши успехи. Лично я слегка разочарован. Вы добились немногого…

– Я показал вам то, что вам положено видеть.

– …за исключением обманной придурковатости, которая порой сама себе во вред. Местные агенты, которых вы наняли, некомпетентны. Например… – Альфред демонстративно завозился с документами. Тем временем аналитики индийской СВР отслеживали Кролика. Над головой существа возникла диаграмма: Кролик проник через роутеры на трех континентах.

– Например, – Альфред выбрал имя почти наудачу, – взять Уинстона Блаунта. Много лет назад он был администратором высшего звена в университете Сан-Диего. Но личных отношений с основателями биолабораторий никогда не имел, а сегодня… – Он пренебрежительно махнул рукой. – Вход в лаборатории Сан-Диего этим людям практически заказан, им там нечего делать. Я вправе поинтересоваться, а на что же, собственно, вы тратите наши деньги.

Кролик перегнулся через стол красного дерева. Отражение в лакированной столешнице с идеальной точностью воспроизводило его движения.

– Вы вправе поинтересоваться. И тем обнажить глубину своего невежества. *Вы* знаете, куда смотреть, но это и всё, что вам удалось раскопать? А подумайте, насколько невежественны американцы. Я остаюсь призраком, броуновским шумом, пока – *виоля*![10] – сконструированный мною капкан операции не захлопывается.

На морде Кролика возникла широкая усмешка. Он покрутил ушами и жестом обвел святая святых Альфреда.

– В определенном очень узком смысле, просто ради демонстрации моих возможностей, капкан уже сработал, и в него угодили вы. Вы, японка, европеец… вы все считали, что водите меня за нос. Ну как, на что годится ваша хваленая анонимность? Ы?

Альфред гневно зыркнул на зверюгу. Скрывать гнев смысла нет. *Но, Господи, лишь бы он ничего больше не раскопал.*

Кролик уперся локотками в стол Альфреда и весело продолжил:

– Не переживайте, с вашими приятелями в японской и евросоюзовской разведслужбах я не так откровенен. Мне показалось, они могут запаниковать, а я искренне наслаждаюсь проектом, встречаюсь с новыми людьми, осваиваю новые умения. Вы меня понимаете.

Он скосил морду набок, словно ожидая ответной откровенности.

Альфред притворился, что обдумывает услышанное, и наконец рассудительно кивнул Кролику.

– Да. Если им станет известно, что прикрытие сорвано, пускай и только перед вами, инсайдером, операцию могут свернуть. Вы поступили правильно.

Над ушами Кролика продолжали мелькать цифры. Информация о маршруте была в основном бесполезна, но сетевые задержки позволили аналитикам с восьмидесятипроцентной уверенностью заключить, что Кролик явился из Северной Америки. Без помощи евросоюзовской службы анализа нельзя было надеяться на лучшую оценку. Но последнее, чего бы сейчас хотел Альфред, – это рассказать Гюнберку о визите Кролика.

Придется с этим субчиком пообщаться, словно с уважаемым коллегой. Альфред откинулся в кресле и сделал вид, что смягчается.

– Пускай это останется между нами. Итак, что у вас за успехи?

Кролик швырнул огрызок морковки на стол Васу и скрестил лапы на затылке.

– Хех! Я почти закончил комплектовать команду. В том файле, который вы сейчас просматривали, наверняка перечислены некоторые, включая почтеннейшего декана Блаунта. Большую часть расходов я могу покрыть самостоятельно. Один из членов команды, возможно, согласится на дело просто так, ради азарта. Другим потребуется материальное стимулирование, которое можно обеспечить за счет национального богатства. А чего у Индо-европейского альянса в избытке, так это национальных богатств.

– До тех пор, пока происхождение средств нельзя проследить и сопоставить с конкретным национальным богатством.

– Доверьтесь мне. Если этим олухам вообще придет мысль нас прощупать, они подумают, будто мы и вправду южноамериканский наркокартель. В любом случае через недельку составлю полный список их желаний. Если все пройдет так, как задумано, то однажды в конце декабря вы получите полную власть над биолабораториями Сан-Диего почти на четыре часа.

– Превосходно.

– И тогда, хочется надеяться, вы мне сообщите, что именно вам там понадобилось, в этих лабораториях.

– Мы подозреваем, что американцы там задумали какую-то гадость.

Кролик вскинул брови.

– Сверхдержава замышляет против равных себе?

– Такое случалось раньше, – но, справедливости ради, ни разу с начала века, когда у Китая и Америки возникли разногласия.

– Гм. – Кролик, по впечатлению, неподдельно призадумался

на миг. – Надеюсь, вы мне покажете, что там.

Альфред кивнул.

– Если это останется между нами. – Вообще-то… если Кролик пронюхает о проекте ЛТМП Альфреда, слова «наихудший возможный сценарий» наполнятся новым смыслом. К счастью, Кролик не стал педалировать тему.

– И вот еще что, – продолжила зверюга. – Последний контакт, интересный человек, в некотором смысле куда интересней мне лично, чем все ваши шпионские страсти.

– Да? Расскажите. – Альфред решил покорно внимать всем бредням Кролика.

В воздухе повисло изображение моложавого китайца. Вас просмотрел прилагавшуюся к нему биографию. Не так уж он и молод.

– Это кто, отец Боба Гу? Вы собираетесь… – Он замолчал, припомнив недавние события в Парагвае. На миг выдержка изменила ему; есть же пределы терпимости к некоторым бредням. – Слышь, ты, в эту операцию никого нельзя впутывать. Да как ты мог!..

– О, не тревожьтесь. Меня младшенький абсолютно не интересует. Это просто удивительное совпадение, такие случаются. Понимаете ли, отец Боба Гу – свекор Элис Гу.

А? Альфред осмысливал маловразумительные речи, потом до него дошло, что Кролик говорит об Элис Гун. *Твою мать*. Кролик не просто дурака валяет, он во всю прыть скачет к безумию. Альфред лишился дара речи.

– А-а, вы знаете про Элис? А вам было известно, что она готовится к полномасштабному аудиту системы безопасности биолабораторий Сан-Диего? Только подумайте! Очень скоро американцы попросят Элис усилить режим охраны. Проследить за ней – muy importante[11], старичина.

– Д-да. – Если в ЕС и Японии узнают, что Элис Гун в деле, проекту хана. *И Элис, разумеется, пронюхает, что я делаю в биолабораториях*. – Так что ты предлагаешь?

– Я хочу увериться, что Элис не будет охранять лаборатории, когда мы туда проникнем. Уже несколько дней старикан Гу у меня на связи. Но это слишком медленно. Вдобавок… – Еще одна наглая зубастая ухмылка. – Мне смерть как охота поболтать с ним непосредственно. Нужен зомби-контакт. – Всплыла новая связка изображения и биографии.

– Индийский гражданин?

– Тонкая деталь, э? Да, последние года два мистер Шариф живет в США. Никакой очевидной связи с индо-европейскими разведслужбами. Я с ним законтачу аккуратно, возникну на

горизонте, словно случайное легкое облачко, каков я и есть. Если американцы на него выйдут, он станет идеальной ложной целью. Ваши евросоюзовские и японские друзья чересчур трусоваты, чтобы на такое решиться. *Вы*, как мне кажется, смелей их. Поэтому я пришел к вам – предостеречь. Прикройте меня. Не давайте Шарифа своим сотрудникам в обиду. Временами я буду заступать на его место.

Вас долго молчал. Он не подозревал, что Элис Гун Гу затевает проверку лабораторий Сан-Диего. Плохая новость. Очень скверная новость. Недостаточно будет просто отвлечь Гун тем вечером. Потом, в приливе вдохновения, он вспомнил, что гением своим Элис обязана ужасной жертве. Он наткнулся на ее тайну несколько лет назад; в определенном смысле рисковала она сильнее, чем сам Альфред. *И мое оружие, какое бы оно ни было несовершенное, сразит ее на месте*. Он снова посмотрел на Кролика.

– Да, полагайся на мою поддержку. Но только между нами, понял?

Кролик горделиво прихорошился.

– Если позволишь, я дам совет, – продолжил Альфред дружелюбным тоном, как коллега с коллегой. – Лучше будет организовать все так, чтобы в тот вечер Элис Гун *оказалась на дежурстве.* Если подготовимся как следует, ее присутствие будет нам выгодно.

– Правда? – У Кролика буквально глаза из орбит полезли от любопытства. – А как?

– Через несколько дней я тебе объясню это в подробностях.

Подробностей было много, но не все они для ушей Кролика. Альфред уже рассылал задания своим непосредственным подчиненным. Сколько времени понадобится для создания псевдомимивируса, селективного к индивидуальной уязвимости Элис? Каков самый надежный метод доставки? Непрямое заражение в данном случае представлялось непрактичным.

И какую легенду лучше всего скормить этому долбаному кролику?

Означенный кролик выжидающе смотрел на него.

– Разумеется, – продолжил Вас, – некоторые аспекты я предпочту сохранить в тайне.

– Хех. Ну да, разумеется. Планы, которые потрясут мир, и все такое? Ладно-ладно, не боись, я остаюсь вашим Великим Небесным Прикрытием. Я буду на связи. А тем временем… – Он внезапно облачился в серый мундир, увешанный медалями и задрапированный аксельбантами, и выставил лапу в нацистском салюте. – Хайль, Индо-европейский альянс!

С этими словами образ кролика исчез, словно дешевый спецэффект, которым, по сути, он и являлся.

Альфред просидел в молчании почти две минуты, не реагируя на пронзительные сигналы тревоги по офисной сети и уже начавшие стекаться к нему доклады разнообразных аналитиков разведштаба. Альфред проводил переоценку приоритетов. Он не знал про Элис Гун Гу, но теперь ему стало известно, что она затеяла, и времени хватит, чтобы обернуть это знание себе на пользу. Жаль, что придется устранить эту женщину, ведь она сражалась фактически на одной с ним стороне и очень много, больше многих, сделала для безопасности всего мира.

Он принудил себя снова сосредоточиться. Кроме устранения Элис, появилась новая важнейшая задача: узнать побольше о Кролике и составить план его ликвидации.

У Альфреда Васа не было официального ранга в Службе внешней разведки, но была колоссальная власть. Даже располагая суперсовременными технологиями компартментализации, без этой власти он не мог бы надеяться сохранить в тайне свои исследовательские программы. А теперь… гм, визит Кролика в штаб-квартиру индийской СВР означал самое унизительное поражение разведки в этом десятилетии – какое счастье, что посторонние о нем не знают и не могут косточки перемыть! Альфред применил все свои полномочия в спецслужбе, нажал на все тайные политические рычаги, доступом к которым обзавелся за семьдесят лет, и не дал этой информации расползтись за пределы своего ближнего круга. Если генеральный инспектор СВР хоть краем уха прослышит о случившемся, могут накрыться медным тазом все планы Альфреда. Печально, что его собственное правительство, узнав о планах Альфреда спасти мир, скорее всего, осудит его за измену.

Все это дополнительно осложняло расследование выходки Кролика. Этот противник каким-то образом взломал самый надежный из всех известных файерволов. Кролик даже подчинил себе местные локализаторы высокого разрешения (это было ясно по тому, как идеально точно двигалась его картинка). Простейшее объяснение? Кролику удалось переподчинить себе окружение неотчуждаемой аппаратуры. Если это предположение верно, под угрозой основа всех современных систем безопасности и визит Кролика знаменует апокалипсис.

Неужели его всадник прискакал в облике придурковатого кролика? Восемьдесят часов без малого тянулась неопределенность, пока сотрудники Альфреда не распутали

наконец клубок загадок. Аналитики индийской СВР обнаружили, что разгадка одновременно удобна и крайне постыдна: Кролик (с экстраординарной, надо признать, сообразительностью) воспользовался сочетанием программных багов и дурацких значений параметров реестра. С беспечными пользователями конечного продукта такое часто происходит. Коротко говоря, Кролик оказался намного опасней, чем его считал Альфред, но он не Новая Большая Угроза.

Вас тяжко переживал каждый миг напряженного ожидания. Но в итоге самым неприятным обстоятельством визита оказалась морковка, огрызок которой Кролик швырнул ему на стол. В распоряжении СВР были все ресурсы и специалисты современной Индии, однако на то, чтобы удалить внедренное в офисную сеть изображение ботвы, ушло почти три дня.

10
Превосходная тема для диссера

Мири дома держалась тише воды ниже травы, пускай и волновала этим Элис – в некотором противоречии требованиям Боба не общаться больше с Робертом. В любом случае оба вроде бы считали, что Роберт при первой же возможности снова ее обидит.

О'кей. Пускай Роберт занимается чем хочет. Она старалась не появляться дома одновременно с ним. И шпионила за ним везде, где это не доставляло трудностей.

Приближался Хеллоуин. Ей стоило бы сейчас зависать по сайтам приятелей, утрясать последние детали. Они с Аннет и Полой столько сил положили на инсценировку по Спилбергу – Роулинг. Теперь все это казалось ей откровенным идиотизмом.

Поэтому Мири зависала с друзьями откуда подальше. Родители Цзиня были шринки, о них заботились в региональном центре социального медобеспечения на Хайнане. Цзинь не очень хорошо говорил по-английски, но Мири по-китайски – еще хуже. В общем-то, языковой проблемы у них не возникало. Они собирались у него или у нее на пляже – смотря в какой части света было светло и стояла хорошая погода – и болтали на пиджинглише, подбирая из воздуха кругом варианты перевода и рисуночные замены. Их маленькая клика активно работала на форумах по интересам; среди всех увлечений Мири это было самым «социально ответственным».

Цзинь увлеченно строил теории насчет Роберта:

– Твоего деда фактически с того света вытащили. Неудивительно, что он сейчас себя скверно чувствует.

Он призвал пару научных статей в подтверждение своей мысли. В этот день у Цзиня хостились несколько ребят, вынужденных проживать совместно с маразматиками или другими пожилыми калеками. В основном просто слушали, приняв обличья песчаных крабов или ограничиваясь иконками присутствия. Кое-кто нацепил человеческие образы, возможно, отвечавшие реальной внешности. Заговорила одна из них, прикинувшаяся девочкой лет десяти:

– Моя двоюродная прабабушка такая. В двадцатом веке она была старшим аудитором. – Гм, а эти обязанности были совсем не такие, как можно подумать по словесному оформлению. – К началу десятых совсем сдала. Я картинки видела. Впала в депрессию, шарики за ролики. Бабушка говорит, потеряла нюх, а

следом и работу.

Влез один из песчаных крабов, прежде молчаливый, а теперь задетый за живое:

– И что в этом нового? Мой братан весь в депрессии, без работы сидит, а ему всего двадцатник. Трудно продержаться.

Десятилетка проигнорировала его вмешательство.

– Моя двоюродная прабабушка просто старомодная. Бабушка ей работу нашла, дизайнером ландшафтов… – Девчонка переключилась на чисто визуальный ряд, продемонстрировав старомодную телефонную рекламу фоновых заставок, которые можно было показывать, если вам звонят, а вы в ванной. – У нее это хорошо получалось, но таких денег, как раньше, она не зарабатывала. А потом видеоландшафты совсем вышли из моды. В общем, она с моей бабушкой двенадцать лет вместе прожила. Похоже, у тебя что-то в этом роде намечается, Мири.

Двенадцать лет! Да я через год рехнусь, самое позднее.

Она гневно уставилась на девчонку.

– И что случилось дальше?

– О, все закончилось счастливо. Мама ей клинику нашла. Специализируются на апгрейде профессий. Сорок восемь часов в клинике, и у двоюродной пра все навыки рекламного менеджера. – Это можно было считать современным эквивалентом «старшего аудитора».

Молчание. Даже некоторых крабов, кажется, шокировало.

Спустя миг Цзинь произнес:

– Как по мне, это похоже на динамическую переподготовку.

– Динамическая переподготовка? А что это такое?

– Динамическая переподготовка незаконна[12], – заявила Мири. *Не хочу я об этом говорить*.

– В те годы еще не была. Да и потом, нет в ней ничего особенно плохого. Двоюродная пра живет нормальной жизнью, если не забывает апгрейдиться. Вид у нее счастливый, но, правда, часто плачет.

– Я бы сказал, это вроде ментального контроля, – заметил Цзинь.

Девчонка рассмеялась.

– Да нет же. Кому, как не тебе, знать, Цзинь Ли! Тебе, китайцу с двумя шринками-родоками. – Ее глаза заплясали, ведя поиск чего-то, невидимого остальным. – Твои предки же в армии служили, э? Они всё про ментальный контроль должны знать. Вы, ханьцы, его в Мьянме как раз и применяли!

Цзинь вскочил и пнул песок, взметнув его сквозь образ девочки.

– Нет! То есть это было давно и неправда. Никто ничего

такого теперь не делает! *Мы* так уж точно!

Мири решила, что девчонка ей не нравится. Сказанное более или менее отвечало действительности, но… Боб однажды рассказывал ей про операцию по восстановлению режима в Мьянме; Мири в ту пору проект по истории в пятом классе делала. Она сослалась на него как на «анонимный высокопоставленный источник в армии США», хотя в действительности его слова не добавили ничего нового к почерпнутому с большинства веб-сайтов. Технология ЛТМП много лет маячила на горизонте Большим Кошмаром. Только в Мьянме ЛТМП испытали крупномасштабно.

– Все сводится к проблеме доставки, – сказал тогда Боб. – У китайской армии имелись новые препараты, весьма эффективные в лабораторных тестах. Но в полевых условиях… китайцы половину бюджета спустили на ЛТМП, а выхлоп от нее ничем не лучше хорошей пропагандистской кампании.

Люди миллион лет эволюционировали, обучаясь сопротивляться внушению; волшебной палочкой тут не намашешься.

Мири тоже вскочила.

– *Эй*! – воскликнула она тоном, которым иногда пользовалась Элис. – Я сюда не для политических споров пришла! Я пришла за помощью для моего деда.

Маленькая девчонка мгновение смотрела на Мири, скорчив странную гримаску. Все, кроме нее одной, сочувствовали Мири. Спустя миг малышка пожала плечами.

– Я просто пытаюсь помочь. Да ладно. Я буду слушаться. Я обращаюсь в слух.

И подкрепила сказанное графически, отрастив кроличьи уши и выразительно помахав ими.

Все снова сели по местам и немного помолчали. Мири оглядывала пляж. Она никогда не посещала Хайнань физически, но знала, что пейзаж реален. Красиво, почти как в лагуне Ла-Холья, но этот пляж гораздо просторнее, и людей на нем, соответственно, больше. У горизонта маячили три белые вершины: айсберги на пути к прибрежным городам дальше на севере. Совсем как в Калифорнии.

– Ладно, проехали, – сказал Цзинь. – Как нам помочь Мири Гу? Только без динамической переподготовки. Это тупиковый путь. Твой дед хоть на что-то годен?

– Ну он всегда был мастером слова, лучшим из всех мне известных. В одежде вкуса не проявляет, а числа и железки осваивает очень быстро. – Это возбудило интерес; некоторые крабики раскрылись с историями о чудо-счетчиках. – Но его это,

по впечатлению, только раздражает. – Она рассказала им про распотрошенное авто. Если б не заступничество Луизы Чумлиг, его бы наверняка выгнали.

Крупные кроличьи уши девчонки ужались до нормального размера. У нее, конечно, нашлось свое мнение:

– Хех. Я про него тут читаю, про того, кем он был раньше. В двадцатом веке пользовался немалой известностью. Выдающийся поэт, ля-ля-тополя. Но его обожали только те, с кем он никогда не встречался лично.

– Неправда! Роберт всегда презирал глупцов, это так, н-но… – Она замолчала, вспомнив Лену и рассказы про двоюродную бабушку Кару. А еще – инцидент с Эзрой Паундом.

Цзинь закопался пятками в песок.

– Вернемся к основной теме. У него друзья в школе завелись?

– Н-нет. Он законтачил с Хуаном Ороско. Но этот парень – серая масса, тупица.

– А как насчет прежних друзей? – поинтересовалась малышка.

Мири покачала головой. Все, кого Роберт знавал в бытность свою великим поэтом, все, кому он помогал… избегали его. Неужели дружба настолько преходяща?

– В классе много стариков, но они на других проектах заняты. Они едва парой слов перебросятся.

– Тогда нужно искать вторую половинку. Наверняка сотни людей страдают от подобной неполноты. – Малышка усмехнулась. – А потом организуй ему случайную встречу. Если твой дед не будет в курсах, кто ее подстроил, то не выдержит и оттает. – Она подняла глаза, словно удивленная собственным озарением. – А еще лучше… когда-то творчество твоего деда привлекало многих критиков. Бьюсь об заклад, его до сих пор магистры да аспиранты изучают и рады бы с ним закорешиться. Подкинь кому-то из них превосходную тему для диссера!

Мири занялась поиском по персоналиям. Один из соучеников Роберта Гу по Фэйрмонтской школе был знаком с ним много лет! Надо было раньше это подметить. У них двоих столько общего! Вот бы их свести. Гм. Как плохо, что вокруг Роберта ошивается этот чурбан Ороско… Но Уинстон Блаунт и помимо школы чем-то занят, при участии по крайней мере одного человека, учившегося вместе с Робертом в аспирантуре еще в 1970-х.

Как бы их всех вместе свести?

Еще она поискала магистров и аспирантов, которым была бы интересна беседа с Робертом. Она не сомневалась в способности деда и бабки распознать лесть, но считала полезным организовать Роберту встречу с посторонним человеком, который

бы его искренне уважал. Если этот посторонний неопытен в работе с данными… ну это как раз и к лучшему, будет повод помочь им напрямую.

Она искала по всему миру – при этом обычно набегают орды верблюжьих погонщиков, жаждущих прокачать английский. Но сейчас… вау, меньше чем за пять минут нашлась идеальная кандидатура. И этот Шариф в Орегоне работает, как раз на достаточном удалении, чтобы большую часть встреч проводить виртуально, с перспективой тонкой настройки. Та девчонка, конечно, задавака, но советы ее оказались на удивление полезны.

Мири помедлила. Собственно, все сколько-то полезные советы принадлежали той девчонке. Возможно, под маской «малышки» кто-то прячется. Мири стала рассылать запросы в надежде выяснить, кто бы это мог быть. Но если даже девчонке и впрямь десять лет, это ничего не докажет. Пятиклассники бывают реально крутые.

Женщина была высокая, вся в черном.

– Насколько я понимаю, вам нужна помощь, – сказала она.

А? Зульфикар Шариф вскинул глаза от тако с говядиной. Он не услышал ее шагов. Потом сообразил, что по-прежнему один за столиком у дальней стены кафетерия Орегонского университета. Он нахмурился, смерив взглядом привидение.

– Я не ведусь на выдумки.

Господи избави. Только бы не заморочили снова.

Женщина высокомерно поглядела на него в ответ. Ей на вид было не больше тридцати, но он не мог ее вообразить на свидании.

– Молодой человек, я не ваша выдумка. Вам ведь требуется помощь с темой диссертации, не так ли?

– А! – Зульфи Шариф недолюбливал хайтек, но на втором году аспирантуры факультета литературоведения Орегонского университета, признаться, малость отчаялся. От его руководительницы толку было чуть: профессор Блэндингс, кажется, больше всего нуждалась в постоянном бесплатном помощнике, а не кандидате. Поэтому еще в январе Шариф закинул невод. Уловом стали бесчисленные объявления – реклама плагиата и диссертаций на заказ. Энни Блэндингс ему так обрыдла, что Шариф едва не соблазнился некоторыми ранними находками, пока его более сведущие в технологиях друзья не объяснили, какие неприятные последствия это возымеет.

Шариф отфильтровал плагиаторов и саркастических насмешников. Остались сущие крохи. Ну и толку с этого хайтека?

Он два семестра продвигал карьеру Блэндингс в области деконструктивного ревизионизма. Оставшееся время подвизался в справочной службе 411 Американской поэтической ассоциации и пытался высосать из пальца диссертацию. Он прибыл в Америку, надеясь обрести старомодное откровение насчет любимой литературы. Он все чаще задумывался, а не лучше ли было остаться в Калькутте.

И вдруг – эта незнакомка. *Мои молитвы услышаны. Да-да, наверняка.* Он жестом пригласил ее садиться, рассчитывая привести в замешательство. Но привидение вполне отдавало себе отчет, где находится, и опустилось на противоположный стул, идеально совместив телесный контур с мебелью.

– Я, по правде сказать, ожидал имейла, – проговорил он.

Женщина в черном только плечами пожала. Ее презрительный взгляд не дрогнул. Шариф поколебался и продолжил:

– Действительно, я *ищу* тему диссертации. Но должен предупредить, что мне не интересны подделки, плагиат или совместные формы работы. Если вы продаете что-нибудь в этом роде, катитесь на все четыре стороны. Мне требуется лишь указание, – *и поддержка*, – что мог бы дать аспиранту хороший руководитель.

Женщина улыбнулась жестокой улыбкой, и Шариф внезапно подумал, что она может быть как-то связана с Энни Блэндингс. Старая карга даже носить не умела, но вдруг у нее есть знакомые, которые на такое способны?

– Ничего незаконного, мистер Шариф, вовсе ничего. Я просто увидела ваше объявление. И я хочу подкинуть вам великолепную возможность.

– У меня нет столько денег!

– Думаю, мы договоримся. Ну как, интересует?

– Гм… возможно.

Женщина в черном подалась вперед. Даже ее тень превосходно соответствовала освещению кафе. Шариф и не думал, что такая точность достижима.

– Я так понимаю, вы не в курсе, что Роберт Гу жив-здоров и обретается в Южной Калифорнии?

– Что? Ерунда! Он же умер несколько лет назад. О нем не было… – Под ее безмолвным взглядом он стух и застучал по фантомной клавиатуре, вызывая стандартный поиск. Работая в службе 411, он отточил навыки сверхбыстрого поиска. По столешнице заструились результаты. – О’кей. Он просто бросил писать. Альцгеймер… *и он выздоровел!*

– Действительно. Не открывает ли это определенные

возможности?

– Гм. – Шариф еще пару секунд продолжал изображать интеллект аквариумной рыбки. *Просто сопоставь я нужные факты, и узнал бы еще месяц назад*. – Это открывает возможности. – Взять интервью у Роберта Гу – наилучшее современное приближение к разговору с Уильямом Шекспиром.

– Отлично. – Женщина в черном сложила пальцы домиком. – Но имеются и осложнения.

– Например? – Например, феноменальное предложение может оказаться розыгрышем.

– Роберт… – Изображение женщины на миг застыло: скорее всего, джиттер на линии. – Профессор Гу всегда презирал глупцов. А сейчас тем паче. Я устрою вам доступ к его личному энуму. Ваша задача – заинтриговать его.

Без энума пробиться к великому человеку чрезвычайно сложно.

– Сколько? – спросил он. Его кредит в студенческом союзе достиг двадцати тысяч долларов. Возможно, калькуттский брат поможет выклянчить еще.

– О, моя цена не измеряется в долларах. Я лишь попрошу вас прикрепить мой тег. Я время от времени буду подбрасывать предложения или задавать вопросы.

– Но приоритет останется за мной?

– Разумеется.

– Я, э-э-э, не знаю… – Шариф колебался. *Роберт Гу!* – О'кей, по рукам.

– Отлично. – Женщина показала на его руку. – Откройте мне на секунду полный доступ.

Новичкам в мозги вколачивают первое правило Эпифании: *Полный доступ только для родителей и близких и только если вам нравится рисковать*. Шариф так и не понял, что его сподвигло, властный тон собеседницы или собственное желание, но протянул руку вперед и коснулся пустоты. Указующий жест означал понижение уровня защиты. Легкое покалывание в пальцах было, конечно, иллюзией, но пространство между ними вдруг заполнили доверительные сертификаты.

Потом документооборот завершился, и остался лишь одинокий энум. Шариф посмотрел на идентификатор с неожиданной тревогой.

– И что же, мне ему просто *позвонить*?

Она кивнула.

– Теперь такая возможность у вас есть. Но помните, что я вам про него сказала: он не выносит глупцов. Вы знакомы с его работами?

– Конечно.

– Вам они по душе?

– Да! От всего сердца и в здравом уме я ими чертовски восхищаюсь.

Эта формулировка срабатывала со всеми известными Шарифу профессорами. В данном случае она еще и отвечала истине.

Женщина кивнула.

– Возможно, этого хватит. Помните: профессор Гу не в лучшей форме. Он еще не до конца оправился от немощи. Вам придется доказать ему свою непосредственную полезность.

– Если прикажет выносить за ним горшок, я и на это пойду.

Изображение снова на миг застыло.

– О, вряд ли в этом возникнет потребность. Но он скучает по прошлому. Он скучает по книгам, по их прежней роли. Ну вы в курсе, по этим неудобным штукам, которые нужно было таскать при себе.

Кто это, блин, вообще?

Но он кивнул.

– Я знаю про, гм, физические книги. Я их видел лично и в большом количестве. – Он уже подыскивал такси.

– Очень хорошо. – Призрак улыбнулся. – Удачи, мистер Шариф.

И пропал.

Шариф сидел неподвижно почти минуту, пустыми глазами созерцая пространство на месте женщины в черном. Затем его охватило страстное желание поделиться этой информацией с другими. К счастью, в такой поздний час кафе практически обезлюдело, а Шариф был не из тех, кто рассылает сообщения по любой прихоти. Нет-нет. Спустя мгновение он сообразил, что новость, скорее всего, нужно держать в тайне, чтобы не выскочила, словно кролик из шляпы, по крайней мере, пока не налажен контакт с Робертом Гу.

Вдобавок… его одолевали запоздалые сомнения. *Да как я мог вообще пустить ее к себе поносить?* Он пару раз прогнал диагностику Эпифании. В воздухе над тако заплясали виджеты: чисто. Эпифания считала, что с ним все в порядке; конечно, если его заморочили сверху донизу, то как раз такого ответа и следует ожидать. *Ядри твою кочерыжку. Опять, что ли, всю одежду в импульсную чистку? Только бы не опять!*

Особенно неуместно это было бы сейчас. Он осмотрел золотистый энум: личный идентификатор Роберта Гу! При верном подходе диссер обеспечен. И отнюдь не рядовой диссер. Шариф причислял Роберта Гу к величайшим современным писателям, на

уровне Уильямса и Чхо.

Ну а Энни Блэндингс обожествляла Гу.

11
Введение в «Библиотому»

Носимые компьютеры: ну и концепция! IBM PC, знакомься, это Эпифания, фифа из мира высокой моды. На самом-то деле Роберт вряд ли с ходу отличил бы свою новую одежду от обычных шмоток. Ну да, штаны и рубашки не в его стиле: нашивки внутри и снаружи, но узор воспринимается скорее пальцами, чем глазами. Пришлось Хуану Ороско показывать Роберту особые ракурсы с обзором сети микропроцессоров и лазеров. Главная трудность – гребаные контактные линзы. Роберт вынужден был носить их с раннего утра до вечера. В глазах постоянно мелькало и дергалось. Постепенно он наловчился и с этим управляться. Успешно набрав первый запрос на фантомной клавиатуре и увидев в воздухе перед собой ответ Гугла, он почувствовал прилив чистейшей радости. Чувство *мощи*: вот что давали эти ответы, добываемые из прозрачного воздуха.

Затем началось то, что Хуан Ороско называл ансамблевым кодированием.

Минула неделя. Роберт практиковался с одеждой для начинающих, пытаясь воспроизвести продемонстрированные Хуаном трюки. Даже простейшие жесты не сразу получались. Но он всё пластал и пластал руками воздух, и когда команда срабатывала, вспышка жалкого восторга стимулировала продолжать с еще большим старанием. Он подумал, что похож на мальчугана, увлекшегося новой компьютерной игрой. Или ученую крыску.

Когда поступил телефонный вызов, Роберту почудилось, что у него удар. Перед глазами заплясали яркие сполохи, раздался далекий жужжащий звук. Жужжание прерывалось словами:

– Жжж очень жжжж… хотел бы… жжж… интервьюжжж…

Ага! Либо спам, либо какой-то репортер.

– С какой стати мне давать вам интервью?

– Жжжж… короткое жжж… интержжж.

– А хотя бы и короткое, – рефлекторно среагировал Роберт. Ему уже много лет не доводилось с наслаждением отшивать журналиста.

Пылающий свет оставался бесформенным, но когда Роберт расправил воротник, голос стал четким и вполне разборчивым:

– Сэр, меня зовут Шариф, Зульфикар Шариф. Я бы хотел проинтервьюировать вас для своей диссертации по англоязычной литературе.

Роберт сморщился и прищурился, пожал плечами, снова прищурился. Потом внезапно проявился образ посетителя, стоявшего в центре спальни. *Нужно Хуану рассказать!* Первый трехмерный успех, и всё, что пацан расписывал насчет проекций на сетчатку, оказалось правдой. Роберт привстал и отошел в сторонку, заглянув за спину гостю. Образ такой четкий, такой реалистичный. *Гм.* Но тени гость отбрасывал в сторону, противоположную реальности. *Интересно, чей это огрех?*

Темнокожий посетитель – индиец? пакистанец? – продолжал говорить с легким южноазиатским акцентом:

– Пожалуйста, сэр, не отказывайте мне! Вы мне очень польстите, согласившись на интервью. Вы – достояние человечества.

Роберт прохаживался перед гостем взад-вперед. Его все еще ошеломляла среда этого сообщения[13].

– Самую малость вашего драгоценного времени, сэр! Это всё, о чем я прошу. И… – Он оглядел комнату Роберта, вероятно, лицезрея то, что там находилось в реале. Роберт еще не умел оформлять подставные окружения. Хуан собирался ему это вчера показать, но они отвлеклись на обязанности Роберта по сделке – помощь мальчугану с английским. Безграмотный бедняга Хуан. И, с другой стороны, этот вот Шариф. *Интересно, насколько смышлены сейчас аспиранты?*

Аспирант, представший его взгляду, был близок к отчаянию. Глаза Шарифа задержались на чем-то позади Роберта:

– О, книги! Вы из тех, кто еще ценит настоящее.

«Книжные полки» Роберта были сделаны из пластиковых жалюзи и картонных ящиков. Но там поместились все книги, спасенные из подвала. Судьбой некоторых, как, скажем, Киплинга, он бы в прошлом даже не обеспокоился. Сейчас у него осталось только это. Он посмотрел на Шарифа.

– Да, ценю. И что с того, мистер Шариф?

– Я просто подумал… похоже, мы в этом единомышленники. Помогая мне, вы послужите благородному начинанию. – Он сделал паузу, возможно, прислушиваясь к чьему-нибудь внутреннему голосу. После обучения у Хуана Роберту стали внушать подозрение люди, которые так выглядят, словно прислушиваются к внутреннему голосу. – Вероятно, мы могли бы заключить соглашение, сэр. Я бы отдал почти всё на свете за несколько часов разговора с вами, за ваши суждения и воспоминания. Я с радостью стану вашим личным агентом 411. В таких делах я эксперт; я таким образом зарабатываю себе на жизнь в Орегонском университете. Я с радостью стану направлять вас в современном мире.

– У меня уже есть наставник. – Он подивился собственному шутливому ответу, когда понял, что в известном смысле так оно и было. Хуан.

Новая многозначительная пауза.

– А-а. Этот. – Шариф – его образ, идеальный во всем, кроме сместившихся теней и обуви, провалившейся на четверть дюйма в пол, – прошелся вокруг Роберта. Присматривается к книгам? Внезапно у Роберта появилось еще больше вопросов к Хуану Ороско. Но Шариф снова заговорил: – Это постоянная печать? Не дешевка по требованию?

– Конечно!

– Чудесно. Знаете… я бы мог вам устроить прогулку по библиотеке университета Сан-Диего.

Миллионы томов.

– Я в любой момент могу сам туда сходить. – Но пока что не осмеливался. Роберт оглядел свою маленькую библиотеку. В Средние века столько книг было у богачей. Ныне собиратели книг снова стали редкостью. В университете Сан-Диего имелась настоящая, физическая библиотека. А прогулка по ней с аспирантом… отчасти вернет его в прошлое.

Он посмотрел на Шарифа.

– Когда?

– Почему бы не прямо сейчас?

Роберту придется объяснить Хуану Ороско, почему сегодняшнее послеобеденное занятие отменилось. Он почувствовал нехарактерный для себя укол стыда. Хуан собирался показать ему техники поиска «на глазок», а Роберт – помочь Хуану со стихами. Роберт отрешился от угрызений.

– Тогда поехали, – сказал он.

Роберт отправился в кампус на машине. Он почему-то не смог поймать четкую картинку Шарифа внутри автомобиля. Только голос спутника продолжал чирикать, интересуясь мнением Роберта обо всем виденном по пути, а когда Роберт проявлял малейшее замешательство, предлагал свои мнения и факты.

Роберт прежде объезжал кампус университета по окраине; сегодня он увидел, как в действительности выглядит это место. На выезде из Фолбрука – привычные кварталы, непримечательные и скучные, но к северу от кампуса тянулись бесконечные серо-зеленые здания. Там и сям через каньоны были проброшены безоконные переходы.

– Биотехнологические лаборатории, – жизнерадостно пояснил Шариф. – Они в основном подземные.

Он переслал Эпифании Роберта указатели на картинки и

сводки. Ага. Значит, эти горницы без окон и дверей – не какой-нибудь коммунальный эксперимент двадцать первого века. Вряд ли там больше нескольких десятков человек в каждом. Соединительные коридоры предназначались для транспортировки образцов.

В этих постройках и пещерах под ними, не исключено, зарождаются чудовищные идеи. И спасительные. Роберт легким жестом отсалютовал им. Небесное минное поле Рида Вебера засевается именно здесь.

Своеобразный предбанник университета Сан-Диего. Он приготовился узреть бессмысленную футуристическую архитектуру главного корпуса. Машина выехала на Торри-Пайнс-роуд. Перекрестки почти не изменились, но указатели и остановки пропали. Движение на перекрестках регулировалось само собой, с непринужденной жутковатой грацией. *Надо бы при случае сочинить что-нибудь юмористическое про тайную жизнь автомобилей.* Он нигде не наблюдал остановки на время большее, чем нужно, чтобы вышли и сели пассажиры. Там, в пустыне, беспилотная машина уехала почти сразу: бросила его. Но когда Роберт выбрался назад на трассу, его подобрала другая. Эти устройства ездили все время. Он воображал, как они циркулируют по округу, маневрируя без устали, так, чтобы ни один клиент не прождал дольше пары минут. *А чем они занимаются, когда клиентов мало?* Вот бы об этом поэму сочинить. Есть ли у них потайные гаражи, скрытые парковки? Наверняка имеются ремонтные мастерские, по крайней мере, для экстренной подмены. Но возможно, что никаких других остановок они не делают. Тема, привлекательная равно для поэзии и футуризма: быть может, ночью, когда движение редкое, они, чтобы не куковать без заработка на пустой парковке, сбиваются вместе, подобно японским трансформерам, про которых серию игрушек выпустили… и превращаются в фургоны по перевозке грузов, слишком тяжелых для «UP/Express».

В любом случае старые парковки на северной окраине кампуса исчезли, а им на смену явились игровые площадки и офисные здания, похожие на карточные домики. Роберт приказал машине высадить его на краю старого кампуса, там, где раньше находились факультеты математики и прикладной физики.

– Все изменилось, даже в тех местах, где раньше стояли здания.

В действительности свободного места даже больше, чем ему помнилось по семидесятым.

– Не беспокойтесь, профессор. – Шариф по-прежнему общался исключительно голосом. Было похоже, что он зачитывает из

справочника: – Кампус университета Сан-Диего необычен и значительно менее консервативен, чем все прочие в Калифорнии. Большая часть построек восстановлена после Роуз-Каньонского землетрясения. Вот официальный вид. – Внезапно здания стали внушительными, бетонно-арматурными, приблизились к картине из его памяти.

Роберт жестом отогнал подделку: Хуан научил его это делать.

– Мистер Шариф, меня устраивает основной вид.

– Извините.

Роберт пошел на восток через кампус, изучая окружение. На игровых площадках царила такая же суета, как в 1970-е: одновременно проходило с полдюжины матчей по европейскому и американскому футболу. Роберт ни разу в них не участвовал, но ему нравилось, что в университете Сан-Диего студенты *играют,* а в остальных – преимущественно глазеют на состязания полупрофи.

Если присмотреться… гм, люди, мимо которых он проходил, выглядели довольно обыденно. Знакомые рюкзаки, рукоятки теннисных ракеток торчат вверх, будто приклады штурмовых винтовок.

Многие болтали сами с собой, иногда жестикулировали в воздухе или тыкали пальцами в невидимых противников. Ничего нового: Роберт всегда костерил мобильных наркоманов. Но здесь это проявлялось еще настырнее, чем в Фэйрмонте, среди детей. Было что-то крайне дурацкое в том, как человек идет себе по дорожке, внезапно останавливается хлопнуть по ремню и говорит с пустотой.

Новый Роберт, сопричастный цифровизации, не устоял перед соблазном статистической обработки увиденного и вскоре заметил то, что старому Роберту бы не бросилось в глаза. В кампусе много студентов, но и стариков предостаточно. Слишком много стариков. Примерно десятую часть толпы составляли весьма пожилые люди, реальные ровесники Роберта. Примерно треть – поджарые и энергичные, те, кого в двадцатом веке окрестили бы набившим оскомину термином «активные пенсионеры». А некоторые… он не сразу приучился замечать тех, кому повезло сорвать джекпот современной медицинской помощи. Кожа гладкая, походка пружинистая, и выглядят совсем молодо.

Больше всего приободрило его зрелище пары старперов, попавшейся навстречу: оба с настоящими книгами! Роберту захотелось схватить их за свободные руки и сплясать джигу. Но он лишь улыбнулся им во все тридцать два, когда они проходили мимо.

Шариф доказывал, что поход в обычное здание или даже университетскую книжную лавку недостаточно эффективен.

– Университетская библиотека – лучший выбор для вас, профессор.

Роберт двинулся по тропинке, идущей чуть под уклон. Эвкалипты разрослись сильнее запомнившегося ему. На ветру шелестели сухие листья крон. Под ногами трещал всякий сор: сучья, веточки и кора. Где-то впереди зазвучало хоровое пение.

Потом он увидел за деревьями Библиотеку имени Гейзелей. Не изменилась за столько лет! Гм, ну колонные опоры оплел плющ, но совсем не виртуальный. Он вышел из рощицы и уставился на здание.

Ожил голос Шарифа.

– Профессор, если сейчас свернете направо, то к главному…

Роберт помнил маршрут именно таким, но помедлил, когда собеседник осекся.

– В чем дело?

– Ой. Извините. Поворачивайте налево и обойдите кругом. Главный вход заблокирован толпой. Они поют.

– Ага. А о чем, кстати?

Ответа не последовало.

Роберт пожал плечами и, следуя указаниям незримого проводника, обошел здание с северной стороны. Он спустился туда, где, вероятно, находилась парковка нижнего уровня. Библиотека нависала над головой. Он помнил, как ее строили, помнил критические стрелы. «Дорогущий белый слон»[14], «тренировочный лагерь космических кадетов». Ну да, есть в ней что-то космическое: шесть надземных этажей образуют огромный октаэдр, касающийся вершиной земли и поддерживаемый пятидесятифутовыми колоннами. При Роберте структура была из бетона и размашистых стеклянных панелей, а теперь заросла плющом выше пятого этажа, и бетон скрылся из виду. Библиотека по-прежнему выглядела так, словно свалилась с неба, но больше напоминала старинную драгоценность размером с гору, и застежка ее была цвета земной зелени.

Пение стало громче. Кажется, «Марсельезу» исполняют. Некоторые строфы, впрочем, наводили на мысль о старых добрых студенческих протестах.

Он углубился под нависающие конструкции библиотеки. Теперь, чтобы увидеть четвертый, пятый и шестой этажи снизу, нужно было задрать голову, и бетон наконец проявился из сплетений плюща.

Странное дело. Края каждого этажа прямые, как и были, но

бетон пересекают неровные светлые линии. На солнце они поблескивали, словно серебряные жилы в камне.

– Шариф?

Ответа не было.

Надо поискать объяснений. Хуан Ороско бы сделал это почти не задумываясь. Он улыбнулся. Серебристые иззубренные линии были шаловливо-таинственны, и в том, вероятно, заключалось объяснение. В университете Сан-Диего уважали симпатичные диковинки студенческого творчества.

Роберт пошел в сторону короткой лестницы, ведущей на погрузочную платформу. Кажется, это самый простой способ добраться до библиотеки. На стене имелся выцветший знак **ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ**. Дверь для подвоза грузов была заперта, но вторая, поменьше, приотворена. Он услышал изнутри шум; что-то вроде бы пилили – плотничали? Он вспомнил, как Хуан ему рассказывал про местные ракурсы Эпифании по умолчанию, и нерешительно взмахнул рукой. Ничего. Он пожестикулировал снова, чуть иначе. *Упс*. Дверь была вся в заградительных метках. Он посмотрел вверх по склону холма; где-то там, за гребнем, главный вход. Через Эпифанию стал виден мальвовый нимб, пульсирующий в такт пению. Над музыкой парили слова: *A has la Bibleotome!*[15] Он слышал теперь и настоящие, и удаленные голоса, музыка превратилась в какофонию.

– Шариф, что происходит?

На этот раз ему ответили:

– А, да это очередной студенческий протест. Вам через главный вход не пройти.

Он постоял мгновение, с легким любопытством размышляя, против чего в эти дни принято протестовать студентам. *Неважно.* Потом поищем. Он продвинулся к полуоткрытой двери и заглянул в слабо освещенный коридорчик. Несмотря на поднявшуюся фантазматическую бурю предупреждений и правил поведения, прямая преграда отсутствовала. И стал слышен другой странный звук, перекрывший хоровое пение: резкие, раздирающие душу хрипы. А в промежутках между ними – молчание.

Роберт шагнул в коридор.

12
Стражи прошлого, прислужники будущего

Изначальным местом заседаний Клики Старейшин был выбран шестой этаж библиотеки имени Гейзелей. Это обеспечил Уинстон Блаунт, опираясь на свои старые связи времен факультета искусствоведения и литературы. Некогда Клика даже реквизировала часть зоны отдыха для библиотечных сотрудников под отличный салон. Это было после Роуз-Каньонского землетрясения, когда юные фрики, устремленные в будущее, несколько испугались собственных технологических заплаток, и желающим рискнуть пребыванием на верхотуре предоставлялось много места.

В первые годы Клика состояла примерно из тридцати постоянных членов. Это число менялось, но так или иначе в нее входили преимущественно факультетские и университетские сотрудники рубежа столетий, сейчас почти все уже на пенсии или уволившиеся.

Шло время, ряды Клики редели. Сам Блаунт отошел от нее, обнаружив, что старых связей у него почти не осталось. Он строил планы на возобновление карьеры, связанные с программой для пожилых инклюзивников в Фэйрмонте. Потом мальчуган, которого звали Ороско, случайно указал Блаунту прекрасное средство экономии сил: движение протестующих против библиотомного проекта. Ближний Круг Клики идеально приспособлен к такой задаче. Вдобавок, пожалуй, удачно получилось, что личный состав Клики ныне Ближним Кругом и исчерпывался.

Том Паркер сидел рядом с окном во всю стену. Они с Блаунтом рассматривали митинг. Паркер хмыкнул.

– Ну что, декан, выступите с проповедью перед толпой?

Блаунт фыркнул.

– Нет. Но им нас видно. Помашите ребятам, Томми.

И подкрепил свою рекомендацию действием: вознес руки, точно благословляя хор у главного входа и несколько меньшее скопление народа на террасе у Змеиной Тропы. В общем-то, это была его идея: обратиться к демонстрантам. В былые дни они бы его наверняка сами пригласили. Теперь Блаунт, хотя и оставался важным игроком, никакого публичного веса не имел. Он пробежался глазами по некоторым картинкам над толпой.

– М-да, а у них там *масштабный* ивент. Многослойный, если точнее.

Некоторые слои, впрочем, были оккупированы демонстрантами противной стороны: призраки, издевательскими пародиями пляшущие над толпой. *Ну и хрен с ними.* Он отключил все усилители и заметил ухмылку Паркера.

– Все еще пытаетесь эти контактные линзы освоить, а, декан? – Он любовно погладил свой лэптоп. – Это лишь в очередной раз доказывает, что превзойти гениальное окружение мышки и окон не получится. – Руки Паркера скользили по клавиатуре. Он работал со слоями усиления, доступными Блаунту напрямую через контактные линзы. Паркер, возможно, и самый крутой спец Клики, но при этом безнадежно старомодный.

– Я кастомизировал свой лэптоп, чтобы видеть только то, что действительно важно.

На маленьком экране мелькали картинки. Уинстон Блаунт заметил то, что по контактам не углядел: кто-то раскинул над демонстрацией подобие нимба. Впечатляет.

Томми продолжал хмыкать.

– Хм, а что это за пурпурное гало? Оно за библиотомников или против?

Карлос Ривера, сидевший по другую руку Паркера, отстранился от окна и потянулся.

– Если верить журналюгам, против. Говорят, что гало – благословение стражам прошлого.

Троица некоторое время молча наблюдала происходящее. Через высокие застекленные окна проникали отзвуки хора, но к ним добавлялись голоса протестующих со всего мира. Итоговый эффект имел скорее символическую ценность, нежели эстетическую, поскольку голоса безнадежно рассинхронизировались.

Карлос Ривера нарушил молчание.

– Почти треть физических голосов принадлежит иногородним!

Блаунт с усмешкой взглянул на него. Карлос Ривера был странный молодой человек, ветеран войны и инвалид. Он с трудом укладывался в традиционные возрастные критерии Клики, но в определенном смысле казался так же старомоден, как Томми Паркер: носил маленькие очки в толстой оправе по моде начала десятых, не скрывал «мозолей машинистки» на всех пальцах, включая большие, и был одет в старую дисплейную рубашку, которая в данный момент показывала белым по черному:

БИБЛИОТЕКАРИ: СТРАЖИ ПРОШЛОГО, ПРИСЛУЖНИКИ БУДУЩЕГО.

Но самое важное в Карлосе Ривере было то, что он числился сотрудником библиотеки.

Паркер изучал статистику на лэптопе.

– Гм, мы привлекли внимание мира. Несколько мгновений назад был пик популярности, два миллиона зрителей. А еще много больше посмотрят в асинхроне.

– А что говорят пиарщики университета?

Паркер отстучал короткий запрос на клавиатуре.

– Затихарились. Пиарщики делают вид, будто ничего особенного не происходит. Ха. Пресса к ним уже цепляется… – Паркер откинулся в кресле и погрузился в раздумья. – Когда-то я бы поместил скрытые камеры на нижних этажах. А если б их вырубили, я бы вломился к пиарщикам на сайт и вставил во все пресс-релизы картинки с горящими книгами!

– *Дуи*, – кивнул Ривера. – Но сейчас это было бы сложновато.

– Ага. И, что еще хуже, для такого потребуется смелость. – Томми погладил свой лэптоп. – В этом и состоит проблема современных людей. Они променяли свободу на безопасность. В моей юности копы не сидели в каждом виджете, а диванные клоуны не собирали авторские отчисления за каждый удар по клавишам. В ту пору не существовало окружения неотчуждаемой аппаратуры и не нужно было пихать десяток тысяч транзисторов в каждый триггер. Помню, в 91-м я вырубил… – И его понесло в байки. Бедняга Томми. Современная медицина не излечила его стремления к рассказам о старых подвигах.

Карлосу Ривере, впрочем, эти истории вроде бы нравились. Он зачарованно кивал каждые несколько секунд. Блаунт иногда задумывался, полезен или же скорее вреден энтузиазм молодого человека.

– …в общем, когда они надумали проверить обжимы кабеля, мы уже слили все их файлы и…

Ривера, как ни странно, перестал внимать. Он обернулся к стеллажам, и на его лице написалось изумление. Он проворчал что-то по-китайски, потом, на счастье, вернулся к английскому:

– Я хотел сказать, подождите минутку…

– А? – Паркер покосился на лэптоп. – Что, уже шреддеры включились?

Черт подери, – подумал Блаунт. Он надеялся, что поведение протестующих позволит уловить этот жуткий миг.

– Да, – сказал Ривера, – но это случилось несколько минут назад, пока вы говорили. Тут что-то другое. Кто-то проник в зону

погрузки.

Уинстон вскочил со всей быстротой, какую позволяли полуомоложенные суставы.

– Ты же сказал, там внизу охрана?

– Я думал, она там! – Ривера тоже вскочил. – Я вам сейчас покажу.

Перед глазами Блаунта вспыхнули образы: картинки с камер северной и восточной сторон здания, больше ракурсов, чем поддавалось осмыслению.

Блаунт отмахнулся от них.

– Я хочу сам посмотреть. – Он устремился к библиотечным полкам, Ривера следом.

– Если б мы об этом знали, выставили бы там кого-нибудь из своих.

В том-то нынче и трудность. Системы безопасности так хороши, что когда они ломаются, никого нет, чтоб этим воспользоваться. Блаунт краем сознания дивился своим новым приоритетам. Некогда декан Уинстон Ч. Блаунт всеми фибрами души сопереживал истеблишменту и старался помешать неумехам. Теперь же… гм, если не подзадорить истеблишмент здоровой дозой хаоса, ничего с места не сдвинется.

– А хор это видел?

– Не знаю. Лучшие ракурсы под карантином. – Ривера совсем запыхался. Они обошли лифты и кабинеты сотрудников, занимавшие центральную часть этажа, и двигались теперь перпендикулярно полкам. Далеко внизу Блаунт углядел кусочек неба за окнами между заставленными книгами стеллажами.

– Ты говорил, есть вероятность, что сегодня появится Макс Уэртас.

– *Дуи*. Да. Есть такая вероятность. Проект стартует на этой неделе сразу в нескольких библиотеках, но университетская в Сан-Диего – звезда первой величины. – Уэртас не просто финансировал библиотомный проект, он также инвестировал крупные суммы в биотехнологические лаборатории по соседству с кампусом. Его безумная затея с библиотомным проектом перевернула университет вверх дном, и в конце концов Уэртас сумел пропихнуть свою идею между жерновов административного механизма, которые угрожали его раздавить.

Когда они приблизились к окнам, Блаунт сбавил темп. За последние несколько десятилетий в кампусе университета Сан-Диего произошла подлинная революция. Строительный бум его каденции прервало Роуз-Каньонское землетрясение, а новые администраторы напрягаться не хотели. Кампус восстановили в стиле редкой застройки, перемежаемой парковыми зонами, а

здания было не отличить от квонсетских ангаров. Блаунта это печалило, напоминало о ранних годах, когда он еще учился в аспирантуре. *Мы такую красоту здесь выстроили, а потом позволили оппортунистам все слить на удаленку, и чертовы лаборатории отгрызли львиную долю места.* Какая польза для университета, если пятьсот тысяч поступивших он приобретет, а душу свою потеряет?[16]

Он достиг северо-восточной секции окон и посмотрел на улицу. Шестой этаж максимально выдавался над прилегающей территорией. Отсюда было видно почти прямо вниз, в том числе полосу растрескавшегося бетона и погрузочную платформу библиотеки. Там стоял и растерянно озирался по сторонам какой-то человек. Карлос Ривера догнал Блаунта и мгновение смотрел вниз вместе с ним. Потом Блаунт заметил, что молодой человек смотрит *сквозь* пол: Ривера отыскал вид с какой-то камеры на нижних этажах.

– Это не Макс Уэртас, – проговорил Карлос. – Он бы явился со свитой лакеев.

– Ага. – Тем не менее незнакомец сумел убедить библиотечных рентакопов, чтобы те его пропустили. Блаунт постучал по стеклу. – Посмотри вверх, чучело!

Удивительно, как мало видно сверху. Незнакомец двигался скованно, временами дергаясь, словно старик, борющийся с глюками реставрированной нервной системы… Блаунта охватило сквернейшее чувство, и тут незнакомец поднял голову. Блаунту показалось, что ему под ноги бросилась крупная крыса.

– О боже. – Понукаемый диковинным сочетанием отвращения и любопытства, он выдавил: – Приведи-ка его сюда.

После залитой солнцем погрузочной платформы в коридоре было очень темно. Роберт поколебался, дожидаясь, пока глаза привыкнут к освещению. На стенах были процарапаны и намалеваны какие-то метки. Пол из голого бетона. Это явно не зона общего доступа. Ему вспомнилось далекое прошлое, когда они с кое-какими аспирантами лазили по служебным помещениям таких построек.

Эпифания снабдила двери, потолки и даже трещины в стенах небольшими значками. Не слишком информативными, в основном идентификаторы да инструкции по техподдержке; в старину такие наносили краской через трафарет. Но, если бы нашлось время, он мог покопаться в метках и выудить дополнительную информацию. Попадались и совсем загадочные, например, крупная трещина, заляпанная серебристым, была помечена: <sm> Консольная балка-пред. цикл < 1.2 мм:25 сек.

Роберт уже собирался поискать про нее, но тут заметил дверь, украшенную здоровенным баннером с отсчетом секунд. **00:07:03 РАБОТАЕТ БИБЛИОТОМНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. НЕ ВХОДИТЬ!**

Какого черта? Эта дверь тоже была открыта.

За ней шум, похожий на визг пилы, сделался громче. Роберт прошел пятьдесят футов мимо пластиковых ящиков. *Спасенные данные* – извещали ярлыки. В конце коридора, за каким-то приспособлением вроде вилочного погрузчика, его ждала очередная незапертая дверь. Он понял, где находится: на дне центрального лестничного колодца библиотеки. Он посмотрел вверх, прослеживая взглядом укороченную перспективу лестничной спирали. В световой колонне порхали и вихрились крошечные белые искорки. Снежинки? Но тут одна приземлилась ему на ладонь: клочок бумаги.

Резкий визг пилы стал громче, к нему примешалось что-то вроде шума гигантского пылесоса. Однако именно визг пилы, с неправильными интервалами отдававшийся эхом на лестнице, рождал у него головную боль. Что-то было в этом звуке знакомое, но естественным для *помещений* он не казался. Роберт начал подниматься по лестнице, останавливаясь на каждом пролете. Пыль и шум достигали пика на четвертом этаже, помеченном как **КАТАЛОЖНАЯ СЕКЦИЯ PZ.** Дверь плавно отворилась. За ней он ожидал увидеть библиотечные стеллажи. Все книги, какие душа пожелает, мили книг. Красота идей затаилась и ждет в засаде.

Но ничего похожего на привычные полки он не обнаружил. Пол застелен белым брезентом. В воздухе носится мусор. Он глубоко вздохнул, унюхал запахи столярного клея и жженого дерева и так закашлялся, что долго не мог перевести дух.

Брап. Источник шума, теперь громкого до боли, находился примерно в четырех рядах направо. Пустые стеллажи, груды бумажных обрезков и глубокий слой пыли.

Бр-рап. Иногда, против всякой логики, узнавание получается медленным. Роберт наконец понял, что это за звук. Он время от времени слышал его в прошлой жизни, но всегда от машины, работавшей под открытым небом.

Бр-рап! Машина для рубки деревьев!

Впереди протянулись скелеты пустующих стеллажей. Роберт достиг конца прохода и повернул на звук. В воздухе туманом носилась бумажная пыль. В четвертом ряду пространство между полок затянула пульсирующая тканевая труба. Чудовищный червяк был ярко подсвечен изнутри. На другой стороне, на расстоянии почти двадцати футов, располагалась его пасть: источник шума. Роберт едва различал в вихрящейся бумажной мгле две фигуры в белых комбинезонах с метками **Служба**

спасения данных Уэртаса. Те были в масках с фильтрами и защитных касках. Они очень напоминали строительных рабочих, но их занятие представляло собой апофеоз деконструкции: сперва один, потом другой вытягивали книги со стеллажей и швыряли в пасть измельчителя. Метки вносили нотку спокойной обыденности в этот ужас: ревущая пасть оказалась «кастомным расшивателем NaviCloud», а тканевый туннель, протянутый от нее, «камерным туннелем». Роберт отшатнулся от увиденного, а Эпифания случайно вознаградила его ракурсом из нутра чудовища: измельченные фрагменты книг и журналов летели по туннелю, как захваченная торнадо листва, кувыркались и выкручивались, а изнанка ткани была прошита тысячами крошечных камер, которые фотографировали обрывки снова и снова, под всевозможными углами и ориентациями, пока, наконец, сорванная листва не падала в мусорник прямо перед Робертом. Спасенные данные.

БР-Р-Р-Р-РАП! Монстр переместился еще на фут вдоль стеллажей, оставив за собой очередной фут пустых полок. Почти пустых. Роберт ступил в проход и схватился рукой за что-то, лежавшее на полке. Это не была пыль. Это была половина страницы, остаток тысяч книг, уже засосанных в недра аппарата «спасения данных». Он помахал ею рабочим в белых комбинезонах и прокричал слова, потерявшиеся в шуме измельчителя и вентиляции червеобразного туннеля. Но двое посмотрели на него и крикнули что-то в ответ.

Если б не сверкающая туша червяка между Робертом и рабочими, он бы кинулся на них. А так они лишь обменивались бессильными взмахами.

Потом возник третий, позади Роберта. Полноватый молодой человек лет тридцати, в шортах-бермудах и большой черной футболке. Он кричал что-то на… китайском? Незнакомец настойчивыми жестами попросил Роберта отойти вместе с ним к лестничному колодцу, подальше от кошмарной сцены.

На шестом этаже библиотеки никаких следов кошмара. Выглядело тут все примерно так, как запомнилось Роберту в начале 1970-х. Парень в большой футболке провел его между стеллажами к рабочей зоне с южной стороны здания. Там, прямо у окон, сидел коротышка с древним лэптопом. Он поднялся и уставился на прибывших, потом внезапно рассмеялся и протянул Роберту руку.

– Будь я проклят, а ты и *правда* Роберт Гу!

Роберт принял рукопожатие и неуверенно постоял еще минутку. Внизу измельчители книг, наверху загадочный незнакомец. И этот безумный хор. Он наконец рассмотрел

певунов на площади.

– Ха! Ты не узнаешь меня, а, Роберт? – *Нет*. Волосы в основном светлые, но лицо древнее, как холмы. Только смех кажется знакомым. Спустя миг тот пожал плечами и взмахом руки предложил Роберту сесть.

– Я тебя не виню, – весело продолжал он, – но обратная задача распознавания решается без труда. Тебе повезло, Роберт, а? Похоже, терапия по Венну – Курасаве в твоем случае сработала на все сто. У тебя кожа выглядит лучше, чем в твои двадцать пять. – Старик провел по лицу рукой, испещренной пигментными пятнышками, и завистливо усмехнулся. – А как насчет всего остального? Ты какой-то дерганый.

– Я… Я из ума выжил. Альцгеймер. Но…

– Ага, оно и видно.

Роберт внезапно узнал его по этой бесцеремонной прямоте. В лице незнакомца проступили черты первокурсника, чья компания сделала годы в университете Сан-Диего значительно интереснее.

– Томми Паркер!

Молодой непоседа, которого невозможно было заткнуть и унять, энтузиаст компьютерных наук еще со времен подготовительного курса в университете, еще в ту пору, когда и специальности-то такой не существовало. Коротышка, которому не терпелось в будущее.

Томми хмыкнул и кивнул.

– Ага, ага. Но я уже давно профессор Томас Паркер. Ты в курсе, что я в МТИ защитился? Потом вернулся сюда и преподавал сорок лет без малого. Перед тобой фигура истеблишмента.

Что с ним сделало время… На миг у Роберта отнялся язык. *Мне бы стоило выработать иммунитет к такому*. Он перевел взгляд за окно, на толпу, подальше от Паркера.

– Так что происходит, а, Томми? Раскинул тут лагерь, как великий военачальник.

Паркер рассмеялся и затарабанил по клавиатуре. Судя по дисплею, это какая-то древняя система, уступающая даже визопейджеру Роберта. С Эпифанией нечего и сравнивать. Но в голосе Тома Паркера слышался энтузиазм.

– Мы организовали этот митинг протеста. Против библиотомной угрозы. Мы не остановили измельчение, но… Ты только глянь. Я поймал твой залаз на видео. – На дисплее Томми отобразилось фото, снятое, похоже, из северной части кампуса, с большим увеличением. Фигура, напоминавшая Роберта Гу, входила в библиотечную зону погрузки. – Не понимаю, как ты мимо охраны прошмыгнул, Роберт.

– Менеджмент тоже не понимает, – сказал молодой спаситель Роберта. Сев за передним столом, он стряхнул с футболки и извлек из волос остатки бумажной перхоти. Внезапно девиз **НЕНАВИЖУ ПОПАДАТЬ В ПЕРЕПЛЕТ** на его футболке обрел двойной смысл. Он поймал на себе взгляд Роберта и помахал ему.

– Привет, профессор Гу. Я Карлос Ривера, сотрудник библиотеки. – Футболка трансформировалась в белую, что хоть как-то помогло скрыть остатки бумаги.

– Вы участвуете в этом разрушении? – Роберт вдруг заметил, что у него в руке до сих пор спасенная от шреддера половина страницы. Он аккуратно положил ее на столик. На странице виднелись слова; может, получится выяснить, откуда она.

– Нет-нет, – сказал Паркер. – Карлос наш помощник. На самом-то деле все библиотекари протестуют против уничтожения, кроме администраторов. И, судя по тому, как ты прокрался мимо охраны, даже в их среде у нас есть союзники. Ты известный человек, Роберт. Мы можем использовать снятое тобой видео.

– Но я… – Роберт собирался возразить, что у него не было при себе камеры, но вспомнил, какая на нем одежда. – О'кей. Но сначала вы должны мне показать, как пересылать его.

– Никаких проблем… – начал Ривера.

– Ты пользуешься этим дряшлом, Эпифанией, да, Роберт? Угу, придется нам поискать тебе помощника с носимыми. Предполагалось, что носимая электроника всё упростит, но похоже, что она стала главным предлогом для других рулить твоей жизнью. Ну а я придерживаюсь проверенных решений. – Он погладил свой лэптоп. По какой-то прихоти воспоминаний Роберт эту модель опознал. Двадцать с небольшим лет назад гаджет считался последним словом техники и миниатюризации: размеры от силы восемь дюймов на десять, роскошный экран миллиметровой толщины и стильная встроенная камера. Сейчас… даже Роберту он показался тяжелым и тормозным. *Как он вообще ухитряется взаимодействовать с современными волшебными причиндалами?*

Взгляд Паркера скользнул на библиотекаря.

– Как он пробрался в здание, Карлос?

Ривера ответил:

– *У бу чжидао.*

Томми простонал:

– Карлос, ты по-китайски говоришь.

– Упс, извините. – Он посмотрел на Роберта. – Я был армейским переводчиком на войне, – сказал он, словно это все объясняло. – Профессор Паркер, я не понимаю, как он залез. Я видел, как он идет со стороны лектория имени Варшавского. Я

пользовался теми же ракурсами, что и наши безопасники. Но заметьте, что даже после того, как он побывал на месте измельчения, никто не попытался его задержать. – Он развернулся и ожидающе посмотрел на стеллажи. – Может, у декана еще кто-нибудь над этим работает.

Спустя мгновение из-за стеллажей с книгами выступил старик.

– Ты же знаешь, что нет, Карлос.

Он обращался к окну, а на Роберта не смотрел. *Ага*, – подумал тот, – *значит, вот где пропадал последние пару недель Уинни*. Блаунт несколько секунд глядел вниз на площадь, потом произнес:

– Пение прекратилось. Они знают, что явился Гу, не так ли?

– Да, сэр. Мы еще не публиковали видео, но вокруг тусуется достаточно журналистов. По меньшей мере три популярных канала его идентифицировали. – Толпа снаружи веселилась.

Роберт испробовал легкое пожатие плечами, которое, по словам Хуана, должно было вызвать местные новости. Но добился только рекламы.

А от Шарифа по-прежнему ни слова.

Спустя мгновение Блаунт прошел во главу стола и, скрипнув суставами, уселся там. На Роберта он по-прежнему смотреть избегал. И вообще Уинни казался отнюдь не таким уверенным, как в классе Чумлиг. *Сколько лет, сколько зим не затевали мы любимые политические игры?* Роберт уставился на Блаунта не мигая – по идее, должен запуститься поиск через Эпифанию, к тому же в прошлом такой взгляд всегда нервировал его.

– О'кей. – Блаунт кивнул Тому Паркеру. – Командуй нашим протестующим заводить часики. Ну ты понимаешь, интервью и редакционные колонки.

– А как насчет нашего новенького? – Томми наставил на Роберта большой палец.

Блаунт наконец посмотрел на Роберта, и Эпифания стала прокручивать в поле зрения информацию:

Google BioSource: *Уинстон Ч. Блаунт, магистр английской филологии в университете Сан-Диего, 1971; доктор английской филологии и литературы в Лос-Анджелесском университете, 1973; адъюнкт-профессор английской филологии в Стэнфордском университете, 1973–1980; профессор литературы и впоследствии декан факультета искусствоведения и литературы в университете Сан-Диего, 1980–2012. [Библиография, выступления, избранное]…*

– Ну что, Уинни, – проговорил Роберт, – ты все такой же интриган?

Лицо Блаунта побелело, но ответил он сдержанным тоном:

– Если тебе не трудно, зови меня Уинстон. Или декан Блаунт.

Было время, когда он отзывался на Уина, но Роберт его от этой привычки вылечил.

Они молча смотрели друг на друга еще секунду, потом Блаунт произнес:

– Как ты объяснишь свое проникновение через служебный вход?

Роберт негромко рассмеялся.

– Да я просто зашел. Я ведь невежда из невежд, Уинстон.

Что же стряслось с Зульфи Шарифом?

Томми Паркер поднял голову от лэптопа.

– Свежая информация в открытом доступе о Роберте Гу: почти четыре года в глубокой стадии болезни Альцгеймера, один из тех, кого недавно сумели вылечить. – Он посмотрел на Роберта. – Господи, чувак, ты чуть от старости не помер, прежде чем тебя подчистили. С другой стороны, похоже, что тебе так или иначе чудовищно повезло по медицинской части. Что привело тебя сегодня в универ?

Роберт пожал плечами. Его удивило, до какой степени он *не желает* делиться проблемами, связанными с Бобом и Мири.

– Просто так совпало. Я пришел в университет, потому что… потому что мне захотелось посмотреть на книги.

На лице Блаунта возникла недружелюбная ухмылка.

– Как это похоже на тебя. Явиться в тот самый день, когда их начали сжигать.

Ривера возмутился:

– Это измельчение, декан. С технической точки зрения сохраняется всё, кроме переплета.

Роберт опустил глаза на рваный листок, принесенный снизу. Уродец, избежавший ухода на покой? Он поднял перед собой жалкий остаток бумажной роскоши.

– Если честно, я совершенно не в курсе, что происходит. Что это было? Что за безумная цель требует уничтожения книг?

Уинни ответил не сразу, а подождал, пока Ривера передаст ему фрагмент. Положил на стол и мгновение рассматривал обрывок, потом горькая ухмылка на его лице стала немного шире.

– Какая приятная ирония. Они начали с PZ, не так ли, Карлос?

– *Дуи*, – неуверенно отозвался молодой человек.

– Это, – Уинни помахал в воздухе листком, – из научно-фантастической книги! – И мрачно фыркнул. – Эти ублюдки, фантасты, получают по заслугам, и не более того. Они тридцать лет как подчинили себе курс литературы, и вот куда их завел их

собственный долбаный редукционизм. Счастливо оставаться. – Он скомкал листок и запустил его назад в Роберта.

Томми перехватил бумажный комочек и попытался его расправить.

– Декан, это просто совпадение, что НФ пошла под нож первой.

– Говорят, в действительности, – влез Ривера, – они решили начать измельчение с НФ потому, что у гиков это вызывает меньше протеста.

– Неважно, – сказал Томми, – к концу дня они уже давно другим должны были быть заняты.

Уинни подался вперед.

– Что значит «должны были быть заняты»?

– Ты не в курсе? – Паркер снова погладил свой лэптоп: он что, влюблен в старинную машинку? – Измельчители книг столкнулись с небольшой технической проблемой. Они приостановили работу до завтра. – Он ухмыльнулся. – Популярная пресса утверждает, что *небольшой технической проблемой* стало неожиданное появление Роберта прямо в месте действия.

Ривера поколебался, в глубинах его толстых очков мигнул свет.

– Да, – сказал он. Итак, митингующим снаружи все же есть что праздновать. Уинни поднялся, снова выглянул в окно и опять сел.

– Отлично, мы одержали первую победу! Передай войскам наши поздравления, Томми.

Роберт воздел руки.

– Кто-нибудь, потрудитесь, наконец, объяснить мне это безумие. Может, тут ничего и не сжигают, но вся сцена будто прямиком из «451 градус по Фаренгейту» перекочевала. Кстати, Уинстон, это тоже научная фантастика.

Ривера рассеянно отмахнулся.

– Поищите по ключевому слову «Библиотома», профессор Гу.

Роберт сделал жест и начал тапать. *И как Хуан умудряется это делать, чтобы не выглядеть идиотом?*

– Воспользуйся моим лэптопом. Ты никогда не уразумеешь, как новости из Эпифании вытягивать.

Уинстон Блаунт хлопнул ладонью по столу.

– Томми, он в свободное время может этим заняться. У нас серьезная работа.

– О'кей, декан. Но Роберт изменил ситуацию. Нам его репутация пригодится.

Ривера кивнул.

– Да. Он лауреат практически всех мыслимых литературных премий.

– И что с того? – сказал Блаунт. – За нас пятеро нобелиатов. В сравнении с ними Гу ничем особенным не выделяется.

С этими словами Блаунт искоса глянул на Роберта. Уничижительной ремарке в адрес Роберта предшествовала нерешительность, но, вероятно, слишком короткая, чтобы остальные заметили.

Самая важная информация об Уинстоне Блаунте в его гугловской биографии отсутствовала. Некогда Уинни считал себя поэтом. Он им не был. Он просто был гладкоречив и отличался раздутым эго. Когда они оба оказались в младшем преподавательском составе Стэнфорда, Роберт потерял терпение и взялся за позера. Вдобавок факультетские совещания были бы непереносимо скучны без хобби-подколок в адрес Уинни Блаунта. Парень доставлял бесконечное удовольствие своей реакцией: он всерьез полагал, что способен тягаться с Робертом. Из семестра в семестр продолжались их словесные дуэли, и неудачи Уинни становились все явственней. Положение Блаунта осложнялось тем обстоятельством, что он был лишен таланта, к которому больше всего стремился: литературного. Кампания, затеянная Робертом против Уинни ради прикола, завершилась разгромной победой. К концу 1970-х над бедным Уинни (за глаза) ржал весь факультет. От его убеждения в собственной значимости осталось одно фанфаронство. Он покинул Стэнфорд, и Роберту помнилось чувство удовлетворения при мысли о том, что он оказал человечеству услугу, определив Уинстона Блаунта на подходящее тому место в порядке вещей – административную должность.

Новый Роберт Гу, однако, обладал не большими поэтическими талантами, чем Блаунт. *Интересно, а вправду ли Уинни отдает себе в этом отчет?*

Томми Паркера подводные течения их разговора, конечно, не занимали. Он ответил на желчную реплику Блаунта, словно она была простой констатацией факта:

– Декан, *некоторые* считают его важной фигурой. И у них достаточно полномочий, чтобы провести его мимо отличной частной службы безопасности. – Он обернулся к Гу. – Роберт, подумай как следует. Я понимаю, ты на информационной арене новичок, и Эпифания чертовски затрудняет работу, но не произошло ли сегодня чего-нибудь странного? В смысле, перед твоим проникновением в библиотеку?

– Ну-у… – Он посмотрел в воздух над их головами. Поисковые результаты только начали проявляться: тексты и картинки на тему проекта «Библиотома». Спасение

доисторических данных для студентов настоящего. *Чертовски* странная затея. А помимо этого… плавающие огоньки много чего значили. Он попытался припомнить инструкции Хуана. *Ага*! Вернулся Шариф, его рубиновая иконка парила сразу за углом стеллажа. – Мне малость помог аспирант по имени Зульфикар Шариф.

– Ты был с ним на связи, пока спускался к библиотеке?

– Да. Шариф посчитал, что мне будет удобнее туда пройти, если я не застряну в толпе у главного входа.

Ривера с Паркером переглянулись.

– Ты не видел заградительных лент безопасников? Тебя должны были направить по ним к южной стороне здания.

– Профессор, мне кажется, вас взломали.

Паркер кивнул.

– Ничего страшного, Роберт. С носимыми устройствами такое сплошь и рядом происходит. Нужно проследить, кто такой этот Зульфикар Шариф.

Роберт показал на рубиновый огонек.

– Думаю, он все еще тут.

Эпифания, похоже, восприняла жест как указание и вывела огонек в общий доступ: Ривера посмотрел в нужном направлении.

– Да! Видите, профессор Паркер?

Томми глянул на лэптоп и помассировал тачпад.

– Конечно, вижу. Бьюсь об заклад, он через Роберта подслушивал. Почему бы не пригласить его в чат?

Блаунт безнадежно щурился: ясно было, что рубинового огонька он не видит. Но вопрос посчитал обращенным к нему.

– Да. Сделайте это.

Роберт тапнул по иконке высвобождения. Миновала секунда. Рубиновая фея спустилась на край стола и вдруг стала человеком: мужчина в полный рост, довольно темнокожий, с честными глазами и примирительной улыбкой. Шариф передвинулся по столу и «сел» на противоположной стороне.

– Спасибо, что пригласили меня, профессор Гу, – сказал он, кивая остальным. – И да, я действительно слушал. Извините, у меня были сильные проблемы со связью.

– Я бы назвал это извлечением преимущества из неведения новичка, – сказал Паркер.

Блаунт энергично кивнул.

– И я того же мнения! Я… – Он помедлил, потом, вроде бы передумав: – А, ну и черт с ним. Томми, какое это имеет значение? Мы ведь сегодня все делаем на максимальном уровне открытости.

Томми усмехнулся.

– Да! Но жизнь меня научила *всегда* заглядывать дареному коню в зубы. Иногда конь оказывается троянской породы. – Он посмотрел на экран лэптопа. – Итак, мистер Шариф, меня не волнует, подслушивали вы нас или нет. Просто расскажите, что вы сделали для Роберта Гу. Кто-то провел его сюда через служебный проход мимо всех кордонов системы безопасности.

Шариф неуверенно улыбнулся.

– Честно говоря, меня это удивляет не меньше вашего. Мы с профессором Гу спокойно общались, когда он приехал в кампус, потом он замолчал, когда мы спускались по склону от лектория имени Варшавского. Затем без очевидной причины он повернул налево, и мы двинулись вдоль северной стены библиотеки. Следующее, что я видел, это как он входит в зону погрузки… после чего я потерял контакт. Не знаю, что вам еще сказать. Безопасность моей носимой электроники, конечно, на высшем уровне. Гм. – Он поколебался и сменил тему: – А не может ли быть так, что вы неправильно оцениваете ситуацию? В смысле, проект «Библиотома» способен открыть каждому доступ ко всей литературе прошлого, и быстрей, чем любой другой проект. Что в этом плохого?

Это замечание было встречено всеобщим безмолвием. Уинстон Блаунт язвительно усмехнулся.

– Я так понимаю, вы наш веб-сайт не смотрели?

– А, э-э-э, еще нет. – Он помолчал, глядя вдаль. – О'кей, теперь вижу. – Он улыбнулся. – Вероятно, я должен быть на вашей стороне, ведь то, к чему вы стремитесь, позволит сохранить работу в 411! Видите ли, я люблю старых поэтов, но к старинной литературе так тяжело добраться. Если интересуешься чем-нибудь после 2000-го, критика повсюду, а исследование дает *результаты*. Но для всего остального приходится обыскивать *это*. – Шариф махнул в сторону аккуратно расставленных стеллажей с книгами, которые занимали шестой этаж библиотеки. – Даже самые обычные запросы могут потребовать нескольких дней.

Ленивый олух, – подумал Роберт и удивился, вспомнив, с каким энтузиазмом Шариф ему рассказывал про «настоящие книги». Но эта тенденция наметилась еще в те годы, когда он сам преподавал. Не только студенты ленились руки пачкать, даже так называемые исследователи игнорировали офлайновую вселенную.

Уинни вызверился на молодого человека.

– Но, мистер Шариф, вы не понимаете смысла этих полок. Сюда приходят не за ответом на вопрос, который вам не дает покоя прямо сейчас. Это не так работает. Тысячи раз я

отправлялся на охоту среди этих полок – и редко находил то, за чем явился. А знаете, что я находил? Книги по родственным темам. Ответы на вопросы, которые я бы в жизни не подумал задать. Ответы, направлявшие меня в новые места и почти всегда более ценные, чем те, к каким я стремился изначально. – Он поглядел на Риверу. – Разве не так, Карлос? – Ривера кивнул, но, как показалось Роберту, не очень охотно.

Однако Уинни был абсолютно прав, до такой степени, что Роберт почувствовал себя обязанным высказаться в поддержку.

– Шариф, это безумие. Я так понял, библиотомный проект – чья-то задумка полностью скопировать и оцифровать библиотеку. Но… – Он внезапно припомнил события последних его стэнфордских лет. – Разве Гугл уже не проделал это?

– Да, – сказал Ривера, – и это стало нашим первым контраргументом, до сих пор, вероятно, самым сильным. Но Уэртас отличный маркетолог, и у него свои аргументы. Он хочет все проделать быстро и очень-очень дешево. Оцифровщики прошлого действовали не так глобально или согласованно, как следовало бы. Уэртас привлек юристов и ПО, чтобы разобраться с авторскими микроотчислениями по всем старым договорам, и не выдвигает новых претензий.

Уинни кисло хмыкнул.

– Настоящая причина согласия администрации в том, что им нужны деньги Уэртаса, может, даже публичность нужна. Я вам вот что скажу, мистер Шариф: измельчение уничтожает книги. Точка. Останется бессмысленный мусор.

– О нет, профессор Блаунт. Прочтите обзорную статью. Картинки, поступающие из камерного туннеля, анализируются и переформатируются. Дальнейшие действия просты и выполняются программно: переориентация изображений, зачистка следов разрыва, реконструкция исходных текстов в нужном порядке. Фактически, помимо простоты механической реализации, это и есть причина кажущегося насилия. Следы разрывов почти уникальны. В общем-то, ничего нового. В геномике реконструкция методом дробовика – классический способ.

– Правда? – Роберт поднял со стола многострадальный обрывок страницы, спасенный со стеллажей секции PZ. И выставил его перед собой, словно обмякшее тело жертвы убийства. – Какое же совершенство программного обеспечения позволит восстановить нечто, вырванное из переплета и не сфотографированное вовсе?

Шариф пожал было плечами, но, заметив, какое у Роберта лицо, пустился в объяснения:

– Сэр, в действительности это совсем не проблема. Да, некоторые потери неизбежны. Даже если все идеально сфотографировано, программные ошибки случаются. Потенциальная частота ошибок меньше пары слов на миллион томов, гораздо лучше, чем при перепечатках с редактированием вручную. Вот почему другие крупные библиотеки присоединились к проекту: хотят проделать дополнительную перекрестную сверку.

Другие крупные библиотеки? У Роберта отвисла челюсть. Поняв это, он закрыл рот, но так и не нашел что сказать.

Томми смотрел в лэптоп.

– Мистер Шариф, вы проявляете неожиданную информированность.

– Ну… я же ношу, – ответил молодой человек.

– Гм. И все, чего вам надо, – это удовлетворить любовь к литературе.

– Да! Моя научная руководительница всю свою карьеру построила на «Тайнах веков» Гу. И теперь выясняется, что великий поэт вылечился от болезни Альцгеймера… Такой шанс один раз в жизни выпадает! Послушайте, если не верите гугловской биографии, проверьте по каталогам 411. У меня много положительных отзывов, многие клиенты изучают литературу в университете Сан-Диего… не беспокойтесь, моя консультация не включала ничего неэтичного! Совсем ничего. – Ага. Возможно, даже в этом дивном новом мире заказать домашнюю работу автору-призраку считается неприемлемым. – Не знаю, что сегодня произошло с профессором Гу, но разве не затормозился из-за этого библиотомный проект? Разве не этого вы хотите?

Блаунт и Ривера кивали в знак согласия.

– Да, – протянул Томми, – а вы и правда конь. Какой-то породы.

– Я просто изучаю англоязычную литературу!

Томми помотал головой.

– Вы можете быть почти кем угодно. За вами может стоять целый коллектив. Когда хотите прикинуться любителем книг, с нами общается тот, кто начитан в поэзии. – Томми отклонился вместе с креслом. – Старая присказка гласит: личная встреча – залог доверия. Не вижу в вашей биографии ни одного звена, какому могли бы мы доверять.

Шариф встал и прошел чуть вперед сквозь стол. Посмотрел вверх, взмахнул обращенными к небу руками.

– Вам нужна личная встреча? Это я могу устроить. Посмотрите вниз, на скамейку у пешеходной тропинки.

Томми отклонился вместе с креслом еще дальше и посмотрел через плечо. Роберт подошел к окну и глянул вниз. Большая часть

толпы рассеялась, остались считаные группки самых заядлых демонстрантов. Тропинка была выложена плитками по форме извивающегося змея; она петляла по склону холма и дотягивалась головой к самому краю библиотечной террасы. Самая настоящая мозаика, из новых, выполнена уже после того, как Роберт закончил университет Сан-Диего.

– Я прошел долгий путь из Корваллиса ради того, чтобы повидаться с профессором Гу. Пожалуйста, не гоните меня.

И правда, на обочине тропинки оказался второй Зульфи Шариф, совсем не виртуальный. Он смотрел на них и махал рукой.

13
Рождение банды Мири

Сколько Мири себя помнила, у нее всегда были проблемы с дедушками и бабушками. Родители Элис (и их родители) обитали в Чикаго, но сейчас никого из них в живых не осталось. Дед со стороны Боба, Роберт, чуть не умер, но потом вернулся! Теперь Мири боялась снова его потерять.

А еще Лена…

Лена Гу была мертва лишь по документам. Лена заставила Боба это сделать при помощи Друзей Приватности. Лена даже приказала ему скрыть подробности от Мири, но Боб рассказал. Это было разумным решением, поскольку Мири все равно бы догадалась. А открывшись, Боб взял с нее клятву молчать. Она Роберту даже шепнуть на ухо правду не осмеливалась, хотя они по-прежнему общались, а он был в отчаянии.

Теперь и *Мири* впадала в отчаяние. Они с Леной не виделись пять месяцев. Она чуть не позвонила Лене после инцидента с Эзрой Паундом, но это лишь укрепило бы Лену в ее мнении о Роберте. Бобу удобнее было полностью игнорировать проблемы Роберта: трус. Элис не такая трусиха, но она погрязла в тренингах, и ее дела шли неважно. *Ну ладно*, – сказала себе Мири, – *я сама с этим справлюсь*. Она разработала остроумный план социальной реабилитации, действуя через Зульфи Шарифа. Сначала все шло прекрасно. Носимую электронику Шарифа не составило труда заморочить; у нее появился прямой канал доступа к Роберту. Но после визита Роберта в университет Сан-Диего Мири стало ясно, что Шарифа использует в своих целях *кто-то еще*.

Очевидно, пора навестить Лену.

Мири дождалась выходных, села в машину и поехала на «Пирамидальный холм». По субботам там яблоку негде было упасть. Боб говорил, что это место напоминает ему аркады из детства. Парк требовалось посетить физически, но все лучшие игры были представлены в тактильном правдоподобии. Управляла парком сеть казино Баха-Калифорнии, но предназначался он для детей младше легального возраста азартных игр. Для Мири значение имела отличная система безопасности парка. Если даже Роберт заинтересуется, куда она направилась, вряд ли сумеет проследить ее путь до Лены.

Она сняла велосипед с креплений на машине и придала ему образ ослика. Ее собственное воплощение выглядело классически-

анимешным: крупные глаза, прическа торчком, маленький рот. Это должно отпугнуть всякого, кто попытается с ней поиграть.

Мири шла с осликом по тропе вокруг холма. Она ненадолго заблокировала анимешный образ и заглянула, что там сегодня в моде. Брр. В основном скучка смертная. Сальсипуэды и бабаллаги повсюду. Год назад никто и не слышал про скучеров, а теперь они круче иных корпораций. Отщипнули приличный кусок от мегарелиза последней версии НвМП. Персонажей у скучеров сотни *типов*. Некоторые – явный плагиат, остальных наскребли по сусекам мирового фольклора. Картинка очень, очень дешевая, без признаков креативности. Возможно, поэтому малышам они так нравятся.

У вершины холма оглашал ревом небо малый скучамаут. Звук этот не был порождением синтезатора. Удалявшаяся скучамаутка в восприятии Мири заменяла парковую тарзанку. Капсула стартовала из глубин холма, набирала почти 4*g* перед тем, как вылететь в небо, и пассажиры могли рассчитывать на минуту невесомости до мягкого приземления рядом с парком. Самая захватывающая поездка, доступная в Южной Калифорнии. Нынешние приятели Мири фыркали: «С таким же успехом можно в упаковке UP/Ex прокатиться». Но когда Мири была маленькой, она много часов провела, мотаясь взад-вперед по небу.

Сегодня она преодолела полдороги до восточного выхода, не участвуя ни в какой игре. Она старалась даже не касаться механизмов, не говоря о том, чтобы прокатиться на них. Особенно избегала забавных пушистиков. Правило «Пирамидального холма» гласило: «Потрогали – платите» и действовало везде, кроме входов и выходов. Может, все же придется купить игру просто для того, чтобы маркетинговое давление спало.

Она помедлила, оглядывая склон. Много шума и движухи, но, прислушавшись внимательно, понимаешь, что ребята, разбежавшиеся по кустам, в действительности играют в разных вселенных; их перемещения виртуозно координировались таким образом, чтобы ни игроки, ни оборудование не мешали друг другу. Она выбрала правильное прикрытие; для этих мудаков классическое аниме слишком скучно.

– А как насчет «Духов-близнецов»? Для этого требуются всего два физика.

– *Ой!* – Мири едва не свалилась с осла. Она рывком обернулась, выставив велик между собой и голосом. Оказалось, что это реальный посетитель, тоже в анимешном камуфляже. Мири вывалилась в истинный обзор: *Хуан Ороско*. Надо ж такому невезению случиться. Она и не подумала бы, что он интересуется классическим аниме.

Она совладала со своим голосом и ответила на визгливо-певучий английский манер, который получила от Аннет Рассел:

– Боюсь, не сегодня. Я ищу чего-нибудь грандиозней.

Ороско (и персонаж с торчащей прической, которым он прикинулся) вопросительно склонил голову:

– А ты ведь Мири Гу, правда?

Это было довольно грубым нарушением этикета, но чего еще ожидать от лузера-четырнадцатилетки?

– И что? Все равно не хочу играть.

Она отвернулась и потащила велик дальше по тропинке. Ороско не отстал. У него был складной велосипед, который ему совершенно не мешал.

– Ты знаешь, мы с твоим дедом у мисс Чумлиг в креативном классе. У нас команда.

– Я это знала.

Ядри твою мать! Если Хуан просек, что затеяла Мири, то и *Роберт* может.

– Ты за мной шпионил?

– Это не противозаконно!

– Это невежливо. – Она не смотрела в его сторону, только убыстрила шаг, насколько смогла.

– Я не каждую секунду за тобой подглядывал, не переживай. Я просто надеялся с тобой столкнуться, а тут – бамц! – и ты заходишь через западные ворота… – Значит, он мог просто задать сигнал близости. – Знаешь, твой дед старается мне помочь. Ну по литературе. Думаю, я и правда лучше теперь умею. А я учу его носить. Но… мне его так жаль. Он, кажется, все время на нервах.

Мири продолжала движение вперед.

– Короче, я тут подумал… если бы его свести с кем-нибудь из старых друзей… может, ему легче станет.

Мири вихрем развернулась к нему.

– Ты что, рекрутер?

– Нет! В смысле, у меня есть аффилиация, полезная для старших, но тут не в этом дело. Твой дед мне в школе помогает, а я хочу ему помочь.

Они спускались по склону холма, приближаясь к восточному выходу. Последний шанс «Пирамидального холма» заработать на них. Чем ближе к воротам, тем настырнее продавцы во всех поддерживаемых парком вариантах реальности. Вокруг как ошалелые плясали пушистики, умоляя их взять на руки и погладить. Они были настоящие, механические; наклонишься поднять такого – пощупаешь плюшевую шерсть, которая глубоко промнется под руками, и почувствуешь настоящую тяжесть его тела. У ворот менеджеры возлагали основные надежды на этих

маленьких роботов: атмосфера скорого расставания с аттракционом помогала зацепить тысячи детей, которые до этого были почему-либо равнодушны. Когда Мири была моложе, ей покупали в среднем одну куклу за месяц. Ее любимцы все еще лежали у нее в спальне.

Она протащила несчастного ослика сквозь толчею, избегая говорящих медведей, миниатюрных скучамаутов и настоящих детей. Они оказались снаружи. Мири на миг замешкалась и выпала из образа, превратилась в обычную толстушку, а ее велик – в тупой девайс. Ороско остался прежним, тощим и нервным. У него был блестящий новенький велик, но он, похоже, не мог его разложить.

Нельзя, чтоб он узнал про Лену.

Она ткнула мальчишку пальцем в грудь.

– С моим дедушкой все в порядке. Ему не нужна никакая мошенническая схема с выплатами. За пределами школы держись от него подальше. – Она сверкнула в образе, созданном Аннет для их клики Мстителей. Паренек отскочил.

– Но я просто хочу ему помочь!

– И более того, если я тебя застукаю на слежке за мной… – Она переключилась в режим допустимого отрицания с отложенной доставкой, чтобы он увидел сообщение лишь через несколько часов.

Аноним ↳ Ороско: <sm> Если ты меня по-настоящему разозлишь, твои школьные табеля будут выглядеть так, словно ты пытался их подделать. </sm>

В резкой тишине глаза Хуана слегка расширились. У него будет вдоволь времени, чтобы накрутить себя.

Конечно, угроза была пустышкой: Мири верила в законопослушание, хотя иногда изображала обратное.

Она запустила велик на пару шагов вперед, вскочила на него, чуть не упала, но удержалась и покатила вниз по склону, прочь от Ороско.

Дом престарелых «Конец радуг» располагался в долине к северо-востоку от «Пирамидального холма». Местечко было очень старое и очень известное. Его заложили шестьдесят лет назад, задолго до того, как в такую даль начали расползаться пригороды. Пик популярности пришелся на первые годы двадцать первого века, когда сюда прибыла волна новых богачей.

Мири ехала по велосипедной дорожке, стараясь ни с кем не пересекаться. Ее гостевой пропуск был действителен, но дети в

«Конце радуг» считались гражданами второго сорта. В раннем детстве, навещая Лену, она воображала, что поселок зачарован. Лужайки тут были настоящие, такие же красивые, как имитации Уэст-Фолбрука. Настоящие статуи из бронзы. Колоннады и кирпичные здания тоже настоящие, работа более тонкая, чем во всех торговых центрах, за исключением самых фешенебельных.

С тех пор Мири в школе выучила кое-что про старших и не удержалась от циничных выводов: в «Конец радуг» продолжали закачивать реальные средства, но тратили их люди, которым некуда больше было податься. Большинство оставшихся жили надеждами на биотехнологические прорывы и прочие пустые обещания, прогадав с инвестициями и/или лекарствами.

Ороско не пытался замести следы и не преследовал ее. Она проследила его путь на восток. Он наконец сумел разложить велик и покатил в сторону Меситаса. Сузив глаза, она пристально наблюдала за ним. Может ли Хуан Ороско оказаться панком, который ненадолго заморочил Шарифа в университете Сан-Диего? Нет, это невозможно. То был умник-бахвал, у него язык за зубами не держался. И, что важнее, Мистер Умник-Бахвал действительно компетентен, вероятно, немногим хуже самой Мири.

О'кей. Пора подумать о более важном. Дом Лены стоял в дальнем конце за вторым поворотом вверх по улице. Еще есть время представить и отрисовать. Она много размышляла о предстоящей встрече, продумывала, что скажет и какие печали предстанут ей. Мири сконструировала специальный режим. Он был основан на ее проектах, в той или иной форме восходящих ко времени, когда она второклашкой на личном опыте поняла значение «хронического остеопороза, вариант 12».

Для начала она сделала деревья на улице выше и шире, убрав сходство с пальмами. Поднимаясь по холму, заменила высокие кроны нависающими ветвями с вечнозелеными длинными иголками. Конечно, никакой *физической* поддержки Мири обеспечить не могла. У нее не было игровых полосок на футболке и микросистемы охлаждения. Солнце продолжало шпарить даже после того, как она заставила ветки согнуться, а небо затянула облаками. Возможно, стоит представить жару результатом каких-нибудь чар. Она об этом уже думала, но всегда оставались другие, более актуальные моменты, которые стоило улучшить. Месяцы труда вложены в этот сон наяву, и никакого коммерческого содержания в нем не осталось. Да, тут просматриваются заимствования из сотен фэнтези, но интегральный эффект принадлежит самой Мири, это ее концепция Лены. Она не собиралась ничего выставлять на публику. Большинство визуалов

прикольнее расшарить, но не этот.

Наконец она резко затормозила и слезла с велика. Последние футов двести придется преодолеть пешком. Вокруг еще несколько человек, но в ее восприятии они были непримечательными крестьянами. Она преображала тротуары и пандусы в лесные тропинки и замшелые, стершиеся от времени ступеньки. Несоответствия часто резали глаз, но для скромной просительницы вроде Мири это казалось даже оправданным.

Она проникла во внутреннюю рощу. Время от времени встречались тропинки, отходящие в стороны, к хижинам, скрытым еще глубже в лесу. Здесь ее деревья были очень старыми, а здоровенные ветви нависали прямо над головой. Мири катила велосипед по древней тропе. Встречавшиеся во внутренней роще люди были высокого ранга, не ровня Лене, разумеется, но все же следовало проявлять к ним уважение. Мири смотрела в землю и надеялась, что никому не вздумается с ней заговорить.

Она миновала последний изгиб тропы и прошла еще пятьдесят футов к широкой бревенчатой избе. Подняв голову, можно было видеть разрывы в лесном шатре, но неба они не открывали, а лишь озаренную солнцем зелень. Над этим местом нависали самые высокие деревья леса. Средоточие волшбы. Источник мудрости старейших. Она прислонила велик к стене избушки и потянулась стукнуть по двери массивным бронзовым молотком. Звук раскатился в ее ушах. Мири игнорировала назойливую мусорную мелодию двадцатого столетия от старого дверного звонка, который Лена прихватила с собой из Пало-Альто.

Прошла минута. Мири услышала внутри шаги. *Шаги?* Толстая дверь со скрипом отворилась внутрь. Иллюзии, созданной Мири, бросили дерзкий вызов: на пороге стояла женщина немногим старше школьных учителей. *Вы что это здесь делаете?* – хотела было спросить Мири, но у нее на миг отнялся язык. Ей редко доводилось так изумляться. Спустя миг она совладала с собой и вежливо склонила голову.

– Сю Сян?

– Да. А ты Мири, не так ли? Внучка Лены. – Она отступила в сторону и пригласила Мири войти.

– Гм. А я и не думала, что вы меня узнаете. – Мири вошла, дав волю безумной фантазии. Сю Сян слишком молодо выглядит для настоящей ведьмы. *О'кей, сделаю-ка я ее ученицей Лены… сейчас погуглим… ведьмочкой-нубщицей!*

Нубщица Сян усмехнулась.

– Лена мне показывала фото с тобой. Мы даже тебя в школе однажды видели. Лена мне говорила, что ты, гм, рано или поздно

дашь о себе знать.

– Она… примет меня?

– Я ее спрошу.

Мири отвесила легкий поклон.

– Благодарю вас, мэм.

Нубщица Сян провела Мири к стулу с мягкой обивкой рядом с заваленным книгами столиком.

– Я скоро вернусь.

Мири устроилась на стуле. Упс… он из жесткого пластика. А стол… ну книги настоящие, люди такими пользуются для динамического чтения. Страницы могут быть любыми, но это настоящие страницы. Конечно, они не имели ничего общего с толстыми, затянутыми паутиной томами из фантазий Мири, но громоздились внушительной кучей. На верхушке лежал визопейджер. Он тут смотрелся очень неуместно, признанием бессилия. Мири проворно трансформировала его в сияющий гримуар. Поерзала на стуле, оглядывая книги. Механика и электроника. Наверное, это книжки нубщицы Сян; Мири проверила базовую подготовку всех учеников в классе Роберта. Ящик с игрушками под столом, наверное, содержит результаты ее работы на уроках труда. Мири опознала смятый транспортный лоток из выпуска новостей.

Какое невероятное совпадение: Сю Сян решила поселиться вместе с Леной…

Позади раздался звук. Это открывалась внутренняя дверь. Нубщица Сян вернулась, а за ней следовала старшая колдунья. Мири была готова к такому и активировала фантазию. Настоящее кресло Лены имело шесть колес на выдвинутых осях, а дизайн – весьма практичный и скучный. Кресло же Волшебницы Гу передвигалось на высоких деревянных колесах, было отделано серебром и выгнуто наружу. Во время движения по краям кресла пробегали, словно гоняясь друг за другом, синие искорки. Мири вообразила Лену в тяжелой черной мантии, такой черной, что она поглощала комнатное освещение классическим волшебным образом. Черное одеяние скрывало детали тела под ним. Остроконечная шляпа с широкими полями небрежно свисала с высокой спинки. На этом разработанные Мири спецэффекты заканчивались. Остальные элементы образа Лены соответствовали действительности. Фактически *весь* визуал преследовал одну цель: заключить образ бабушки в достойную рамку, подчеркивавшую, какой она замечательный человек.

Старшая колдунья смерила Мири взглядом и сказала:

– Разве Боб тебе не говорил оставить меня в покое?

Но ответ был не таким раздраженным, как опасалась Мири.

– Да. Но я так по тебе скучаю…

– О. – Лена едва заметно подалась вперед. – Как твоя мама, Мири? С ней все хорошо?

– С Элис все в порядке. – Лена знала про Элис очень многое, но потребности в этом знании Мири не испытывала. К тому же помочь Элис она не могла. – Я хотела поговорить с тобой кое о чем другом.

Волшебница Гу вздохнула и смежила тяжелые веки. Когда ее глубоко посаженные глаза открылись снова, в них промелькнула улыбка.

– Рада тебя видеть, детка, я просто не хочу с тобой или Бобом спорить. И, самое важное, я не хочу, чтобы Сама-Знаешь-Кто пронюхал, что я еще на этом свете.

– Я тоже не собираюсь с тобой пререкаться, Лена. – *Нужно оставить о себе позитивное впечатление, чтобы меня при случае снова приняли в этом доме*. – Тебе нет нужды переживать из-за Сама-Знаешь-Кого. – Слова Волшебницы Гу идеально вписаны в фэнтезийную традицию, хотя грустно сознавать, что Роберт для нее воплощение абсолютного зла. – Клянусь, что не выдам тебя ему. – *По крайней мере, если ты сама не дашь такого разрешения.* – Я приняла меры предосторожности по пути сюда. Вдобавок Сама-Знаешь-Кто не мастак шпионить.

Лена покачала головой.

– Это ты так думаешь.

Нубщица Сян сидела рядом с инвалидным креслом и молча наблюдала за ними. Возможно, она сумеет помочь.

– Вы ведь ежедневно видите Сами-Знаете-Кого, не так ли, мэм? – спросила Мири.

– Да, – ответила Сян, – на уроках труда и у Луизы Чумлиг, на поиске и анализе.

– Мисс Чумлиг не так уж плоха… – *по крайней мере, для тупоголовых*. Мири успела прикусить язык, но все равно покраснела.

Нубщица Сян, кажется, не заметила этого.

– На самом-то деле она вполне себе неплоха. Я Лене рассказывала. – Она бросила взгляд на старшую колдунью. – Луиза знает такие штуки про формулировку запросов, до которых я бы в жизни не додумалась сама. И она больше всех помогла мне с аналитическими пакетами. – Она указала на старинный гримуар. Мири это слегка покоробило. Да, мисс Чумлиг приятная женщина, но у нее голова набита клише, и она так *нудит*. Впрочем, даже с ученицей ведьмы нельзя пререкаться, и Мири очень старалась держаться дружелюбно. Она потупилась.

– Да, мэм. В любом случае… вы часто видите Сами-Знаете-Кого. Неужели он и вправду так ужасен?

Сю Сян покачала головой.

– Он странный. Он выглядит таким *молодым*. Роберт… в смысле, Ты-Знаешь-Кто… умеет быть очень вежливым, а потом как-ак огорошит. Я видела, как он это с детьми несколько раз проделывал. Старики от него держатся подальше. А Уинстон Блаунт, кажется, ненавидит его.

Да. Мири наблюдала за Блаунтом в библиотеке университета Сан-Диего в прошлую субботу. Большую часть ее внимания отвлекала битва за контроль над персонажем Зульфикара Шарифа, но враждебность Уинстона Блаунта не ускользнула от девочки.

Нубщица Сян покосилась на ветхую фигуру в кресле.

– Боюсь, Лена права насчет него. Он использует людей. Он восхитился моим проектом на уроке труда, а потом утащил его.

Лена хихикнула. У стариков это отлично получается. Мири считала такую способность единственным положительным аспектом их возраста.

– Ох, Сю, Сю. Ты же мне говорила, что пришла в восторг, когда увидела, как он распотрошил ту машину.

Нубщица Сян виновато глянула на нее.

– Ну, м-м, да. Я пришла в науку через модели ракет и самодельные радиочастотные контроллеры. Я бы ничего не достигла без работы руками. В эти дни доступ к реальному уровню осложняется многослойной бюрократией автоматики, и, пожалуй, тому отчасти виной моя собственная разработка, ОНА. Мы с Робертом оба хотели что-нибудь сломать, и меня повеселило, что он решился *действовать*. Но мои интересы его не волновали. Я была всего лишь удобным инструментом.

Лена снова хихикнула.

– Тебе очень повезло. Ты за считаные дни научилась тому, на что у меня ушли годы.

Она подняла скрюченную руку и вытерла ее о волосы. Современная медицина в случае Лены Гу оказалась не полностью беспомощна. Пять лет назад Лена мучилась паркинсонизмом; Мири помнила ее тремор. Современная медицина исцелила ее от паркинсонизма, сохранила ей ясность ума, остановила большие и малые хвори. Но аномальный остеопороз лечению все еще не поддавался. Мири даже второклассницей способна была понять технические аспекты проблемы. Моральные же ей не могла объяснить даже Элис.

Мири снова заглянула в покрытое морщинами лицо старшей колдуньи.

– Я… Мне приятно, что у тебя ушли годы, чтобы раскусить Сама-Знаешь-Кого. В противном случае ты бы не родила Боба, не вырастила его, он бы не женился на Элис… и меня никогда бы не было на свете.

Лена отвела глаза.

– Да, – ворчливо согласилась она. – Бобби был моим единственным поводом оставаться с твоим дедом. Мы Бобби хорошо воспитывали. И с ребенком он вел себя почти как человек, во всяком случае, до тех пор, пока не уразумел, что разрушить взрослую жизнь Боба ему не удастся. К этому моменту Боб уже эвакуировался в морпехи. – Ее взгляд метнулся назад к Мири. – Я поздравляю себя с этим. Я совершила ужасную ошибку, выйдя за твоего деда, но принесла в мир две чудесные жизни. Мне это стоило всего лишь двадцати лет.

– А ты по нему никогда не скучаешь?

Глаза Волшебницы Гу сузились.

– Вы опасно близки к тому, чтобы со мной поспорить, юная леди.

– Прости. – Мири опустилась на колени рядом с креслом Лены. Потянулась взять ее за руку. Старуха улыбнулась. Она понимала, что происходит, но идеально эффективной обороны не выстроила. – Ты провела все эти годы отдельно от него. Я помню, как ты навещала нас, а Сама-Знаешь-Кто в ту пору еще хорошо себя чувствовал – и никогда не навещал. – Но даже тогда Лена была невысокой старушкой, ее занимали врачебные дела, и улыбалась она чаще всего именно в разговорах с Мири. – Ты была счастлива тогда?

– Конечно! Спустя столько лет я наконец вырвалась от монстра!

– Но когда Сама-Знаешь-Кто начал терять рассудок, ты ему помогла.

Лена закатила очи горе и покосилась на нубщицу Сян.

– По первому моему слову вышвырнешь эту малолетнюю заразу на улицу.

Вид у Сян сделался неуверенный.

– Гм, о’кей.

– Но… пока не делай этого. – Лена посмотрела на Мири. – Мы это уже проходили, Мири. Боб приехал ко мне в «Конец радуг» и взмолился о помощи. Помнишь? Он тебя с собой взял. Боб никогда не понимал наших с Робертом взаимоотношений. Он счастлив, что не понимает, – вся любовь, которую мы изображали, была только для него. Но когда он стал умолять, а я увидела твое милое личико, то согласилась помочь ему проводить чудовище на покой… И ты знаешь, иногда маразм смягчает человека. Около

года Роберт был почти беспомощен, но все еще узнавал людей и помнил нашу жизнь вместе. В этот период с ним можно было сосуществовать. Мы неплохо провели это время!

Мири кивнула.

– И тут придумали лекарство для разновидности маразма, которым страдал Роберт. К тому моменту твой дед перестал быть приятным человеком и превратился, по сути, в растение. Мири, я бы с ним осталась до конца, кабы не это чудесное снадобье. Я понимала, чту грядет. Монстр вернется. – Лена наставила на внучку скрюченный палец. – Попадешь впросак один раз – вини его, попадешь второй – вини себя. Я остаюсь за кадром. Поняла?

Но другая рука старухи продолжала держать руку Мири, и девочка стиснула ее.

– А что, если на этот раз все изменится? К тому моменту, как дедушку вылечили, часть его уже умерла. – Это не Мири предположила, а Цзинь Ли. – Он сейчас постоянно раздражен, но это потому, что он многого лишился. Может, и то скверное, что тебе запомнилось, тоже отмерло.

Лена свободной рукой махнула в сторону нубщицы Сян.

– Ты не слышала, как Сю только что делилась подробностями насчет его нового благородного характера?

Мири быстро размышляла: с Элис не работает, но Боба резкая перемена темы иногда отвлекала. Она глянула на нубщицу Сян.

– Лена, ты тут живешь с тех пор, как дедушка заболел. Ты могла бы переехать в любое другое место, ведь ты нас теперь не навещаешь. Но ты остаешься здесь, всего за десять миль.

Лена вздернула подбородок.

– Я в Сан-Диего прожила годы. Я не собираюсь расставаться с друзьями, старыми магазинами, где привыкла делать покупки, с прогулками по холмам… ну ладно, на прогулки я больше не хожу. Суть в том, что даже воскрешенный Сама-Знаешь-Кто не получит власти над моей жизнью!

– Но… – *Ты идешь по очень тонкому льду*. – Разве ты была раньше знакома с доктором Сян?

Старшая колдунья сжала губы в полоску.

– Нет. И, как ты намерена сейчас заметить или намекнуть многозначительным молчанием, в «Конце радуг» всего двадцать пять сотен стариков, так что это не может быть совпадением.

Мири молчала.

Наконец заговорила нубщица Сян.

– Это мой выбор. Я сюда перебралась летом, примерно в то время, когда решила размять мозги, чтобы вернуться к работе. Я одна из старших здесь, в «Конце радуг», но такая себе на уме… – она улыбнулась странной печальной усмешкой, – что они не

знали, как со мной сладить. Я вызвалась составить компанию. Получилось превосходно. Твоя бабушка на десять лет меня младше, но в наш век это не слишком важно.

Она потрепала Лену по плечу.

Мири вспомнилось, что Лена Льюэллин Гу много лет оказывала здесь, в «Конце радуг», волонтерские психиатрические консультации. Если кто и мог подстроить *совпадение* с Сю Сян, так это она. Мири открыла было рот озвучить эту гипотезу, но блеск в глазах Лены отчетливей всякого безмолвного сообщения остерег ее от такого поступка.

Спустя мгновение Лена шевельнулась в кресле.

– Видишь, девочка моя? Чистое совпадение. Но, признаю, полезное. Сю держит меня в курсе насчет Сама-Знаешь-Кого и его приключений в современной системе образования. – Лена состроила коварную ведьминскую ухмылку, и все спецэффекты Мири не справились бы лучше.

– Да, – проговорила Сян, – у нас тут, гм, коллективная служба слежения за ним.

– На этот раз монстр не застанет меня врасплох!

Мири покачалась на стуле.

– У вас тут прямо творческое объединение!

Она и не представляла, что две колдуньи творят самые настоящие чары – в современном смысле.

– Что? – переспросила нубщица Сян.

– Творческое объединение. Партнерство, в котором сильные и слабые стороны комплементарны. На публике выступает одна из вас, подвижная. Но вы действуете и размышляете так, чтобы использовать свои лучшие стороны.

Сян непонимающе уставилась на девочку.

Упс. Мири пинганула их. Если не считать медицинских устройств Лены, обе были полностью в офлайне. Мири слишком отвлеклась на свои фантазии.

– Вы ведь не носите, да?

Сю показала на свой столик.

– У меня есть визопейджер и эти книги. Я столько всего серьезного пытаюсь освоить, Мири. У меня нет времени с носимой электроникой возиться.

Мири чуть не забыла о своей миссии.

– Но, доктор Сян, вы совершенно заблуждаетесь насчет носимых устройств. В смысле, разве мисс Чумлиг не говорила? Некоторые аналитические пакеты по статическому видео не приживутся.

Нубщица Сян неохотно кивнула.

– Она мне показывала BLAST9. Ну, как по мне, это просто

мультяшная белиберда в духе молекулярного дизайна, и только-то.

– Но вы же только на визопейджере смотрели!

Младшая колдунья сгорбилась.

– Мири, мне столько всего нужно выучить. Я пока что работаю с простыми вещами, которые могу осилить на визопейджере.

Лена мгновение наблюдала за ней, потом будто увяла в своем кресле и посмотрела сверху вниз на внучку.

– О, бедняжка Мири. Ты не понимаешь. Ты живешь в эпоху, которой мнится, что она может игнорировать человеческое состояние. – Она склонила голову. – Ты ведь читала «Тайны веков», не так ли?

– Ну разумеется, читала!

– Прости, Мири. Я уверена, что читала; в конце концов, это самое известное произведение моего проклятого экс-муженька. И я отдаю ему должное: эти поэмы гениальны. Их «неумолимая тяжесть» – продукт его вредности, обращенной на службу великим истинам мироздания. Но ты не понимаешь, да, Мири? Тебя окружают посулы медицины и частичные исцеления. Это тебя отвлекает от подстилающей их суровой реальности. – Она выдержала паузу и дернула головой пару раз. Почти как при паркинсонизме, но, возможно, так проявлялась нерешительность: Лена не была уверена, продолжать ли. – Мири, истина такова, что если мы ведем осторожную жизнь, если нам везет, мы доживаем до старости и слабости, до великой, великой усталости. А потом наступает конец страданиям.

– Нет! Тебе станет лучше, Лена. Тебе просто не повезло. Это дело времени.

Новый шелестящий ведьминский смешок, и Мири внезапно припомнилось, что «это дело времени» – рефрен поэтического цикла Роберта.

Мгновение бабушка и внучка излучали одинаковую уверенность, глядя друг на друга. Потом Лена проговорила:

– Я так и знала, что этим кончится наш разговор. Прости, Мири.

Мири понурилась. *Но я просто хочу помочь!* Странно. Точно так же разнылся пацаненок Ороско перед ней, Мири. О'кей, может, не такой уж он и чурбан. И, может, он в состоянии помочь. Но он еще что-то говорил, и сейчас именно эта деталь гораздо важнее… Ага! Неожиданно Мири увидела, как можно превратить поражение в победу. Она взглянула в лицо бабушке и невинно улыбнулась.

– Лена, а ты в курсе… что Сама-Знаешь-Кто учится носить?

14
Таинственный Незнакомец

Даже три недели спустя Роберт и Хуан большую часть домашних заданий делали вместе, сразу после уроков. Они удалялись к трибунам, и один невежда набирался смелости преподавать другому.

Время от времени к ним прибивались Фред и Джерри Раднеры, неофициальные невежды номер 3 и 4. Близнецы объединялись на уроках творчества у Луизы Чумлиг, но им, кажется, доставляло невинное удовольствие наблюдать за прогрессом Роберта и подбрасывать советы: более цветастые, чем у Хуана, но редко столь же полезные.

Иногда появлялась пятая невежда. Сю Сян дезертировала с уроков в креативном классе, но на другие предметы в Фэйрмонтскую школу по-прежнему ходила. И, подобно Роберту, училась носить; на ней в эти дни была блузка с бисеринками и замысловатыми украшениями, тоже разновидность эпифанического костюма для начинающих. Она присутствовала и в тот день, когда Роберт с Хуаном напоролись на чилийцев. Это случилось на беговой дорожке легкоатлетического стадиончика. Вокруг никого больше не было: университетские команды еще некоторое время не появятся.

Мири ↳ Хуан: <sm> Эй, Ороско! Проснись. Притормози. <enum> </sm>

Хуан ↳Мири: <sm> Извини. Я их не заметил. </sm>

Мири ↳Хуан: <sm> Ты и вчера их не заметил. Просигналь им, прежде чем они на Раднеров переключатся. Говорю тебе, с этими ребятами у вас будет отличная практика. </sm>

Хуан ↳Мири: <sm> О'кей, о'кей! </sm>

– Эй! – воскликнул Хуан внезапно. – Доктор Гу! Сю! Посмотрите!

Он отправил в Эпифанию Роберта энум. Вроде целеселекции, которую они учили последние пару дней. Мальчуган утверждал, что при некоторой практике такое взаимодействие становится ничуть не менее естественным, чем посмотреть в указанную собеседником сторону. Роберту Гу оно таким простым не казалось. Он остановился и, прищурившись, сосредоточился на иконке. По умолчанию это должно было открыть доступ. Ничего. Он застучал по фантомной клавиатуре. И заметил, как Сян в

нескольких футах от него занята тем же самым.

…И вдруг появились полдесятка студентов, все оживленно болтают по-испански.

Мири ↳Лена, Хуан, Сю: <sm> О’кей, думаю, Роберт их углядел. </sm>

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Я тоже! А ты, Сю? </sm>

Сю ↳Лена, Хуан, Мири: <sm> Нет еще, мне нужно время </sm>

Мири ↳Хуан, Лена, Сю: <sm> Не пытайтесь отвечать сообщением, доктор Сян. Вы недостаточно проворны, и Роберта это насторожит. Просто отвечайте вслух, как если бы говорили с ним и Хуаном. </sm>

Сян мгновение помолчала, пальцы ее продолжали стучать по клавиатуре. Она управлялась с носимой электроникой еще хуже его. Но потом сказала:

– Да, я их вижу!

И глянула на Хуана Ороско.

– Кто они такие?

– Друзья Фреда и Джерри, с юга. Издалека. Чили.

Мири ↳Хуан: <sm> Скажи, чтобы в синхромонстра поиграли. </sm>

Хуан ↳Мири: <sm> О’кей. </sm>

Хуан чирикнул что-то посетителям по-испански так быстро, что Роберт почти ничего не разобрал. Что-то про помощь начинающим и монстра.

Испанский гостей был понятен еще хуже. Но, может, это и не имело значения. Гости отступили, и в пространстве между группами заковыляло *что-то* пурпурное.

Сян рассмеялась.

– Я тоже это вижу. Но существо… оно ведь даже не притворяется реальным.

Роберт подался к скособоченному призраку.

– Оно притворяется плюшевой игрушкой. – Между суставами виднелись грубые швы и клочки материала набивки. Но образ достигал в высоту почти семи футов, и когда Роберт подошел к нему, существо отшатнулось.

– Читал я про такие штуки, – заметил Роберт со смехом.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Я про них почитала, Сю. Ты движешься, и эта штука движется тоже. Но каждому из вас

доступна только часть ее. </sm>

– Ага. – Сю Сян шагнула вперед, отрезая существу путь к отступлению. Задние лапы монстра остановились, но передние продолжали напирать, и создание чуть не упало.

Мири ↳Хуан: <sm> Скажи, что цель – заставить его исполнять грациозный танец. </sm>

Хуан сказал:

– Наша цель – совместными усилиями заставить его двигаться. Сю, потанцуйте вокруг него.

Она повиновалась. Ее движения сопровождались музыкальным аккомпанементом. Задние лапы существа ожили, а огузок словно бы воспроизвел ее перемещения. Чилийские ребята заржали.

Когда Роберт изогнул запястье и немного покрутил им в воздухе, включилась музыка. Хуан начал хлопать в ладоши, а существо – дергать плечами в такт музыке. Ребята с далекого юга молча наблюдали. Вид у них был такой же реалистичный, как у настоящих Хуана и Сю Сян, но опыта явно не больше, чем у пользователей из Сан-Диего. Тени падали не туда, ноги лишь приблизительно контачили с травой лужайки. Но спустя миг чилийцы вроде бы услышали музыку и тоже стали хлопать в ладоши. А хвост монстрика – их зона ответственности в игре? – начал подниматься и опускаться.

Роберт испытал другие жесты, перехватив управление мягкими когтями существа. Мгновение монстрик танцевал в синхроне с музыкой, и все его жесты были согласованными. Однако сетевая задержка составляла примерно полсекунды, и, что еще хуже, варьировалась случайным образом от долей секунды до секунды с лишним. Танец разваливался, ошибки накапливались, их приходилось корректировать снова и снова, пока монстрик не застучал хвостом по пяточным шпорам. Существо повернулось, плюхнулось на спину и раскинуло ноги в случайной позе.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> А прикольно! </sm>

– Блин! – воскликнул Роберт.

Но все засмеялись, и не над кем-то конкретным. Один за другим исчезали дети – пришельцы издалека, пока не остались только реальные люди, Роберт, Хуан и Сю Сян.

– Хуан, но ведь мы могли и лучше!

Лена ↳Сю: <sm> Вот видишь? Он все время ноет. Еще через минуту начнет толсто намекать, что это *ты* во всем виновата. </sm>

Хуан продолжал смеяться.

– Да знаю я, знаю. Но линк был basura mas odiosa[17]. Игроделы дешевый чипнет бесплатно подключают, потому что с ним так осатанеешь, что любой ценой платный статус себе купишь.

– Ну а почему тогда мы вообще попытались?

– Ну для практики. По приколу.

Роберту припомнились неумелые потуги интернационального хора в УСД.

– Нам бы метроном стоило использовать. Можешь их позвать, чтобы вернулись?

– Нет, мы просто… помахали друг другу, типа того. Ну, как знакомые на улице. Прохожие.

Прохожие.

– Но я их не видел, пока ты не показал. Насколько загружен эфир?

Роберт рубанул по воздуху рукой. Сколько же реальностей бурлят здесь одновременно?

– Тут в публичном режиме – слишком загружен, чтобы все видеть. В поле зрения твоей Эпифании, думаю, узлов триста-четыреста. Каждый может управлять десятками оверлеев. В толпе активных реальностей сотни, потенциально охрениллиарды…

Мири ↳Хуан: <sm> Не стоит. Мой дедушка достаточно сообразителен, чтобы прикинуть хрен к носу и догадаться про невидимых наблюдателей. Нас. </sm>

Хуан ↳Мири: <sm> Правда? Ну ты ж сама ему ключ к разгадке подкидываешь. Ты миссис Гу сделала видимой для Сю, и Сю это напрягает. Глянь, как она сторонится места, где ты показываешь Лену. </sm>

Мальчишка, кажется, потерял нить разговора.

– Конечно, когда два-три человека стоят, лазерный траффик в основном избыточен.

Они двинулись дальше по беговой дорожке. Пацан стал учить их сёрфингу через публичные точки зрения. Роберт и Сю Сян практиковались, и у них иногда получался согласованный ракурс. Сян, кажется, слегка расслабилась, по крайней мере, шагала ближе к Хуану и Роберту, чем в начале прогулки, но не

отреагировала, когда Роберт шутливо заметил:

– Я бы сказал, что у нас уже получается просто ужасно.

Лена ↳Сю: <sm> А я тебе что говорила! </sm>

Роберт пришел к выводу, что эту Сян на кривой козе не объедешь.

Таки не объедешь, и не только по беговой дорожке. Сю Сян бросила творческие уроки, поскольку стеснялась выступать перед классом, но на уроках труда была в своей стихии. Каждый день возилась с чем-то новым, азартно перелопачивая запасы мастерской. В это время она казалась совсем счастливой, улыбалась своим мыслям и что-то мурлыкала под нос. Некоторые проекты Сян новому Роберту были понятны с первого взгляда, кое о чем он мог догадаться, поразмыслив. Она же с удовольствием разъясняла.

– Может, внутри они и не предназначены для обслуживания пользователем, – говорила она, – но я понимаю, как работает то, что я соорудила!

Она за день выполняла семестровую норму трудовых проектов и наслаждалась каждой минутой.

Сю, однако, не совсем спятила: когда Роберт Гу давал уроки Хуану, она обычно избегала появляться. Роберт никогда не учил детей и не любил невежд. Хуан, при всех своих добрых намерениях, был и ребенок, и невежда. А Роберт притворялся, что учит его сочинять.

– Это несложно, Хуан, – слышал Роберт собственный голос.

Вишенка лжи на тортике притворства! Ну, может, и не совсем… Писать фигню несложно. Двадцать лет поэтических семинаров со старшекурсниками его в этом убедили. Писать годноту – дело другое. Умению сочинять прекрасные стихи не научишь. Гении так или иначе сами о себе позаботятся. Хуан Ороско талантами явно уступал всем студентам Роберта. По меркам двадцатого века – полуграмотный приготовишка… если не считать моментов, когда слова ему требовались для доступа к данным или интерпретации результата. О'кей, может, и не полуграмотный. Может, этих ущербных детей необходимо обозначать новым термином. Параграмотные? *И провалиться мне на этом месте, если я его не научу плохому.*

И так они сидели высоко на трибунах, запуская слова в небо. Хуан Ороско не обращал внимания на бегунов внизу и игроков вдали. В какой-то момент он перестал играться со шрифтами.

А потом настал день, когда он сочинил нечто образное и

запоминающееся. Не совсем фигня. Почти достигает стандартов затертого клише. Мальчишка почти полминуты глядел в небеса, и у него аж челюсть отвисала.

– Это… офигительно. Слова… с их помощью я видел всякие штуки. – Он быстро покосился на Роберта, и по лицу мальчугана расползлась широкая улыбка. – Вы учитесь носить, а я – писать. Мы хорошо справляемся!

– Наверняка одинаково хорошо.

Но Роберт не сдержал ответной улыбки.

Прошла неделя. Большую часть вечеров Роберт посвящал интервью с Зульфи Шарифом. После школы, а иногда и по выходным, они с Хуаном работали вместе. Как правило, по удаленке. Семестровый проект продолжали пинать. Роберта все сильнее интересовали проблемы дальней координации. Игры, музыка, спорт: пара десятков маршрутизаторов, несколько тысяч миль, и получай джиттер. Мальчишка строил химерические планы:

– Мы с музыкой что-нибудь сообразим, с *настоящей* музыкой. Это гораздо проще игровой синхронизации.

Роберт иногда часами не задумывался о своей умственной отсталости и калечности.

Новому Роберту Гу школьные проекты были интересней, чем интервью с восторженным Шарифом, и гораздо интересней редких визитов в университет Сан-Диего. Библиотечные шреддеры пока приостановили работу, вероятно, из-за демонстрации и его ненамеренно драматичного явления народу. Но без митингующих библиотека словно вымерла. Современные студенты ею мало пользовались. Лишь Клика Старейшин, как называл ее Уинни, собиралась на шестом этаже, а вселенское зло вдруг поставили на паузу.

Роберт и Сю Сян освоили большую часть эпифанических режимов по умолчанию. Теперь, стоило Роберту посмотреть на реальный предмет особым образом, всплывали подсказки. Щурясь определенным образом или глядя на соответствующие иконки, он добавлял нужные детали. А посмотрев на предмет иначе, можно было зачастую увидеть его внутреннее устройство и то, что за ним! Сю визуалы давались хуже. Однако если она не конфузилась, то в аудиорежиме поиск вела проворней: услышав незнакомое слово, можно его тегировать, и потом поисковая выдача подтягивается автоматически. *Вот*, наверное, почему у детей такой богатый словарный запас – и вот почему они им пользуются так неумело.

Мири ↳Хуан: <sm> Скажи ему, что нестандартные режимы гораздо сложнее. </sm>

Хуан ↳Мири: <sm> О'кей. </sm>

– Доктор Гу, вы с Сю, гм, отлично освоили режимы по умолчанию. Но и с нестандартными, э-э-э, нужно поработать.

Сян кивнула. Она в этот день тоже присутствовала удаленно, хотя образ ее уступал в реалистичности графике Хуана Ороско. Вполне убедительный, но вот ноги утонули в скамье на трибуне перед картинкой, и временами проскакивали фоновые фрагменты… чего? Ее квартиры? Он над ней подтрунивал по этому поводу, а она, как обычно при его шутках, лишь куксилась.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Э! Он что-то заметил? </sm>

Мири ↳Хуан, Лена, Сю: <sm> Не переживай. У Сю хороший фильтр фона. К тому же ты на кухне, а она в гостиной. </sm>

Роберт обернулся к Хуану.

– И какие же нестандартные режимы наиболее полезны?

– Ну есть такая штука, как безмолвные сообщения. Битрейт настолько низкий, что этот режим работает, даже если все остальное недоступно.

– Да, читал я про БС. Они вроде старых СМС, но никто не видит, что ты переписываешься.

Хуан кивнул.

– Большинство людей их так и форматирует.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Нет! Пускай сукин сын сам научится безмолвным! </sm>

Мири ↳Лена, Хуан, Сю: <sm> Лена, ну пожалуйста! </sm>

Хуан ↳Лена, Мири, Сю: <sm> Ну этим же все пользуются, мэм. </sm>

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Нет, я сказала! Он и так достаточно изворотлив. </sm>

Мальчишка поколебался.

– …но нужна практика, чтобы все проходило гладко. Если вас застукают там, где это запрещено, могут быть проблемы.

Наверное, вспомнил, как ему учителя пистон вставляли!

Сю на скамье подалась вперед. Облокотилась на какой-то незримый предмет мебели.

– А другие режимы?

– Ой, да много всего. Если отключить настройки по умолчанию, можно смотреть в любую сторону. Квалифицировать запросы – скажем, послать запрос чему-то в оверлее. Сшить видео со множества точек так, чтобы «оказаться» там, где физической точки зрения нет. Это называется ПП, призрачное присутствие. Если наловчиться, можно в реальном времени выполнять симуляции, а результатами пользоваться как подсказкой: поэтому-то Раднеры в бейсболе такие звезды. Кроме того, возникают проблемы с подделкой результатов, когда попадаешь в зону слабого покрытия или хочешь придать отправителю более реалистичный… – Мальчишка продолжал тарахтеть, но Роберт уже умел записывать слова и отвлекся, решив, что вернется к этому позднее.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Глаза чудовища стекленеют. Хуан, ты его отвлек. </sm>

– О’кей, начнем с самого простого, Хуан, – предложила Сю.

– Тогда учитесь отвлекаться от того, что прямо перед вами.

Мальчишка помог им поэтапно выполнить несколько упражнений. Роберт не представлял, как это выглядит для Сю Сян. Она ведь и так в удаленном режиме. Ему самому взгляд прямо назад дался без труда, особенно если брать ракурс со своей рубашки. Но Хуан не хотел, чтобы Роберт привыкал пользоваться зеркальной ориентацией; это, пояснял он, будет мешать приспособиться к другим ракурсам.

Без настроек по умолчанию управление стало утомительным.

– Я всю жизнь набирал команды, Хуан.

– Может, нам использовать меню-гляделки? – предложила Сю.

Роберт бросил на нее раздраженный взгляд.

– Да я уже, я уже!

Лена ↳Сю: <sm> Не критикуй его. Сукин сын тебе это запомнит и отомстит в самый болезненный момент. </sm>

Сян отвела глаза. Он посмотрел на Хуана.

– И я ни разу не видел, чтобы *ты* пальцами набирал.

– Я ребенок. Я на ансамблевом кодинге рос. Даже моя мама в основном по фантомной клаве стучит.

– Хуан, мы с Сю ретарды. Мы пластичности восприятия учимся и тыры-пыры. Научи нас управляющим жестам. Чего там надо, мигать и все такое?

– О’кей. Но это не похоже на уже знакомые вам стандартные

жесты. Действительно классные штуки делаются кастомно. Вы настраиваете свою носимую электронику под себя. Кожные сенсоры воспринимают незаметные другим подергивания мышц. Вы обучаете свою Эпифанию, а она учит вас.

Роберт читал о таком. На поверку это оказалось, как он и предполагал, странно. Что-то среднее между обучением искусству жонглера и обучением какого-нибудь тупого циркового животного, чтоб *оно* помогало тебе жонглировать! Они с Сю Сян минут двадцать выставляли себя идиотами, а потом на стадионе появились футболисты. Но к тому времени Роберт уже умел обозревать все кругом легким пожатием плеч.

Хуан заулыбался.

– Вы очень хорошо все схватываете…

– …как для стариков? – подхватила Сю.

Хуан улыбнулся того шире.

– Да. – Он перевел взгляд на Роберта. – Если вы это можете, то, наверное, и я научусь складывать слова в… Мне нужно маме помочь. Она сегодня туристов водит. Завтра увидимся, ага?

– О'кей, – ответила Сян. – Мне тоже пора. Как это делается самым изящным способом?

– Ха! Для самых изящных нужно практиковаться, но я люблю, чтобы всем зрителям это казалось прикольным. – Он жестом обвел гомонящих футболистов. – В смысле, им. Доктор Сян, вы не против, если я вас иконифицирую и дам мастер-класс?

– Отлично.

Изображение Сян сжалось в рубиновую сверкающую точку. Мальчишка поднялся и улыбнулся Роберту.

– Думаю, геометрия у меня получится достаточно хорошей, чтобы никому из смотрящих не пришлось подстраиваться.

Его образ стал спускаться по трибунам. Тень следовала за Хуаном куда точнее, чем обычно за Шарифом. Иконка Сян притегировалась сразу за его плечом. Хуан достиг поля и прошелся вдоль трибун, укорачивая свой рост сообразно законам перспективы.

А потом в поле зрения Роберта внезапно проплыли золотистые буквы.

Ся ↳Гу: <sm> Увидимся завтра! </sm>

Гм. Значит, вот что такое БС. Роберт следил за парочкой, пока они не исчезли.

Лена ↳Мири, Сю: <sm> Вау! Не отличила бы образ Хуана от реального человека. Умница. </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Он неплохо поработал. </sm>

На сегодня у Роберта больше не осталось уроков. Он тоже мог возвращаться домой. Машин в округе хватало; они кучковались на разворотном кольце, подбирая учеников. Однако Роберту пока не хотелось назад в Фолбрук. Он глянул, как там дела: Мири вернется через несколько минут, Боб на вечерней вахте, что бы это ни значило. Любая встреча с Мири, и Элис Гу встрепенется. Роберт диву давался, что считал когда-то свою невестку человеком уравновешенным и дипломатичным. Сейчас она его в некотором смысле ужасала. А может, дело в том, что, как понял теперь Роберт, стоит Элис реально этого захотеть, и его изгонят в «Конец радуг». (Роберт так и не выяснил, почему дом престарелых так называется: поленились букву «и» в конце дописать или какой-нибудь глубокий смысл в это вкладывают.)

Ладно, лучше пока зависнуть тут и посмотреть. Динамика происходящего не менялась с его детских лет, а то и от начала человеческой истории. Ему будет проще восстановить чувство превосходства. Он перебрался на южную трибуну, сел высоко над полем, где ребята разбивались на команды, и подальше от скрытных детей, которые шушукались на другом конце трибун, без сомнения, перемывая косточки всем и каждому.

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Ему пора бы домой. </sm>

Лена ↳Мири, Сю: <sm> Только не моему чудовищу. Видишь отстраненное выражение его глаз? Он обдумывает случившееся, прикидывает, как бы потом больнее ранить Сю. </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> С тех пор как у него на уроке труда шарики за ролики заехали, ведет он себя вполне нормально. </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Нет, Лена, давай безмолвными пользоваться. Да, я только что села напротив за кухонным столом, но мне практика нужна. </sm>

Лена ↳Мири: <sm> <sigh> Сю хороший человек, но она такой настырной бывает… </sm>

Сю ↳Лена: <sm> Юху-у, Лена, а что это ты там Мири отстукиваешь? </sm>

Солнце садилось за его спиной, тени трибун вытягивались, частично задевая поле. Он мог отсюда видеть невооруженным глазом большую часть кампуса. Строения казались развалюхами, дешевыми шкафчиками, какие по почте заказывают с доставкой, когда некуда хлам на заднем дворе сложить. Но не все они были

новые. Так, главный актовый зал школы из дерева, местами перестроен с добавлением пластмасс. Если верить ярлычкам на оверлее, первоначально это был павильон для выставки лошадей!

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Мне кажется, он просто свою Эпифанию тренирует. </sm>

Он сфокусировал внимание на футбольном поле. Выглядело оно примерно как школьное поле Бобби – вот только разметка отсутствовала, как, впрочем, и ворота. Роберт вызвал спортивную точку зрения и увидел обычную разметку. Ребята-футболисты высыпали на арену. Они были в тяжелой форме и настоящих шлемах: совсем не похожи на игроков, которых он помнил. Высокие детские голоса долетали до его ушей без помощи магической электроники. Ребята наматывали круги в середине поля, словно к чему-то прислушиваясь.

И внезапно команды ринулись навстречу друг другу, погнавшись за… чем? Чем-то невидимым. Роберт пошарил в опциях, замелькали доступные оверлеи. *Ага!* У команд появились впечатляющие формы, а на поле – арбитры. На трибунах возникла горстка взрослых – учителя, родители? В общем, все так, как и ожидаешь от школьного состязания, а не университетского.

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Что это за игра? </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Игановский футбол[18]. </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Лена, он просто игру смотрит. </sm>

Лена ↳Сю, Мири: <sm> Возможно. </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Думаю, Хуан прав, Лена. Позволь, я поговорю с ним. Ты все равно под прикрытием. </sm>

Сю ↳Лена: <sm> Не будь такой. </sm>

Роберт по-прежнему не видел футбольного мяча. Зато поле затянуло золотистым туманом. В некоторых местах туман был такой плотный, что доходил игрокам почти до пояса. Во мгле плавали циферки, меняясь вместе с плотностью и яркостью тумана. Когда игроки команд-противниц сближались, туман ярко разгорался, и дети накручивали друг друга приемами, словно пытаясь выйти на ударную позицию. Затем свет вспыхивал, как лесной пожар, и перекидывался через все поле.

Сю ↳Лена, Мири: <sm> А что там с этим Шарифом, Мири? Ты его используешь для разговоров с Робертом, не так ли? </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Да. Я решила, что Шариф –

идеальное прикрытие. У него научные интересы как раз подходящие для интервью с Робертом. А личная гигиена ужасная! Его было очень легко заморочить. Трудность в том, что не мне одной это удалось. Мы в основном друг у друга на пятках топчемся. Эй! </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> У меня все ближние видеоракурсы твоего деда пропали. </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> И локальный звук тоже вырубился. Чистая работа. Я и не знала, что Роберт так умеет. </sm>

Лена ↳Мири, Сю: <sm> Я же предупреждала. </sm>

Одна девочка оторвалась от остальных игроков и кинулась в золотистую мглу, каким-то образом угадывая, где и когда та нальется огнем. Нанесла странный удар, пластая воздух, и приземлилась на задницу. На миг в ближайших воротах полыхнул свет, столь резкий и интенсивный, что туман, по впечатлению, слился в размытое изображение футбольного мяча. Все загалдели, даже фантомные родители на трибунах.

Роберт недовольно фыркнул. Даже в такой простой штуке, как школьный матч, он разобраться не может. Он потянул себя за рукав, пытаясь навести на резкость.

– Это не ваша вина, приятель. Вы смотрите правильно. – Говорили, казалось, сразу за его спиной. Роберт огляделся, но никого не увидел. Он уставился в пространство, и спустя миг голос заговорил снова: – Просто взгляните на табло. В этой игре расплывчато все, даже счет.

На большом табло, обращенном к трибунам, значилось 0,97.

– Думаю, стоило бы округлить до 1. Девчонка забила превосходный, почти стопроцентный гол.

На поле команды разошлись по своим половинам. Началась очередная погоня за фантомами.

Роберт не сводил глаз с беготни внизу, а на услужливый голос не реагировал.

– Профессор, вам эта игра не знакома, так ведь? Это игановский футбол. Вот.

В его поле зрения проплыла ссылка, содержавшая всю необходимую информацию об игановском футболе. На поле трое детей упали, а двое столкнулись.

– Разумеется, – продолжал голос, – это всего лишь приближение к идеалу.

– Готов побиться об заклад. – Роберт с трудом сдержал улыбку. Незнакомец говорил доверительным, проникновенным тоном, но почти каждая его фраза носила оттенок легкой издевки. Приятно поговорить с собеседником, психологически

столь близким тебе. Он обернулся и взглянул в пустоту. – Покажись, парень. Ты со мной в игры лучше не играй.

– Я не играю в игры, приятель. – Реплика начиналась как сердитая отповедь, но потом вернулось покровительственное добродушие. – Ваш случай весьма интересен, Роберт Гу. Я привык манипулировать людьми, но обыкновенно делаю это через посредников. Я слишком занят, чтобы напрямую болтать с обитателями придонных слоев. Но вы меня заинтриговали.

Роберт притворялся, что смотрит матч, но голос не умолкал:

– Мне ведомо, что вас гложет. Я знаю, как вы страдаете от того, что больше не способны писать стихи.

На сей раз Роберт вздрогнул от изумления. Незнакомец-невидимка тихо хмыкнул; он каким-то образом отличил его движение от обычных подергиваний.

– Не старайтесь. Своих реакций не скроете. Медицинские сенсоры на территории школы так хороши, что с тем же успехом вы могли бы сидеть здесь подключенным к детектору лжи.

Нужно просто встать и уйти. Вместо этого он продолжал еще несколько мгновений смотреть «футбол». Потом, тщательно следя за своим голосом, ответил:

– Тогда вы сознаетесь в преступлении.

Опять хмыканье.

– В каком-то смысле да, хотя преступление мое состоит в более искусном владении сетевыми технологиями. Если угодно, считайте меня высшим существом, вооруженным всеми инструментами, с помощью которых смертные сделали этот ландшафт сообразительнее.

Это, наверное, школьник. А может, и нет. Возможно, посетитель решил скрыть свое присутствие потому, что даже виртуальное появление его на территории школы сулит проблемы с законом. Роберт передернул плечами.

– С удовольствием расскажу о вашем «более искусном владении сетевыми технологиями» всем заинтересованным лицам.

– Вы не сделаете этого. Primus[19], полиции меня ни за что не разыскать. Secundus[20], я могу возвратить вам утраченное. Я могу вернуть вам потерянный поэтический дар.

Роберт был готов и уже сам издал убедительное хмыканье.

– А, – сказал голос, – как вы недоверчивы. Но вы начинаете мне верить! Вы лучше почитайте новости или просто ослабьте блокировщик рекламы. В старые времена атлеты принимали стероиды, а студенты закидывались амфетаминами. Эти препараты сулили, как правило, ложное превосходство. В наши дни существуют подлинно эффективные средства.

Мама дорогая, барыга! Роберт чуть не рассмеялся. Но потом подумал о себе, о своей гладкой коже, о том, как может бегать и прыгать, не слишком сбивая при этом дыхание. *По меркам моей прошлой жизни то, что со мной случилось, уже волшебство*. Если это барыга… что с того?

– А какая выгода от препаратов, способных вернуть дар всемирно известного поэта?

Роберт постарался придать своим словам заряд фривольности, потом осознал, как много выдает о себе. Возможно, это и неважно.

– Профессор, вы так старомодны. – Незнакомец помолчал. – Вон те холмы на юге видите? – Холмы, покрытые бескрайней застройкой. – В нескольких милях за ними – одно из немногих мест на Земле, где физическая локация еще играет роль.

– Университет Сан-Диего?

– Тепло. Я говорю о биотехнологических лабораториях, окружающих его кампус. То, что там происходит, абсолютно не похоже на медицинские исследования двадцатого века. Современные лекарства дают поразительные результаты, но зачастую – специфичные для индивидуальных пациентов.

– Исследования таким образом не окупишь.

– Поймите меня правильно: львиную долю барышей по-прежнему приносят препараты широкого спектра действия. Но даже в этом случае кастомный анализ необходим для учета побочных эффектов. И да, вы – одиночный случай. Лечение болезни Альцгеймера не всегда удается довести до конца, но ошибки носят идиосинкразический характер. В мире нет других великих поэтов с аналогичной проблемой. *На сегодняшний день* нет и лекарства от нее. – О, этот клоун умеет подмазать лестью беспардонную резкость. – Но в наш век, профессор, повсеместно распространены усилители кайфа, и многие из них эффективны в одиночных случаях. Существует шанс, и очень большой шанс, *сделать так*, что в лабораториях откроют нужное вам лекарство.

Волшебство. *А что, если он на такое способен? Это ж будущее. А я снова жив, и возможно, что…* Роберт почувствовал, как зарождается надежда. Он не мог ее обуздать. *Сукин сын знает меня. И манипулирует, но это неважно.*

– С кем же я имею дело, о Таинственный Незнакомец? – Этим вопросом он признавал свое поражение, но слова сами слетели с губ.

– Таинственный Незнакомец? Гм… – Пауза. Не иначе, этот недоучка ссылку смотрит[21]. – О, вы с первой же попытки угадали мое имя! Таинственный Незнакомец, так меня зовут.

Отлично.

Роберт скрежетнул зубами.

– Я так понимаю, вы обещаете мне это в обмен на содействие в чем-то незаконном или опасном.

– Вполне незаконном, профессор. И до некоторой степени опасном. Для вас. Лекарство, необходимое вам, может потребовать вторжения на неизведанную медицинскую территорию. Однако игра вполне стоит свеч, вам не ка-жется?

Да!!!

– Возможно. – Роберт постарался не выдать своего напряжения и с деланым спокойствием оглядел пустоту позади. – А какова цена? Чего вы хотите от меня?

Незнакомец засмеялся.

– Не переживайте. От вас требуется всего лишь продолжать участие в том, что вы уже предприняли. А именно встречаться с приятелями в университетской библиотеке Сан-Диего. Поддерживайте их начинание.

– И я должен докладывать вам, что там происходит?

– О, приятель, в этом не будет необходимости. Аз есмь всеохватное облако знаний. Нет. Мне нужны ваши руки. Представьте, что вы андроид, некогда бывший поэтом[22]. Итак, профессор, по рукам?

– Я подумаю.

– Как только подумаете, заключим сделку. Я уверен.

– И чем ее подписывать, кровью?

– О, профессор, вы такой старомодный. Нет, не кровью. Еще нет.

Подполковник Роберт Гу-младший брал работу на дом. По крайней мере, так он думал о своих действиях, когда работал в часы, которые, по их с Элис мнению, вообще-то следовало уделять семье и Мири. Но Мири этим вечером самой было чем заняться по домашке, а Элис… ну ее очередное задание выглядело донельзя скверным. Она слонялась по дому с каменным лицом и отпускала колкости. Любой другой человек на ее месте уже бы умер или свихнулся. Она же каким-то образом держалась, зачастую вынужденная симулировать подобие настоящей своей личности, и не выбивалась из графика подготовки к очередной операции. *Вот почему Корпус ее все пришпоривает да пришпоривает.*

Боб отбросил эту мысль. Для такого самопожертвования есть причины. После Чикаго прошло больше десяти лет. Успешной ядерной атаки на США или другую страну блока не случалось больше пяти лет. Но угроза не отступает. Его продолжали

преследовать кошмары про пусковые установки в том сиротском приюте Асунсьона. Про то, что он едва не предпринял, чтобы обезвредить их. Как всегда, Сеть полнилась слухами о новых технологиях, перед которыми померкнет классическое оружие. Несмотря на повсеместные меры безопасности, вопреки усилиям американцев, китайцев и индо-европейцев, риски продолжали накапливаться. И некоторым местам суждено засиять в темноте.

Боб продирался через доклады со свежими оценками рисков. Что-то назревает, и это что-то, возможно, куда ближе, чем Парагвай. А вот и реально скверная новость, двумя абзацами ниже: аналитики ЦРУ подозревают, что с этими злодеями каким-то образом стакнулись индо-европейцы. *Иисусе! Если друг против друга интригуют сверхдержавы, как человечеству вообще надеяться выжить в этом веке?*

За его спиной что-то шевельнулось. Отец стоял на пороге.

– Пап? – вежливо окликнул Боб.

Старик мгновение глядел на него. Боб придал контурную видимость стопке докладов.

– Ой. Извини, сынок. Работаешь? – Старик прищурился, рассматривая стол.

– Да, кое-что с работы прихватил. Не беспокойся, что размытым выглядит: это потому, что через домашнее меню недоступно.

– А. Я… Я тут подумал, не сможешь ли ты… ответить на некоторые вопросы.

Боб понадеялся, что ему удалось скрыть удивление. Такой несмелый подход у отца наблюдался впервые. Он жестом пригласил старика садиться.

– Да, конечно.

– Сегодня в школе… я кое с кем поговорил. Только голосом. Звонивший мог находиться где угодно, так?

– Да, – сказал Боб. – Но если он далеко, ты бы заме-тил это.

– Угу. Джиттер и задержки.

Он что, попугайничает? Жаргона нахватался? Прежний папа был технологическим невеждой. Бобу вспомнилось, как однажды, в эпоху очень тупых телефонов, папа принялся утверждать, что новый радиотелефон может послужить дешевой заменой мобильнику. Мать опровергла этот тезис, заставив Боба вынести радиотелефон на улицу и попытаться позвонить ей на домашнюю линию, отведенную для деловых переговоров. Она редко допускала такие оплошности: старик потом неделями ее гнобил.

Папа кивал собственным мыслям.

– Возможно, анализ таймингов многое прояснит.

– Да. Но среднестатистический твой соученик способен

неплохо замести следы.

Не был бы таким мерзавецем, обо всем этом тебе бы рассказала Мири.

Старик отвел глаза. Вид у него был задумчивый. Чем-то встревожен?

– Пап, тебя в школе кто-то задирает? – Подумать только.

Роберт издал злобный смешок и стал похож на себя прежнего.

– Кто-то *пробует* меня задирать.

– Гм. Может, тебе лучше с учителями об этом поговорить. Ты им покажи свой эпифанический журнал. Стандартная проблема, они разберутся.

Ответной вспышки не последовало. Гу-старший серьезно кивнул.

– Знаю, что стоило бы. Я это *сделаю*. Но, ты же понимаешь, мне сложно. А ты, гм, долгие годы по работе распутываешь похожие сценарии, только чреватые смертельными последствиями. Так? Думаю, ты лучший эксперт по таким вопросам, какого я могу отыскать.

Впервые в жизни старик похвалил Боба за что-то, связанное с профессиональной деятельностью последнего. *Это какая-то подстава!*

Повисло молчание: отец выжидал с демонстративным терпением, а сын пытался придумать ответ. Наконец Боб рассмеялся.

– О'кей, но варианты, с какими сталкиваются военные, для тебя будут излишни, пап. Не потому, что мы умней миллиарда подростков, а потому, что у нас есть ОНА. Мы контролируем все железо на низком уровне.

Если не считать бутлегерских фабов и тех, кто злоупотребляет доступом к железу.

– Тот, с кем я говорил сегодня, отрекомендовался как «всеохватное облако знаний». Это грубость? Как много он может обо мне знать?

– Если этот чувак склонен к нарушению законов, то довольно много. Вероятно, он мог бы расковырять твою историю болезни, даже добраться до твоих разговоров с Ридом Вебером. Что же касается ежеминутного шпионажа… он мог вести повседневные наблюдения за тобой в общественных местах, хотя это зависит от твоих установок по умолчанию и плотности локального покрытия. Если у него на службе конфедераты или зомби, он может следить за тобой даже в мертвых зонах, хотя информации в реальном времени оттуда не получит.

– Зомби?

– Перевербованные системы. Помнишь, как это в моем

детстве было? Почти любую гадость, какая встречалась на домашних компьютерах, можно теперь найти в носимых. Если б не ОНА, ситуация бы стала абсолютно невыносимой. – Папа непонимающе смотрел на него, а может, гуглил. – Ты не переживай по этому поводу, пап. Твои эпифанические устройства настолько безопасны, насколько вообще возможно для комфортной одежды. Просто помни, что людям так же не всегда можно доверять.

Роберт, видимо, переваривал услышанное от сына.

– А имеются ли другие возможности? Способны ли дети, гм, прилепить эти гаджеты?

– Да! Эти сорванцы ничем не лучше меня, и у них куда больше возможностей для проделок. – В последнем семестре последним писком моды были камеры-арахноботы, заползавшие под одежду. На некоторое время эта механическая зараза приобрела угрожающий размах. Мири несколько дней бесилась, а потом перестала – так резко, что Боб заподозрил, что она нашла способ осуществить ужасное возмездие. – Вот почему ты должен все время заходить в дом с переднего крыльца. У нас там отличный коммерческий детектор жучков. Мы с тобой сейчас общаемся на уровне приватности, ограниченном лишь возможностями твоей Эпифании… Так в чем это, собственно, выражалось? Ты настолько далек от школьной жизни, что я, по правде говоря, и предположить не могу, как вообще к тебе смогли прицепиться.

Господи, а папа реально юлит!

– Я и сам не совсем уверен. Возможно, это обычные обряды инициации, через которые проходит любой мальчишка… – Он едва заметно улыбнулся. – Если даже он старпер. Но спасибо за совет, сынок.

– Не за что.

Старик улетучился. Боб смотрел ему вслед, пока Роберт не удалился по коридору и лестнице к себе в комнату. Да, папа человек себе на уме. Боб некоторое время глядел на запертую дверь спальни, размышляя, как в жизни все порою причудливо выворачивается, и сожалел, что они с Элис люди не простые, а такие, у кого чересчур заметна привычка шпионить за подчиненными.

15
Когда метафоры реальны

Следующую неделю Роберт старался избегать УСД, просто затем, чтобы посмотреть, как отреагирует Таинственный Незнакомец.

Он начинал обретать уверенность с Эпифанией, хотя подозревал, что вряд ли освоит ее так же хорошо, как выросшие на носимых дети. Сю Сян отставала – чересчур в себе сомневалась. Она три дня отказывалась носить после того, как особо неудачный жест зашвырнул ее… куда именно, Сян не сообщила, но Роберт предположил, что в какой-нибудь порнушный ракурс.

Язык проекта Гу/Ороско не достиг уровня поэзии, но противным галдежом его уже нельзя было обозвать. Роберт удивлялся тому, какое удовольствие приносит работа с видеоэффектами и сетевым джиттером. Продемонстрируй они свой проект в 1990-х, его сочли бы гениальным. Такую мощь даровали им библиотеки клише и визуальных примочек, положенные в основу набора разработчика. Хуан обоснованно опасался, что Чумлиг это не слишком впечатлит.

– Нам нужно к этому что-нибудь свое добавить, или она нас завалит.

Он погуглил некоторые старшие школы, где музыку играли вручную.

– Эти ребята считают ее трагической формой гейминга, – заявил Хуан. Кончилось дело тем, что Роберт початился с молодыми музыкантами в Бостоне и южном Чили: они будут разнесены на достаточно большое расстояние, чтобы попрактиковаться в задумках по сетевому управлению.

Шариф вернулся в Корваллис, но они провели еще несколько интервью. Некоторые вопросы парня удивляли Роберта: поначалу Шариф не казался таким сообразительным.

Он много серфил по Сети, изучая информационную безопасность и временами то, что нынче сходило за литературу. Чем стало искусство в эпоху поверхностного совершенства? Ага, серьезная литература сохранилась. Авторы, как правило, не слишком преуспевали финансово, и даже система микроотчислений не помогала. Но некоторые мужчины и женщины владели словом немногим хуже прежнего Роберта. *Черт!*

Незнакомец и дальше отмалчивался. Либо потерял интерес,

либо понимал, какую власть над Робертом имеет. *Легче всего победить, выждав, пока жертва прийдет в отчаяние.* Давно уже никому не удавалось пересидеть Роберта Гу… но однажды в субботу он пропустил занятие с Хуаном и поехал в университет.

По дороге туда проявился Шариф.

– Спасибо, что ответили на мой вызов, профессор Гу.

Образ сел рядом с ним в салоне машины, частью ягодиц утонув в обивке. Отрисован был Зульфи небрежней обычного.

– К вам последнее время сложно было пробиться.

– Хм, а мне казалось, мы в четверг продуктивно пообщались.

У Шарифа сделался уязвленный вид. Роберт поднял бровь.

– Вы недовольны?

– Вовсе нет, вовсе нет! Но, видите ли, сэр, существует вероятность, что моя носимая электроника оказалась, э-э-э, до некоторой степени скомпрометирована. Возможно, я стал жертвой, э-э-э… взлома.

Роберт поразмыслил, припоминая кое-что из недавно читанного.

– Это вроде как быть немножко беременной, да?

Образ Шарифа еще чуток вжался в обивку.

– Да, сэр, я понимаю вашу реакцию. Но, увы, мои системы иногда бывают подвержены, э-э-э, компрометирующему воздействию. Я полагаю, у большинства пользователей такое случается. Я думал, что контролирую ситуацию, но раз такое дело… Понимаете, в четверг я с вами не общался. Совсем.

– А-а. – Значит, Таинственный Незнакомец вел сеанс одновременной игры: испытывал терпение Роберта молчанием, а сам прикидывался другим игроком.

Шариф мгновение выжидал, не скажет ли Роберт еще чего-нибудь, затем порывисто подался вперед.

– Профессор, пожалуйста, я так хочу продолжить наши интервью! Теперь, когда мы понимаем присутствие проблемы, ее легко будет обойти. Молю вас, не отключайтесь от меня.

– Вы можете почистить свою систему.

– Ну да. Теоретически. Я однажды так делал, когда учился в магистратуре. Я каким-то образом вляпался в аферу, меня зомбировали. Не моя в том вина, но Калькуттский университет потребовал электромагнитной чистки моей одежды. – Он умоляюще вскинул руки ладонями вверх. – Я никогда не умел как следует бэкапиться, и эта катастрофа погубила всю мою работу за семестр. Пожалуйста, не заставляйте меня снова через такое проходить. На этот раз даже тяжелее выйдет.

Роберт оглядел трафик. Его машина повернула на 56-й хайвей и направлялась к побережью. Впереди показалась первая

биолаборатория. Возможно, Таинственный Незнакомец тоже там. В сравнении с ним Шариф – известная величина. Он посмотрел на молодого человека и мягко ответил:

– Мистер Шариф, я согласен. Вы только следите за своим слегка скомпрометированным состоянием. – Его внезапно посетило воспоминание из далекого прошлого: компьютерщики Стэнфорда все время его донимали, чтобы антивирусные базы обновил. – Мы просто попытаемся игнорировать этот ребяческий вандализм.

– Именно так, сэр! Я вам чрезвычайно благодарен. – Шариф помолчал, всем своим обликом изъявляя крайнее облегчение. – И я с еще большим рвением принимаюсь за работу. У меня вопросы где-то записаны, сейчас… – Он поколебался и, судя по остекленевшему взору, переключил ментальные передачи. – Ага, вот. Вы продвинулись в работе над обновленными «Тайнами веков»?

– Нет, – ответил Роберт чуть лаконичней, чем хотел бы. Но такого вопроса вполне логично ожидать от подлинного Зульфи Шарифа. Роберт подсластил ответ полуправдой: – Понимаете, я все еще занят, гм, высокоуровневым планированием. – Он пустился в многословные объяснения: поэзия Гу лаконична, но требует бесконечно тщательной подготовки. Он и в былые дни это порой рассказывал, но никогда не рассусоливал так, как сегодня. Шариф клюнул на приманку.

– Итак, следующие несколько недель я намерен посвятить встречам со старыми друзьями, ну вы понимаете, в библиотеке. Это сулит некоторые прозрения насчет, э-э-э, опасности старику отстать от времени. Вы, если хотите, можете присутствовать. Внимательно наблюдая за нами, вы, полагаю, кое-что поймете о том, как я работаю. А потом я с радостью выслушаю ваши выводы и покритикую их.

Юноша энергично закивал.

– Чудесно. Благодарю!

Его поразила дрожь восторга от того, *как* на него смотрел этот человек, пускай даже Шариф и был бездарем вроде тех, от кого он в прошлой жизни всеми силами отгораживался. *Наверное, так Уинни меня и раскусил: многословие и помпезность, чтобы очаровать еще менее способных.* Роберт отвернулся, чтобы улыбка ненароком не стала хищной и Шариф этого не заметил. *А когда Шариф поумнеет, это станет знаком, что появился Незнакомец.*

У библиотеки в тот день демонстрантов не оказалось, зато – сюрприз! – физически присутствовало множество студентов. Зрелище согревало душу, напоминая о былом, когда библиотека

считалась центром университетской интеллектуальной жизни. Что же хорошего случилось за последнюю неделю? Они с виртуальным Шарифом прошли через стеклянные двери и поднялись в лифте на шестой этаж. Интерьеров здания Роберт не видел даже с помощью новообретенных техник. О'кей, посмотрим-ка новости… но вот уже и пятый этаж.

Лена ↳Хуан, Мири, Сю: <sm> Эй! Я потеряла ракурс! </sm>

Хуан ↳Лена, Мири, Сю: <sm> Шестой этаж сегодня недоступен для публичного поиска. </sm>

Мири ↳Лена, Хуан, Сю: <sm> Может, я просто попрошу Роберта о перенаправлении. </sm>

Образ Шарифа деградировал до люминесцирующего красного комка.

– Больше ничего не вижу, – сказал он. – И, наверное, никого не услышу тут, кроме вас.

Роберт помедлил, потом жестом выдал Шарифу разрешения. *Посмотрим, что Клика на это скажет.*

Уинни и Карлос Ривера сидели у панорамного окна во всю стену. Томми сгорбился над лэптопом.

– *Ни хао,* профессор Гу, – сказал Ривера. – Здравствуйте. Спасибо, что пришли.

Томми поднял голову от лэптопа.

– Но я не уверен, что нам нужна компания вашего маленького приятеля.

В защиту Шарифа неожиданно выступил Уинстон Блаунт.

– Томми, – сказал он, – мне кажется, Шариф может быть нам полезен.

Томми помотал головой.

– Больше нет. Теперь, когда вся библиотека УСД отправилась в шредеры…

– Что-о? – Стеллажи все еще были уставлены книгами. Роберт отступил на пару шагов, провел руками по корешкам. – Они на ощупь реальные.

– Ты что, пропаганды на нижних этажах не видел?

– Нет. Я сел в лифт, а сквозь стены у меня смотреть пока получается плохо.

Томми пожал плечами.

– Наш этаж – последний нетронутый. Как и предполагалось, администрация просто выждала, пока суета уляжется. Потом за одну ночь прошлась дополнительными шредерами. Они два этажа обработали, прежде чем мы заметили неладное. А после этого

стало уже поздно.

– Черт побери! – Роберт опустился в кресло. – И какой смысл теперь митинговать?

Уинни отозвался:

– Да, спасти библиотеку УСД нам не удалось. Сукины дети хитры, они так все перекрутили, что библиотомный проект получил у студентов даже большую поддержку, чем раньше. Но пока что библиотека Сан-Диего единственная отправилась в шредер.

Ривера сорвался на китайский:

– *Дуи, даньси тамэнь сюяо хуи дяо цитадэ тусюгуань, иньвэй…* – Он осекся, вероятно, заметив непонимающие взгляды вокруг. – Из… извините. Я хотел сказать, что нет, им все еще нужно уничтожить другие библиотеки. Для нужд перекрестной сверки. Сжатие данных и виртуальная пересборка будут продолжаться, «асимптотически приближаясь к идеальному воспроизведению».

Роберт отметил, что Томми Паркер следит за происходящим с легкой усмешкой.

– Значит, у вас есть план?

– Я ничего не расскажу, пока тут Шариф.

Уинни вздохнул.

– О'кей, Томми. Вперед. Вырубай его.

Розовое сияние на месте Шарифа сместилось от стеллажей.

– Все нормально. Я не хочу связываться с… – и пропало.

Томми поднял глаза от лэптопа.

– Он ушел. *А еще* я устроил мертвую зону на всем шестом этаже. – Загорелся светодиодный индикатор на крышке древнего компьютера.

Роберту припомнились некоторые утверждения Боба.

– И что, даже железяки УВБ?

– Этого, Роберт, никому не говори. – Он погладил свой лэптоп. – Настоящая парагвайская начинка, отгружена перед самым отключением завода. – Он уклончиво усмехался. – Теперь тут только мы, если, конечно, никто из вас не нагадил в штаны.

Блаунт посмотрел на Роберта.

– Или не стакнулся с полицией.

Роберт вздохнул.

– Уинстон, мы не в Стэнфорде. – Но что, если Таинственный Незнакомец и правда коп? Раньше ему такая мысль не приходила. Он отогнал ее. – Итак, что у вас за план?

– Мы прочли статью в «Экономисте», – сказал Ривера. – Huertas International в сложном финансовом положении. Задержка здесь, в Сан-Диего, может разрушить весь проект. – Он уставился

на Роберта через очки в толстой оправе. Были заметны отблески графики, танцующей на стеклах.

– И даже несмотря на то что они почти все тут порезали?

– *Дуи.* – Молодой человек наклонился вперед, на его футболку потоком хлынули встревоженные лица. – Дела обстоят так. «Библиотома» – не просто видеозахват книг прошлых тысячелетий. Это не обычная оцифровка. Это масштабней, чем прежние гугловские и прочие затеи. Уэртас хочет скомбинировать весь массив классических знаний в единую объектно-ситуационную базу данных с прозрачной структурой ценообразования за доступ.

Объектно-ситуационная база данных? Это понятие в курсе начинающего гика Роберту не встретилось. Он взглянул поверх головы Риверы, чтобы поискать. Отклика не последовало. А, ну да, мертвая зона Томми.

Ривера принял его взгляд за выражение недоверия.

– Доктор Гу, данных в действительности не так уж много. Несколько петабайт. Суть в том, что по сравнению с базами данных по другим областям эта будет отличаться гетерогенностью.

– Да, конечно. И что? – Краем глаза он заметил усмешку Уинни. Тот понимал, что Роберт выделывается.

– И коллекция Уэртаса, – продолжил Ривера, – вместит почти все людские знания, какими они были лет двадцать назад. Все корреляции, все связи. Вот почему Уэртас платит властям штата Калифорния за лицензию на это преступление. Даже первый набросок, грубая компиляция – золотая жила. Считая от начала проекта шесть недель назад, Huertas International заполучила шестимесячную монополию на доступ к «Библиотоме», которую они создают. Шесть месяцев эксклюзивного доступа к подлинным откровениям о прошлом. Десятки вопросов, на какие может дать ответ подобный анализ. Кто в действительности положил конец интифаде? Кто стоял за подделками произведений искусства в Лондоне? Куда на самом деле утекали нефтедоллары в последние годы прошлого века? Некоторые ответы интересны лишь энтузиастам-историкам, иные же принесут большую выгоду. А у Уэртаса на протяжении шести месяцев будет эксклюзивный доступ к этому оракулу.

– Но ему нужны данные, чтобы все слепить воедино, – объяснил Уинни. – Если Уэртас застрянет хотя бы на несколько недель, сотни организаций решат, что лучше подождать окончания периода эксклюзивной доступности, а потом получить даже более подробный ответ бесплатно. Но все для него еще хуже. Китайские информаги хотят порыться в Британском музее и

Британской библиотеке, у них аппаратура куда лучше, чем у Уэртаса здесь. У британцев здравого смысла покамест больше, чем в УСД, но и там оцифровка может стартовать в любой момент. Если Уэртаса удастся притормозить, китайцы втянут его в ценовую войну за право первого доступа.

– Идеальная спираль смерти! – Томми не злорадствовал. Его всегда восхищали процессы распада. Роберт помнил, как в сезон пожаров в 1970-м тинейджер Томми вызвался добровольцем в пожарную охрану Восточного округа, помогать со связью – и наслаждался каждой минутой катастрофы.

– И, гм, что? – *Зачем я Незнакомцу тут нужен?*

Блаунт хмыкнул.

– Не дошло, Роберт?

В Стэнфорде Уинни не осмелился бы так нахально подколоть Роберта, по крайней мере, после первого же года он от этого отучился. Но теперь Роберту нечем было отпарировать, кроме подросткового сарказма. Поэтому он ответил беззлобно:

– Да, я все еще теряюсь.

Блаунт помедлил, заподозрив, что Роберт ему, как в старые годы, готовит западню.

– Суть в том, что мы намерены причинить серьезный ущерб и Уэртасу, и его библиотомному проекту. Мы исчерпали возможности легального противодействия, так что любые наши меры по *замедлению* врага с необходимостью будут носить криминальный характер. Понял?

– Угу. Мы настоящие заговорщики.

Ривера кивнул.

– И это само по себе – преступление.

Томми рассмеялся.

– Ну и? Я только что заморочил шпионский уровень УВБ! Это диверсия национального масштаба.

– Да мне начхать, государственная измена это или нет! – воскликнул Роберт. *Если ко мне вернется дар…* – В смысле, вы же знаете, как я люблю книги.

Они кивнули.

– И *что же* у вас за план?

Блаунт подал знак Томми. Коротышка начал:

– Помнишь наши вылазки в подземелье?

– В 1970-х? Да, прикольно было… полный маразм.

Томми улыбался все шире.

– Ты хочешь сказать, что служебные туннели все еще используются?

– Ага. В девяностых такой тип конструкции вышел из моды. Новые здания в основном строились обособленно. Но уже в

нулевых возникла потребность в Исключительно Толстых Каналах передачи данных. А биотехнологам требовалась система автоматической рассылки проб. И у этих ребят полно денег.

– А сейчас они стали еще богаче, – заметил Карлос.

Томми кивнул.

– Лазеры в ближнем ИК их не устраивают. Им подавай рентгеновские и гамма-лазеры, триллионы цветов на канал, триллионы соединений. В наши дни служебные туннели используются не для прокладки труб теплотрассы или энергокабелей. Они проложены под Торри-Пайнс-роуд далеко, к институтам Скриппса и Солка. Ходят слухи, что кое-где они океанское дно цепляют на коротких отрезках, хотя одному Богу известно, чем там заняты. А на востоке через туннели можно пробраться в любую биотехлабораторию.

Вдруг Роберт сообразил, почему Таинственный Незнакомец заинтересовался Кликой Старейшин. Вслух он ответил:

– А какое это имеет отношение к проекту «Библиотома», Томми?

– Ага! Понимаешь, Макс Уэртас сколотил капитал на биотехнологиях. Ему принадлежат некоторые из самых крупных биолаб в Северной Америке, и одна такая всего в нескольких тысячах футов на северо-восток от нас. Модификация геномного софта под нужды «Библиотомы» не требовала значительных усилий. Ну и вот, обрезки он хранит в подземельях на северной стороне кампуса.

– И?

– И он с ними *еще не* закончил! Шредеры выдали кучу изображений, но покрытие неполное. Придется сканировать и пересканировать там, где при первом прохождении наметились проблемы. Если б его время не поджимало, он бы, скорее всего, просто подождал следующей жертвы и провел перекрестную сверку по данным из *той* библиотеки, но он очень спешит.

– Хранилище также выступает важным элементом пропаганды Уэртаса, – сказал Уинни. – Когда разберутся с повторными сканами, обрезки-де «будут сохранены в хранилище Huertas для археологов будущих поколений». На факультете некоторые идиоты это приняли за чистую монету, прикинь!

– Ну, – заметил Ривера, – это утверждение не вполне ложно. Бумага в жидком азоте и вправду сохранится дольше, чем на библиотечных стеллажах.

Уинни пренебрежительно махнул рукой.

– Суть в том, что книги уничтожены, и если Уэртаса не остановить, погибнут и другие библиотеки. Наш план… – Он огляделся, видимо, осознав, что затея чревата тюрьмой. – Наш

план – пробраться в служебные туннели и залезть в хранилище обрезков Уэртаса. Томми придумал средство сделать обрезки нечитаемыми.

– Чего-о? Мы протестуем против уничтожения библиотеки, а сами намерены уничтожить то, что от нее осталось?

– Временно, временно! – воскликнул Томми. – Я отыскал рецепт восхитительного аэрозольного клея. Если его распылить на обрезки, там все застынет, хоть на куски руби. А спустя несколько месяцев клей просто сублимируется.

Ривера кивал.

– И мы ничего не портим. Я бы не согласился, если б думал, что мы рискуем уничтожить остатки книг. План Уэртаса слишком жесток, он пытается все быстро захапать, а более медленный подход принес бы не худшие результаты. Возможно, мы его задержим на достаточное время, чтобы прежние оцифровщики подтянулись с дружественными книгам технологиями, и другие библиотеки уцелеют. – Теперь его футболка транслировала логотип Американской библиотечной ассоциации.

Роберт откинулся в кресле и сделал вид, что размышляет над услышанным.

– Ты сказал, китайцы пытаются Британскую библиотеку в шредер отправить?

Ривера вздохнул.

– Да, и музей тоже, но ЕС ищет предлога их остановить. Если мы выставим Уэртаса в дурном свете, то…

– Ясно, – рассудительно проговорил Роберт, избегая смотреть Уинни в глаза. Блаунт и так слишком подозрителен. – О'кей, план кажется довольно уязвимым… но это лучше, чем ничего. Считайте, что я с вами.

По лицу Томми расплылась широкая улыбка.

– Отлично, Роберт!

Роберт наконец посмотрел на Уинстона Блаунта.

– А теперь такой вопрос: зачем я вам нужен?

Блаунт скривился.

– Лишняя пара рук. Различные обстоятельства…

Томми закатил глаза.

– Да ты пойми, мы и не мечтали это провернуть, пока ты не появился.

– Я? А что во мне такого?

– Ха. Ты подумай, что мы затеваем: прорваться в служебные туннели, преодолеть милю по одному из самых защищенных биотехнологических комплексов на Земле. Готов побиться об заклад, что я это смогу. Но сумеем ли мы остаться незамеченными? Никоим образом. Это бы только в старых сериях

«Стартрека» сработало, там вентиляционная система специально для идиотских сюжетных дыр предусмотрена. А мы в реальном мире, и реальные безопасники тоже в курсе про эти туннели.

– Это не ответ на мои вопросы: *Я? А что во мне такого?*

– Что? А, я как раз подхожу к этому! В общем, когда организованные нами протесты увяли, я провел небольшое расследование. – Томми погладил лэптоп. – Новостные группы, чаты, поисковые движки, я использовал все, включая такие отвязные софтины, которые бы в онлайновом казино уместней смотрелись. Вероятно, самая сложная часть работы была в том, чтобы не попасться федералам. Это меня тормозило, но в конечном счете я получил довольно хорошее представление о том, как устроена система безопасности лабораторий. Все, чего можно ожидать от критически важного для национальной безопасности объекта. Серьезное железо, но неуклюжее. Система ориентирована на внутренних пользователей, жестко запаролена и в основном автоматизирована. От внутренних пользователей требуется стандартная биометрика. Их круг составляют определенные офицеры служб национальной обороны США. Догадайся, кто у нас обретается поблизости и входит в этот круг?

– Мой сын.

– Не совсем. Твоя невестка.

Элис.

– Это странно. Она же спец по каким-то азиатским делам. – *Когда у нее крыша на месте*. Тут он вспомнил про Таинственного Незнакомца.

Уинни встрял:

– С каких пор ты у нас экспертом по безопасности заделался, Роберт?

Мне лучше рот на замке держать. Они выруливают туда, куда мне и надо! Но он утратил навыки словесных маневров, а потому недолго думая брякнул:

– В обычном гуглопоиске эта инфа не всплывет.

Томми покачал головой. В его глазах мелькнула жалость.

– Мир изменился, Роберт. Я теперь получаю ответы способами, которые лет двадцать назад были немыслимы. Сотня тысяч людей по всему миру поучаствовали в моих поисках, по кусочкам, по крупицам, так, чтобы никто ничего не понял. Главный риск: результаты могут оказаться чухней. Нынче всем правит дезинформация. Если результаты и не искажены сознательно, на них могли повлиять различные фэнтезийные сообщества, которые стремятся исказить реальность в угоду свежайшему приключалову. Но если нам лапшу на уши навешали, то это не обычные мошенники. Слишком много источников,

откуда получены подробности и независимые подтверждения.

– О. – Роберт постарался, чтобы это прозвучало изумленно. Он и *был* изумлен. Может, Незнакомец и не блефует.

Они беседовали еще полчаса, но ничего более конкретного о предлагаемом ему предательстве Роберт не узнал. У Томми нашлась для них другая работа: требовалось раздобыть некоторые университетские пароли, разжиться кое-какими голосовыми записями. Места входа в сеть инженерных туннелей теперь залиты бетоном. Пятьдесят лет назад, когда они только строились, попасть туда можно было с уровня земли. А еще этот аэрозольный клей Томми.

– Клей? – У Томми сделался слегка пристыженный вид. – Его еще не существует. Но он почти изобретен! – Томми почерпнул эту идейку на форуме садовников-орнаменталистов и подбросил ее каким-то венчурным капиталистам. Общество любителей кустарникового дизайна Японии в сотрудничестве с аргентинскими биологами еще утрясало последние детали окончательного проекта аэрогеля. Через две недели или даже меньше продукт будет готов и показан на токийской выставке растениеводства. Вскоре после этого литр клея перешлют Томми через UP/Ex. Роберт слушал с нескрываемым сомнением, и от Томми это не укрылось. – Да ну, хакеры в наши дни именно так и работают.

Перевалило за три часа пополудни. Тень библиотеки протянулась на восток, закрывая ближайшие здания. Четверка заговорщиков сочла повестку дня выполненной.

Томми порывисто поднялся.

– У нас может получиться! Мы, не исключено, даже избежим ареста. Но если и так, то что? Все будет совсем как в старые добрые деньки.

Карлос Ривера поднимался медленней.

– Но нельзя сказать, что мы ничему не повредим.

Томми приложил к губам палец.

– Господа, тсс. Я убираю мертвую зону.

Он отстучал команду на лэптопе, и светодиод на верхнем торце крышки погас.

Мгновение все четверо безмолвствовали, пытаясь придумать безопасную тему для разговора.

– А-а… о'кей. – Ривера покосился на Роберта. – Не хотите ли взглянуть, как мы… как библиотека распоряжается опустевшими стеллажами?

– В смысле, то, что Томми пропагандой обозвал?

Ривера едва заметно улыбнулся.

– В некотором смысле, но оно по-своему красиво. Если бы оцифровка была выполнена не так жестоко, мне бы и нынешнее состояние, без реставрации, понравилось.

Он провел их мимо лифтовой шахты и дальше.

– Окружение на лестнице оптимальное.

Уинни Блаунт скорчил гримасу, но без возражений последовал за ними.

Лестница была слабо освещена. Невооруженному глазу представали бетонные стены, там и сям пронизанные серебристыми линиями, заметными и снаружи. Роберт шагнул на лестничную площадку, и точка зрения мигом сместилась в какое-то стандартное усилительное окружение: теперь свет, казалось, источали газовые рожки на стенах, темный бетон исчез, а на смену ему воздвиглись мощные камни, отделанные с помощью резца и сложенные вместе так тесно, что особой потребности в известке и не возникало. Роберт коснулся стены и отдернул руку, ощутив скользкий камень, а не бетон!

Ривера рассмеялся.

– Вы ожидали привычного разочарования, не так ли, доктор Гу?

Тактильное восприятие обычно разрушало зрительную иллюзию.

– Ага. – Роберт провел рукой по каменным блокам, проследил более мягкие дорожки мха и лишайников.

– Университетская администрация подошла к вопросу очень умно. Они списались с кругами убеждений и поощрили их инсталлировать тактильные граффити. Кое-что здесь впечатляет даже без визуальных оверлеев.

Они спустились на два пролета. Здесь должна была находиться площадка пятого этажа, но дверь теперь казалась резной, деревянной, слабо мерцающей в свете газового рожка. Ривера потянул за ручку из старинной бронзы, и восьмифутовая дверь провернулась на петлях. Освещение за ней было актинически-фиолетовое, то тусклое, то болезненно яркое. Слышалось шипение падающих искр. Ривера сунулся туда и продекламировал что-то невразумительное. Освещение стало более терпимым, а от звуков остались одни лишь далекие голоса.

– Все в порядке, – сказал библиотекарь. – Проходите.

Роберт прошел в полуоткрытую дверь и осмотрелся. Это явно не был пятый этаж Библиотеки имени Гейзелей на планете Земля. Книги тут *имелись,* но несуразно громадные, на высоченных деревянных стеллажах, тянущихся ввысь. Роберт задрал голову. Фиолетовое сияние очерчивало стеллажи, окаймляло изогнутые подпорки. Конструкция напоминала фрактальный лес

старомодной компьютерной графики. Насколько хватало глаз, тут были нагромождены книги, уменьшавшиеся с расстоянием.

Ничего себе. Он споткнулся, и Томми пришлось поддержать его, ухватив рукой за копчик.

– Круто, а? – проговорил Паркер. – Жаль, что я не ношу. Ну чуть-чуть.

– Д-да. – Роберт облокотился на ближайший стеллаж. Полки на ощупь были настоящие, твердые, деревянные. Он опустил глаза на уровень пола и посмотрел вдоль прохода. Путь между стеллажей был извилист и не заканчивался у внешней стены в тридцати-сорока футах, а продолжался дальше, и вместо окон были покосившиеся, прогнившие деревянные лестницы. Нечто подобное, самодельные стремянки и так далее, он видел в старых букинистических лавках. Прелестные штуки. И сами стеллажи были перекошены, скособочены, как если бы сила тяжести на разных уровнях действовала в разные стороны.

– *Что* это такое?

Трое спутников помолчали. Роберт уставился на них. Все были в темных доспехах. На броне Риверы имелись какие-то замысловатые инсигнии, и в целом она подозрительно напоминала футболку и шорты-бермуды, только из вороненой стали.

– Вы не узнаете? – произнес наконец Ривера. – Вы трое – Рыцари Стражи. А я – Воинствующий Библиотекарь. Это из цикла «Опасное знание» Ежи Гачека.

Блаунт кивнул.

– Роберт, ты что, ничего этого не читал?

Роберт смутно помнил Гачека по своим предпенсионным годам.

– Я читаю только важные книги, – фыркнул он.

Они медленно шли по узкому проходу. По сторонам ответвлялись другие тропинки. Не только влево и вправо, но также вверх и вниз. Местами слышалось шипение вроде змеиного. Кое-где он замечал других Рыцарей, сгорбленных над книгами и пергаментными манускриптами; со страниц раскрытых книг им в лица ударял свет. Воистину эпоха просвещения, нечего сказать. Роберт остановился присмотреться внимательней. Слова были английские, а шрифт – готический, фрактурный. Книга по экономике. Одна из читательниц, девушка с чрезмерно кустистыми бровями, зыркнула на визитеров и провела рукой по воздуху. Высоко на полках что-то стукнуло, и вниз свалилась четырехфутовой ширины громадина, пергаментная, в кожаном переплете. Роберт отшатнулся, едва не наступив на Томми. Но падающая книга замерла и повисла в воздухе рядом с рукой

студентки. Она раскрылась сама собой, страницы зашелестели.

Ого. Роберт осторожно выбрался из алькова.

– Понятно. Оцифрованные версии уничтоженных книг.

– Оцифровка при первом проходе, – добавил Блаунт. – Гребаные современные администраторы больше вистов получили от этого, чем от всей остальной пропаганды, вместе взятой. Всем кажется, что это чертовски прикольно и стильно. А на следующей неделе они займутся шестым этажом.

Ривера вывел их к шатающимся деревянным ступенькам.

– Но не все довольны. Фонд Гейзелей – Общество доктора Сьюза[23] – не поддерживает университетское начальство в этом вопросе.

– Ну им же лучше! – Блаунт пнул деревянные полки. – Наши студенты иначе бы на «Пирамидальном холме» зависали.

Роберт сделал жест, который должен был возвратить его зрение к безыскусной реальности, но пурпурная подсветка и древние манускрипты в кожаных переплетах не исчезали. Он набрал команду выхода в явной форме. По-прежнему никаких признаков реальности.

– Я застрял на этой точке зрения.

– Ага. Если не снимешь контактные линзы или не вызовешь 911, то и не увидишь, что тут в действительности происходит. Еще одна причина не пользоваться Эпифанией. – Томми помахал раскрытым лэптопом, словно талисманом. – Я вижу иллюзии, но только тогда, когда я сам хочу этого. – Коротышка прошелся по боковому проходу, потыкал в книгу, которая, постанывая, валялась на полу, заглянул в альков – чем заняты ее патроны? – Как тут прикольно!

У деревянной лестницы Ривера сказал:

– Теперь осторожней. Тут хитро сделано.

Примерно на половине пролета ступеньки перекосились, перспектива исказилась. Уинни шел первым, и его это смутило.

– Я уже это делал, – проворчал он в основном себе под нос. – Я это могу.

Он шагнул вперед, потом словно бы споткнулся, но сохранил равновесие и встал прямо, однако под углом к Роберту и компании. Достигнув перехода, Роберт закрыл глаза. По умолчанию Эпифания при этом отключала все оверлеи, так что у него теперь ненадолго возник иммунитет к визуальным фокусам. Он сделал шаг вперед… и никакого наклона не обнаружил, а лишь обычный поворот!

Томми следовал за ним и улыбался до ушей.

– Добро пожаловать в Эшеровское крыло! – воскликнул он. – Дети просто пищат от восторга. – Внизу лестница снова

поворачивала под прямым углом. Паркер прокомментировал: – О'кей, мы теперь возвращаемся к служебному ядру здания, вот только ощущение прежнее, как если б мы блуждали среди нескончаемых книг.

Книги впереди, книги позади, книги по сторонам, сокрытые в проходах. Ряды книг наверху, словно дымоходы, терялись в пурпурном сиянии. Он даже внизу различал книги, там, где шаткая лестница, по впечатлению, обрывалась в бездну. При взгляде чуть искоса буквы на корешках и обложках наливались собственным свечением, таким фиолетовым, что его трудно было разглядеть, но они были очень четкими, а индексы Библиотеки конгресса – загадочными и руноподобными. Призраки, а может, аватары… уничтоженных книг. Они издавали звуки: стонали, шептали, шипели. Заговорщицкие звуки. Глубоко в боковых проходах некоторые тома были закованы в цепи.

– За «Капиталом» нужен глаз да глаз, – сказал Ривера.

Роберт увидел один из томов – *да уж, это слово тут уместно!* Книга напирала на оковы, звенья громко звякали на массивных проушинах.

– Да, Опасное Знание рвется на волю.

Некоторые из этих книг наверняка подлинные: тактильные заготовки. В одном проходе студенты сваливали книги в кучу. Потом отступили, и в оргии шелестящих страниц тексты слились воедино.

– Это библиографический синтез?

Ривера проследил его взгляд.

– Гм, да. Начало ему положила та пропаганда, о которой говорил декан Блаунт: им нужно было отвлечь внимание публики от шредеров. Мы здесь представляем книги фактически живыми, созданиями, которые служат читателям и околдовывают их. Терри Пратчетт, а потом Ежи Гачек эту тему годами эксплуатировали. Но мы недооценили мощь такого представления. Нам помогают лучшие гачекианские круги убеждений. Каждое действие с базой данных находит здесь свой физический эквивалент, совсем как в историях Гачека о Воинствующих Библиотекарях. Многим пользователям кажется, что это лучше стандартных программ индексации.

Уинни оглянулся на них. Он заметно вырвался вперед, и фигура его теперь выглядела укороченной, словно они смотрели на него в телескоп с большого расстояния. Он с отвращением махнул рукой.

– Карлос, это же предательство. Твои библиотекари не одобряют измельчения книг, но посмотри, что вы натворили. Дети потеряют всякое уважение к постоянным носителям

человеческого культурного наследия.

Томми Паркер, стоявший за спиной Роберта, ехидно вставил:

– Уинни, дети уже и без того потеряли к ним всякое уважение.

Ривера потупился.

– Простите, декан Блаунт. Источник зла – не оцифровка, а шредеры. Впервые в своей жизни наши студенты получили доступ к знаниям прошлых тысячелетий современными средствами. – Он указал на студентов в боковом проходе. – И не только здесь. Библиотека доступна через Сеть, при этом теряются лишь тактильные примочки. Даже на период монополии Уэртаса будет разрешен бесплатный ограниченный доступ. Это всего лишь оцифровка первым проходом, с разбиением по h-индексам, но у нас больше находок в источниках прошлых веков, чем за последние четыре года. И теперь большую часть работы можно делать с факультета!

– Лицемерные ублюдки, – сказал Уинни.

Роберт глянул на студентов в боковом алькове. Совокупление книг закончилось; теперь тома левитировали над головами студентов, и страницы пели тонкими голосами призывные песни еще не обследованным книгам. *Буквальное воплощение метафоры.*

Они двинулись обратно к служебному ядру. Оно находилось в несколько раз дальше, чем запомнил Роберт. Извилистые переходы, должно быть, увели их к центру настоящего четвертого этажа.

Наконец впереди показалась дверь восьмифутовой высоты. После всего виденного резное дерево представлялось реалистичным. Даже пол сделался плоским, твердым, нормальным на вид.

А потом заплясал под ногами.

– Чт… – Роберта приложило о стену. Книги заерзали на стеллажах, и он вспомнил, что *некоторые* из них действительно такие тяжелые и реальные, как выглядят.

Запульсировали светящиеся дуги.

Ривера закричал что-то по-китайски, что-то про фейковое землетрясение.

Что бы это ни было, а вызванные им колебания и сдвиги были *реальны.*

Снизу донесся стонущий звук, в воздухе пронеслись летучие мыши. Размах колебаний постепенно уменьшился, они стали похожи на легкую джигу.

А потом исчезли совсем. Пол и стены снова обрели устойчивость, как в университетские годы Роберта.

Томми поднялся с пола и помог Уинстону Блаунту.

– Все в порядке? – спросил он.

Блаунт тупо кивал, слишком потрясенный, чтобы язвить.

– Никогда еще такого не бывало, – сказал Томми.

Карлос кивнул.

– *Айя, дуибуцы, во ган сян цилай тамэнь цзиньтянь ши синь дунъи*, – сказал он. Что-то о том, как сегодня выпала возможность испытать новые ощущения.

Томми потрепал библиотекаря по плечу.

– Эй, человече, ты по-китайски говоришь.

Ривера уставился на него, потом ответил, все еще по-китайски, но быстрее и громче.

– Все о'кей, Карлос. Не волнуйся. – Томми повел молодого человека вниз по ступенькам. Ривера продолжал говорить, залпами повторяя: – *Во цзай шуо инъюй ма? Ши инъюй ма?* Я по-английски говорю? По-английски?

– Ты иди, Карлос, иди. Все с тобой будет о'кей.

Роберт с Уинни замыкали процессию. Блаунт щурился, что у него означало напряженный поиск.

– Ха! – воскликнул он. – Ублюдки встряхнули здание, используя его же стабилизирующую сервомеханику. Посмотри.

И, как ни странно, Роберт увидел: ему воздалось за тренировки.

– Ага! – Гейзелевская библиотека, в числе немногих, после Роуз-Каньонского землетрясения не была перестроена. Вместо этого системы активной стабилизации интегрировали в старый каркас. – Значит, админы решили реалистичности добавить…

– Мы же могли погибнуть, – сказал Блаунт.

Они спустились на третий этаж. Им навстречу двигалась стайка студентов; ну Роберт принял их за студентов, поскольку они заливисто хохотали и почти все носили личины чудовищ. Две группы протиснулись мимо друг друга, и старики умолкли, пока студенты не исчезли наверху.

– Карлос, а что вызывает такую качку? – спросил Томми.

Ривера обогнул стенный армуар и вскричал:

– Я уже по-английски говорю?.. *Да!* О боже. Иногда мне снятся кошмары, что я навечно застрял. – Он прошел несколько шагов, с трудом сдерживая слезы облегчения. Затем из его рта потоком хлынули слова. – Да-да, я понял ваш вопрос, я просто не уверен, что именно вызывает наши фейковые землетрясения. Когда принималось решение использовать стабилизаторы таким образом, я был на встрече. Предполагается, что «спусковым крючком» служит попытка «открыть» книгу, содержащую знания, «которые не предназначены для человечества». Конечно, это шутка, кроме случаев настолько серьезных, что высовывается

УВБ. Так что, думаю, мы тут устраиваем толчки более или менее случайно.

Они продолжали спуск, а Ривера болтал без умолку:

– У нашей завбиблиотекой на этом пунктик. Так вышло, что она большая шишка в местном кругу убеждений Гачека. Поэтому пользователей, нарушающих правила библиотеки, карают по Гачеку.

Беспокойство на лице Томми сменилось интересом инженера.

– Господи, – протянул он, – пыточные ямы Гачека?

Достигнув нижнего этажа, они ступили на стандартную ковровую дорожку главного вестибюля библиотеки. Часом раньше Роберт и Шариф прошли этим путем к лифту. Роберт тогда едва заметил чистоту, простор, статую Теодора Сьюза Гейзеля. Теперь они символизировали радостный возврат к нормальному окружению. Они вышли на предвечернее солнце через стеклянные двери.

Уинни развернулся и поднял голову, оглядывая нависавшие этажи библиотеки.

– Они это место попросту изуродовали. Землетрясение… было, было… – Внезапно он отвел взгляд. – Карлос, с тобой все в порядке?

Библиотекарь махнул рукой.

– Да. Иногда такие приступы, ну когда я застреваю, не лучше эпилептических припадков. – Он утер лицо. Он был мокрый как мышь. – Вау. Может, это как раз и был скверный…

– Карлос, тебе следует обратиться к врачу.

– Уже. Видите? – Вокруг его головы заплясали медицинские флажки. – Меня на лестнице предупредили. За мной сейчас наблюдает по меньшей мере один настоящий врач. – Он помедлил, прислушиваясь. – О’кей, меня вызывают в клинику. Какое-то сканирование мозга. Увидимся в следующий раз. – Он посмотрел на них. – Да ну, ребята, не переживайте.

– Я с тобой, – сказал Томми.

– О’кей, но не болтай. Меня к сканированию готовить будут.

Они удалились к западному разворотному кольцу.

Роберт с Уинни уставились им вслед. Блаунт проговорил с нетипичной для него растерянностью:

– Может, не надо было его насчет этих гачекианцев подзуживать.

– С ним все будет хорошо?

– Вероятно. Каждый раз, когда очередной ветеран застревает безвылазно, у департамента делается бледный вид. Они ему помогут, чем смогут.

Роберту припомнились странности в поведении Риверы.

Обычно библиотекарь вставлял китайские словечки от случая к случаю, словно бы под влиянием эмоций. Будь это испанские, Роберт бы, скорее всего, и значения не придал. Но теперь…

– Уинни, а что с ним такое?

Блаунт рассеянно пожал плечами.

– У Карлоса ДП-синдром.

– А что это?

– А? Господи, Гу! Ну поищи. – Он гневно оглядел площадь. – О'кей, о'кей. – И принужденно усмехнулся Роберту. – Прости, Роберт. Про ДП-синдром куча информации в поиске. Много полезных обсуждений. Мы держим руку на пульсе. Ну то есть Карлос бы этого хотел. Многое зависит от тебя, все ли ты правильно сделаешь.

– Но что? Что…

Уинни поднял руку.

– Мы над этим работаем. Мы вскоре посвятим тебя в подробности.

По дороге домой Роберт поискал *ДП.* Миллионы результатов, про медицину, военные операции, усилители кайфа. Он выбрал сводку данных по глобальной безопасности в одном из наиболее релевантных «уважаемых альтернативных» источников:

***ДП**, «динамическая переподготовка» (также см. **ДП-синдром**, заболевание, наблюдаемое у жертв этой процедуры). Сочетание адрессиновой терапии с интенсивной накачкой данными, позволяющее внедрить субъекту обширные навыки менее чем за 100 час. Наиболее известно трагическими последствиями во время <ссылка>китайско-американского конфликта</ссылка>, когда 100 тыс. американских новобранцев получили подготовку в области китайского, кантонского…*

Дальше – перечень специальностей, о которых Роберт и не слышал. Меньше чем за девяносто дней американцы справились с дефицитом военных переводчиков. Однако потом начались проблемы…

…решающий вклад в успех наземных операций; однако еще до конца войны стало ясно, какой ценой для задействованных людей он будет достигнут.

Роберт Гу, как и, вероятно, каждый студент, мечтал о коротких путях в обход трудных дисциплин. Выучить русский, латынь, китайский или испанский за одну ночь и без усилий! *Будь*

осторожен в своих желаниях… Он прочел разделы, посвященные побочным эффектам. Изучение языка или карьерной специальности *меняет* человека. Если силком затолкать в него столько знаний, личность исказится. Мало кто после ДП не страдал от побочных эффектов. В редких случаях удавалось пройти второй курс, а иногда и третий, прежде чем природа брала свое. Процесс отторжения напоминал внутреннюю войну между старой и новой точками зрения на мир, проявляясь припадками и измененными состояниями сознания. Многие участники ДП застревали на том или ином ослабленном варианте приобретенного навыка. Не пугаясь наследия войны и участи ДП-ветеранов, глупые студенты по всему миру продолжали играть с огнем.

Бедняга Карлос.

Но что же мне предлагает Таинственный Незнакомец?

Да уж, денек выдался на редкость футурошоковый. Роберт опустил стекло, и его обдуло свежим ветерком. Он ехал на север по трассе Интерстейт-15. Вокруг протянулись плотно застроенные пригороды, как почти и по всей обитаемой Калифорнии еще с двадцатого века, но здесь дома были немного обшарпанными, а торговые центры больше напоминали складские ангары. Как ни странно, даже в этом дивном новом мире сохраняются физические магазины. Он пару раз в них закупался. Местами вполне реальная архитектура. *Шопинг для старых сердцем*, гласил их слоган; в 2000-м *такое* не сработало бы.

Роберт отстранился мыслями от загадок (и страхов), решив попрактиковаться с Эпифанией. *Прикрасим-ка по минимуму.* Роберт изобразил плечами знакомый жест. *Пока порядок.* Он видел простые метки. Все кругом, даже ледяная трава по сторонам фривея, носило маленькие буквенно-цифровые ярлычки. Еще одно пожатие плеч – и он увидел то, что желали ему показать окрестные объекты, или, говоря точнее, их *владельцы*. Реклама. Торговые центры соображали, что он старпер, и соответствующим образом подстраивали объявления. Но такого неприкрытого спама, как на ранних занятиях с Эпифанией, не было нигде. Похоже, он наконец сумел как следует настроить спам-фильтры.

Роберт откинулся на сиденье и потянулся к более широким вселенным. Перед глазами возникла разноцветная карта. Реальности географически весьма отдаленные, совсем не пересекающиеся с Сан-Диего. Наверное, так себе воображали в восьмидесятых и девяностых киберпространственную муру. Наконец он пробился в окошко, сулившее «локальную публичную реальность», и только. Ага. Всего-навсего двести тысяч в этой

части округа Сан-Диего. Он выбрал наудачу одну. Снаружи холмы Северного округа очистились от пригородной застройки. На трассе сохранились всего три полосы движения, а машины – не новее 1960-х. Он заметил ярлычок на ветровом стекле своей машины (которая превратилась в «Форд Фалкон»): *Историческое общество Сан-Диего*. Бит за битом они реконструировали прошлое. Для тех, кому по душе более простые времена, доступны обширные сегменты двадцатого столетия.

Роберт с трудом отогнал порыв остаться в этой эпохе. Она была так близка его университетским годам. Так… уютна. И ему внезапно пришло в голову, что историки, наверное, *поддерживают* библиотомный проект. Располагая базой данных Уэртаса, они значительно ускорят реконструкцию объектов своей ностальгии.

Он вызвал панель управления. Там обнаружилось нечто, именуемое «континуальным паравременным скольжением». Еще предлагали выбрать мир определенного писателя. Вот и Ежи Гачек. Не-ет, хватит с него на сегодня опасных знаний. А как насчет Терри Пратчетта? Сойдет. Пригородная застройка стала саманной. Машина превратилась в причудливо изогнутый ковер, скользящий по травянистому склону, который за миг до этого был равнинной возвышенностью к северу от Маунтин-Мэдоу-роуд. Впереди проявилась долина с разноцветными палатками; надписи на них были выполнены курсивным шрифтом, вроде латиницей, но в стиле арабской вязи. Далеко на западе, куда протянулась долина, виднелся клочок океана с… парусными кораблями?

Роберт Гу читал один из романов Пратчетта[24]. У него сохранилось впечатление, что действие там происходило в городе, похожем на средневековый Лондон. А эта местность другая. Он присмотрелся к палаточному городку…

Мири ↳Лена, Сю: <sm> А вот и он, снова у меня на крючке! Видите? </sm>

Сю ↳Мири, Лена: <sm> Вау. Ты едешь рядом с ним? </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Нет, по камерам с холмов и авто восстановила. </sm>

Сю↳Мири, Лена: <sm> Он, кажется, просто смотрит по сторонам. </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> Шариф под моим контролем. Роберт полностью наш. </sm>

Лена ↳Мири, Сю: <sm> Это-то и странно. </sm>

Мири ↳Лена, Сю: <sm> О’кей, теперь я Шариф, сижу рядом с Робертом… о *че-ерт!* </sm>

Кто-то вежливо откашлялся. Роберт поспешно повернул голову.

Это был Шариф, на дальнем конце пассажирского сиденья.

– Не хотел вас застать врасплох, профессор. – Образ подобострастно улыбнулся. – Я пытался раньше проявиться, но были технические проблемы.

– Да, хорошо, – сказал Роберт, рассеянно подумав, что, может, это глушилка Томми все еще работает.

Шариф жестом обвел окружающий ландшафт.

– И что вы об этом думаете?

Окрестности Сан-Диего, но несколько более влажные. И с другим населением, с иной цивилизацией.

– Я думал, меня в одну из работ Терри Пратчетта перебросят.

Шариф пожал плечами.

– Ну да, вы попали в основной круг убеждений Пратчетта. По крайней мере, для Сан-Диего.

– Да, но… – Роберт указал на травянистый ландшафт. – Где Анк-Морпорк? Где трущобы, ныряльщики, городская стража?

Шариф улыбнулся.

– В основном в Лондоне и Пекине, профессор. Лучше подстраивать фэнтези под опорную географию. Пратчетт пишет про весь мир. Здесь показана область, соответствующая Сан-Диего. – Шариф на миг уставился в пространство. – Да, это Абу-Даджиб. Ну, вы знаете, султанат, который он поместил сразу к югу от Сумарбада в «Огненном вороне».

– Гм? – *В «Огненном вороне»?*

– Написанном уже после того, как вы утратили, э-э-э…

После того, как я выжил из ума, все верно.

– Он, э-э-э, колоссален. Я еще себе представляю, как *пишут* о таком месте, но ни один человек, ни одна кинокомпания не смогли бы все это отразить… – Рядом с окном пролетела женщина верхом на крылатой игуане. Роберт отдернулся. (И перескочил в реальный вид: это пронесся мимо «Крузер» дорожного патруля.)

Шариф хмыкнул.

– Это не одного человека работа. Тут, вероятно, миллион фанов потрудился. Как и многие из лучших реальностей, она обрела коммерческий успех. Признана самым успешным внешним кино 2019-го. С тех пор стала только лучше: фанаты этим показывают свою любовь.

– Гм. – Роберт всегда презирал киноиндустрию за многомиллионные обороты. И писателей, которые разбогатели ее стараниями, тоже. – Наверняка Пратчетт нехилые деньги на этом

поднял.

Шариф осклабился.

– Больше, чем Гачек, но меньше, чем Роулинг. Авторские микроотчисления накапливаются, это да. Пратчетту принадлежит довольно солидный кусок Шотландии.

Роберт переключился с пратчеттовской графики. Полистал другие: миры Толкиена… и что-то совсем незнакомое, даже по ярлычкам. Что еще за ОКА?[25] Упс. Точка зрения ОКА преобразила пригороды в деревни за стенами, а на вершинах высоких холмов появились замки. Парки превратились в вековые леса.

Шариф, кажется, проследил это окружение. Справа по маршруту как раз появился парк Лос-Пумас-Вэлли, и Шариф выразительно указал на него большим пальцем.

– Вы бы видели их ярмарки со стилизацией под Ренессанс. Весь парк себе загребают, иногда потешные сражения между баронами холмов проводят. Это великолепно, приятель, воистину великолепно.

Ага. Роберт повернулся и внимательно посмотрел на Шарифа. Никаких изменений против более раннего образа, если не считать хитрой лыбы.

– А вы ведь не Шариф.

Усмешка стала еще шире.

– А я все думал, догадаетесь вы *когда-нибудь* или нет. Профессор, вам бы следовало более параноидально отнестись к этой личности. Я знаю, вы с Зульфи Шарифом встречались физически. Он *на самом деле* аспирант, каким представился, и действительно относится к вам заискивающе. Но у него самоконтроль слабый. Я могу прикинуться Шарифом в любой нужный момент.

– Несколько минут назад вы так не говорили.

Шариф нахмурился.

– Это другое. У вас много поклонников. Среди них есть и не совсем некомпетентные.

Э? Роберт секунду поразмыслил, потом принужденно улыбнулся.

– Тогда, вероятно, вам лучше обзавестись каким-нибудь паролем, чтобы я не выболтал ваши секреты неправильному Шарифу, гм?

Таинственного Незнакомца предложение не удивило.

– Ну что ж… впредь, когда я скажу «приятель», это будет запускать процедуру обмена сертификатами. Вам ничего не придется делать. – Лицо Шарифа налилось зеленоватым оттенком, а глаза стали раскосыми, но так, как не смогла бы

обеспечить складка эпикантуса. Он усмехнулся. – Теперь вы видите своего джинна и можете быть уверены, что это действительно я. Итак, что вы думаете о плане Томми Паркера?

– Э-э-э…

Шариф – *Незнакомец-Шариф* – подался к нему, но сиденье из искусственной кожи не шелохнулось.

– Я повсюду; я появляюсь в той форме, какая угодна мне, и достигаю результатов, желательных мне. Как ни старался Томми вас оградить, а я там присутствовал. – Он посмотрел Роберту в глаза. – Хех. Не находите нужных слов, профессор? Но в этом-то и состоит ваша проблема. Я хочу помочь вам, но сначала вы должны помочь мне.

Роберт изобразил холодную усмешку. Убедительно отпарировать не получалось. Он сподобился лишь на:

– Вы обещаете чудо, но не предлагаете никаких доказательств. А если ваше предложение сводится к ДП, я отказываюсь. Творческий дар таким образом не купишь.

Шариф откинулся на сиденье и рассмеялся открытым, приятным смехом.

– Это правда. ДП – ужасное чудо. Но в наше время возможны и приятные чудеса. И *я* могу их сотворить.

Машина съехала с фривея и запетляла по Рехе-роуд. Оставались считаные минуты до Уэст-Фолбрука и дома Боба. Таинственный Незнакомец несколько мгновений, кажется, любовался пейзажем, потом продолжил:

– Я хотел уже сегодня взять быка за рога, но если вы настаиваете на убедительном доказательстве… – Он сделал жест, в воздухе что-то сверкнуло: обычно это означало, что передаются данные. – Сходите по этим ссылкам. И вот вам доказательство, что за прорывами, описанными там, в конечном счете стоял я.

– Я посмотрю и свяжусь с вами.

– Пожалуйста, профессор, не тяните. Без вашего содействия план веселой компании обречен. А для моей помощи вам нужно, чтобы он удался.

Машина свернула на Хонор-Корт и затормозила рядом с домом Боба. Еще и половины пятого не было, но дымка переместилась с океана на сушу, и подступили сумерки. Там и сям на улице играли стайки детей. Одному Богу известно, что они видят. Роберт вылез, вдохнул прохладный воздух и… по улице к нему на велосипеде подъехала Мири. Они обменялись неловкими взглядами. По крайней мере, Роберт почувствовал себя неловко. Они в последнее время не пересекались иначе, как в присутствии Боба или Элис. *В прошлой жизни я бы ни секунды не стеснялся, что обидел эту девчонку.* Но каким-то образом,

вызывая крайний дискомфорт, ему передавались сдавленная ярость Боба и Элис, упрямая нарочитая вежливость Мири. *Мне здесь не место, я теперь должник своих детей, которые вообще-то обязаны мне.*

Мири слезла с велосипеда и остановилась рядом с Робертом. Заглянула в машину. Роберт покосился туда и заметил, что Шариф все еще на заднем сиденье; возможно, она его тоже видит.

– Это Зульфикар Шариф, – сказал Роберт, ухватившись за шанс заболтать неловкую ситуацию, а она и впрямь была неловкой. – Он у меня интервью берет про старые годы.

– А-а. – У Мири это интереса не вызвало.

– Мири, а я и не знал, что у тебя велик есть.

Она подкатила к нему велик.

– Да, – ответила девочка с серьезным тоном. – Как транспортное средство мало на что годится, но Элис говорит, что мне полезна физическая активность. Вокруг Фолбрука езжу, свежие реальности проигрываю.

Благодарение Эпифании, до Роберта дошло, что она имеет в виду.

– На самом-то деле это не мой велосипед. Это Боба, он еще младше меня был, когда на нем гонял.

Шины выглядели новыми, но… взгляд Роберта пропутешествовал по алюминиевой раме, с которой слущивались зеленая и желтая краска. *Господи*. Лена его заставила купить ребенку этот велик. Нахлынули воспоминания о малыше Бобби, о том, как тот старался научиться ездить. С ним столько хлопот было.

Они пошли к дверям дома молча, Роберт держался немного позади своей внучки.

16
Инцидент в ванной

В течение следующих дней пару раз звонил Уинстон Блаунт. Его Клике не терпелось дополнительно обсудить «то, о чем мы говорили». Роберт дал ему от ворот поворот и отказался общаться в частном режиме. Он буквально слышал зубовный скрежет разочарованного Уинни, но Блаунт согласился подождать еще неделю.

Роберт провел несколько интервью с настоящим (во всяком случае, можно было надеяться, что это настоящий) Шарифом. Они согревали душу Роберта воспоминаниями о Старых Добрых Годах. Ничего похожего на переговоры с Таинственным Незнакомцем. Молодой аспирант источал энтузиазм талантливого самоучки, хотя иногда проявлялись неожиданные познания в научной фантастике. Иногда. Когда Роберт затронул эту тему, у Шарифа сделался неловкий вид. *Ага.* Таинственный Незнакомец снова наносит удар. А может, образ Зульфикара Шарифа одушевляют целых три… сущности. Роберт принялся взвешивать каждое слово, каждый нюанс.

Хуан Ороско прямо расцвел. Он теперь целые фразы сочинял осознанно. Из-за этого мальчишка, по впечатлению, считал Роберта Гу гениальным наставником. *Ну-ну, настанет день, когда на меня с таким же выражением будут глядеть шимпанзе*. Но Роберт не озвучил этой мысли. Хуан Ороско выкладывался на полную. Он был обречен на посредственность, как и сам Роберт в его нынешнем состоянии, но ранить других этим знанием больше не доставляло услады.

Таинственный Незнакомец куда-то запропал. Возможно, счел, что личная потребность Роберта сама того пришпорит. Ублюдок. Роберт снова и снова возвращался в раздумьях к полученным от Незнакомца ссылкам. Три медицинских чуда последних десяти месяцев. Первое – разработка эффективного противомалярийного препарата. Не такое уж большое дело, уже много лет известны дешевые аналоги. Но два других… подлинные прорывы в терапии расстройств настроения и интеллекта. Это не урожай с «небесного минного поля» Рида Вебера. Оба лекарства конечные реципиенты *заказали*.

И что? В этом новом веке всякие чудеса творятся. Чем может доказать Незнакомец свою способность? Роберт полез за документами, которые Незнакомец ему оставил. В визуальном представлении они напоминали средневековые гарантийные

письма, конверты с сургучовыми печатями. Если взломать метафору, внутри открываются нижние слои, несколько мегабайт зашифрованной информации. Обычная бессмыслица. Но если открывать все как полагается, слой за слоем, найдешь указатели на волшебные средства валидации сертификатов. И другие указатели, на технические статьи, в которых разъяснялось, как именно действуют эти волшебные средства на данные нижних слоев.

Роберт уже три дня копался в документах. Прежнему Роберту ума бы на это не хватило. Господь отнял его подлинный и уникальный талант, а взамен наделил извращенным аналитическим даром. Ему нравилось возиться с протоколами. О'кей, еще пара дней – и все сложится вместе. Можно будет проверить, блефовал ли Незнакомец (наверняка).

Тем временем он все заметнее отставал от графика совместной работы с Хуаном в классе мисс Чумлиг.

– У вас найдется время поработать над моими предложениями по графике? – спросил Хуан однажды после полудня. – До завтрашнего дня, я хочу сказать. – К этому сроку нужно было выполнить их задание на *текущую неделю*.

– Да, конечно. – Мальчуган исправно выполнял указания Роберта. Стыдно не отвечать ему тем же. – В смысле, я попробую. У меня проблема кое с чем, не относящимся к…

– Да? А могу я вам помочь?

Господи.

– Какие-то защищенные документы. Они должны подтвердить, что мой, гм, приятель действительно, э-э-э, причастен к решению… игровой задачи.

Он продемонстрировал Хуану один из визуалов.

Мальчик глянул на пергамент и сургуч.

– А! Кредитат. Я такие серты уже видел. Вы… упс, у вашего и внешний конверт есть, значит, только вы можете проделать все шаги, но… – Он сгреб сертификат и показал Роберту, где и что нужно делать. – …сначала приложите свою печать, потом надорвете по серверной линии и увидите, как высвобождается что-то в этом роде. – Вокруг очертились фантомные преобразования. – И если этот ваш друг не врунишка, вон там и вот тут загорятся зеленые индикаторы, с письменным подтверждением его ачивки, заверенным Bank of America, Microsoft или еще кем-то.

После этого Хуан должен был уйти помочь маме. Пока его образ выцветал, Роберт стал изучать примеры. Некоторые этапы знакомы по спецификациям протоколов, но…

– Откуда ты все это узнал?

Странный вопрос. У мальчишки сделался удивленный вид.

– Это… просто интуиция, понимаете? Думаю, интерфейс так разработан.

И он исчез окончательно.

Дома никого не было. Роберт спустился вниз и соорудил себе перекусить. Потом воспроизвел показанную мальчуганом последовательность стадий. Больше тянуть резину не получится. Он еще поколебался… и применил последовательность ко всем «кредитатам».

Ярко-зеленый. Ярко-зеленый. Ярко-зеленый.

Таинственный Незнакомец не любил приходить, когда Роберт дома. Возможно, морпехи США не такие уж бездари, как Незнакомец заявляет. У Роберта развилось чувство страха и предвкушения при мыслях о новых отлучках. Вскоре придется решать. Пойдет ли он на предательство ради того, чтобы снова стать собой прежним?

Шли дни. Никто не выходил на связь. *Незнакомец ждет, пока я дозрею.*

Когда это наконец случилось, Роберт прогуливался по окрестностям и давал очередное интервью Зульфикару Шарифу. Не закончив вопроса, молодой человек замялся и посмотрел на него.

Мири ↳Хуан: <sm> Я снова потеряла контроль! </sm>
Хуан ↳Мири: <sm> Опять? </sm>
Мири ↳Хуан: <sm> Опять! </sm>

Лицо Шарифа из честного стало лукавым и налилось зеленоватым сиянием, как у Таинственного Незнакомца.

– Ну как дела, приятель?

Роберт сумел ответить холодно:

– Довольно неплохо.

Незнакомец усмехнулся.

– Профессор, вы какой-то напряженный. Может, лучше присядем?

Рядом затормозило авто. Дверца открылась, фантом куртуазным жестом пригласил Роберта внутрь.

– Разве тут безопасней? – спросил Роберт, когда машина отъехала от тротуара.

– В *этой* машине – да. Помните, мои возможности намного обширней, чем у ваших маленьких друзей. – Он устроился на сиденье лицом к Роберту. – Итак, вы убедились в справедливости моих слов?

– Возможно, – сказал Роберт, слегка гордясь тем, как спокоен его голос. – Я проверил ваши кредитаты. Кажется, вы ни в чем толком не разбираетесь, но у вас талант сводить вместе нужных людей и присутствовать при том, как они решают серьезные задачи.

Незнакомец пренебрежительно отмахнулся.

– Это я-то ни в чем не разбираюсь, по-вашему? Вы наивны, профессор. Мир переполнен узкоспециальными знаниями. Их нагромождения уходят на метафорические световые годы в глубину. Я же наделен подлинно бесценным талантом: соединять знания и способности так, чтобы это давало результат. Ваша мисс Чумлиг понимает, насколько это важно. Школьники уж точно понимают. Даже Томми Паркер понимает, хотя одну важную деталь он понял ровно наоборот. Я выступаю, – еще один нарочитый жест, рука разглаживает галстук-бабочку, – я выступаю экстремальным проявлением этой способности. Я специалист мирового класса в том, чтобы сводить вместе и получать требуемые ответы.

И эго у тебя под стать. Интересно, как он общается с Эйнштейнами и Хокингами нынешней эпохи? Он же не всех так против шерстки гладит?

Незнакомец склонился к нему.

– Однако достаточно обо мне. Уинни Блаунт и его Клика Старейшин почти отчаялись. *Я* не до конца отчаялся, но если вы будете тянуть еще несколько дней, то приемлемый результат я вам уже не гарантирую. Итак, вы с нами в одной лодке?

– Я… Да. Я с вами. – Двадцать лет назад он бы и глазом не моргнул, предав Боба. В конце концов, сынуля – неблагодарный придурок. Теперь никаких уместных оправданий на ум не пришло, но… *Все что угодно, лишь бы вернуть утраченное.* – Какая именно биометрика Элис вам необходима?

– Некоторые сонограммы. Их не получается зарегистрировать, когда Элис на людях. И микрограмм крови. – Таинственный Незнакомец указал на маленькую коробку, лежавшую между ними на сиденье. – Взгляните.

Роберт потянулся к ней… и пальцы коснулись твердого холодного материала. Коробка была настоящая. Таинственный Незнакомец впервые такое проделал. Он присмотрелся внимательней. Серый пластик без отверстий, даже без виртуальных ярлычков. А, вот и непременное:

НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

– И что?

– Оставьте это в ванной сегодня вечером. Остальное совершится само собой.

– Я не сделаю ничего, что могло бы причинить Элис вред.

Незнакомец рассмеялся.

– Какой вы параноик. Весь смысл затеи в том, чтобы проскользнуть незамеченными. Элис Гу несколько раз на неделе бывает в общественных местах. Если бы ее хотели погубить, *там* бы и устроили покушение с куда большим удобством. Но вам с Кликой требуется только биометрика… Есть еще вопросы?

– Пока что нет. – Роберт опустил серую пластиковую коробочку в карман. – Однако я не могу представить, чтобы систему безопасности военной базы в двадцать первом веке можно было обмануть чем-то настолько простым, как пара сонограмм и капля крови.

Незнакомец опять рассмеялся.

– О, тут все гораздо сложнее. Томми Паркер уверен, что сглаживает заусенцы, но без моей помощи вы бы даже в инженерные туннели не забрались. – Он взглянул в лицо Роберта, скованное напряженностью, и еще раз засмеялся. – Считайте себя пользовательским интерфейсом. – Он отвесил легкий поклон. – А меня – пользователем.

Роберт настороженно пронес гаджет, полученный от Незнакомца, через детектор жучков в прихожей. Никаких явных признаков тревоги. Итак, предательство будет очень простым: пройти в ванную первого этажа и спрятать коробочку среди пакетиков, аэрозолей и тюбиков, беспорядочно наваленных на боковом комоде. Современные принадлежности для постели и личной гигиены – бастион старомодной физической рекламы. В конце концов, даже самые продвинутые так или иначе вынуждены раздеваться и снимать контактные линзы. Но у Боба с Элис стиля не имелось. Они покупали все самое дешевое. Дьявольская коробка идеально слилась с фоном.

Роберт долго стоял под душем. Было приятно чувствовать себя чистым. Он не услышал никаких странных звуков и ничего странного через матовое стекло кабинки не заметил. Но когда он вылез, то обнаружил, что таинственная серая коробка пропала. Он обшарил весь комод, перерыл все вещи. Ни следа вмешательства. Все это время дверь ванной была заперта.

Кто-то постучался – по счастью, следуя семейному обычаю не подглядывать сквозь стены санузла.

– Роберт, ты в порядке? – Это была Мири. – Элис говорит, пора ужинать.

Ужин получился кошмарным.

Так всегда бывало, когда они четверо ели вместе. Обычно Роберт избегал подобных ситуаций, но Элис, кажется, всерьез настаивала, чтобы вся семья, по крайней мере раз в неделю, собиралась за одним столом. Роберт понимал, что она задумала. Она уточняла калибровку, прикидывала, можно ли ослабить нажим на свекра.

Тем вечером она вела себя резче обычного, и, как на грех, Роберту было что скрывать. Возможно, Элис что-то учуяла. Он заметил, что Боб и Мири приносят и уносят всю посуду; обычно Элис им в этом помогала. Сегодня она все время сидела на своем месте и с привычным безжалостным равнодушием пилила Роберта: как у него дела в школе, как продвигается их совместный с Хуаном проект. Она даже спросила, как там его «старые друзья»! А Роберт объяснял, улыбался и молил Бога об успехе испытания. *Прежнему Роберту бы ничего не стоило отвести людям глаза.*

Потом Боб и Мири вернулись за стол и сели есть. Наконец-то Элис отвлеклась от злодея-свекра. С Мири она болтала в том же дружеском заинтересованном тоне, какой использовала при допросе Роберта. И Мири отвечала с той же тщательностью, что и он, детально излагая, что у нее в школе хорошего и плохого.

На миг Роберт практически расслабился. В конце концов, они же тут поесть собрались. Он явно ничем себя не выдаст.

Но что-то назревало, и не только в его воображении. Боб с Элис ушли в обсуждение местной политики Сан-Диего и школьных долговых обязательств. Было в этом разговоре что-то неуютное; некоторые пары всерьез *препираются* о политике, однако у Боба с Элис Роберт наблюдал такое впервые. А одежда Элис то и дело *мерцала.* В реальном мире Элис Гу дома носила короткое широкое платье домохозяйки, уместное скорей в 1950-х. Когда оно посверкивало, проявлялась виртуальная графика, не имевшая ничего общего со старомодными умными футболками Карлоса. В первый раз Роберт едва это заметил, в основном потому, что Боб с Мири никак не отреагировали. Спустя полминуты, когда Элис энергично жестикулировала по поводу какого-то обескураживающе тривиального вопроса предвыборной кампании, одежда на ней сверкнула опять. На миг показалось, что она одета в белый флотский мундир, но на воротничке значилось КСЗ. *КСЗ?* Гуглопоиск предлагал много вариантов расшифровки. Прошла еще минута-другая, и она ненадолго облачилась в униформу полковника морской пехоты. *Этот* мундир Роберт уже видел. Ее истинный ранг.

– Ты эмотируешь, дорогая, – мягко произнес Боб.

– Неважно, – резко бросила Элис. – И ты это знаешь. Суть в том, что…

Она продолжала вгрызаться в тему школьных долговых обязательств, а взгляд ее блуждал по комнате, возвращаясь к Роберту. Неприятный взгляд, и хотя слова ее не были адресованы Роберту Гу, в голосе звучали стальные нотки. Потом почти две секунды на ней был гражданский деловой костюм со старомодным темляком и карточкой-удостоверением. Удостоверение со знакомой эмблемой и буквами УВБ. Роберт понимал, что *они* означают. Он приложил максимум усилий, чтобы не вздрогнуть. *Всего она знать не может!* Он задумался, не координируют ли Боб и Элис пугающие признаки исподтишка, пытаясь его вывести на чистую воду. Но почему-то Роберту не казалось, что Боб на такое способен.

Потому он просто кивнул и с рассеянным видом огляделся. Мири вела себя тише обычного. Она смотрела в пространство и вид имела скучающий, как и положено тринадцатилетке, заточенной дома с родителями, которые болтают о Всякой Ерунде. Но это же Мири Гу, а на дворе не двадцатый век. Скорее всего, серфит, хотя обычно за столом она старалась этого не показывать.

Элис хлопнула рукой по столу, и Роберт, вздрогнув, посмотрел на нее. Она сверлила его взглядом.

– Ты не согласен, Роберт? – Даже Луиза Чумлиг ни разу не смотрела на учеников так агрессивно.

– Извини, Элис, я отвлекся.

Она рубанула воздух рукой.

– Неважно.

В воздухе безмолвно проплыли золотистые буквы.

Мири ↳Роберт: <sm> Не беспокойся. Она не на тебя злится. </sm>

Мири продолжала смотреть в никуда. Руки ее были на виду и не двигались. Это она с одеждой так наловчилась работать. *О'кей, но что вообще, черт побери, происходит?* Он хотел ответить безмолвным сообщением, но, чтобы не выдать себя стучанием пальцев по воздуху, ограничился вопросительным взглядом искоса.

Элис продолжала раздраженно болтать, Боб время от времени ее перебивал, но Роберта сковал неотступный ужас. Он выждал еще минуты три-четыре, потом, извинившись, поднялся.

Бобу явно полегчало.

– Роберт, нам не стоило так увлекаться темой школьных обязательств. Надо было и о другом…

– Нет, все в порядке. У меня домашка.

Роберт изобразил улыбку и начал отступление по лестнице под снайперским взглядом Элис. Если бы не безмолвное сообщение Мири, он бы сорвался на бег.

И, кроме того, Элис пока не появлялась в ванной первого этажа.

Он занялся домашкой. Пришел Хуан и почти полчаса отвлекал его на объяснения иммерсивных[26] набросков. Роберт должен был подготовить такой набросок к завтрашнему дню для урока Чумлиг. Хуан остался доволен. И Роберт тоже; он компенсировал несколько дней отставания и возился с шаблонами Хуана, пока все не распределил. *Господи, нам пятерку за одну только совместную координацию обязаны поставить*. Проза мальчишки стала почти годной, а у Роберта получился неподдельно красивый иммерсив. Он отметил, что Мири помогла вымыть посуду и ушла к себе в комнату. Боб и Элис остались сидеть в гостиной. Он установил триггер активности на первом этаже и на некоторое время забылся, продолжая поэтапно улучшать графику.

О боже! Целый час прошел! Он быстро глянул, что там внизу. В санузле первого этажа никого за это время не было. Пришло сообщение от Томми Паркера. Клика интересовалась, как успехи с его частью подготовительной работы.

Он снова посмотрел вниз. Странно. Он перестал воспринимать гостиную. Обычно этот ракурс присутствовал в домашнем меню, но сейчас гостиная стала такой же приватной зоной, как и спальни. Он встал, прокрался к двери, тихо приоткрыл ее на полдюйма и принялся шпионить старым проверенным способом.

Они спорят! И Боб аж белый от ярости. Он все повышал и повышал тон, пока не сорвался на хриплый крик:

– Да мне насрать, если ты им нужна! Последний раз всегда следующий. Но в этот раз ты не…

Боб запнулся на середине вспышки гнева. Роберт наклонился, приложил ухо к двери. Ничего. Даже осторожной обтекаемой болтовни. Сын и невестка перенесли срач в эфирные выси. Но Роберт не переставал подслушивать. Он слышал, как Элис и Боб кружат по комнате. В какой-то момент – хлопок ладони, подобный пистолетному выстрелу. Элис на обеденном столе злость выместила? Полуминутное безмолвие – и хлопнула дверь.

Спустя секунду вернулся вид гостиной. Боб остался один и

смотрел на дверь спальни первого этажа. Несколько мгновений он простоял так, потом обошел гостиную и плюхнулся в любимое кресло. Снял книгу с кофейного столика. Одна из трех физических книг на нижнем этаже – да и та подделка, с динамической компиляцией.

Роберт Гу тихо прикрыл дверь своей спальни и сел обратно в кресло. Поразмыслив, отстучал на виртуальной клавиатуре:

Роберт ↳Мири: <sm> Что все это значило? </sm>

Мири находилась в двадцати футах от него по коридору. Почему бы просто не пройтись туда и не постучаться? Или навестить ее виртуально? Может, у него развилась привычка избегать Мири, а может, за словами безмолвной переписки спрятаться легче.

И возможно, не ему одному нужно прятаться. Почти минуту он ожидал ответа.

Мири ↳Роберт: <sm> Это не из-за тебя. </sm>
Роберт ↳Мири: <sm> О'кей. Но в чем проблема? </sm>
Мири ↳Роберт: <sm> Нет никакой проблемы. </sm>
На этом сообщение закончилось, но Мири послала вдогонку следующее.

Мири ↳Роберт: <sm> Элис готовится к новому заданию. Ей это всегда тяжело. А Боб злится. </sm>

Еще одна пауза.

Мири ↳Роберт: <sm> Роберт, это дела морпехов. Мне не положено про них знать. А тебе тем более. Извини. EOF. </sm>

EOF – старомодное обозначение конца файла. Роберт подождал, но больше ничего не получил. Но этот разговор с Мири стал самым продолжительным за два месяца. Что делает маленькая девочка со своими тайнами? А тайны эти явно куда важнее, чем ему казалось. Ей доступны каналы связи лучше, чем у всей цивилизации двадцатого века, но этикет, диктуемый гордыней, не позволяет делиться болью. *А может, она с друзьями это обсуждает?*

У Роберта Гу-старшего не было друзей, но он в них и не нуждался; этим вечером достаточно поводов отвлечься – кризис, томительное напряжение, все такое. Он продолжал краем глаза следить за передней ванной и за дверью в берлогу Элис. Боб все

еще читал, но глаза его поминутно перебегали с книги на дверь.

– Профессор, можем ли мы сейчас поговорить?

Голос прозвучал у него за плечом.

Роберт чуть не подскочил на кресле, с такой поспешностью обернулся на звук.

– Господи-и-и!

Это был Зульфикар Шариф.

Шариф отскочил, на его лице написалось удивление.

– Вы бы могли постучать, – сказал Роберт.

– А я постучал, – ответил Шариф с легкой обидой.

– Да-да. – Роберт так и не разобрался со всеми причудами «круга друзей» Эпифании. Он жестом разрешил Шарифу остаться. – Ну что у вас на уме?

Шариф весьма правдоподобно опустился в кресло, не утонув в нем.

– Ну, я надеялся, что у нас будет время просто поговорить. – Он подумал. – В смысле, продолжить разговор о ваших «Тайнах веков».

Внизу по-прежнему все без движения.

– …Хорошо. Спрашивайте. – *И кто же это?* Настоящий Шариф? Незнакомец-Шариф? Шариф – любитель научной фантастики? Или какая-то их противоестественная комбинация? В любом случае слишком подозрительное это совпадение, что он возник именно сейчас. Роберт сел обратно и насторожился.

– Гм… Я не знаю. – Жалобно-забывчивый Шариф? Но тут аспирант внезапно встрепенулся. – Ага! Я надеялся в своей диссертации проследить баланс между красотой выражения и красотой правды, на которую оно намекает. Разделимы ли они?

На этот вопрос следует отвечать с загадочной полнотой. Роберт выдержал многозначительную паузу и пошел словоблудить:

– Зульфи, вам бы уже следовало понять, даже если вы сами и не создаете стихов, что эти понятия нераздельны. Красота помогает зафиксировать правду. Прочтите мою статью в «Каролинговском»…

Бла-бла-бла. Шариф старательно кивал.

– А могут ли, по-вашему, исчерпаться обе составляющие вследствие их связи друг с другом? Красота и правда, я имею в виду.

Э? Вопрос достаточно странный, чтобы сбить его с толку. Роберт покрутил в голове дурацкую идею. *Может ли исчерпаться красота? В моем случае ответ утвердительный; я больше не способен творить красивые вещи.* А не подначивает ли его снова Незнакомец-Шариф, пока они оба ждут срабатывания серой

коробочки?

– Наверное… наверное, может. – И он задумался над второй частью вопроса. – О черт, Шариф, правда… новая правда… давно уже истощена. Мы, люди искусства, сидим на горе отходов, которая накапливалась десяток тысячелетий. Те, кто старательны, разбираются во всем сколько-нибудь значимом. Мы перемешиваем варево, перемешиваем, некоторым это удается с блеском, но, в общем, все наши потуги – лишь приукрашенный ремикс. – *Я, что ли, и в самом деле такое сказал?*

– И, коль скоро они связаны, красота исчезла тоже? – Шариф подался вперед, сложив руки чашечкой под подбородком и уперевшись локтями в колени. Он смотрел на Роберта большими серьезными глазами.

Роберт отвернулся. Наконец выдавил:

– Красота все еще существует. *Я* ее верну.

Я ее отвоюю.

Шариф улыбнулся, приняв уверенность Роберта за… некую веру в перспективы человечества?

– Отлично сказано, профессор. Этого не было в вашей статье для «Каролинговского».

– И правда. – Роберт откинулся в кресле, размышляя, что, черт побери, происходит.

Шариф помедлил, словно сомневаясь, переходить ли к следующему вопросу.

– А как поживает ваш проект для университетской библиотеки Сан-Диего?

Внизу по-прежнему ни шороха. Роберт спросил:

– Вы полагаете, существует связь между моим искусством и… «Библиотомой»?

– Ну да. Не хочу показаться назойливым, но то, чем вы занимаетесь в УСД, мне кажется важным заявлением о позиции искусства и литературы в современном мире.

Возможно, это Шариф – любитель научной фантастики прощупывает, что затеял Незнакомец-Шариф. *Вот бы их друг с другом стравить*. Он рассудительно покивал.

– Я поговорю об этом с друзьями. Может, что-нибудь придумаем.

Кто б то ни был, его такой ответ, кажется, удовлетворил. Они договорились о новой встрече в чате, и посетитель исчез.

Роберт отключил доступ из круга друзей. Больше никаких неожиданных визитеров этим вечером.

А внизу *по-прежнему* никакого движения. Он добрых пятнадцать минут подсматривал сквозь стены. Да уж, продуктивный способ провести время. *Займись чем-нибудь другим,*

идиот.

Он снял крышу дома и посмотрел вдаль через Уэст-Фолбрук. Без усиления тут было очень темно, скорей как в заброшенном городке, чем в жилом пригороде. Небо над реальным Сан-Диего светилось не так сильно, как в 1970-х. Но под реальной картинкой скрывались бесконечные альтернативные, все возможности киберпространства, какие только могло вообразить поколение Боба. Там этим вечером сотни миллионов играют. Роберт буквально кожей чувствовал – и Эпифания бы ему это при желании позволила – их ритмы и щекотку соблазна присоединиться к ним. Вместо этого он набрал команду, о которой обмолвилась Чумлиг; там и сям в Северном округе загорелись крохотные огоньки. Это были его одноклассники, по крайней мере те из них, кто делал уроки на завтра, не теряя интереса к делам остальных. Двадцать огоньков. Более двух третей класса, специфический круг убеждений, нацеленный получить высокие оценки за совместную работу. Он и не представлял, как тяжко трудятся маленькие троечники.

Роберт призраком воспарил над пригородами, направляясь к ближайшим огонькам. Он раньше не пробовал опцию «выхода из тела», предлагаемую Эпифанией. Ощущения потоков воздуха не было, движения тоже. Просто синтезированная точка зрения несется над местностью. Он продолжал чувствовать кресло под ягодицами. Но понимал, почему эту опцию рекомендуют активировать сидя. Точка зрения промчалась над долиной и спланировала на головокружительной скорости.

Он проплыл в приглашающее окно. Хуан Ороско, Махмуд Квон и еще пара детей собрались в гостиной, строят планы на завтрашний обмен с Кейптауном. Они подняли глаза и поприветствовали его, но Роберт понимал, что видят они всего лишь парящую в воздухе комнаты иконку. Он мог предстать виртуально, наверняка с не меньшей детализацией, чем обычно присутствовал Шариф. Но он лишь повисел несколько мгновений в воздухе, прислушиваясь к разговору, и…

Тревожное уведомление!

Он прервался и снова оказался в своей спальне.

Внизу Боб покинул гостиную, подошел к двери берлоги Элис и тихо постучался. Насколько мог судить Роберт, ответа не было. Спустя миг Боб вздернул подбородок и отвернулся. Роберт проследил, как он поднимается по лестнице. В коридоре прозвучали и удалились шаги. Боб постучался к Мири, как делал обыкновенно по вечерам. Они вполголоса поговорили о чем-то, Мири сказала:

– Спокночи, папа.

Роберт впервые слышал, чтобы она так назвала Боба.

Шаги Боба приблизились; он остановился у двери Роберта, но ничего не сказал. Роберт следил за ним сквозь стену, пока Боб не отвернулся и не ушел. Приватность большой спальни поглотила сына.

Роберт сгорбился за столом, оглядывая нижний этаж. Элис редко задерживается дольше Боба. Конечно, сегодняшний вечер получился особенным. Черт. Стоит собраться с духом для предательства своей семьи, как судьба всячески противится твоему бесчестному намерению. Но если даже Элис вылезет из берлоги гораздо позже, ей так или иначе понадобится в туалет. Правда ведь?

Прошло двадцать минут.

Дверь комнаты Элис открылась. Она вышла в гостиную и направилась к лестнице. *В ванную на втором этаже, ядри твою мать.* Она снова повернулась и стала сердито мерить шагами гостиную. *Мерить шагами.* В каждом ее движении чувствовались сила и выверенность, как у танцовщицы или мастера боевых искусств. Ничего общего с Элис Гун Гу, какой она представала дома: круглощекой веселушкой в бесформенном старомодном платье. Но это реальный вид. Ее реальное лицо, скованное болью и покрытое каплями пота. Что? Роберт приблизил картинку, попытался проследить ее скользящий танец. С женщины пот лил градом. Платье промокло, будто Элис долго бежала в панике.

Она была похожа на Карлоса Риверу.

Невероятно. Элис ведь ни разу не зацикливало на иностранном языке или на определенной специальности. На *какой бы то ни было* из ее специальностей. Он вспомнил сетевые обсуждения синдрома динамической переподготовки. Как насчет редких исключений, странных людей, способных пройти больше одного тренинга, людей, которые наращивают свои таланты до тех пор, пока не сломаются под грузом побочных эффектов? На чем именно «застревают» те, в ком запечатлены десятки моделей поведения?

Скользящий танец Элис замедлился и прекратился. Мгновение она стояла, потупив голову, плечи ее обвисали. Потом развернулась и медленно прошла в ванную первого этажа.

Наконец-то, наконец-то. *А мне бы полагалось обезуметь от радости.* Вместо этого он принялся крутить в мозгу выводы, к которым только что пришел. Столько маленьких загадок наконец объяснено. Кое-что самоочевидное опровергнуто. Возможно, Элис на него не охотится. Возможно, она ему враг не в большей степени, чем другие соседи по дому.

Иногда все не то, чем кажется.

Было очень тихо. В Пало-Альто, в его старом доме, все время что-то скрипело, постукивало, а порой на компьютере Боба играла спираченная музыка. Здесь и сейчас, этим вечером… гм, кое-какие звуки слышатся, дом остывает в вечерней прохладе. Стоп. В обзоре сантехники проявился активный водонагреватель. Он услышал журчание воды.

Роберт уже не впервые задумался, какое волшебство заключено в серой коробочке. Домовые церберы на нее не отреагировали. Возможно, она совсем не электронная, а механическая, пружинки-шестеренки, как в девятнадцатом веке. Но она ведь *исчезла* у Роберта прямо под носом. Это не визуальный фокус, а что-то новенькое. Может, коробочка отрастила лапки и шмыгнула прочь? Ну ладно, чем бы она ни была, *для чего* она здесь? Может, Незнакомец каплей крови не удовлетворится. Может, ему лужа крови больше по нраву. Роберт на мгновение застыл в неподвижности, шокированный этой мыслью, потом вскочил и снова замер. *Я же совсем отчаялся.* Если жертва *сама хочет* поверить лжецу, то особого правдоподобия не требуется. Незнакомец демонстративно высмеял его идею, что все эти хлопоты преследуют цель покушения на Элис. *Я так отчаялся, что улыбнулся и поверил ему.*

Роберт вылетел из комнаты и ссыпался вниз по лестнице. Пронесся через гостиную и затарабанил в дверь передней ванной.

– Элис! Я…

Дверь распахнулась. Элис во все глаза смотрела на него. Он сгреб ее за руку и поволок в коридор. Элис была некрупного сложения, и схватить ее ничего не стоило. Но потом она исхитрилась повернуться как-то так, что он потерял равновесие; их ноги заплелись, и Роберт приложился головой о дверную ручку.

– Что? – спросила она раздраженно. – В чем дело?

– Я… – Роберт оглянулся через плечо в ярко освещенную ванную, потом на Элис. Она была в ночнушке, коротко стриженные волосы, похоже, вымыты. *Цела и невредима. Никаких луж крови… разве что под дверной ручкой натекло.*

– Роберт, с тобой все в порядке? – Ее раздражение постепенно сменилось беспокойством, а к Роберту вернулась способность чувствовать затылок.

– Ага, да. Я сейчас в отличной форме. – Он вспомнил, как несся вниз по лестнице. Даже в семнадцатилетнем возрасте он не рисковал перепрыгивать через четыре ступеньки.

– Но… – начала Элис. Она, видимо, больше переживала за его душевное равновесие, чем за что-то другое.

Все в порядке, невесточка. Я вообразил, что спасаю твою

жизнь, а оказалось, тревога была ложной. Он подумал, что такое объяснение вряд ли устроит Элис. Так зачем бы ему мчаться вниз по лестнице в глухой час ночи и колотить по двери? Роберт снова посмотрел в ванную.

– Я, э-э-э, мне просто на горшок приспичило.

Вся симпатия к нему тут же испарилась.

– Не стану тебя задерживать, Роберт.

Она развернулась и пошла к лестнице.

– Элис, ты в порядке?

Это Боб с верхней ступеньки. Роберт не отважился посмотреть туда, но живо представил себе личико Мири. Заходя в ванную и запирая дверь, он услышал усталый ответ невестки:

– Не переживай, это всего лишь Роберт.

Роберт несколько минут просидел на унитазе, пока дрожь не отпустила. Возможно, тут и вправду бомба, но если она сейчас взорвется, не пострадает никто, кроме виновника.

Но бомба не взорвалась, не обнаружил он и коробочки, из-за которой разыграл всю комедию. В библиотеку придется возвращаться с пустыми руками. *Ну и что?* Подумав, Роберт поднялся и уставился на себя в заднее зеркало. Удостоил отражение кривой усмешки. Может, подсунуть им подделку? Заметит ли это Томми? Что же до Таинственного Незнакомца, то… вероятно, чары его рассеялись, и с ними все надежды Роберта.

Он вдруг посмотрел на противоположный комод. Там! Вдали от нагромождения вещей лежала серая коробочка. Когда Элис ушла, ее там еще не было. Он потянулся к ней, пальцы коснулись теплой пластмассы. Это не иллюзия. Это тайна куда большая, чем все примочки, с которыми он уже более-менее пообвыкся.

Он сунул коробочку в карман и тихо вернулся к себе в спальню.

17
Альфред вызывается добровольцем

Гюнберк Браун и Кейко Мицури, высшие офицеры соответствующих служб. Вас за этой парочкой следил еще с их университетских времен. Он знал о них больше, чем те когда-либо предполагали. Он был очень стар, обладал очень хорошими связями и извлекал из этого преимущество: в определенном смысле именно он определял развитие их шпионских карьер, хотя ни сами Гюнберк с Кейко, ни их организации не догадывались об этом. В измене ЕС или Японии их упрекнуть было невозможно, однако Альфред понимал их так хорошо, что мог тонкими намеками направлять к желаемой цели.

Он так думал, и он все еще надеялся, что это так. Тем не менее безжалостный трудоголизм двух молодых коллег стал величайшей угрозой его планам. Например, сегодня…

– Да, да, безусловно, риски есть, – говорил Вас. – Мы это знали с самого начала. Но оставлять серьезный проект ЛТМП без присмотра еще опаснее. Мы *обязаны* выяснить, что творится в лабораториях Сан-Диего. И план «Кролик» нам в этом поможет.

Кейко Мицури покачала головой.

– Альфред, у меня давние связники в разведке США. Они не мои агенты, но бесконтрольному военному проекту спуску не дадут. В такой ситуации я бы им свою жизнь доверила. Я советую проинформировать их, очень неформально, и посмотреть, что они раскопают в лабораториях Сан-Диего.

Альфред подался вперед.

– А доверила бы ты им свою страну? Потому что именно об этом идет речь. В худшем случае окажется, что в Сан-Диего не просто разрабатывают ЛТМП, но и что проект вдобавок пользуется поддержкой высокопоставленных чинов американского правительства. Тогда все усилия твоих друзей пропадут втуне, поскольку их начальство насторожится и улики будут уничтожены. При расследовании настолько серьезной угрозы *мы просто обязаны действовать самостоятельно*.

В той или иной форме этот спор повторялся не раз после барселонской встречи. Сегодняшняя его итерация будет определяющей.

Кейко откинулась в кресле и раздраженно пожала плечами. Она декларировала более-менее реалистичный вид: тридцатилетняя женщина за столом где-то в Токио. Одну стену кабинета Васа Кейко трансформировала по своему вкусу, с

минималистской мебелью и панорамным окном, выходящим на Токио.

Гюнберк Браун повел себя не так хозяйски, а просто занял одно из свободных кресел в кабинете Альфреда. Несомненно, Гюнберк рассчитывал, что влияние ЕС позволяет ему выразить подобное легкое недовольство. С Гюнберком сегодня не исключены реальные трудности, но пока что немец просто слушал.

Хорошо же. Альфред распростер руки.

– Я искренне полагал, что мы этот вопрос в Барселоне уладили и нашли благоразумное решение. Разве мы не добились успехов? – Он жестом обвел раскиданные по столу биографические отчеты. – У нас в распоряжении умы и руки – от всех можно правдоподобно откреститься, и никто не подозревает, что мы ими манипулируем. Фактически значимость всей операции совершенно недооценивается участниками. Вы в этом сомневаетесь? Вы полагаете, что американцы раскусили прикрытие нашего расследования?

Молодые люди покачали головами. Кейко даже позволила себе чуть завистливую усмешку.

– Нет. Ваша методика ОНА-компартментализации произвела подлинную революцию в военном деле.

– Действительно, и то, что мы поделились ею, даже с сестринскими службами внутри Альянса, удостоверяет, с какой серьезностью СВР отнеслась к этой чрезвычайной ситуации. Пожалуйста… если отсрочка превысит сто часов, с тем же успехом можно будет начинать заново. И какая же проблема не позволяет вам одобрить план?

Гюнберк переглянулся с японкой. Та нетерпеливым жестом пригласила его взять на себя инициативу.

– Альфред, я так понимаю, ваш вопрос был риторическим. Проблема плана «Кролик» в самом Кролике. Все зависит от него, а мы по-прежнему почти ничего о нем не знаем.

– Американцы тоже не узнают. Вся соль в том, чтобы имелась возможность опровержения. Кролик предоставит нам все, что требуется.

– И не только, Альфред. – Гюнберк смотрел на него неподвижным взглядом. Как ни юн был Браун, а чувствовалась в нем основательность немцев рубежа столетий. Он переходил от пункта к пункту неторопливо и неумолимо. – Кролик совершил чудеса при подготовке операции. Сама его способность такое проделывать выглядит угрожающе.

Вас покосился на результаты свежайшего расследования Гюнберка.

– Но вы обнаружили критические оплошности Кролика. Как ни старался он замаскировать их, а мы проследили его доверительные сертификаты до единственного источника. – В том, чтобы все сертификаты выдавала одна организация, не было ничего необычного, но то, что Гюнберк это выяснил в случае Кролика, можно считать триумфом. Для Альфреда, учитывая его, гм, деликатные взаимоотношения с Кроликом, новость эта стала поистине чудесной.

Гюнберк кивнул.

– Credit Suisse. И что?

– Значит, если Кролик окажется нашим кошмаром, мы просто выдернем из розетки Credit Suisse и выведем его с рынка.

– Выдернуть из розетки службу сертификатов Credit Suisse? Вы себе представляете, как это скажется на европейской экономике? Я горжусь, что мои сотрудники это разнюхали, но мы не можем воспользоваться находкой.

– Нужно было отказаться от услуг Кролика после первой встречи в Барселоне, – сказала Кейко. – Он слишком умен.

Вас поднял руку.

– Возможно, и так, но почем нам было знать?

– Ja? Альфред, вы уж извините, но мы полагали, что вам о Кролике известно больше нашего.

Черт!

– Нет. Честно. – Альфред откинулся в кресле и обозрел нервничающих коллег. – Вы за моей спиной шушукались, гм? – Он вежливо улыбнулся им. – Думаете, Кролик на самом деле американская разведка? Или китайская? – Они активно исследовали эти возможности. Но Кейко покачала головой.

– Тогда в чем же заключается ваша теория, друзья мои?

– Ну… – Вид у Гюнберка сделался немного пристыженный. – Мы подумали, может, мистер Кролик вообще не человек. Вдруг это искусственный интеллект?

Вас рассмеялся и бросил взгляд на Кейко Мицури.

– А вы какого мнения?

– Мне кажется, гипотезу ИИ стоит принять во внимание. Таланты Кролика столь обширны, а его работа настолько эффективна… и в то же время личность у него какая-то подростковая. Эта последняя особенность, по мнению Управления перспективных проектов Минобороны США, должна быть характерной. – Она заметила недоверие на лице Васа. – Не всякую угрозу можно приписать культу или заговору.

– Разумеется. Но ИИ-чудовища? Это же страшилка прямиком из двадцатого века. Кто в разведсообществах принимает ее всерьез? А! Любимый конек Паскаля Эрьо, не так ли? – Альфред

понизил голос и очень серьезным тоном спросил: – Вы консультировались с Паскалем об этом проекте?

– Конечно, нет. Но угроза ИИ в последнее время совершенно игнорируется.

– Именно потому, что проку с нее ноль. Перед китайско-американской войной их Управление перспективных проектов миллиарды вбухало в проект «Маленький помощник». Фиаско почти столь же сокрушительное, как с той Космической Блокирующей Инициативой.

– Космическая блокировка *сработала*.

Вас рассмеялся.

– Она сработала против всех, Кейко, и против американцев в первую очередь. Но да, согласен, КБИ – не вполне точная аналогия. Я хотел сказать, что над ИИ корпели самые умные люди мира, и ничего у них не получилось.

– Исследователи потерпели неудачу, но исполняемый код-то наверняка выжил. Интернет вам теперь не мягкая игрушка. Возможно, фрагменты кода «Маленького помощника» уплыли на свободу и выросли в то, чем никогда не смогли бы стать в низкотехнологичном прошлом.

– Это научная *фантастика*! Даже кино такое помню…

– И не одно, кстати, – перебил Гюнберк. – Альфред, я не согласен с Кейко в том, что старые программы стали способны к самоорганизации просто из-за появления достаточных ресурсов. Но мы у себя в ВК исследовали некоторые возможности. Паскаль Эрьо, возможно, прав. Если та или иная идея отвергается большинством, это не значит, что она неверна. В аппаратном смысле точка перехода, безусловно, достигнута. Паскаль полагает, что когда это наконец произойдет, предупредительных сигналов мы не заметим. Все будет развиваться так, как во многих других проектах, но гораздо катастрофичнее.

Еще один способ человечеству не дожить до конца столетия.

– Каким бы ни было истинное объяснение, – сказала Кейко, – Кролик чересчур компетентен и анонимен… Альфред, простите, но мы полагаем, что операцию надо прекратить. Позвольте, я расскажу американским друзьям.

– Оборудование на месте. Наши люди на месте.

Она передернула плечами.

– И Кролик всем заправляет? Кролик может открыть себе доступ ко всему, что мы обнаружим в Сан-Диего. Если бы мы и согласились с вами, то наше начальство – нет.

Она говорила серьезно. Альфред покосился на Брауна. Он тоже серьезен. Это скверно.

– Кейко, Гюнберк, пожалуйста. Просто взвесьте все риски.

– Уже, – сказала Кейко. – Кролика нельзя предоставлять самому себе в этой грандиозной схеме, иначе опасность достигнет космических масштабов! – Она, когда хотела, умела выражаться с присущей современным японцам прямотой.

Вас ответил:

– Но нам под силу все организовать так, чтобы Кролик получал оперативную информацию в режиме динамической корректировки действий, по мере их развития.

К счастью, Гюнберк незамедлительно воспротивился:

– О нет. Такая методика микроменеджмента в удаленном режиме гарантированно возымеет катастрофические последствия.

Вас долго колебался, делая вид, что напряженно размышляет над трудным решением.

– Возможно, возможно… есть способ убить двух зайцев: и «грандиозную схему» реализовать, и риск от Кролика минимизировать. Представьте, что мы попросту *не* расскажем Кролику всех подробностей финальной стадии. Представьте, что мы высадим одного из наших сотрудников в Южной Калифорнии в ночь прорыва?

Мицури и Браун мгновение смотрели на него.

– Но как же с возможностью все опровергать? – спросила Кейко. – Если наш собственный агент вломится в…

– Кейко, подумайте. Примем мой план – *рискнем* задеть американцев, примем ваш – *гарантированно* заденем. И риск этот можно минимизировать. Просто высадим одного из своих агентов поблизости, в тщательно выбранном месте, где задержка связи сведется почти к нулю. Американцы называют таких Местными Важными Шишками.

Гюнберк просиял:

– Совсем как Элис Гун в Сьюдад-Женераль-Ортисе!

– Д-да, точно. – Он не думал об Элис, но Гюнберк попал в цель. Это Элис Гун там, на льду в Ортисе, почти в одиночку обнаружила и остановила Фронт Свободной Воды. Возможно, Фронт и без того бы провалился. В конце концов, еще никто до них не пытался прокачать термоядерную самоделку до трехсот мегатонн. Но если бы бомба успешно взорвалась, это «показательное испытание» отравило бы добычу пресной воды на побережье Западной Антарктики. Мир не знал о существовании Гун, но в разведкругах у нее был почитай что легендарный статус. Хорошая девочка.

Благодарение небесам, ни Браун, ни Мицури вроде бы не заметили дискомфорта Альфреда при упоминании этого имени.

– Внедрить Важную Шишку на место прямо сейчас будет сложно, – сказала Кейко. – Туристический вариант с

правдоподобной легендой или в рулетку с грузовыми контейнерами сыграем? – Самые «черные» из «внедрений по-черному» легко было перепутать с контрабандой ОМП, и у всех причастных такая перспектива вызывала мурашки. – У меня нет там агентов, достаточно квалифицированных для *такой* операции. Потребуется особая персона, наделенная особыми талантами, с особым уровнем допуска.

– В Калифорнии у меня есть надежные ребята, – отозвался Гюнберк, – но не такого уровня.

– Неважно, – сказал Вас, постаравшись, чтобы в голосе его прозвучала стальная решимость. – Я с радостью полечу на дело сам.

Он их и раньше удивлял, но в данном случае эффект был подобен взрыву бомбы. У Брауна челюсть на миг отвисла.

– Альфред!!

– Это чрезвычайно важно, – сказал Вас и оглядел их с выражением всемерных прямоты и искренности.

– Но вы же кабинетный работник вроде нас!

Альфред покачал головой. Придется отодрать кусочек фоновой заставки; хоть бы она вся не слезла. Альфред много лет маскировался под бюрократа среднего звена в Службе внешней разведки. Если коллеги его разоблачат, в лучшем случае он закончит на церемониальной должности вроде премьер-министра, оттесненный в высокоуровневое политиканство. В худшем случае… в худшем случае Гюнберк и Кейко способны догадаться, что именно он затеял в Сан-Диего.

Вас ↳Управление внутреннего документооборота СВР: <sm> Поделиться биографическим пакетом № 3 с присутствующими сотрудниками разведслужб. </sm>

Вслух он проговорил:

– У меня есть опыт в поле. И как раз в США. В начале десятых.

Браун и Мицури уставились в пространство, отвлекшись на браузинг. Биографический пакет № 3 покажет им нужные операции. Информация согласована с тем, что им было известно ранее, но открывает новые грани личности индийского коллеги. Гюнберк первым пришел в себя.

– Я… я понимаю. – Он помолчал еще минуту, продолжая читать. – Вы хорошо поработали. Но, Альфред, это было много лет назад. А новая операция потребует напряженной работы с сетевым оборудованием.

Альфред кивнул, соглашаясь с его критикой.

– Да. И я не так молод. – Мицури и Браун полагали, что ему за пятьдесят. – С другой стороны, моя специальность в СВР – сетевые технологии, так что я еще не отстал от жизни.

На лице Кейко сверкнула удивленная усмешка.

– И вы знакомы с операцией лучше всех. Значит, если вы будете действовать на месте, то сможете уладить критически важные детали, не рассекретив их Кролику…

– Верно.

Гюнберка было непросто задобрить:

– Но все же операция чрезвычайно опасна. Да, наши сверхдержавы конкурируют, но в том, что касается угрозы ОМП, следует действовать сообща. Это первый случай в моей карьере, когда завет нарушен.

Альфред грустно покивал.

– Гюнберк, мы обязаны выяснить правду. Мы можем ошибаться насчет Сан-Диего. В этом случае мы охотно и молча свернем затею. Но каков бы ни был источник оружия, нужно его найти. И если окажется, что оно в Сан-Диего, американцы, скорее всего, поблагодарят нас.

Мицури и Браун долго переглядывались. Наконец кивнули. Кейко ответила:

– Мы поддерживаем внедрение Важной Шишки, предпочтительно вас. Я поручу планировщикам разработку стратегий отхода на случай, если вы провалитесь. Мы обеспечим вам сетевую и аналитическую поддержку. Вам останется разруливать критически важные данные на месте…

– …и сдерживать мистера Кролика от перехвата контроля над всей затеей! – добавил Гюнберк.

Когда коллеги отбыли, Альфред некоторое время сидел в кабинете неподвижно. Чудом вывернулся, чудом.

При игре на высочайших ставках риски умножаются многократно. План «Кролик» – самая деликатная операция, в которой индийское правительство когда-либо участвовало (по своей воле); заручиться поддержкой премьера было непросто. А сегодня Кейко и Гюнберк чуть не погубили весь план, как и хотелось бы премьеру. Что касается Кролика… ну, может, ИИ и выдумка, но угрозу Кролика Гюнберк с Кейко не переоценили.

Альфред немного расслабился и позволил себе усмешку. Да, опасности плодятся, как, гм, кролики. Но сегодня он столкнулся с некоторыми из них и сумел нейтрализовать. Он неделями замышлял внедрение в роли Важной Шишки. А в итоге Гюнберк и Кейко снабдили его самым естественным предлогом для личного присутствия на месте, в Сан-Диего.

18
Общество спелеологов-миастеников

Клика снова собралась на шестом этаже библиотеки, но это место теперь значительно изменилось. Роберт поднялся туда на лифте, сторонясь гачекианцев с их Воинствующими Библиотекарями, но оставаться в реальности было тяжело. Дух Теодора Гейзеля все еще чувствовался в вестибюле, но почти все остальные ресурсы сданы в аренду – тактильные и интеллектуальные. В подвале расплодились скучамауты. Персонажи Лавкрафта, по слухам, рыскали еще ниже, на нециркулирующем накопителе.

А шестой этаж… был пуст, выскоблен до полок. Роберт видел от выхода лифтовой кабины в центре пола, что скелеты стеллажей тянутся до самых окон. Измельчители книг пришли и ушли. В юго-восточном углу притаились заговорщики, подобно социалистам двадцатого века, замышляющим воссоздание империи на руинах после очевидной катастрофы.

– Что же помешало вторжению Воинствующих Библиотекарей? – спросил Роберт, жестом обведя суровую реальность пустых полок.

Карлос ответил:

– Официальное объяснение – задержка с новейшими гаптиками. На самом деле вмешалась политика. Партизаны-скучеры хотят заполучить этот этаж себе, в свою вселенную. Воинствующие Библиотекари против. Не исключено, что решение администрации разочарует обе стороны, если на этаже будет установлена симуляция былого реального вида библиотек.

– Но вместо книг только картинки, подделки?

– Ага. – Томми улыбался. – А ты чего ожидал? Зато покамест мы тут хозяйничаем.

– Мы не побеждены, господа. – Лицо Уинни было суровым. – Мы уже несколько недель знали, что к этому идет. Мы проиграли крупное сражение. Но это лишь первая битва войны.

Он покосился на Томми. Паркер указал на светодиодный индикатор своего компьютера.

– Мертвая зона активна. Пора возвращаться к нашим нешуточным преступным замыслам. – Он продолжал улыбаться, но скользил глазами по всем присутствующим и перехватывал их взгляды. – О'кей. Я выполнил подготовительное исследование. Можем забраться в инженерные туннели. Я даже устроил все так, чтобы техники отвлеклись на праздник и не попадались нам. Я

могу помочь с проникновением в шредерные контейнеры, и у меня аэрозольный гель. Библиотомному проекту и лично Уэртасу мы в состоянии серьезно напакостить. Конечно, продвижение в этой области не остановится, но…

Уинни фыркнул.

– Мы уже примирились с невозможностью полностью затормозить его. Но если удастся заблокировать мудаков, которые пользуются самыми варварскими методами, то, вероятно, этого хватит.

– Точняк, декан. Именно это мы и можем сделать. Все готово, за исключением одного важного ингредиента.

Его взгляд передвинулся на Роберта.

Тяга здравого смысла была так сильна, что Роберт почти треть секунды колебался. Потом полез в карман и извлек пластиковую коробку Незнакомца.

– Проверь, Томми.

Паркер вскинул брови.

– Гм, я впечатлен. Я ожидал бумажную салфетку или нечто в этом роде увидеть. – Он посмотрел на экран лэптопа, потом взял коробку. – Похоже на контейнер для отбора биообразцов. – Именно эта функция обозначалась теперь цветными ярлычками и на самой коробке. – Как ты это добыл?

А и правда, как?

Роберт не придумал ни правдивого, ни фальшивого объяснения, которое бы несло хоть какой-то смысл.

Томми истолковал его молчание неверно.

– Нет-нет, не говори мне. Я сам должен выяснить. – Томми мгновение улыбался коробке, потом опустил ее в карман.

– О'кей. Тогда все готово. Теперь нужно уговориться о времени.

Ривера подался вперед.

– Скоро. Между семестрами слишком часто лабы перестраивают.

– Угу. Имеются и другие ограничения. Вы не поверите, какую сложную легенду мне пришлось стачать. В Сети у меня целая прорва консультантов по фэншуй. Не трусь, декан, никто из них не увидит больше малой толики того, чем я занят. Я становлюсь настоящим экспертом по аффилиациям. – Томми явно кайфовал. – Я могу сделать так, чтобы это сработало, ребята! Хех, все будет совсем как в старые добрые деньки, ну для всех, кроме Карлоса, который тогда еще не родился. – Он усмехнулся Уинни и Роберту. Роберт в ту пору часто пускался в подземные экспедиции, и они были достаточно впечатляющими: сотни футов приходилось идти пешком по туннелям, чтобы подняться в

темные, пустые и зачастую недостроенные здания. Иногда в лестничных колодцах имелись ступени, а иногда нет.

Уинни Блаунт тоже слегка заулыбался.

– О да, общество спелеологов-миастеников. – Он еще кое-что припомнил и нахмурился. – А нам повезло, что шеи не переломали. – Эта ремарка принадлежала другому Уинни, тому, кем он был большую часть жизни: администратору, терзаемому кошмарами об ответственности и судебных исках.

– Ага. Это было покруче геймерства и куда опаснее. Да и компьютеров тогда не существовало – по крайней мере, в современной трактовке термина. Нынче все сильно изменилось, но мои исследования и этот биопрофиль, предоставленный Робертом, помогут одурачить механических сторожевых псов. Во всяком случае, если мы правильно время рассчитаем. – Он быстро отстучал что-то на своем лэптопе. – О'кей, вот самая свежая оценка: за следующие шесть недель – три коротких промежутка времени, когда нам благоприятствуют все дыры в системах безопасности.

– Когда первый? – спросил Уинни.

– Очень скоро. Через неделю после следующего понедельника. – Он повернул лэптоп экраном к остальным, чтобы те тоже посмотрели. – Мы через Пильхнер-холл пролезем. – Он углубился в подробные объяснения избранной стратегии вылазки. – …и здесь туннель разветвляется, отходя от кампуса. За этой развилкой почти полмили пешком, и мы окажемся под местом, где раньше General Genomics квартировала.

– Лабы Уэртаса сразу на север от него, – заметил Ривера.

– Именно. Наши шансы забраться туда и проделать задуманное – один к десяти, может, даже выше!

Ни Риверу, ни Блаунта эта оценка не разочаровала. Помолчав немного, Уинни сказал:

– Нельзя откладывать. Я голосую за вариант через неделю после понедельника.

– И я тоже, – сказал Роберт.

– *Во тунъи.* Я согласен.

– Тогда порядок! – Томми развернул лэптоп экраном к себе и сделал заметку. – Приходите с носимыми, но я обеспечу всем новую одежду и необходимую электронику. Я…

Уинстон Блаунт перебил:

– Есть еще кое-что, Томми.

– Э?

– Не слишком важное, но полезное для публичности.

– Гм?

– Я предлагаю захватить с собой удаленного помощника.

Этого парня, Шарифа.

– Ты *спятил*! – Томми вскочил и внезапно опустился обратно. – Тебе телеприсутствие понадобилось? Ты не понимаешь? Там даже *носить* нельзя.

Уинни успокаивающе заулыбался.

– Но, Томми, ты же принесешь электронику. Разве нельзя обеспечить его присутствие через нее?

Паркер аж поперхнулся от такой подставы.

– Декан, как, по-твоему, работает телеприсутствие?

– Э-э-э, ну, это ж обычный оверлей.

– На дисплейном уровне – да. Но он нелокальный. За красивой картинкой прячутся высокоскоростные комм-сети и маршрутизация по микролазерам окружения. В туннелях нет случайных сетей. Успех моего плана зависит от нашей способности действовать очень тихо, в частности – не использовать никакие лабораторные узлы. То, чего ты хочешь… – Он недоверчиво помотал головой.

Роберт посмотрел на Блаунта.

– Я тоже не понимаю. Мы ведь всего пару недель назад Шарифа сплавили как недостаточно надежного.

Уинни побагровел, совсем как в старые дни, когда Роберт на факультетском совещании его мог пришпилить к доске.

Роберт поднял руку.

– Уинстон, мне действительно интересно. Честное слово.

Уинни помедлил секунду и кивнул.

– О'кей. Смотрите: я никогда против парня ничего не имел. Мы с ним лично встречались прямо тут, в библиотеке. Кажется, он простой искренний студент. Он же тебя действительно интервьюирует, не так ли?

Когда это не Незнакомец и не мистер НФ, ага. Роберт понимал: стоит ему хоть словечком обмолвиться, и весь план насмарку. Он и не представлял, какая это напряженная работа – предательство.

– Да. Его вопросы часто бывают дурацкими, но интерес вполне академический.

– Вот! Я и хотел сказать, что если все пойдет не точно по нашему плану, нам будет полезен внешний наблюдатель, который представит наше восприятие ситуации, в идеале – тот, кто видел с самого начала, что мы делаем. Это может внести существенную разницу: нам либо заткнут рты и бросят в каталажку, либо позволят эффектное моральное заявление.

– Ага, – сказал Ривера, – так и есть. Профессор Паркер, вы гений в системах безопасности, но даже лучшие планы могут провалиться. Если вы сумеете прихватить с нами Шарифа, он

послужит… чем-то вроде страховки.

Томми аккуратно ударился головой об стол.

– Ребята, вы не ведаете, чего просите.

Но при всем мелодраматизме реакции он не сказал «нет». Спустя минуту коротышка сел и гневно воззрился на них.

– Вы просите о чуде. Возможно, я сумею его провернуть. Дайте мне денек на раздумья.

– Разумеется, профессор.

– Нет проблем. – Блаунт счастливо заулыбался.

Томми покачал головой и уткнулся в лэптоп. Когда остальные члены Клики объявили заседание завершенным и утянулись к лифтам, вид у него был, по впечатлению, такой же счастливый.

Обычно лифтовая кабина уже ждала их. Очевидно, в этот день мертвая зона Томми зацепила даже программную начинку лифта. Простояв некоторое время перед сомкнутыми створками, Карлос потянулся к панели и нажал кнопку нижнего этажа.

– Преимущество поддержки старинных интерфейсов, – сказал он с легкой улыбкой.

Уинни усмехался в ответ, но не из-за лифта.

– Не переживайте. Томми найдет решение.

Роберт кивнул.

– Он всегда находит, правда?

– Ага, – сказал Уинни. Все рассмеялись, и Роберт внезапно понял, зачем Уинни и Карлосу брать на дело Шарифа.

Когда створки лифта разошлись и Ривера с Блаунтом вошли внутрь, Роберт сказал:

– Я вас потом догоню. Пожалуй, стоит мне снова поглядеть на Воинствующих Библиотекарей.

Уинни демонстративно округлил глаза.

– Поступай как знаешь.

И они исчезли.

Роберт постоял мгновение, прислушиваясь к шуму уезжающего лифта. За дверью на лестницу, слева, начинался спуск в виртуальную библиотеку. Больше не случалось имитационных землетрясений, но Воинствующие Библиотекари продолжали возиться с мощными усилителями. Он слышал, как скрипит каменная кладка – звук этот уже заглушал шум лифта. Под его ногами пол задрожал в ритме фэнтези Ежи Гачека.

Он подождал еще немного, а потом, не став спускаться по лестнице, обошел шестой этаж и вернулся к Томми Паркеру.

Томми сгорбился, уткнув нос в компьютер. Индикаторы мертвой зоны все еще светились. В некотором, очень конкретном

смысле он походил на волшебника с книгой старинных заклинаний. Виртуальных реальностей для такого впечатления не требовалось. Роберт занял противоположное кресло и стал наблюдать. Вполне вероятно, что Томми и не заметил его возвращения. Он умел с головой погружаться в игры, загадки и планы дешифровки.

Я повсюду; я появляюсь в той форме, какая угодна мне, и достигаю результатов, желательных мне. Так бахвалился Таинственный Незнакомец. После чуда в ванной прошлым вечером Роберт склонялся к мысли, что кем бы ни был Незнакомец, а его власть может оказаться почти так же обширна, как тот хвастает. *Интересно, что у него есть на Уинни и Карлоса?*

Наконец Роберт нарушил молчание:

– Ну что, Томми, мы сильно обосрались?

Над кромкой лэптопа возникли голубые глаза Томми. Они так и говорили: *какого хрена ты здесь делаешь?* Но потом взгляд вернулся к компьютеру.

– Не знаю. Я просто хотел бы, чтоб вы, ребята, наконец определились.

Он снова покосился на Роберта.

– Но ты не настаивал на этом изменении, гм?

– У меня… смешанные чувства на этот счет. – Теперь Незнакомец появится в следующий понедельник, снова подтверждая свое заявление о вездесущности. – Всегда считал, что лучше вам, техническим гениям, дать работать так, как вам лучше.

Томми кивнул.

– Угу.

В действительности прежний Роберт технологией ничуть не интересовался. Теперь все сильно изменилось.

– Но я помню, что ты всегда был мастер кролика из шляпы доставать. Томми, мы не слишком многого просим на этот раз?

Паркер вскинул голову и сосредоточился на Роберте.

– Я… Я, если честно, не знаю, Роберт. В старые деньки я бы такого провернуть не сумел. Я мог бы разработать суперские интегральные схемы спецназначения. Я мог бы взломать протоколы, мог выкинуть еще дюжину трюков помимо своей узкой академической специальности. Но сегодня ценность этого невелика. Похоже…

– Похоже, что задачи расширились за пределы любого набора специальностей.

– Да! Как ты догадался?

Мисс Чумлиг мне говорила. Вслух Роберт произнес:

– Сегодня приходится задействовать совершенно

разрозненные специальности.

– Правильно. Некоторые мои умения, основные, все еще важны. В этих областях я так же эффективен, как прежде. Но… когда я выходил на пенсию, то мне на факультете уже стыдно было появляться. Я хорошо справлялся с определенными нишевыми спецкурсами, но как только пытался взяться за что-нибудь новое, интегрированное… гм, всю свою жизнь я с запасом опережал студентов, даже по новым курсам. Но под конец я увял. Последний семестр я просто раздавал еженедельные задания и стравливал ребят, пускай друг друга критикуют. – Вид у него был искренне пристыженный. С прежним Робертом ничего подобного не происходило никогда. *Но я всегда мог переопределить смысл качества и производительности.*

– И вот, уйдя на пенсию, я вернулся в школу – по крайней мере, в своей голове. Если хочешь решать сложные задачи *быстро*, потребуется кардинально переменить взгляды на решение задач. Это вроде обучения работе со сложными инструментами, только сейчас инструменты не ограничены Гуглом и пакетами символьной математики: добавились форумы по интересам, футурологические и…

– И общение с людьми?

– Да. Люди в моих уравнениях не фигурировали никогда, но это уже не важно. Целые дизайнерские бюро работают над уживчивостью коллективов. – Томми подался вперед и заговорил заговорщицким тоном: – С тех пор как я занялся этим проектом, *все* просто идеально складывается! Проникновение в туннели будет бесполезно, если персонал еще в лабораториях. Поэтому я применил политические маневры гачекианцев и скучеров к задаче самого крутого медийного отвлечения. Я устрою стычку кругов убеждений. Это будет классно! Я разыскал дизайнер-координатора, который понимает, чего я хочу. Я набрасываю общую концепцию, а он ее по всей планете фармит. Детализированные планы будто сами собой прорастают!

Томми откинулся в кресле; его фрустрацию как рукой сняло при мысли о новых силах.

– А посмотри только на мой компьютер! – Он любовно погладил устройство. Крышка была покрыта царапинами и щербинками. Такое впечатление, что на этом лэптопе поколения взломщиков хостились. Светодиоды на крышке размещались в маленьких углублениях, пробитых в металле. Старый Томми не терпел устройств, не предназначенных для обслуживания пользователем. – Шли годы, я все там внутри менял. К сожалению, слишком часто – для соответствия новым стандартам и гребаным требованиям ОНА. Но за последние пару месяцев я в

этой коробке революцию учинил. Она способна заморочить нетривиальные элементы окружения неотчуждаемой аппаратуры. Клянусь, Роберт, я круче, чем все в ЦРУ и Управлении перспективных проектов двадцатого века.

Роберт мгновение молчал.

– Бьюсь об заклад, – сказал он затем, – ты придумаешь способ запустить туда Шарифа.

– Ха. Это вишенка на тортике. Очевидный способ, прямиком из двадцатого века: мы возьмем и прокинем собственный кабель. Это обеспечит достаточные скорости, по крайней мере, для Шарифа, а мы останемся под покровом темноты и тишины. – Он покосился на Роберта и, видимо, принял его молчание за признак недоверия. – Понимаю, прогулка долгая, и большая часть систем безопасности туннелей останется активной. Но это решается особо тонким оптоволокном… или будет решаться, когда я со своим дизайнер-координатором перетру.

– Ага. С твоим дизайнер-координатором.

Я повсюду; я появляюсь в той форме, какая угодна мне, и достигаю результатов, желательных мне. Новый мир был исполнен магии, но в нем существовала иерархия чудес. Кое-какие доступны Хуану и Роберту. Кое-каким пыталась обучать Луиза Чумлиг. Кое-каким самостоятельно обучился Томми. А где-то наверху, над всеми ними, действовал Таинственный Незнакомец.

19
Опция ошибки допустима

В Фэйрмонтской старшей школе экзамены разнесли по нескольким дням. Кое-что напоминало ему о детстве. Детей отвлекала перспектива каникул. И, что еще хуже, в различные их сопряженные миры начинало просачиваться влияние рождественского сезона кинопремьер.

Но было и заметное отличие от воспоминаний о старших классах. Новые экзамены Роберту Гу давались *тяжело*. Тут ничто не гарантировало ему максимальные баллы и лучший результат среди одноклассников. Единственный раз он испытывал нечто подобное в университете еще на младших курсах, во время недолгой базовой программы. Там он наконец повстречал студентов, которых нельзя было автоматически зачислить в отстающие по сравнению с Робертом. А еще – преподавателей, которых не впечатляла его гениальность. Потом обязаловка закончилась, и впоследствии Роберт не испытывал нужды повторять унизительную процедуру.

До недавних пор.

Математика и формальные основы здравого смысла, статистика и механика данных. Поиск и анализ. Даже на экзамене по ПА доступ к Сети и чужому интеллекту был ограничен. Чумлиг преподавала коллаборативные методики, но не уставала талдычить про важность базовых компетенций. Теперь все эти набившие оскомину замечания сошлись под одной звездой и сулили адову недельку тестов.

Сразу после экзамена по «здравому смыслу» снова дал о себе знать Таинственный Незнакомец. Но лишь голосом и зеленоватым сиянием.

– Проблемы с экзаменами, приятель?

– Я справлюсь.

И действительно, математика его неподдельно интересовала.

Мири ↳Хуан, Сю: <sm> Он опять с кем-то говорит. </sm>

Сю ↳Хуан, Мири: <sm> И что же он говорит? </sm>

Мири ↳Хуан, Сю: <sm> Не знаю. Локальное аудио в частном режиме. Хуан! Дуй-ка туда. </sm>

Хуан ↳Мири, Сю: <sm> Ты мне не хозяйка. Правда, я и так собирался поговорить с Робертом. </sm>

Таинственный Незнакомец хмыкнул.

– В Фэйрмонте автоматических высших баллов не ставят, и даже автоматических проходных. Опция ошибки допустима, но ты…

Спасение близко. Из класса вышел Хуан Ороско и направился к нему. Незнакомец продолжал:

– …и Хуан Ороско не двоечники. У вас упрощенное расписание. Ты бы видел, что за предметы у твоей внучки.

– А что тебе до моей внучки?

Если мерзавец ее в это втянул…

Голос не ответил.

Хуан вопросительно оглядывался.

– Роберт, ты с кем-то говорил?

– Не о школе.

– Ну я никого не вижу. – Он помедлил, и в поле зрения Роберта выползли буквы.

Хуан ↳Роберт: <sm> Коллаборация должна выполняться по правилам. Честное слово, это важно. </sm>

– Понятно, – ответил Роберт вслух.

– О'кей. – Хуан, очевидно, не рассчитывал, что Роберт сдаст все экзамены. Иногда казалось, что бедный мальчуган пытается его *защитить*.

– Понимаешь, – продолжал Хуан, – у школы реально крутая служба прокторов. Может, кто-то и сумеет ее обхитрить, но многие только думают, что сумеют.

А у Таинственного Незнакомца с безопасниками, кажется, вообще никаких проблем. Незнакомец настолько могуществен, а продолжает находить удовольствие в подначках Роберта. Интересно, может, это кто-нибудь из старых врагов, кто-то гораздо сообразительнее Уинни Блаунта?

– В любом случае на семестровой демонстрации у нас хорошие шансы получить высший балл, Роберт.

Паренек пустился в обстоятельные разъяснения своих планов: что можно сделать с живой музыкой при помощи сетевых алгоритмов Роберта. Слепой ведет слепца… но спустя пару минут Роберт увлекся.

Дома обстановка царила напряженная, и с экзаменами это никак не было связано. Ночное вторжение Роберта в ванную расценили как попытку физического нападения. И неважно, что он искренне хотел защитить Элис: в этом он вряд ли мог признаться. На сей раз ни угроз, ни показательных речей… но Роберт чуял в Бобе непривычную неуверенность. Сын глядел на

него так, словно держал в руках змею и вдруг задумался, а не черная мамба ли это часом. Было ясно, что, если Боб *укрепится* в этом мнении, Роберту прямая дорога в «Конец радуг», и вышвырнут его быстрее, чем за любую другую выходку.

Мири намекнула, почему этого не случилось. Однажды после обеда она догнала Роберта на прогулке, пока он блуждал по Уэст-Фолбруку в надежде наткнуться на какую-нибудь дружественную форму Шарифа.

Мири несколько шагов проехала рядом на старом велике, подстраиваясь под темп; ее резко бросало из стороны в сторону. Наконец она соскочила с седла и повела велик за собой. Как всегда, в такой прямой позе, будто палку проглотила. Потом покосилась на него.

– Роберт, как твои экзамены?

– О, привет, Мири. А как *твои* экзамены?

– Нет, я первая спросила! К тому же ты знаешь, что мои начнутся только после каникул. – Ее чуть насмешливый начальственный тон контрастировал с предполагаемой дипломатической целью. – И как ты?

– Похоже, могу рассчитывать на тройку по математике.

У Мири глаза стали как блюдца.

– Ой! Прости.

Роберт рассмеялся.

– Нет, это *отличная* новость. До Альцгеймера я бы даже условий задач не понял.

Она улыбнулась неприятной улыбкой.

– Ну тогда, значит, все в порядке.

– Гм. Э-э-э… мой… приятель мне говорил, что в твоем классе ребята очень хорошо по математике успевают.

– Мы свои инструменты знаем.

– Думаю, я в состоянии куда лучше справляться с математикой, – сказал Роберт скорее себе. – Даже получать от нее удовольствие.

Конечно, если планы следующих нескольких дней реализуются, ему вернут поэтический дар, и все это перестанет иметь значение.

На сей раз улыбка Мири была приятнее.

– Готова об заклад побиться, что так! Знаешь… я бы тебе даже помогла. Мне реально нравится математика, у меня все кастомные эвристики есть. Между семестрами найду время тебе показать, как ими пользоваться. – Голос девчонки стал командным: она уже планировала его каникулы через его голову. *Это ей от Элис передалось*, – подумал Роберт и едва удержался от улыбки. – Держись, у тебя еще пара экзаменов впереди.

Он подумал о свежих набросках Хуана к демонстрации. Мальчуган справляется. Это у Роберта проблемы по своей части, с графикой и интерфейсами.

– Да, и тут мне действительно нужна помощь.

Лицо Мири вытянулось.

– Роберт, я тебе не помогу схитрить, ты чего!

Они остановились и уставились друг на друга.

– Мири, я не это имел в виду!

И он задумался над только что сказанным. *О боже, я раньше все время людей оскорблял, но умел выбирать для этого момент.*

Лена ↳Мири, Сю: <sm> Остынь, детка. Даже *я* не думаю, что Роберт хотел тебя задеть. </sm>

Сю ↳Лена, Мири: <sm> Тогда это с тобой впервые такое. </sm>

Мири еще секунду гневно смотрела на него, потом издала странный звук, вполне похожий на смешок.

– О'кей. Кому, как не мне, знать, что Гу не жульничают. Просто меня *вызверили* некоторые ребята из моей исследовательской группы. Я им говорю, как поступать. Я им приказываю не жульничать. А они лезут хитрить с протоколами коллаборации, хоть ты тресни.

Она двинулась дальше, и Роберт пошел за ней.

– На самом деле, – произнесла она, – я как раз кое с кем говорила. У меня миссия. Я тебе должна кое-что рассказать.

– Да?

– Да. Боб хочет тебя вытурить из штата. Он считает, что ты пытался избить Элис.

Она сделала паузу, словно ожидая, что он будет защищаться.

Но Роберт лишь кивнул, вспомнив, какой у Боба был взгляд. Итак, «Конец радуг» совсем близок.

– Сколько времени мне осталось?

– О, я не об этом, не волнуйся. Понимаешь… – Оказалось, что спасла его шкуру не кто иная, как полковник Элис. Вероятно, он ее ничуть не испугал.

– Элис понимает, что ты просто отчаялся, то есть я хочу сказать… – Мири старательно избегала оскорблений и крепких словечек. Короче, Элис решила, что он реально свихнулся. Когда у стариков едет крыша, они вполне способны зациклиться на проблеме похода в туалет. Более того, Элис не расценила его вторжение как атаку. Роберт тут же вспомнил, как споткнулся о ее ногу и приложился головой о дверную ручку: башка потом болела зверски. Надо полагать, у Элис среди прочих навыков,

усвоенных методом динамической переподготовки, и черный пояс имеется. Элис опасный человек. Бедная Элис, бедный Боб. Бедная Мири.

– Короче, она сказала Бобу, чтобы он не психовал и что тебе действительно нужно тут учиться. Она говорит, ты можешь оставаться, пока твое поведение… – Она замолчала и перевела на него взгляд. Она не придумала, как бы дипломатичнее переиначить остальное: *пока ты не лезешь к моей дочери.*

– Я… понимаю, Мири. Я правда понимаю.

– Ага. О'кей. – Мири огляделась. – Я, гм, думаю, это, м-м, все, что я хотела тебе сказать. Ты… занимайся дальше своими делами, в общем. Удачи на экзаменах.

Она развернулась, вскочила на велик и энергично закрутила педалями, удаляясь от него. На этом старом велике было всего три передачи. Роберт покачал головой, не сдержав улыбки.

20
Дежурный офицер

Экзамены Роберта закончились. Он добился средней оценки 2,6, в том числе четверки за поиск и анализ. Он так тяжело никогда в жизни не работал. Если бы не тот факт, что вскоре всему этому предстояло обессмыслиться, он бы гордился собой.

В понедельник после полудня Роберт начал считать часы, иногда – минуты. Таинственный Незнакомец почти перестал выходить на связь. Клика собиралась пару раз, но Томми дозировал информацию по крупицам. Он был большой поклонник шпионских триллеров.

Пока что Роберту было известно только одно: следующая встреча в библиотеке, в 5.30 вечера.

Тем временем где-то под Кэмп-Педдлтоном…

Теоретически дежурный офицер на страже Юго-Запада континентальных Соединенных Штатов ничем не отличался от своего коллеги-дежурного по любому уголку мира. Теоретически здесь могли действовать конспираторы, желающие низвергнуть мировой порядок. Фактически же он был дома, в одной из лучших зон покрытия на планете. Шансы, что придется задействовать его всерьез, близились к нулю. Тем не менее следующие четыре с небольшим часа подполковнику Роберту Гу-младшему предстояло отвечать за жизни ста миллионов сограждан – защищать их от угрозы ОМП.

Гу явился на вахту двадцатью минутами раньше графика, отметился у дежурной и проверил, нет ли трудностей с УВБ. Обычно такими случаями исчерпывались все проблемы на страже континентальных штатов. Посредством виртуально-бюрократической магии экспедиционная группа корпуса морской пехоты этой ночью пополнила ряды Управления внутренней безопасности. Это помогало, гм, экономить бюджет УВБ. *Как и любая современная корпорация, УВБ без труда интегрируется с теми организациями, чьи услуги ему в данный момент нужны.*

Так они бахвалились. А сегодня вечером, слава богу, никаких глюков авторизации не было заметно.

Боб мерил шагами бункер, преображая зеленые пластиковые стены в окна с видом южнокалифорнийского вечера. Воздух кишел абстракциями: статусами его людей и аппаратуры, графиками реорганизации его доли в аналитическом пуле. Он соорудил себе немного кофе в кофемашине у двери и устроился

за самым обычным столом в нескольких футах от пусковой платформы.

– Патрик?

Его непосредственный зам появился за столом.

– Да, сэр!

– Ну что у нас сегодня?

Бессмысленный вопрос, но Патрик Уэстин отрапортовал по форме. Экспедиционная группа состояла из четырех маневренных команд по двенадцать морпехов в каждой. Их можно было считать отрядами, и все так делали. В двадцатом веке Боб имел бы ранг младшего лейтенанта. С другой стороны, МЭГ контролировала тысячи устройств (не превосходивших, как правило, размерами модели аэропланов) и обладала достаточной огневой мощью, чтобы положить конец почти любой описанной в истории войне. Для Боба Гу важнее всего было, что каждый боец его группы имеет боевой опыт не хуже, чем у солдат прошлого. Они были настоящими морпехами.

Патрик созвал всех на летучку. Комната расширилась вокруг стола Боба и на несколько минут прикинулась аудиторией. У всех был спокойный вид; в континентальных штатах давно уже ничего По-Настоящему Интересного не происходило.

И основная причина этого – мы.

– Мы тут на четыре часа задержимся, – сказал Боб. – Хочется верить, что вахта будет очень скучной. Покуда это так, вы оставайтесь рядом с аппаратами. Но за большинством из вас я уже наблюдал раньше, и вы знаете, что у меня ушки на макушке. Держите связь с аналитиками.

Он махнул в сторону аналитического пула. Вахту Юго-Запада континентальных Соединенных Штатов обслуживали примерно полторы тысячи различных специалистов, но от них тянулись связи к сотням тысяч сервисов и миллионам встроенных процессоров. Сегодня вечером дежурить по пулу выпало Элис; перемены уже стали заметны, трехмерное крысиное гнездо трансформировалось в ясную структуру, какую редко увидишь иначе, нежели в мечтах менеджеров. Если не считать чудесной реорганизации, на дисплее все выглядело стандартно. От людей с правом допуска, наделенных полномочиями прямой коммуникации, тянулись сотни ассоциативных нитей с цветовой кодировкой. На нижних уровнях царила вечная суматоха, что-то мелькало, менялось, ежесекундно сдвигались оценки, вероятности, связи.

Боб выделил клубок красноватых нитей, неизменно задействованный при этом.

– О чем же нам следует беспокоиться следующие четыре

часа?

Аналитики, отвечавшие за красные узлы, изрыгнули консенсусный перечень и сопроводительные указатели.

Но даже параноикам нынче вечером было особо нечего сказать.

Проблемы, чреватые активным вмешательством

Возможный протест против библиотомного проекта в УСД

Почти гарантированные беспорядки между кругами убеждений

Вероятные организованные участники

Круг убеждений Ежи Гачека

Оценка ЦРУ возможности связей с Индо-европейским альянсом

Круг убеждений скучамаутов

Оценка ЦРУ возможности связей с Центральной Африкой

Оценка ЦРУ возможности связей с субсахарским регионом

Оценка ЦРУ возможности связей с Парагваем

Оценка ЦРУ возможности связей с Центральной Африкой

Доклад Американской ассоциации звукозаписи перед конгрессом

Коммерческие структуры

Вероятные источники инфраструктурной угрозы

Близкие критические зоны национальной безопасности

General Genomics

Huertas International

Рост импорта нелегального компьютерного оборудования

Округ Орандж

Округ Лос-Анджелес

Низкая вероятность связи между предыдущими элементами

Проблемы охраны правопорядка

Рейд полиции нравов при ФБР на «Великолепную ферму» в Лас-Вегасе, почти гарантированное событие

Возможный запрос разведподдержки

Возможная активность вне зоны

Поселения тихоокеанских островитян в Альберте

Лица, представляющие интерес
Аризона
Калифорния
Округ Сан-Диего
Частые краткосрочные гости из Южной Азии
Другие
Невада

Рекомендации по конфликтам интересов

Боб задержал список.

– Ха, – сказал один из его командор-сержантов. – Ну хоть с полицией проблем не будет.

Отказать в запросах по охране правопорядка сегодня вечером будет несложно; никаких тебе попыток киднеппинга или убийства.

Техник-сержант подсветила кластер событий, связанных с университетом Сан-Диего.

– Вот тут придется повозиться. – Она придержала подсветку, раскрывая определения. – Что? Битва *между* кругами убеждений? Никогда о таком не слышала.

Один из самых молодых морпехов рассмеялся.

– Ты просто стареешь, Нэнси. Перехлесты убеждений – трагически новая штука.

Боб не пытался пропарсить сленг, но от папы и Мири слышал достаточно, чтобы уловить суть. Он разъяснил описание ожидаемых беспорядков.

– Это вроде комбинации протестов двадцатого столетия и современных игр. Как и большинство массовых мероприятий, в идеале безопасное. Трудность заключена в его локации. – Возле университета Сан-Диего столько биолабораторий, что любая нестабильная обстановка становилась поводом для беспокойства. Он перешел к ссылкам из раздела *Лица, представляющие интерес*. Как обычно, их были десятки тысяч. Почти каждый гражданин в тот или иной момент попадал под наблюдение (если не был мертв, но и это иногда не спасало от паранойи борцов с биотерроризмом). – Я не требую, чтобы вы протралили ЛПИ, иначе наша вахта до конца года затянется. Но следите за тем, что вам подбрасывают шпионы, и за переменами в реальном времени. – Последнее – классический мудрый совет, проверенный десятками реальных и предотвращенных катастроф этого века. У аналитиков всегда миллион подозрений, но при столкновении с

холодной суровостью мира реального времени залогом успеха будет неусыпное внимание оперативников.

И последний раздел, несколько удаленный от прочих: *Рекомендации по конфликтам интересов*. Это значило – по сотрудникам, чьи связи могли как-то помешать выполнению заданий текущей вахты. Обычно тут буйным цветом цвела паранойя; команда тут облака деталей не увидит, и даже ссылок. Эти рекомендации предназначены исключительно для его глаз – и для тех, кто его страхует. Но если бы отсюда в действительности могли произойти какие-нибудь проблемы, о них бы позаботились задолго до совещания.

– Вопросы есть?

Он оглядел их. Мгновение тишины; морпехи впитывали детали, отвечая на множество поставленных себе вопросов. Потом заговорил молодой знаток сленга:

– Сэр, а оборудование такое же, как для миссии по купированию технологических угроз за границей?

Боб посмотрел прямо в глаза юноши.

– Ускоритель немного легче обычного… и это вся разница, капрал. Мы здесь для того, чтобы защищать, но в конечном счете это защита всей страны. – *И, как могут сказать многие, всего мира.* – Так что да, мы работаем с полной стратегической загрузкой. – Он откинулся в кресле и обвел взглядом всех своих морпехов. – Не жду никаких трудностей. Если все мы будем уделять внимание своим обязанностям, люди Калифорнии проживут еще один вполне мирный вечер.

Он отпустил их, и комната сжалась до истинных размеров. Патрик Уэстин задал несколько дополнительных вопросов о том, как должен рассредоточиться отряд, и тоже отбыл. Боб Гу выключил усилители восприятия, и на миг в комнате не осталось ничего, кроме стола, стула и кофемашины. Дверь справа вела к реальному оборудованию. Если повезет, этим вечером он ничего такого своими глазами не увидит.

Боб ↳Элис: <sm> Ты в порядке? </sm>

Элис ↳Боб: <sm> Спасибо зарядке. Эта затея в УСД мне послужит отличной тренировкой перед лабораторным аудитом. Потом поговорим. </sm>

То есть после вахты. Сегодня Элис его главный аналитик; если бы не тренировки, которые она сейчас проходит для погружения в аудит, командовать бы ей и всем отрядом. В числе немногих она обладала достаточной квалификацией для обеих этих должностей. И в любой роли с ней было очень комфортно

работать, во всяком случае, пока не задумаешься, на какие жертвы Элис вынуждена идти ради подобной производительности.

Он допил кофе и вернулся к визуалам, теперь уже полностью кастомизированным. Снова отметился у Шерил Грант. Та была готова сдавать пост. О'кей, для журнала:

Гу ↳Грант: <sm> Пост принят, мэм. </sm>

Он отдал честь Грант, она – ему. Пошел отсчет его дежурства. Отряды Гу рассредоточились в полном внимании. В такой форме придется им пробыть четыре часа, недолго, но на большее человек без наркотических стимуляторов не способен.

Работа Боба заключалась в ином. Он, подобно пастушьей овчарке, неустанно рыскал вокруг стада: перепрыгивал с темы на тему. Он наблюдал, чем занимаются морпехи и аналитики. Отчасти для того, чтобы оставаться в курсе событий в горячих точках, отчасти же затем, чтобы фиксировать огрехи. Мгновение он придерживался точки зрения популярного СМИ на университет Сан-Диего с птичьего полета. Это… событие… обещало привлечь многих демонстраторов, и даже физически. Сетевая статистика показывала, что оно чревато вспышкой паники в толпе. Он задумался, серфит ли там сейчас Мири.

Эта мысль вернула его к реальности текущего момента. Он снова занялся рекомендациями по конфликтам интересов. У половины морпехов нашлись родственники и знакомые в университете. С местными у ищеек всегда такая проблема возникает. Скажем, знаток сленга занимался декорациями для скучеров, у него были верные поклонники в Бангалоре. Если бы не вахта, парень бы оказался сейчас там, в кампусе. Впрочем, аналитики уже прошерстили жизнь молодого человека на четырнадцать месяцев в прошлое. Он нарушал закон по мелочи, немного злоупотреблял веществами, но для задания это было не важно.

Боб просканировал все дерево взаимосвязей раздела конфликтов. Он закопался глубоко и потерял счет указателям. Папы не было видно. *Странно, я был уверен, что он окажется замешан в этой затее с «Библиотомой»*. Не то чтоб это послужило бы серьезным аргументом для отвода. Он, пожалуй, слишком распыляется, обычная проблема командующих офицеров с широкими…

Сю Сян?

Имя смутно знакомое, но оно не привлекло бы его взгляда, если б не соседство с ним его собственной фамилии. Сян из тех,

кто еще любит поиграться с железками; таких примерно триста тысяч на Юго-Западе США. Большая часть этих забав, конечно, незаконна, и энтузиастов запросто могло бы сцапать ФБР. Но куда перспективнее просто следить за ними. В основном безобидные хоббиологи или читеры интеллектуальной собственности. Кое-кто – марионетки террористических культов. А кое-кто – головастые аналитики, *стоящие за* этими культами. Интеллект и навыки Сян позволяли заподозрить ее в последнем, но пока в ее досье не было ничего особенно интересного, кроме игрушек, которые она соорудила сама: эдакая постоянная выставка диковинной электроники. А на одном из предметов она была одноклассницей папы. Эту связь пометили как ненадежную.

Но вот и отсылка к дому престарелых «Конец радуг»… да эта Сян – соседка мамы! А он-то все это время переживал, что маме там скучно живется. Ну и командочка: безумная ученая и мама-шринк, и… *а это еще что такое?* Неделями мама и Сян шпионили за папой через самодельные устройства. Десяток гипотез полыхнул в его мозгу, и… *Задание, задание, помни про задание*. Он решительно отстранился от личных проблем. В принципе, это лишний раз доказывало, как глупо ставить на вахты местных.

Боб соорудил себе еще кофе и вернулся к осмотру университета Сан-Диего вместе с прочими горячими точками этого вечера. В современной армии потерять концентрацию – грех не меньший, чем раньше сон на часах. Пора встряхнуться.

Но слабый внутренний голосок продолжал старательно отвлекать его:

Господи, что же затеяли мама с Мири?

Понедельник, пять часов вечера. *Наконец-то.*

Сумеречное небо над берегами Ла-Хольи еще не утратило красок, когда Роберт прибыл на кольцевую развязку у лектория имени Варшавского. Оттуда он двинулся пешком на восток, к Библиотеке имени Гейзелей.

– Готов к великому вечеру, приятель?

Это Незнакомец-Шариф проявился рядом. Встречные, кажется, не воспринимали зеленокожего компаньона.

Роберт кисло посмотрел на Незнакомца.

– Готовлюсь к тому, что ты соблюдешь свои обещания.

– Не беспокойся. Если мы преуспеем, твой причудливый гений вернется в полной мере, ручаюсь.

Роберт фыркнул. Он уже не впервые задумывался о том, каким безумием было соглашаться в таком отчаянии.

– Хватит киснуть, профессор. Ты уже выполнил самую

сложную часть своей работы. Сегодня все зависит главным образом от Томми Паркера.

– Томми? А я-то думал.

– Ты думал? – Незнакомец улыбнулся еще шире. – Значит, ты просек, кто стоит за волшебным дизайнерским бюро Томми? О, бедняга Томми. Он единственный из вас полагает, что действует свободно. А меня считает одним из лучших своих сотрудников. Вот видишь? В ситуации абсолютной необходимости я бываю покладист.

Роберт даже студентом тут в кампусе не видел столько народу. Там, в стороне библиотеки, в небе висел источник света, более яркий, чем закатное сияние позади. Глядя вниз с верхушек эвкалиптов, Роберт увидел толпы на эспланадах к югу и востоку от здания. Казалось, там несколько групп, и они не смешиваются.

– Что происходит?

Наверное, это и есть обещанная Томми отвлекающая акция. И она куда масштабней антибиблиотомной демонстрации Уинни.

– Хех. Я запланировал на сегодняшний вечер в библиотеке исключительно впечатляющие развлечения. Почти всех пригласил, особенно сотрудников лабораторий General Genomics. Но не тебя. Я предлагаю обойти библиотеку стороной.

– Но у нас там место встречи…

– Там уже слишком людно. Мы пойдем прямо в Пильхнер. Пожалуйста, сюда.

Незнакомец показал направо, в сторону темных эвкалиптов.

Тем временем в лабораториях GenGen…

Шейла Хэнсон нарисовалась через полчаса после начала вечерней смены.

– Тим, ты готов?

Тим Хвинь отстранился от стола и подал знак маленьким помощникам.

– Мы готовы, начальница.

Он вышел в коридор и последовал за указующими стрелками Хэнсон, вверх по лестнице. Шейла с остальными сотрудниками лаборатории уже собрались у выхода наружу. Четыре пятых – недавние выпускники. Остальные, как сам Тимоти Хвинь, студенты на подработке.

– Ты уверена, что нас не выгонят с работы?

Круги убеждений и геймерство имели весьма отдаленное отношение к его работе, и Хвинь никогда бы не подумал об участии в этой затее, если б ему сама начальница не предложила.

Хэнсон рассмеялась.

– Я ж тебе сказала. GenGen считает сражение эдаким

бесплатным рекламным мероприятием. К тому же мы Уэртасу нос утрем.

Она оглядела их всех – полный личный состав вечерней смены GenGen, за вычетом специалистов по регуломике. Объяснение Шейлы Тима устроило. Когда-то он мечтал работать в GenGen. Немногим посчастливится физически увидеть лабораторное оборудование, созданное магистрами! Но весьма часто работа его сводилась к понуканию недостаточно проворных роботов-уборщиков и перетаскиванию грузов, которые не умели передвигаться самостоятельно. Да, порой выпадали по-настоящему интересные задачки, приходилось консультировать пользователей и помогать им с кастомизацией аппаратуры. А потом дни напролет проектировать автоматику так, чтобы *это* больше не повторилось. Сегодняшней самоволкой были довольны все, даже те, кто не скучерил.

– О'кей, ребята, – обратилась к ним Шейла, – давайте-ка, приводите себя в форму.

Они облачились в скучамаутских персонажей. Пофулонги и двельбы, а еще крупная шимапинга. Это Шейла. Она глянула на Хвиня.

– Тим, ты не можешь быть скучамаутом. Образ зарезервирован.

– Но я же командую малышами. – Он махнул в сторону маленьких роботов, которые следовали за ним по лестнице.

– Ты *указываешь* им путь, Тим. Если хочешь, можешь стать малым скучамаутом.

– О'кей. – Он сменил облик. Дизайны мирового класса, новинка, припасенная для этого вечера. Хвинь сомневался, что эксклюзивность их будет долгой, но если Шейла во всем придерживается правил круга убеждений, то и ему нет смысла круг разрывать.

Они промаршировали за дверь, в вечерние сумерки. Верхушки эвкалиптов еще окрашены сиянием заката. К югу, за ущельями, высилась внушительная двойная пирамида, темная и оплетенная растениями понизу, поблескивавшая стеклянными панелями поверху. И это ведь настоящий вид, доступный невооруженному глазу! Библиотека имени Гейзелей. Они двинулись вперед. Шейла и остальные приступили к подстройке своего восприятия мира. Этого на тренировках не было. Сюрприз для гачекианцев, но еще большим сюрпризом окажется он для наблюдателей, которые вскоре хлынут сюда со всего мира. Один за другим эвкалипты с легким хлопком трансформировались в дурман-деревья, а листва начинала флуоресцировать в сумерках.

– Нас заметили, – сказал кто-то.

– Разумеется. Мы везде. Это хорошо. Подкрепление выступает из библиотеки.

– Фвеки и либалу вылетают из нашего библиотечного подвала!

Каждая фракция пересылала небольшую долю пенни вверх по скучерскому древу творения. В кои-то веки Тима не смущали траты. Скучерская аффилиация не хуже остальных! Даже нелегальные поставщики железа на краю мира обогатятся с этих роялти.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Постарайтесь подольше прикрывать наши железки. </sm>

Обзор в реальном времени с локальных камер выдаст, что некоторые скучеры – на самом деле реальные боты. Шейла хотела подольше оттянуть этот момент, и ей требовалась вся возможная приватность. Гачекианцам придется полагаться на публичные точки зрения и свои глаза. Хвинь предоставил это Рику Смэйлу и остальным, а сам занялся малышней. В библиотеку он прихватил всех лабораторных ботов, достаточно гибких и дальнодейственных для такой затеи. Они обычно выполняли рутинную уборку и замену модулей. А вот для бега по пересеченной местности не предназначались.

Но GenGen разрешила их взять, и Тимоти Хвинь вызвался в дрессировщики. Для начала он наложил на роботов консенсус. Во все стороны разносились чириканье и писк, боты палили и плевались. В реальности это были его четыреста мобильных манипуляторов, на профессиональном жаргоне – «пинцеты». За людьми они едва поспевали. Но он разметил и мегаманчей, и хорошовов, и сальсипуэдов – сиречь, более крупных уборщиков и пробоперевозчиков. За ними рыскали два самых крупных меха из лаборатории Хвиня, напоминавшие гибрид вилочного погрузчика и крана для установки тяжелой аппаратуры; пока что он их замаскировал под серомастных голубых иониподов. Две недели назад, когда по лабораториям только разнесся слух о грядущем приключении, он предоставил физические спецификации. Визуальные образы получились великолепными, безукоризненно сшитыми с реальностью роботов и тактильного оборудования, приаттаченного Хвинем на корпус. Потрепав хорошова по бокам, можно было почувствовать, как перекатываются мышцы под шелковистой шерстью: ровно это же скажет и зрение. И, пока гаптикам противостоят лишь несколько пар человеческих рук, такой аппаратуры вполне достаточно для поддержания иллюзии. Это лучше всего, что он перепробовал на «Пирамидальном

холме». Конечно, зрители не почувствуют, зато моральный дух скучеров, присутствующих здесь физически, укрепится, а их оппоненты-гачекианцы могут приуныть.

Враг уже выступал на битву. Пять рыцарей-стражников стояли на восточной террасе библиотеки, а по Змеиной Тропе крался Библиотекарь.

– И это всё, что у них есть?

– Пока всё, – сказала шимапинга-Шейла. – Остается надеяться, что наши не слишком фрагментированы.

– Ага. – В том слабость и одновременно сила скучерского взгляда на мир. Скучамаутов поставляли по фрагментам и кусочкам. Их кастомизировали по желанию детей не только в великих державах, но и в неудавшихся государствах на краю мира. Скучерские создания *чрезвычайно* разнообразны. Гачекианцы же опираются на представление о неустанно ширящемся знании, согласованно утверждаемом повсюду. Сейчас это вполне *согласуется* с почти полной их властью над библиотекой.

Шимапинга подпрыгнула на трех лапах. Шейла зарычала на врагов – вероятно, через внешний динамик, потому что Хвинь слышал ее на полной громкости:

– Убирайтесь с дороги!

– Нам нужны наши этажи!

– Нам нужна наша библиотека!

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

Последнее требование было удобно декламировать, хотя скучеры с окраин мира его не очень понимали.

Отряд Шейлы с боевым кличем двинулся на врага. Но тут к пятерке рыцарей-стражников присоединились десятки гачекианцев. Да, почти все они были виртуальные, но вписаны отлично. Неудивительно: обе стороны понимали, к чему готовятся. В том и состояла битва кругов убеждений. Цель – убедить окружающий мир своей верой и образами, что дело скучамаутов правое.

Обе стороны *думали*, что знали, к чему готовятся. В действительности Тим припас кое-что особенное.

Гачекианцы прокричали угрозы армии скучеров, а также чирикунам и пискунам и более крупным, смутно различимым за ними силуэтам. Они полагали, что все это хитроумная графика, наложенная на игроков-людей. Затем первый серомастный синий ионопод с хрустом прошелся когтями по асфальту, и гачекианцы поняли, что звук *настоящий*. Одновременно один из сальсипуэдов, пробоперевозчик, вырвался вперед и укусил рыцаря за щиколотку. Всего лишь небольшой удар током, но гачекианцы

отскочили и заныли:

– Читеры! Читеры!

Ну да, это и впрямь читерство, но Хвинь видел, что их поддержка в Сети удвоилась. *К тому же мы это во имя добра делаем*. Тимоти Хвинь редко посещал физическую библиотеку, но случившееся там его покоробило.

Терраса на миг расчистилась, но Шейла медлила.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Не нравится мне этот прямой путь. Кажется, они что-то задумали. </sm>

– Да! Гляди! – вслух закричал Смэйл, указывая им точки зрения сразу над входом в библиотеку. Там камеры показывали каких-то арахнидов, стерегущих последний отрезок пути к дверям. Их было столько, что они почти закрывали собой каменную мозаику. Потом точки зрения вывалились из Сети.

– Боже! Они были настоящие?

– Возможно, – сказала Шейла. – Некоторые из них.

– Невозможно. Даже на факультете электротехники столько роботов нет. И потом, это ведь у *нас* роботы в плане механики лучше, помните тот конкурс?

Но что, если враг привел целую ватагу хоббиботов? Если хотя бы половина из них настоящая…

Шейла помедлила, прислушиваясь к совету, который мог поступить из любой точки на земле. Потом заревела:

– К деревьям!

Скучеры издали хриплый крик. Синтезаторы переозвучили его ответным ревом, громким, насыщенным и достоверно скучерским. Отряд затопал в кусты, что на юго-востоке от библиотеки. Виртуальные образы померкли, сменились изящным блюром: в этом месте покрытие Сети было клочковатое.

Меньшие механизмы, уборщики, пробоперевозчики и пинцетники без труда передвигались по мульчированной земле. У вилочных погрузчиков возникли проблемы, они увязали в мягкой почве. Хвинь бегал среди них, там толкал, тут убирал камень с дороги. Монстры медленно шаркали, продвигаясь вперед. Не слишком отличается это все от работы, привычной по лаборатории. Но тут он мог себе позволить внеполосную жалобу:

Хвинь ↳Хэнсон: <sm> Не поможет, Шейла. Арахноботы просто за нами побегут. </sm>

Хэнсон ↳Хвинь: <sm> Потерпи, я знаю, что делаю. Эта уловка сработает. Смотри, как я… </sm>

С губ Шейлы слетел легкий возглас изумления, и безмолвная фраза осталась незавершенной. Виртуальные скучеры продвинулись еще на пару-тройку шагов, в зависимости от задержки их соединения, но команда GenGen замерла как вкопанная. Началась толкотня, образы сливались и перемешивались, пока участники выбирались из гущи кустов.

Но не поэтому они так внезапно застыли. Перед ними возникли человек и кролик. Первый – реальный, второй – виртуальный. Парочка не то чтобы пряталась; они стояли на полянке. Но ее со всех сторон окружал кустарник, и пока скучеры не вывалились на расчищенное пространство, точек зрения камер тут не было.

Кролик выглядел вполне стандартно: мультяшная химера. Но да, лыба у него изысканно наглая, стоило отдать должное.

Шейла-шимапинга помедлила, потом сделала пару угрожающих шагов навстречу кролику.

– Вам здесь не место.

Существо захрумкало морковкой и повело ухом.

– А вам-то что, док?

– Я не доктор… пока что, – сказала шимапинга.

Кролик засмеялся.

– В твоих мечтах. Я здесь затем, чтобы напомнить вам: этим вечером сталкиваются не только ваши и гачекианские интересы. Участвуют и другие силы, более великие. – Последние слова он провыл, воздев к небесам белую лапу с огрызком морковки.

Хвинь ↳Ночной Отряд: <sm> Камон, Шейла, посторонние всегда попадаются. </sm>

Смэйл ↳Ночной Отряд: <sm> Остановка плохо сказывается на нашей репутации. </sm>

Шейла, однако, игнорировала возражения. Она проскользнула мимо нахального кролика и придвинулась к человеку, присутствующему физически. *Этот* выглядел… агрессивно нормальным: лет пятидесяти с небольшим, возможно, латиноамериканец, в темной рабочей одежде. Вид совсем как у обычных сотрудников университета Сан-Диего, разве что те одевались легче. На нем была какая-то носимая электроника, но очень скрытная, даже визитку не показала. Он следил за шимапингой с выражением спокойной уверенности, которое начинало нервировать Хвиня.

Потом Хвинь увидел то, что заметила Шейла. Незнакомец проецировал графику. Тонкая работа, лавандово-фиолетовые оттенки, едва доступные глазу. Туман поднимался от обуви

незнакомца и, словно бы набирая яркость по мере удаления, уплывал к деревьям.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Переключите на служебный обзор. </sm>

Служебные диагностические утилиты GenGen вне лабораторий использовать было трудновато, но они заметно превосходили функциональностью базовые эпифанические. В этом ракурсе стало видно… что незнакомец основательно снаряжен. Лавандовый туман намекал на это, но теперь Хвинь четко различал сцинтилляцию высокоскоростных лазерных каналов, исходящих из одежды странного человека.

Без лавандовой подсказки они бы и не догадались. Иногда высшее мастерство выглядит как неудачная попытка притвориться непричастным.

Смэйл ↳Ночной Отряд: <sm> Ух ты! Этот чувак подключен к болливудской группе в кампусе. </sm>

Участники с недоверчивой радостью переглядывались. Наверное, это настоящий болливудский магнат. Круги убеждений – источник питания киноиндустрии.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Я же вам говорила, что сражение с гачекианцами нас прославит. </sm>

Теперь задача вышвырнуть гачекианцев из библиотеки представлялась еще более важной.

– Вперед! – закричала Хэнсон вслух, громко и на весь мир. – Дави Гачека! Дави библиотомную мразоту!

Виртуалы и почти вся вечерняя смена побежали дальше в лес. Хвинь задержался на несколько секунд, проверяя, не застрял ли в листве кто из чирикунов и пискунов, а вилочные погрузчики – *между* деревьев. Потом все потопали дальше скоординированно.

– Нам нужны наши этажи!

– Нам нужна наша библиотека!

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

Хвинь почему-то не думал, что арахноботов удастся застигнуть врасплох. Что у Шейлы в ее шимапинговом рукаве припрятано?

21
Когда сталкиваются круги убеждений

Альфред Вас следил за удаляющимися шизиками.

Кролик за его спиной приплясывал в такт боевым кличам. Этого субъекта, казалось, в кои-то веки впечатлили чьи-то заслуги, помимо своих. А может, и нет.

– Хех, – сказал он, отдав легкий салют морковкой. – Не могу дождаться увидеть их физиономии, когда они обнаружат, кто на стороне противника.

Вас посмотрел на кроличьи пушистые уши.

– Отключи публичный режим. – Им нужно было *не* привлекать к себе внимания.

– Ты слишком переживаешь. – Но Кролик напоследок похрумкал морковкой и швырнул ботву в сторону. На сей раз та исчезла, не долетев до земли. – О'кей, док. Теперь меня видишь только ты. Что дальше?

Вас что-то проворчал и направился на юг. Нахальство Кролика его не столько беспокоило, сколько раздражало. Если все пройдет как задумано, американцы не сумеют связать операцию даже с Кроликом, не говоря уж про Индо-европейский альянс. Если американцы присмотрятся как следует, им быстро станет ясна роль Альфреда в происходящем, независимо от того, видели их с Кроликом вместе или нет. Сотрудники Кейко разработали сложную программу принятия решений – «дерево запасных вариантов» – на случай, если возникнут глюки; она подсказывала, что еще можно сделать, а от чего придется отказаться. Двадцать лет назад Альфред бы высмеял такое автоматизированное планирование. Больше не пытался. Его секретная команда аналитиков составила аналогичное «дерево запасных вариантов», взяв за основу дерево Кейко, и продвинулась до самых скверных сценариев, включая демаскировку его проекта ЛТМП.

Альфред вынырнул из эвкалиптовой рощи в самом темном месте. Вокруг ненавязчиво рассредоточились мини-боты, подстраиваясь под его темп. Каждый из них, в явное нарушение местных законов, был полностью свободен от чипового контроля Управления внутренней безопасности США. Пока Вас изображал для публичной сети болливудского продюсера, эти устройства обеспечивали ему личную сеть и контрмеры. На дереве запасных вариантов встречались ветки, где подобные мобили окажутся

весьма полезны.

Тем временем высоко наверху летал маленький стелс-аэробот, принимая трафик из локальной сети Альфреда и перенаправляя его в тысячи точек западного небосклона. Энергия каждого импульса оставалась ниже порога обнаружения любой аппаратурой, кроме очень чувствительных и очень близких устройств, но в целом ансамбль при должной синхронизации мог поддерживать отличную связь с антенным массивом Кейко над Тихим океаном. Их собственной военной сетью. По крайней мере, в теории. Фактически же Альфред почти три минуты как выпал в офлайн. Он знал, что сегодня на вахте Элис Гун, вероятно, в роли аналитика. Он атаковал ее как раз незадолго до обрыва связи. Вскоре должностные обязанности приведут ее к лабораторному файлу, содержащему невинный узор муара, вот только для Элис он окажется совсем не таким невинным. *Случилось ли уже это?* Возможно, стоит разнюхать что-нибудь по публичной сети.

– Док, вперед, вперед-вперед! – Кролик отплясывал что-то вроде джиги. Голос его звучал издевательски. Последний раз с Альфредом так говорили лет восемьдесят назад. – У тебя какие-то проблемы?

– Никаких проблем, – ответил Вас. – А твои агенты на местах?

– Не бойся. Все на старте, кроме Риверы и Гу. Я их направляю в обход беспорядков, прямо сейчас, пока говорю с тобой. Но если хочешь прокинуться по волокну, лучше поспеши.

Почва была ровная и жесткая. Вот и дорожка. Теперь темп их определяется скоростью, с какой способны скрытно двигаться шпионские механизмы.

Вокруг царила толчея, но почти все шли к библиотеке. Он углядел Риверу с Гу. И еще двух ребят на велосипедах. Какое им-то дело до гачекианцев и скучеров, интересно? Он бы аналитикам этот вопрос задал, но военная сеть по-прежнему молчала.

Таинственный Незнакомец поторопил Роберта сойти с дорожки и направиться мимо бывших административных бунгало. Роберт подсвечивал неровную почву виртуальным фонариком. Картинка синхронизировалась ежесекундно и давала больше света, чем настоящий фонарик, но, спеша за Незнакомцем, он не мог отвлечься на библиотеку.

– Там настоящий свет, – сказал он. – Еще сильнее прежнего. Это что?

– Гачекианцы малость раздухарились. Они уничтожили кое-какие камеры. Им теперь *нужен* настоящий свет. – Незнакомец хмыкнул. – Не переживай. Никто не пострадает, а диверсия принесет… пользу.

Незнакомец замедлился. Роберт на миг поднял взгляд. За

холмом попалась точка зрения – свысока, из крон деревьев – на людей внизу. В истинном ракурсе – студенты орут друг на дружку, несколько настоящих драчек. Но стоило сместиться поодаль строгой реальности, и картинка менялась, показывая то, чего хотели от нее те или иные участники. Рыцари и Библиотекари Гачека дрались с пушистыми разноцветными созданиями, которые были похожи на большеглазых млекопитающих или…

– Ага! Значит, это скучеры с гачекианцами выясняют отношения?

– В основном. – Незнакомец, кажется, к чему-то прислушивался. По склону холма наперерез им кто-то спускался. Воинствующий Библиотекарь. Это был Карлос Ривера. Толстенький библиотекарь кивнул Незнакомцу-Шарифу и Роберту.

– Ну и переполох, – сказал Ривера.

– Но полезный переполох, – отметил Незнакомец.

– Да. – Карлос сбросил личину: шляпа Библиотекаря вернулась к обычной бейсболке козырьком назад, а кольчуга превратилась в бермуды и стандартную футболку. – Надеюсь только, что эта потасовка не станет традиционной.

Таинственный Незнакомец повел их через кусты.

– Традиционной? – переспросил он. – Но это было бы хорошо. Вроде набегов на женские общаги и затаскиваний машин на крыши административных корпусов. Таким традициям американские университеты обязаны своим величием.

Ривера пыхтел, еле поспевая за ним.

– Может быть. У нас прибавилось дел после того, как библиотека переехала в виртуал, но…

Роберт продолжал наблюдение за толпами по ту сторону холма.

– Мне казалось, смысл кругов убеждений как раз в том, что они способны сосуществовать в одном пространстве.

– В принципе, да, – ответил Ривера. Они заложили большой крюк вокруг места, где даже в виртуале было темно. Образ Шарифа дергался и мерцал. Движение здесь было настолько редкое, что случайная сеть зияла прорехами, и носимая электроника терялась в догадках.

– Но, – продолжил Ривера, – в этой библиотеке им тесно. В принципе, мы могли бы переформатироваться так, чтобы поддерживать множественные убеждения, как на «Пирамидальном холме». Фактически же гаптики в нашем окружении зачастую слишком близки и конфликтуют между собой. Администрация попыталась отделаться от скучеров и

отвела им немного места в подвале. – Ривера помедлил, и Роберт едва не врезался в него. – Вы же знали, что это не сработает, да?

Карлос обращался к Незнакомцу-Шарифу, или, вернее, тому, кого Роберт воспринимал Незнакомцем-Шарифом.

Незнакомец с улыбкой обернулся.

– Я дал тебе лучший совет, какой был в моих силах, дорогой мой.

– Да. – Голос Риверы прозвучал довольно кисло. Он оглянулся через плечо на Роберта. – Профессор, а что он вам пообещал?

– Я…

– Стоп-стоп-стоп! – вмешался Незнакомец. – Думаю, нам всем будет лучше не делиться такими откровениями.

– О'кей, – сказали обе жертвы.

– В любом случае, – продолжил Незнакомец, – я скорее горжусь тем, как удалось мне перевести библиотомную заковыку в плоскость конфликта кругов убеждений. Беспорядки отвлекают внимание тех, кто в противном случае следил бы за другими вещами, в частности, за тем, что делаем мы.

Они находились далеко к югу от библиотеки. Выйдя из рощи, двинулись вниз по крутому склону. Впереди показалась Гилман-драйв. Карлос без опаски вышел на проезжую часть. Машины сбрасывали скорость, меняли полосы, и вокруг него все время оставалось пустое место. Роберт помедлил, оглядываясь в поисках перехода. *Черт*. Наконец он набрался смелости и чухнул следом за Карлосом в поток машин.

Мири остановилась на северной стороне Гилман-драйв.

– И куда они направляются? – спросил Хуан.

– Спускаются к Гилман-драйв. – Точки зрения на эвкалиптах показывали Роберта и библиотекаря Карлоса Риверу. Те пробирались через густые заросли. Картинки были обрывочные, поскольку камер недоставало, но Мири не сомневалась в их подлинности. Через пару минут двое появятся у трассы.

– Но это можно сказать про всех, кто идет на юг.

Мири остановила велосипед, уткнулась ногой в землю.

– Что ты хочешь от меня услышать? Что я не знаю, куда они идут?

Пацан Ороско остановил рядом с ней свой викибэйский велик.

– Если честно, я просто думаю вслух.

Возникла Сю Сян, а мгновением позже – молодая копия Лены Гу. Изображения качеством не превосходили кукол Барби, но с каждым днем улучшались. К примеру, Лена освоила лицевую

мимику, и сейчас вид у нее был суровый.

– Хуан не один задается таким вопросом, юная леди. Если ты *не знаешь,* тебе просто надо в этом признаться.

А голос Сю выражал только тревогу:

– Мы с Леной едем вдоль северной стороны кампуса. Может статься, я ошиблась во всем. Как мы сможем помочь, если движуха будет на юге?

Мири с трудом придала голосу нотку рассудительности:

– Думаю, доктор Сян, вы не ошиблись. Мы с Хуаном внимательно следили за Робертом, но… Мне кажется, я знаю, куда он направляется. И поэтому еще важнее нам оставаться рассредоточенными в пространстве. Пожалуйста, доктор Сян, если вы с Леной останетесь на северной стороне, так будет лучше. – За последние несколько дней Сю проявила себя отменным детективом; когда она в себе не сомневается, голова у нее работает отлично. Они знали, что Уэртас хранит библиотомные обрезки в лабораториях на северной стороне кампуса. Если друзья Роберта замышляют «акцию прямого протеста», разумно предположить, что туда они и вломятся. *Так почему же Роберт и остальные не пошли туда?* Нависла устрашающая неуверенность.

Но доктор Сян кивнула, и даже Хуан Ороско воздержался от очевидных неудобных вопросов. Мири все еще командует бандой. К добру то или к худу.

Камеры на вершинах деревьев почти потеряли из виду Роберта и Риверу. Мири отбросила эти точки зрения и глянула вверх по холму, практически в естественной перспективе. Двоих все еще не видать. Они могут появиться почти в любой точке Гилман-драйв.

Мири облизала губы.

– Основная задача – не позволить…

– …этим сумасбродам… – подхватила Лена.

– …натворить что-нибудь слишком разрушительное.

– Ага, – кивнул Хуан. – А как ты думаешь, кто этот удаленщик, который рядом с ними идет?

– Что?

Хуан, конечно, невеликого ума паренек, но порой его наблюдения внезапно становились очень точными. Мири воспроизвела несколько последних кадров с Робертом и Риверой. Картинки фрагментарные, но Хуан прав. Двое смотрели в одну и ту же точку, которая перемещалась вместе с ними, и сохраняли определенную дистанцию с ней. Значит, это личный ракурс.

Хуан произнес:

– Готов побиться об заклад, они видят Зульфи Шарифа.

– Готова побиться об заклад, ты прав.

В очередной раз за вечер она попыталась перехватить управление Шарифом. И тщетно.

Так сделай же что-нибудь!

– Камон, Хуан. – Она вывела велик на проезжую часть Гилман-драйв, пересекая полосы в таком темпе, чтобы не схватить штраф.

Сю с Леной поплыли рядом.

– Трафик плотный, – заметила Лена.

– Круги убеждений столкнулись. Люди хотят вживую посмотреть.

Геймерская движуха как с неба свалилась, и Мири не верила, что это совпадение. Для такой диверсии необходима глубинная координация. Хотя слухи о битве только начинали шириться, вокруг усиливалась суета. Пассажиры высаживались из машин. Люди смеялись, кричали, болтали и направлялись к библиотеке. Тротуары на противоположной стороне Гилман-драйв практически опустели.

Она достигла дальнего поребрика и оглянулась.

– Хуан, ну *камон!*

Небо над библиотекой налилось фиолетовыми вихрями: отличнейший фрактальный эффект от какого-то арт-соучастника из северного Китая. Она проверила статус сети… Не только на дороге трафик плотный. По всей Калифорнии засияли сетевые транки. Миллионы точек зрения шли на экспорт из кампуса университета Сан-Диего. Виртуальные участники прибывали сотнями тысяч. Хуан догнал Мири. Она сказала:

– Это настоящий вихрь. Словно премьера большой игры.

Мальчик кивнул, но рассеянно.

– Глянь, что я на улице нашел.

Гаджет оказался полураздавленным. С одной стороны свисали металлические ниточки.

Она жестом приказала Хуану выбросить его.

– Гибель на дороге. И что?

Если узел теряет связь и падает на трассу, так или иначе его раздавят, слишком уж он маленький.

– Мне кажется, он все еще в Сети, но я не нахожу его по каталогам.

Мири присмотрелась внимательней. Спорадическое мерцание, но без отклика.

– Хуан, он не пингуется. Выкинь этот мусор.

Хуан передернул плечами и опустил аппаратик в сумку, пристегнутую к велосипеду. Вид у него был отсутствующий: он продолжал поиски.

– Похож на «Cisco-33», но…

К счастью, Ороско никого не отвлек. Лена оживилась:

– Мири? Я нашла Роберта и этого Риверу.

Пауза: Лена считывала идентификатор камеры. Вот! Роберт с Риверой пересекали улицу в четверти мили на запад от них.

– Мы их видим, Лена!

Во времена учебы Роберта по эту сторону Гилман-драйв стояли одни квонсетские ангары. Впоследствии – классические для калифорнийских университетов бетонные здания медицинского факультета. Теперь тут располагался Пильхнер-холл, и выглядел он, как и почти все остальные постройки кампуса, не менее временным, чем старые квонсетники.

Таинственный Незнакомец вел Роберта и Карлоса по зданию. Поначалу реальный свет концентрированными лужицами проливался внутрь, но в глубине он был исключительно виртуальным. Возможно, в здании они были не одни, но Незнакомец избегал встреч. Он устремился вниз по лестнице, в крольчатник маленьких комнат. Местами на полу лежал толстый слой пыли, но в основном было чисто, кое-где виднелись процарапанные полоски.

– Хех, – сказал Незнакомец, показывая на них. – Томми тут поработал. Весь этаж сегодня перетасовал. А кое-какие участки на схемах университетских безопасников вообще отсутствуют.

Они брели по темному лабиринту за Таинственным Незнакомцем, пока тот наконец не остановился у запертой двери.

Помедлив, Незнакомец печально проговорил:

– Как вам, возможно, уже известно, профессор Паркер не полностью в курсе событий. Во имя ваших разнообразных целей прошу не пытаться его просветить на этот счет.

Роберт и Карлос кивнули.

Таинственный Незнакомец повернулся и сымитировал постукивание по пластиковой двери. Рука его производила звук, подобный ударам молотка по твердому дереву. Спустя миг дверь открылась. Выглянул Уинстон Блаунт.

– Привет, Карлос.

На Роберта и Незнакомца он покосился без особой радости, но жестом пригласил их войти.

Комната имела форму треугольника, вклиненного между скошенных стен. Бетонный кессон занимал большую часть пространства. Томми Паркер сидел рядом с ним на полу. При нем была тележка с пластиковыми пакетами и рюкзаками.

– Привет, пацаны, вы как раз вовремя.

Он указал на свой лэптоп.

– Вам будет приятно узнать, что пресса и полиция не подозревают о вашем визите. В настоящее время комнаты, где мы находимся, официально не существует. Эта штука… – он похлопал по кессону, – все еще доступна восприятию университета, но с удовольствием соврет о наших действиях.

Роберт обошел объемистое сооружение.

– Помню ее, помню.

В 1970-х кессон располагался в коридоре и был накрыт деревянным козырьком. Он посмотрел через край. Да, все осталось как было: стальные ступеньки, уходящие вниз, во мрак.

Томми поднялся. Лэптоп он закрепил в переноске так, чтобы это не мешало движениям, но сохранил доступ к дисплею и клавиатуре. В каком-то смысле Томми Паркер обзавелся носимой электроникой.

Томми полез в тележку и вытащил два пластиковых пакета.

– Пора прощаться с Эпифанией, ребята. Я вам принес сменку.

– Ты не шутил, – произнес Ривера.

– Нет. Ваша одежда поможет сфабриковать данные геолокации. А на самом деле вы пойдете со мной и воспользуетесь оборудованием намного лучше ее.

– Надеюсь, это не лэптопы. – Уинни с сомнением покосился на ноутбук Паркера в пристежке, но вместе с остальными сбросил штаны, обувь и рубашку. Контактные линзы им оставили, но толку с них теперь? Настоящего света хватало, но без внешних звука и зрения комната напоминала гроб.

Томми, кажется, искренне смутился, когда они поневоле затрясли перед ним своими хозяйствами. Но ненадолго: открыв один из пакетов, он раздал новые штаны и рубашки. Карлос поднес свою рубашку к свету и стал рассматривать ткань. Сложил в руках, потер края друг о друга.

– Одежки-то тупые.

– Ага. Никаких тебе ИК-микролазеров, никаких процессорных узлов. Старый добрый хлопок, каким его Господь задумал.

– Но…

– У меня есть процессоры. Будь спок.

– Томми, про лэптопы это шутка была.

Томми помотал головой.

– Нет, лэптопов я не предлагаю. У меня хёрдбоксы.

А? Без носимой электроники Роберт впал в замешательство.

У Карлоса вид был такой же недоуменный, но потом, вероятно, размялась естественная память:

– О! Hurd OS! Но разве она не устарела?

Томми копался во втором пластиковом пакете. Он ответил, не поднимая головы:

– Не устарела. Она всего лишь нелегальна… Ага, вот. *Hecho en Paraguay*[27], настоящее качество.

Он передал каждому из своих сообщников черную пластиковую коробку размером и формой примерно как бумажная книга в мягкой обложке. На одной стороне имелась настоящая клавиатура, а на другой – металлическая клипса.

– Просто пристегните к запястью. И убедитесь, что металл касается кожи.

Роберту новые штаны были коротки, а рубашка – велика, словно палатка. Он пристегнул контрабандный комп к запястью и почувствовал кожей холодное прикосновение металла. Стал виден бледный оверлей. Картинка клавиатуры. Когда рука коснулась коробки на запястье, он увидел и маркеры, соответствующие положению кончиков пальцев. Ну и убожество этот интерфейс.

– Карлос, не закрывай коробку рубашкой. На ней все комм-порты.

Уинни уточнил:

– Хочешь сказать, что для надежной связи придется поворачивать ее в определенную сторону?

– Ага. Пока мы внизу, вся маршрутизация с внешним миром через мой лэптоп. А единственный аплинк с него – через это. – Томми показал им нечто вроде молитвенного колеса и слегка раскрутил его. В воздухе что-то блеснуло, скользнув по практически невидимой тонкой нити, к коннектору, который Томми держал в другой руке. Он повернулся и подключил его к коробке в тележке.

– Проверьте.

Роберт засучил рукав рубашки и повернул коробку так, чтобы она смотрела прямо на лэптоп Томми. Ничего. Он ввел простую команду, и вид сквозь стены вернулся! К северу от Гилман-драйв толпы продолжали стекаться к библиотеке. Внутри… он проплыл назад в коридор. Все еще пустынно. *Нет!* К их «потайной» комнате целеустремленно направлялся какой-то человек. Потом точка зрения исчезла.

– Эй, Томми…

– Что?

Голос Незнакомца произнес Роберту на ухо (звук был такого же скверного качества, как на старом визопейджере, но слышимость четкая):

– Ты ничего не видел, приятель.

– Я… – Роберт подавился словами. – Твое волокно работает нормально, Томми.

– Отлично, отлично. – Паркер прошелся среди них, проверяя,

всем ли удается нормально принимать и передавать. – О’кей. Снаряга у всех в порядке. Это была прикольная часть, а сейчас начнется пахота.

Он показал на рюкзаки в тележке.

Рюкзак Роберта весил, по ощущениям, фунтов сорок. У Карлоса, судя по виду, не легче. У Томми с Уинни рюкзаки были меньше. Но Блаунт все равно согнулся под тяжестью ноши. *Уинни как стариканˌ честное слово*. Ага-ага, небесное минное поле Рида Вебера. Роберт отвернулся, прежде чем Уинни перехватил бы его взгляд и, обидевшись, полез бы на рожон. Пристроив собственный рюкзак поудобнее, он пожаловался:

– Томми, а я-то думал, это у вас будущее. Где миниатюризация? Ну хотя бы автоматические носилки?

– Там, куда мы направляемся, инфраструктура не очень дружественная, Роберт. – Томми посмотрел на экран лэптопа. – Приветствую, мистер Шариф. О’кей, похоже, мы все готовы. – Он широким жестом пригласил их спускаться в темную дыру посередине комнаты. – После вас, господа.

22
Велосипедная атака

Альфред как следует выждал, прежде чем войти. Не стоило шуметь, пока Кроликовы стариканы на побегушках поблизости.

– А что я тебе говорил, док. Мы в системе! Мы в системе!

Кролик отплясывал джигу вокруг кессона. Оптоволоконный кабель, так восхитивший Кролика, был столь тонок, что даже разглядеть его удавалось только при падении света под определенным углом.

Вас кивнул. У него имелся свой повод для восторга по части коммуникаций: восстановилась связь с военной сетью над Тихим океаном.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> УВБ США пока спокойно, Альфред. </sm>

Альфред смотрел, как прокручивается статистика. Данные поступали с постов прослушки Альянса. Национальные безопасники США действительно вели себя тихо, несмотря на то что библиотечные беспорядки привлекли толпы народа к университетскому кампусу. Парадоксальное в своем совершенстве прикрытие придумал этот Кролик. *Почти* совершенное; афера затягивалась.

Вас опустился на колени рядом с коробкой, куда был подключен оптоволоконный кабель Томми Паркера. Коробка представляла собой контрабандный бридж. На одной стороне – точка приема несертифицированных потоков данных с криминальных машинок Паркера. На другой – подделка под добропорядочную гражданскую машинку, работающую в обязательном окружении неотчуждаемой аппаратуры. Данные Паркера она прятала среди невинных пакетов, соответствующих всем лицензиям и разрешениям, необходимым для выживания в ОНА Интернета. В целом, конечно, эта конструкция уступает военной сети Васа, но ее вполне достаточно для большинства веток дерева запасных вариантов.

Альфред повозился с коробкой и получил прямой доступ к видео с лэптопа Паркера. Теперь он наконец-то стал Местной Важной Шишкой.

Видео, лишенное программного контроля, слегка дергалось, но Вас узнал аппаратуру на стенах, а также некоторые указатели физического уровня. Стариканы на побегушках пробрались в

биолабораторию. И, что впечатляло еще больше, продолжали с неизменным успехом дурачить системы безопасности в режиме реального времени.

– Как далеки они от Цели А? – спросил у Кролика Альфред. На самом деле это и была его личная исследовательская зона. Придется сделать вид, что никакого преимущества при обыске он ей не отдает.

– Почти на месте, – рассеянно махнул лапой Кролик. – Меньше чем через десять минут начнут разгружать оборудование. Не переживай, все будет ок.

Альфред осмотрел поверхность через свои точки зрения.

– Большая часть моих мобилей застряла на северной стороне Гилман-драйв.

В обычном бою его боты бы просто перехватили управление местной инфраструктурой и штурмовали бы объект. Вместо этого они оказались заблокированы человеческим и автомобильным движением через трассу. По меньшей мере один бот был уничтожен, когда его раздавила машина.

Кролик с притворной симпатией развел лапами. Спасибо, что хоть морковку не выудил.

– Нельзя получить все, что хочешь. Гачекианцы и скучеры имеют все, о чем могли мечтать: подкрепление из лаб и местные комм-ресурсы, которые перетягивает на себя мятеж. Ближе к пику тут черная дыра в сети образуется. *И выглядит она совершенно невинно*. Не думаю, что ты бы справился с маскировкой операции лучше.

Вас оставил это бахвальство без ответа. Он пришел к выводу, что раздражение – самая светлая эмоция, какой он способен проникнуться к проклятому Кролику. Сев спиной к бетонному кессону, он принялся отслеживать развитие событий. Сотрудники Управления внутренней безопасности внимательно наблюдали, но не за теми точками. Аналитический консенсус гласил, что Кролик идеально подстроил все для соответствия паранойе УВБ. Возможно ли, что Элис Гун выбыла из строя, но в Альянсе не заметили этого? Тем временем под землей старики на побегушках почти достигли Цели А. Еще через десяток минут начнется мнимое обследование объекта. А через полчаса после этого можно будет передавать подправленные результаты… Дальше элементарно: выбраться с места операции и подставить старичков. Все шло как по маслу, с тем же успехом он мог бы командовать из Мумбая. Не то чтоб он жаловался на жизнь!

Красный флажок у аналитиков. Кто-то заметил неладное, просматривая архивное видео. Альфред открыл помеченный флажком материал. Десятисекундный сниппет с одного из

мобилей на северной стороне Гилман-драйв: двое детей с великами. Стоят у трассы и смотрят на что-то вроде полураздавленного механизма. *Я уже видел эту парочку*. Запросы разошлись вовне: кто эти дети? Принадлежит ли мобиль Альфреду?

Поступили неприятные ответы. У Кролика не было доступа к индо-европейским аналитикам, но существо вдруг село и присвистнуло не без уважения.

– Провалиться мне на этом месте! Док, у нас появилась компания.

Мири оставила велосипед в рюкзаке рядом с Пильхнер-холлом. Хуан настоял, что возьмет модный складной велик с собой. Мири заметила, что это глупо, но мальчишка лишь передернул плечами.

– Мой велик особенный.

Лены и Сю больше не было видно, однако голос Лены последовал за ними через широко распахнутые двери.

– Мири, это место должно бы лучше охраняться. Не нравится мне…

– Лена, у них перегрузка, как при ЧП. Незанятые комнаты остаются запертыми. Остальные открыты.

Лена сказала:

– И мы вас больше не видим.

Неожиданный провал скорости удивил ее, но Мири не собиралась этого озвучивать.

– Уверена, что тут нигде не поддерживается высокоскоростное перенаправление, – ответила она, – кроме библиотеки.

– Да, оттуда картинки по-прежнему потрясные, – сказала Сю.

Точки зрения в главных коридорах Пильхнер-холла были доступны для поиска. Тут недавно проходил Роберт. Достаточно свежий след, чтобы уверенно направиться вниз. Но стали попадаться места, где Хуан и Мири могли говорить только друг с другом.

– Похоже на дом с привидениями, – приглушенно произнес Хуан. Выставил руку, схватился за руку Мири; она не стряхнула его. Он ей самой был нужен, чтобы сохранять спокойствие. Обрыв связи в офисном здании – *стремный* признак.

Они повернули за угол, связь на миг восстановилась, этого хватило для безмолвного сообщения:

Мири ↳Банда Мири: <sm> Думаю, мы уже близко. </sm>
Лена ↳Банда Мири: <sm> Сначала видео вырубилось,

теперь голосовая связь еле-еле. Уходите оттуда. </sm>

Мири ↳Банда Мири: <sm> Да это совсем ненадолго. Уверена, викибелловцы уже дополнительное покрытие тянут. </sm>

Интересно, как далеко зайдет имитация беспорядков?

Мири вообразила, как Лена и доктор Сян спорят примерно о том же в машине, мчащейся по северной стороне кампуса. Бабушка, видимо, встревожилась не на шутку.

Сю ↳Банда Мири: <sm> Я согласна с Мири. Но не забывай регулярно докладывать нам с Леной. </sm>

Лена ↳Банда Мири: <sm> Да! Если даже придется возвращаться. Где сейчас Роберт? </sm>

Мири ↳Банда Мири: <sm> Совсем рядом. Я его напрямую пингую. </sm>

Извилистый коридор слабо освещался, примерно так, как и следовало ожидать при сильной просадке сети. Велосипед Хуана почти беззвучно катился рядом, сложившись в портативную конфигурацию. Приходилось лишь время от времени подталкивать. Царила полная тишина, которую нарушали только шаги подростков и слабое пощелкивание колес. Новый поворот. Коридор сужался, теперь перекрестки встречались через каждые несколько футов. Похоже, шизанутые архитекторы-однодневки не сильно заморачивались здешним дизайном.

На несколько десятков футов восстановилось высокоскоростное подключение. На стенах возникли рекламные ролики и объявления, слева диковинным монстром замаячил чей-то медицинский проект. Она пробросила потоковое видео Лене и Сю, но тут они снова повернули, и пропала любая связь с внешним миром.

Хуан сбавил шаг и остановил Мири.

– Тут совсем мертвая зона.

– Угу, – подтвердила Мири. Они прошли еще несколько шагов. Если бы не p2p-связь с Хуаном, легко было бы подумать, что они на темной стороне Луны. А впереди новый поворот. Она подтолкнула Хуана вперед.

За углом коридор заканчивался закрытой дверью.

– Твой дед больше не пингуется, Мири.

Мири посмотрела на кэшированную карту.

– Хуан, но они должны быть здесь. Если не сможем войти, просто постучимся в дверь.

Внезапно мысль о том, чтобы застать Роберта и его приятелей

с поличным, перестала ее смущать. Слишком странные дела тут творятся.

Но дверь открылась сама, и в коридоре возник человек в темной одежде. Возможно, уборщик. Или профессор. В любом случае вид у него был не слишком доброжелательный.

– Чем могу помочь? – спросил он.

– Как они обнаружили нас?

Кролик сделал предостерегающий жест.

– Не так громко, док, – прошептал он. – Они могут тебя услышать.

Казалось, он заглядывает Альфреду через плечо.

– Мне кажется, они проследили ее деда.

Вас покосился на кучу одежды рядом с кессоном. Ответил голосовым сообщением:

– Одежда по-прежнему передает?

– Ну да, разумеется. Снаружи похоже, что тут старперы сидят, может, в карты режутся. Я подделываю всё, даже их лекарства.

Альфред услышал скрежет собственных зубов.

– Такая зараза эта девчонка Гу, – посетовал Кролик. – Иногда мне кажется, что она…

Альфред отмахнулся от него, и Кролик исчез, а вместе с Кроликом вся местная публичная сеть. Повисло глубокое локальное молчание. Глубокая мертвая зона.

Но военная сеть Альфреда продолжала сигналить по хрупкой цепи, связывающей его с мобилями, стелс-аэроботом и тихоокеанской группировкой. Аналитики Альфреда в Мумбае считали, что у него в запасе шестьдесят секунд, прежде чем мертвой зоной всерьез заинтересуются полицейские и пожарные кампуса.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Альфред, это неприемлемо. </sm>

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Через несколько секунд я зачищу мертвую зону. </sm>

Вот за этим-то и нужны Местные Важные Шишки в успешных миссиях. Он прозондировал мобили, проникшие в здание: дети в тридцати футах с небольшим, глубоко в мертвой зоне, и приближаются. Он слышал их голоса прямо через пластиковую стену. Он посмотрел на дверь. Заперто. Может, притвориться, что тут никого нет, а они пусть по двери тарабанят? Нет, нельзя. Вдруг они просто вызовут полицию?

О'кей, настало время прямых действий. Альфред отдал приказ двум ближайшим мобилям, и те пришли в движение. Эти боты

предназначались для перехвата сетей и не обладали эффективными средствами ликвидации, но для отвлечения сгодятся. Потом он открыл дверь и вышел в коридор навстречу двум подросткам и сложенному велосипеду.

– Чем могу помочь?

Мири попыталась зыркнуть на него в ответ. Трудно изображать самодовольную надменность, когда влезла без спросу и на ходу придумываешь отмазки. А связь с внешним миром лежит мертво.

Хуан вышел вперед и брякнул правду:

– Мы ищем дедушку Мири. Мы его запинговали сразу позади вас.

Уборщик/Профессор/Кто-Бишь-Это пожал плечами.

– Тут никого нет, кроме меня. Сегодня вечером Сеть очень нестабильна. Здание не должно было пропустить вас вниз. Вынужден попросить вас вернуться в публичную зону.

На двери проявился знак, один из стандартных символов биологической опасности, которыми были покрыты стены множества аудиторий и лабораторий в Пильхнер-холле. Можно было подумать, что публичная сеть потихоньку поднимается, но Мири не воспринимала ничего, кроме того, что видела сама.

Хуан кивнул, словно ответ старпера показался ему вполне разумным. Прошел вперед еще пару шагов, продолжая ретранслировать Мири увиденное. Комната за спиной незнакомца была ярко освещена. В полу имелась какая-то *дыра*, и Мири углядела верхушку металлической лестницы.

– О'кей, – сказал Хуан примирительно и стал возиться с великом. Но в режиме p2p слова его были как пулеметные очереди:

Хуан ↳Мири: <sm> Посмотри на одежду! </sm> Сваленную на полу рядом с ямой.

Мири ↳Хуан: <sm> Пора убираться. </sm> Наверх, куда угодно, лишь бы копов вызвать.

Она пожала плечами, притворяясь спокойной, и сказала:

– Ну ладно, мы тогда пойдем.

Незнакомец вздохнул.

– Нет, уже слишком поздно.

Он двинулся на них. За спиной Мири что-то увесисто клацнуло о пол, девочка обернулась и заметила юркнувшие к ней темные объекты.

Путь вперед и путь назад были отрезаны.

И тогда Хуан пробил путь вперед. Он швырнул в незнакомца велосипед. Заскрежетали шины, колеса раскрутились с запасенной на выкате энергией, велосипед раскрылся и влетел в комнату, сшибая незнакомца и оборудование за его спиной. Мири устремилась к яме.

– Камон, Хуан!

Она знала, где должен быть Роберт, и теперь можно будет поднять тревогу.

Она перегнулась через край и увидела металлические перекладины.

– Хуан!

Уборщик/Профессор поднялся с пола и, шатаясь, побрел к ней. У него в руке было что-то удлиненное. Мири на миг застыла, глядя, как удлиненный предмет выгибается в ее сторону.

Ороско был слабак, куда ему тягаться с такими… но он попытался. Злодей пошатнулся, предмет в его руке полыхнул ярким пурпурным пламенем. У Мири свело и стало покалывать одну сторону тела. Она перевесилась через край ямы и ухитрилась уцепиться за лестницу здоровой рукой. Ноги, однако, повисли в пустоте. Она цапнула лестницу другой рукой, онемевшей, промазала, упала и ударилась об очень твердый бетон.

Вся графика исчезла; возможно, ее Эпифанию пережгло. Но она все еще видела – круг света над собой. И слышала.

– Беги, Мири! Беги…

Крики Хуана оборвались. Что-то с треском врезалось в плоть.

Мири пустилась бежать.

23
В соборе

Беспорядки в библиотеке университета Сан-Диего стали главной новостью вечера. Несомненно, их отголоски будут слышны еще несколько недель, создав новую прихотливо закрученную траекторию массового увеселения. На оперативной диаграмме Боба Гу это место также было отмечено как горячая точка. Слишком горячая. Боб наблюдал за работой аналитиков: даже спецы из таких далеких отраслей, как судмедвирусология, подтягивались к одному и тому же локусу в Южной Калифорнии.

Ребята, этим вечером еще много чего творится. Например, рейд Управления по борьбе с наркотиками в округе Керн спровоцировал нешуточную вспышку насилия на севере Канады. *Это* происшествие не относилось к зоне ответственности Боба, но могло означать, что дело там не только в простых усилителях кайфа. Если б не библиотечное восстание, там бы уже десятки теорий всплыли. Может, заварушка в округе Керн – прикрытие для разборок с иммигрантами. Может, там что-нибудь куда опаснее усилителей кайфа замешано. Аналитики не одну собаку съели в таких вот диких теориях, как и в деконструкции оных; но если находилось убедительное подтверждение, они без колебаний составляли план боевой операции по запросу Боба Гу.

А сегодня вечером… гм, беспорядки в УСД подозрительно похожи на классическую диверсию, прикрывающую что-то серьезное и опасное на Юго-Западе США. Элис удвоила численность аналитического пула. Присоединились спецы из центров по борьбе с различными заболеваниями, даже ребята с других вахт. Обычно Элис не доставляло труда укротить непокорную толпу экспертов: у нее хватало кругозора и харизмы, чтобы по стойке смирно выстраивались даже гражданские-академики. Но сегодня именно Элис стала источником проблем. Каждый раз, когда Боб командовал перейти к более широкому охвату, Элис его осаживала. Это она отвлекла вирусологов. Небольшой кластер специалистов по биологическим наукам стал ярче и теснее, потребление на полосе пропускания выросло. Элис не беспорядками как таковыми занялась, а их связью с биолабораториями вокруг университета. Если не считать дезертирства вечерней смены, в лабораториях все спокойно. И чем сильнее давила Элис на системы сетевой безопасности лабораторий, тем надежнее они казались.

Это все чертова динамическая переподготовка. Элис недавно

закончила тренинг для аудита биолабораторий. Более широкого охвата ее тренировки не имели еще ни разу. Он полагал, что в мире сейчас нет человека с более обширными знаниями лабораторной автоматики и связанных отраслей. *Нужно с ней напрямую поговорить, без этих вежливых перенаправлений… Блин, если она снова возьмется за свое, я буду вынужден ее отстранить!* И как это похоже на их недавние ссоры дома…

Поэтому в итоге на попятную пошел Боб. Он сидел и смотрел на корреляции и статистические выбросы. Он переместил свою группу подальше от проблемы Сан-Диего. Если в университете и впрямь диверсия, они знают, где расставлены ловушки.

Пул биологических наук становился все ярче. Элис выскребла весь отдел геномики Центра по контролю и профилактике заболеваний. После вахты ему *это* наверняка припомнят. Предчувствие было леденящее. Сегодня вечером вероятны крупные проблемы. Может стрястись то, чего он боялся больше всего на свете, то, от угрозы чего Элис неизменно отмахивалась. *Неужели она ускользает из фокуса?* На что будет похож полномасштабный коллапс человека, прошедшего в десять раз больше динамических переподготовок, чем самый сложный пациент госпиталя для ветеранов с ДП-синдромом?

– Слышал что-нибудь?

– Например, Томми?

– Ну что-то вроде далекого удара.

Они остановились и оглянулись. Уинни недовольно заворчал. Совсем как в старые деньки, когда Томми все время старался добавлять напряжения их нелегальным экспедициям.

Томми поколебался. Он указывал им путь, но шел последним, чтобы тонкое оптоволокно случайно не смяли другие. Послушав еще немного, он повернулся и стал догонять их.

– Может, ничего особенного… но кабель на мгновение тоже вырубался.

Он бросил взгляд на свой лэптоп.

– Теперь нормально.

И взмахом руки погнал их дальше по туннелю, в темную неизвестность за пределами озерца света.

– Вперед.

Первая часть туннеля оказалась очень знакома: жутковатая прогулка по аллее воспоминаний. Было время, больше пятидесяти лет назад, когда все присутствующие, кроме, конечно, Карлоса, покоряли эти туннели. Томми Паркер, в ту пору – задавака-первокурсник, красовался перед старшекурсниками, которые потом сами удивлялись, как позволили втянуть себя в такую

сорвиголовную затею.

Они двинулись дальше, и территория утратила сходство с запомнившимся участком. По стенам были проложены блестящие трубы. Роберт различал оттиснутые на стенах символы, загадочные физические бэкапы для узлов, не отвечавших на сигнал компьютерной коробочки. *Фьюйть.* Что-то белое, размером с волейбольный мячик, проскочило по одной из труб. *Фьюйть, фьюйть.* Аналогичный трафик в противоположном направлении. Трубы пневмопочты некогда считались предвестницами дивного нового мира. В детстве Роберт такие штуки видел в умирающих универмагах.

– А зачем здесь пневмотрубы, Томми?

– Ну там теория встречается с реальностью. Протеомика, геномика, регуломика, всякая разная – омика: они там. Эти лабы *здоровенные*. Локальный трафик в миллион раз интенсивнее, чем на публичном транке, а задержки, как в домашней сети. Но порой требуется взглянуть на реальные биообразцы. И перемещать пробы – транспортные лотки для небольших расстояний, пневма – для более существенных. GenGen даже собственной пусковой установкой «UP/Express» обзавелась, чтобы рассылать упаковки в другие лаборатории по всей планете.

Теперь Роберт слышал звуки, исходящие из мрака впереди, звуки, которые никак не получалось сопоставить с осмысленными словами, щелчки, словно бы от старомодных пишущих машинок. *Там делается наука?*

– Я пытаюсь прозондировать локалку, – сказал Карлос, – но вижу только голые стены.

– Я же тебе говорил. Общение с лабсетью крайне усложнило бы нашу аферу.

– Но туннель наверняка знает, что мы здесь. – Они шли, погруженные в озерцо света. Впереди и позади господствовала тьма.

– Угу. Он знает про нас. Но знает, образно говоря, лишь на подсознательном уровне.

Роберт возглавлял группу. Он показал на стену у переднего края освещенной зоны.

– А что это за указатели?

Буквы и цифры были физические, намалеванные на стене.

5 Пб/с Прот ←→ Гено 10 Пб/с мульти

Томми оживился и подскочил к нему.

– Похоже, это главный перекресток каналов GenGen!

Он вскинул свое молитвенное колесо как можно выше, отводя оптоволоконный кабель подальше от товарищей. Рядом с Томми

отчетливо нарисовался Незнакомец, но здесь, внизу, монстр не мог точно локализоваться, ноги его парили над полом, а взгляд был повернут на девяносто градусов против нужной ориентации.

Томми поднес свой лэптоп камерой к символам.

– Должен признать, этот кабель очень удобен. Я теперь могу пересылать видео своему консультанту. – Таинственный Незнакомец, невидимый для Томми, ткнул себя пальцем в грудь и гордо заухмылялся. Томми мгновение изучал ответ лэптопа. – Да! Мы у главного пересечения оптоканалов GenGen. – Он указал в боковой туннель. – Тут начинается самое сложное.

Через пятьдесят футов боковой туннель расширился, открываясь во что-то широкое… похожее на пещеру. Полумрак рассекали высоченные силуэты.

– Видите ту башню? – спросил Томми. – Это частная пусковая установка GenGen. Пускатели Восточного округа их не устраивают.

Теперь щелчки слышались повсюду кругом. Они исходили с вершин лабораторных шкафов. В них присутствовал некий ритм, словно кто-то, желая отвлечься от стресса, выщелкивал мелодию. В конце каждой «строфы» что-то двигалось *физически*. Из глубин матовых кристаллов сочился свет. Некоторые шкафы были помечены на физическом уровне:

Mus МБВ.

Незнакомец плясал среди них: фэнтезийный персонаж из лэптопа Томми, проникший по оптоволоконному кабелю. Но он следил за ними через камеру лэптопа и общался, по крайней мере с Робертом. Незнакомец ткнул в примерном направлении кристаллов.

– Чудеса наножидкостных технологий. В промежутках между смещением огоньков происходит столько всего, что раньше биологи бы десяток лет корпели. Как представить триллион образцов, миллиард триллионов анализов? Как передать это средствами искусства?

Он помедлил, словно и вправду ожидал ответа, и снова исчез. Но оставил после себя ярлычки и комментарии.

Роберт оглядывал ряды установок. Башня вдали почти слилась с окружающей тьмой. Это место напоминало собор, собор для машин. Как описать его, если уйдут годы даже на приблизительное постижение природы происходящего? Кристаллическая масса не отличалась впечатляющей окраской, а большинство канальцев для жидкости были микроскопическими, и приборы вроде огромных холодильников почти полностью заслоняли их. И все же ему казалось, что он вот-вот обретет утраченное; в его воображении бурлили слова, искали путей к

оформлению, к выражению восторга и трепета.

Они двинулись по узким проходам, поворачивая только в указанных Томми местах. Каждые несколько минут он останавливал группу и вытаскивал из рюкзаков очередной гаджет.

– Ребята, нужно установить их очень тщательно. Оставаться невидимками здесь намного сложнее, чем в туннелях. – Томми хотел оставить устройства у ближайших коммуникационных узлов, которые находились далеко в тыльной части кристаллических нагромождений. Большую часть «установок» выполнял Роберт, а Карлос помогал ему подтянуться и залезть на очередной шкаф. Роберту приходилось наклоняться из стороны в сторону, и, оказываясь совсем рядом с блестящим стекловидным материалом, он разбирал едва уловимые щелчки и шум текущей жидкости, такой слабый, что его легко можно было принять за утечку сквозь поры. Но этих звуков были миллионы, и они вливались в общую атмосферу зала.

Однажды Роберт замешкался и увидел, как гаджет сам позаботился о завершении установки: скользнул прочь от него, углубляясь в переплетение стеклянистых форм, *как если бы его донышко было миниатюрным транспортным лотком.*

– Гу, над чем ты смеешься? – донесся снизу голос Блаунта.

– Так, ни над чем! – Роберт сполз со шкафа и приземлился на пол. – Я только что разгадал небольшую тайну.

Они продолжали движение вперед. Теперь большая часть шкафов носила пометки *Dros МБВ*. Отряд действовал быстрее, поскольку Карлос и Роберт уже разучили эту гимнастику.

– Это последний, ребята! – Томми отстранился от лэптопа и глянул на кристаллические глыбы, пронизанные жидкостными каналами. – Вы знаете, – добавил он, – очень странно, что все узлы запрятаны так глубоко среди лабораторной аппаратуры.

Таинственный Незнакомец появился перед Томми и помахал Роберту, Карлосу и Уинни Блаунту зеленоватыми пальцами.

– Это не тот секрет, которым следовало бы заниматься. Почему бы вам не предложить Томми вернуться к его великолепному плану, гм?

Мгновение все молчали, но Роберт кое-что сообразил про то, чем они сейчас занимались. Он понял, что именно ради этого они в действительности сюда явились и что именно здесь могут реализоваться некоторые обещания Незнакомца. Возможно, Карлос и Уинни пришли к аналогичным выводам, потому что вдруг заговорили все наперебой. Блаунт жестом заткнул остальных и повернулся к Паркеру.

– Кто знает, Томми? Ты сам говорил, это дело тонкое. Мы тут

недели можем ломать голову над тем, как все устроено.

– Да-да, – кивнул Томми. Самодовольного Незнакомца он не воспринимал. – Потом проанализируем! – Он глянул на свой лэптоп. – В любом случае самое сложное позади. Теперь нам прямая дорога туда, где Уэртас обрывки складирует.

Больше гаджетов устанавливать не приходилось. Лэптоп Томми советовал поторапливаться, и сам Томми тоже. Что бы ни задумал в GenGen Таинственный Незнакомец, в их помощи он больше не нуждался. Роберт оглянулся. Уинни совсем выбился из сил и еле поспевал за ними. Незнакомец, вероятно, пообещал ему нечто чрезвычайно привлекательное. Дальше Карлос и Томми. Томми крутил молитвенное колесо, вытягивая паутинную ниточку.

Внезапно бетонный пол сменился чем-то упругим, реагировавшим на каждый их шаг. А звук шагов стал подобен постукиванию по большому барабану с туго натянутым покрытием.

– Виден ли свет в конце туннеля? – проговорил Томми. – Виден, если это туннель в небеса!

Внезапно Роберт сообразил, где они. В одном из крытых переходов на краю Роуз-Каньона, к северу от кампуса. Сейчас они идут по трубе футах в семидесяти над склоном холма, заросшим кустарниками и донником.

Потом снова появился бетонный пол. Впереди простиралась очередная пещера, на сей раз почти пустынная. Владения Уэртаса.

Мири бежала, но ее догоняли лучом фонаря. Стоп, нет, это ж самое обычное освещение в туннеле. Она сбавила темп, остановилась, прислонилась к стене… и оглянулась. Никто за ней не гнался. Ни один человек. Единственным источником света, помимо туннельного, оставалась дыра на некотором расстоянии позади. Через нее-то Мири сюда и попала. *Хуан!*

Она присмотрелась и прислушалась. Если никто за ней не погнался, возможно, безопасники университета Сан-Диего тут, внизу, все же на что-то годны.

Она прозондировала стены. Позвонила 911. Еще раз. Безрезультатно. Может, Злодей ей намертво Эпифанию пережег. Она пожала плечами, запуская некоторые тестовые утилиты. А, нет, не пережег… Она видела свои файлы, но локальные узлы Мири игнорировали. Потом она заметила на краю диагностического поля розовую искорку, беспроводной отзыв, который Эпифания в обычных условиях бы отбросила как

слишком далекий и эрратический[28]. Прошла секунда, вместившая бог знает столько повторных попыток, и Мири поймала идентификатор. Это был Хуан, точнее, его носимая электроника.

Мири ↳Хуан: <sm> Пожалуйста, ответь! </sm>

Ответа не было. У нее не хватало прав доступа, чтобы опросить его медсенсоры. Вдруг искорка Хуана вспыхнула и погасла. У Мири перехватило дыхание. Уборщик/Профессор все еще там. И он снова врезал бедолаге Хуану. Вернее, врезал по его носимой электронике, чтобы Мири не могла через нее перенаправлять. Мири скрутили угрызения совести. Плохо, что ее планы и лидерство к такому привели. У Элис, совершенно точно, никогда не возникало подобных проблем. Элис всегда знала, как поступить. Боб… Боб иногда ошибался. Его всегда напрягала абсолютная уверенность других. *Любопытно, что бы сказал обо всем этом Боб?.. И как бы поступил Хуан на моем месте?*

Мири отвернулась от дыры и посмотрела вниз по туннелю. Там было темно, но не абсолютно тихо. Кажется, далекие голоса о чем-то говорят, но слов не разобрать. Роберт и его библиотечные приятели там. Несомненно, Уборщик/Профессор с ними играет как кошка с мышками. *Что же сделать, чтобы раздолбать его план?* Мири отклеилась от стены и тихо побежала по туннелю. Личное озерцо света потекло за ней. Никаких следов Роберта, да и приглушенные голоса звучали как-то неправильно. Время от времени попадались перекрестки туннелей. По прозрачным трубам вдоль стен стремительно проносились маленькие предметы.

Прошло еще какое-то время. По-прежнему ни следа Роберта.

На бегу Мири листала кэшированные планы университета Сан-Диего и биотехнологических лабораторий; она ими как следует запаслась. В проприетарщине и схемах безопасников она не разбиралась, но… боковые туннели вели к определенным лабораториям. Триста акров, семнадцать отдельных залов!

Мири сбавила темп, перешла на шаг, потом, приунынв, остановилась. Роберт может быть где угодно. Насколько могучи Злодеи тут, внизу? *Может, мне просто покричать?*

Позади зародился какой-то новый звук. Словно бы мягкие молоточки стучат по металлическому барабану, но последовательность звуков была очень похожа на шаги. Она внезапно сообразила, где остальные. Если бы только определиться теперь, где *она сама*. Мири развернулась и побежала обратно.

24
Библиотека выбирает

Ночной Отряд Шейлы Хэнсон вышел из лесу на тропу, изогнутую подобно крупному змею у древа познания, близ восточной стороны библиотеки. Гачекианские пауки были уже на месте и заняли позицию выше по склону. Тим Хвинь перекатил и подвел свою армию ботов к вражеским силам.

Хвинь ↳Ночной Отряд: <sm> Иисусе. Все они реальные! </sm>

В смысле, пауки. Большая часть людей тоже. Гачекианские Рыцари и Библиотекари теснились за рядами роботов.

Северную сторону библиотеки огибали и подтягивались к соплеменникам новые скучеры. Подкрепление прибыло из океанологической библиотеки Института Скриппса. Но и к гачекианцам подоспели новые бойцы. Хвинь видел через летающие над библиотекой камеры, что новоприбывшие гоняют скриппсов. Пока что казенное имущество не слишком страдало. Мехи выглядели довольно грозно, а люди в основном толкались и кричали. Шейла по-прежнему успешно заводила своих боевым кличем:

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

Из гачекианских рядов выдвинулось что-то здоровенное и виртуальное. Оно взяло курс на ничейную полосу. Было оно двенадцати футов высотой: лучшее Опасное Знание из всех когда-либо виденных Тимоти Хвинем. Наполовину Библиотекарь, наполовину Рыцарь-Стражник: центральное и парадоксальное создание гачековской мифологии. Теперь оно подобралось почти вплотную к скучерам и состроило гротескную гримасу, высунув длинный заостренный язык, что придало ему сходство с маорийским демоном. А когда оно закричало, то услышали все скучеры, хотя сообщение кастомизировалось под конкретные уши:

– Хой, Тимоти Хвинь, ты себя считаешь малым скучамаутом. И вправду, ты из малых! Все вы, скучерские неваляшки, суть игрушки для малых детей, мелкие и ничтожные пред моею Глубиной!

Опасное Знание указало на сновавших вокруг него и позади гачекианцев.

Обычные нападки на скучамаутскую мифологию, и скучеров

они неизменно доводили до белого каления, поскольку наивные зрители могли повестись на эту клевету. Скучеры рявкнули в ответ:

– Да ваш Гачек не больше чем контрафактный Пратчетт!

А это уже разъярило *гачекианцев*, поскольку, в общем-то, так оно и было.

Хвинь протолкался мимо Шейлы, Смэйла и остальных бойцов Ночного Отряда. Он достиг авангарда своей армии. Вблизи отрисовка Опасного Знания еще больше впечатляла потрясающей детализацией. Его заостренные когтистые сапоги умело вонзались в грязную землю рядом со Змеиной Тропой. Арахноботы жужжали и скакали подле своего патрона.

Пауки были настоящие. Где же гачекианцы добыли такую механическую прелесть и так быстро? Он пинганул и ожидаемо не получил ответа. В том, как арахноботы напирали друг на друга, накатывали и отступали, было что-то почти живое. Умелые гаджеты напоминали кастомный гибрид свежайших моделей Intel и Legend. Подразделение регуломики GenGen как раз недавно оснастили похожими новинками. Он снова пинганул их, на этот раз с полномочиями инженера GenGen. *Черт побери!*

– Эй! – крикнул Хвинь. – Ребята! Гачекианцы потырили оборудование GenGen!

Внимательно присмотревшись к оппонентам, он узнал коллег по работе! В частности, Кэти Розенбаум. Она помахала ему боевым топором и осклабилась.

Розенбаум ↳Хвинь: <sm> Да мы их просто одолжили, дорогуша! </sm>

Он не далее как вчера обедал с Кэти и ее друзьями. Хвинь знал, что среди регуломистов имеются поклонники Гачека, и его команда постаралась основательно замаскировать свои планы. А все это время коварные гачекианцы занимались ровно тем же!

Опасное Знание продолжало весело танцевать в окружении паучьей армии, издевательски подшучивая над изумленными скучерами.

– Тебе кажется, это нечестно, а, ничтожный Хвиненыш? – заревело оно. – А может, ты просто пал жертвой слабости своего воображения? Ты привел сюда старые и тормозные войска: сколь удачно сочетается это с игрушечной отсталостью твоей графики!

Дизайн Опасного Знания был невероятно хорош и не имел очевидных прекурсоров. Но кто бы ни тянул эту марионетку за ниточки, он еще лучше. Похоже, актер мирового класса. На миг скучеры дрогнули, толпа виртуальных болельщиков начала таять.

Сверху Хвинь увидел, как вдоль стен библиотеки ползут новые гачекианские подкрепления. Если равновесие слишком сместится, скучеров постигнет унизительная неудача.

И тут Шейла Хэнсон огласила громоподобным криком публичную сцену и весь участвующий мир.

– Взгляните! Великий Скучамаут!

За спиной Хвиня ожил и задвигался один из вилочных погрузчиков. Ага! Это ведь та часть работы, которую должен выполнять сам Хвинь. К счастью, Шейла его подстраховала.

Погрузчик двинулся вперед со всем мыслимым для механизма двенадцатифутовой высоты (а центр тяжести так и вовсе находился выше отметки в шесть футов) изяществом. Он, конечно, двигался не сам, но Хвиню не показалось, что им управляет Шейла. Вряд ли она бы справилась так здорово. Приплюснутые опоры погрузчика поднимались и опускались медленно, позволяя людям, чирпам и сальсипуэдам оперативно убираться с дороги. Да, впечатляет, но это ведь всего лишь погрузчик. Потом до Хвиня дошло, что он забыл переключиться с водительского ракурса. Он подтянул вид из круга убеждений и увидел…

Шейла морфировала синий ионопод в нечто покруче даже Опасного Знания. Великий Скучамаут, самое популярное создание в скучерских кругах. За недолгую свою карьеру Великий Скуч породил множество дополнений, спиноффов, спинапов, вытерпел прорву слияний и попыток недружественного поглощения правительственными структурами. Герой миллионов школьников из самых бедных стран Африки и Южной Америки, защитник маленьких людей, прокладывавших себе дорогу в жизнь. А этим вечером его образ господствовал над всей ареной.

И, что еще важнее, этим вечером гаптическая начинка, лязгавшая вместе с ним, весила добрых четыре тонны.

Великий Скучамаут достиг авангарда скучеров и выдвинулся дальше, на территорию арахноботов. Он *набирал скорость*, насколько позволяли стабилизаторы и моторы. *Хренасе. Кто же рулит этой штуковиной?* Великий Скучамаут заплясал среди гачековских роботов, выкрикивая оскорбления в адрес Опасного Знания.

Рыцари и Библиотекари, пофулонги, двельбы и бабаллаги – все участники, по обе стороны, как с цепей сорвались. В воздухе расцвели спецэффекты. Крики становились все громче. Роботы сходились в бою. Хвинь воззрился на ристалище робоспецэффектов: мегаманчи и хорошовы выбирались из кустов, Шейла бросала в битву резервы.

Механическая битва была реальной! Там, где отплясывал на

спинах поверженных арахноботов Великий Скучамаут, разлетались осколки панцирей и конечностей. В инженерном ракурсе Хвинь наблюдал отчеты о повреждениях. В режиме реального времени выбыли из строя – перестали отзываться – двадцать регуломических пауков. Десятки его личных «пинцетов» тоже оказались уничтожены. Три пробоперевозчика утратили способность к перемещению.

Хвинь ↳Хэнсон: <sm> Шейла, одолжить роботов – одно дело, но многих придется потом в утиль списать. </sm>

Шейлу забросило на противоположный фланг. Она, кажется, затевала наступление роботов на Рыцарей с Библиотекарями. На фланге Тима Великий Скучамаут уже продвинулся в ту же сторону, пританцовывая и сближаясь с реальными людьми-игроками.

Хэнсон ↳Хвинь: <sm> Не переживай! Менеджеры счастливы! Ты только глянь, какая публичность, Тим. </sm>

Его коллеги и виртуальные тысячи двигались вперед. В сетевом формате… Боже, GenGen получила такую рекламу, какой по заказу не купишь, это даже лучше, чем в двадцатом веке, когда миллионы зрителей поневоле наблюдали за тем, что, по мнению нескольких принимавших решения лиц, было важно. Магистральные маршрутизаторы в районе университета Сан-Диего перенасытились! Это, конечно, ненадолго, ведь повсюду полно адхок-роутеров и резервных кабелей. Но сейчас с ними поистине весь мир.

Шаг за шагом скучеры теснили противника.

– Нам нужны наши этажи!

– Нам нужна наша библиотека!

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

Обычно круги убеждений соревнуются косвенно, через рейтинги популярности. Сегодня, однако, в виде редчайшего исключения они столкнулись напрямую, борясь за внимание и уважение аудитории. За считаные минуты расходовались плоды многомесячной творческой работы, но зрительский охват был такой, что и во сне не мечталось.

Кто бы ни рулил Великим Скучамаутом, а с Хвинем он общался напрямую.

Великий Скучамаут ↳Малый Скучамаут: <sm> Твои механизмы – просто круть, приятель! Бросай их в бой! </sm>

О’кей! Хвинь активировал второй вилочный погрузчик. Ему часто грезилось, как он надерет врагам задницы с помощью такого монстра. Он аккуратно проследовал среди своих, уводя за собой меньших роботов. Скучеры-художники со всего мира отдизайнили вилочный погрузчик бит за битом, не менее искусно, чем Великого Скучамаута. Однако графика его была текучей, как ртуть или дым. Погрузчик Хвиня воплощал Умосумма, духа неоднозначного нрава, который иногда помогает скучамаутам против самых злобных врагов. Клочья тумана разнесло впереди и позади реального устройства. Десятки помощников и вспомогательных программ заботились о поддержании эффекта. Корпус погрузчика был из темного композитного пластика, и, если не присмотреться очень внимательно в реальном ракурсе, так и не поймешь, где в действительности перемещается робот.

Тим Хвинь воспользовался этим, вырвавшись на поле боя роботов подобно тяжелому стальному туману, отбил пятеру Великому Скучамауту и, продолжая маскировать свои точные координаты, устремился дальше, к Рыцарям и Библиотекарям. Боевой клич скучеров разносился из динамиков погрузчика:

– Нам нужны наши этажи!

– Нам нужна наша библиотека!

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

Наступление получилось изящным, застало оппонентов врасплох и поселило в них боязнь физического ущерба. Ряды гачекианцев смялись, чирпы и сальсипуэды Хвиня ринулись на освободившееся пространство. Однако механизмы Кэти Розенбаум все еще превосходили их числом и маневренностью. Арахноботы начали контратаку, завязав сражение на полосе между противоборствующими людскими отрядами.

Смэйл ↳Ночной Отряд: <sm> За ними! </sm>

Хвинь продвигался вперед за своим вилочным погрузчиком, сиречь Умосуммом, не переставая обозревать поле битвы с высоты и сверяясь с отчетами. Столкновение двух кругов и их творений наблюдали более ста миллионов зрителей. Не совсем игра, не совсем произведение искусства: состязание, где победитель определяется и воображением, и расчетом, и смелостью. Покамест сила воображения двух сторон, по мнению наблюдателей, уравнивалась, но перевес скучеров в расчетах и смелости атаки был значителен. Они посеяли реальное физическое опустошение вокруг и среди реальных людей!

Битва продвигалась вокруг библиотеки ярд за ярдом. Скучеры захватили части южной эспланады, вышли на главную ось кампуса. По автодорогам к кампусу прибывали машины со всего города: физические подкрепления дополняли гораздо более многочисленную виртуальную аудиторию. На сорока процентах магистральных маршрутизаторов было достигнуто насыщение полосы, число зрителей перевалило за двести миллионов. Сотни тысяч включались в игру, увлеченные новой графикой из закромов гачекианских и скучерских дизайнерских сокровищниц. Участники, реальные и виртуальные, распределялись вокруг центрального хаба – университетской библиотеки. С журналистских точек зрения, на высоте тысячи футов над землей конфликт напоминал странную спиральную галактику, рукава которой светились ярче там, где битва была всего яростней.

Присутствовали и другие, невидимые для всех, кроме журналистов развлекательной сферы: киношники и геймдевщики, общим числом около сотни тысяч профи. Некоторые наблюдали за наблюдателями, накапливали статистику и проводили тесты. Другие увлеклись битвой роботов и сбором дизайнерских концептов. Он видел следы SpielbergRowling, GameHappenings, Rio Magic и больших болливудских студий.

И кое-что еще видел Тим Хвинь. Он ведь, как ни крути, управлял аппаратурой GenGen. Он наблюдал, как сливаются с фоном сети, собирают, собирают – и едва заметно влияют. Это, наверное, Гильдия Фантазистов, самое богатое сообщество художников во всем мире. (Их девиз гласил: «Не нужны нам мерзкие посредники!»)

И, разумеется, без полиции тоже не обошлось: полдесятка групп, от охраны кампуса до ФБР.

Великий Скучамаут ↳Малый Скучамаут: <sm> Эй, приятель! У нас десять минут, чтобы продавить свои убеждения и решить вопрос. Потом нас начнут отключать. </sm>

Альфред наблюдал за происходящим из укрытия в Пильхнер-холле. Беспорядки, организованные Кроликом, выманили весь персонал из лабораторий. Индо-европейское инспекционное оборудование работало на месте и уже посылало результаты (сфабрикованные, как об этом позаботился Альфред). Стариканы на побегушках, установившие его, удалились от GenGen, направляясь туда, где их в конечном счете должны были арестовать по подозрению в диверсии. Но…

– Нужно еще хотя бы пятнадцать минут, – сказал Альфред. Поток сфальсифицированных данных завершится быстрее, но

потом еще нужно будет убрать за собой и покинуть здание.

Кролик пожал плечами.

– Не переживай, старый приятель. Хвиню я назвал срок в десять минут просто затем, чтоб он не расслаблялся. Если даже полиция кампуса их прижучит, у тебя будет еще по крайней мере полчаса, прежде чем явятся сотрудники GenGen и начнут расходиться по местам под землей.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Полагаю, Кролик прав насчет сроков. Его библиотечная операция – просто шедевр. Мы сами едва бы справились с отвлекающим маневром лучше, да и американских безопасников наверняка бы всех при этом переполошили. </sm>

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Но беспорядки как-то уж чересчур разрастаются… </sm>

Трафик был все еще такой плотный, что забивал мобили. Без достаточного числа мобильных мехов на месте о полном контроле за Пильхнер-холлом нечего было и думать, а два незваных гостя – эти дети – создали первую серьезную проблему вечера. Теперь мальчишка лежал без чувств за кессоном. Альфред его там и сбил с ног.

Вас покосился на Кролика, который сидел на краю ямы, болтая во мраке пушистыми нижними лапами.

– А что с девчонкой, э-э-э, Кролик? Она сейчас по туннелям бегает, и мы с ней ничего поделать не можем.

Кролик широко улыбнулся.

– Ну зови меня Верховным Богом Непредвиденных Последствий, если угодно. Когда ситуация осложняется, возможны побочные эффекты, и Мири Гу – лишь один из них. *Ты* у нас Местная Важная Шишка. Почему ты за ней не погнался?

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Нет. Это выходит далеко за рамки разработанных запасных вариантов. </sm>

Альфреда, если честно, снедал соблазн поступить именно так. Но вместо себя он послал одного мобиля – проследить за девчонкой. Возможно, этого хватит, чтоб ее отвлечь. А если она догонит старперов, ну, что ж, задействуем другой вариант, и Кролика он наверняка удивит. Вслух Вас ответил:

– Не думаю, что это целесообразно. А какие у тебя идеи?

– Самая обычная у меня идея, дружище. Гибче будь. Будь как я. Кто знает, как все обернется? Ты не можешь отследить Мири Гу, но это ведь означает, что в местах, интересующих тебя и твоих

приятелей, ее нет, ага? – Он вопросительно помахал ушами.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Нужно бы убрать Кролика оттуда. Он пытается перехватить инициативу у *нас*, а сам все время отвлекает нас, выставляя напоказ свою удаль. </sm>

И действительно, Кролик мастак отвлекать внимание. Вот он принялся за очередную морковку, обнажил крупные резцы, словно говоря: *Ты не обращай на меня внимания, сиди себе в чатике!*

Альфред слышал шум подстроенных Кроликом отвлекающих беспорядков далеко за стенами. Аналитики контрразведки докладывали, что Управление внутренней безопасности США наблюдает за событиями в УСД с возрастающим интересом, но сохраняет спокойствие. Гюнберк и Кейко сочли это хорошим знаком. *Но значит ли это, что Элис Гун по-прежнему на вахте?* Для Альфреда сейчас важнее всего было выяснить ответ на этот вопрос. Гораздо важнее, чем играть с парой детей в догонялки.

В любом случае не в меру любопытного Кролика пора выпроваживать отсюда. И сделать это надо так, чтобы Гюнберк с Кейко не почуяли неладное. К счастью, Гюнберк и сам подбросил нужную идею: Браун переслал ему бинго-матрицу планирования. Цветовая кодировка означала вероятности, но выглядела картина поразительно гетерогенной: в том, что касалось библиотечного мятежа, критически важные компоненты, связанные с Кроликом, сияли алым – сотня задач, которые может выполнить только он, если диверсия будет продолжаться. А в подземелье с Кроликом было связано около дюжины задач, в основном через старичков на побегушках, и все – в той или иной степени зеленые.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Отличная мысль, Гюнберк. </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> О'кей. Отрежьте Кролика, но аккуратно. Предлагаю свалить вину на мерзких забугорных коллег. <grin> </sm>

Альфред улыбнулся Кролику.

– Вы правы, мистер Кролик. Некоторые из нас, увы, недостаточно гибки.

– Хэй, да ничего страшного, – великодушно отмахнулся Кролик.

– Фактически… вы так хорошо поработали здесь, внизу, что мое начальство просит вас сосредоточиться на операциях наверху.

– Что это ты делаешь? Хэй!

Вас опустил руку и выдернул оптоволоконный кабель из шпионского моста.

На миг образ Кролика застыл, как тупая графика, потерявшая связь с удаленным источником. Конечно, у Кролика оставался интернет-канал, и эта пауза означала лишь изумление. Придя в себя, существо запрыгало:

– Зачем ты это сделал?

Голос и мимика Кролика оставались почти нейтральны. Вероятно, Кролик не предусмотрел ситуации, когда ему понадобится выразить *неподдельные* изумление и обескураженность.

Оптоволоконный кабель болтался в руке Альфреда. Потребовалось усилие воли, чтобы подавить издевательскую усмешку. Альфред подключил кабель к трансиверу у себя на поясе. Теперь данные, проходящие по нему, станут частью его личной боевой сети.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Браво, Альфред! </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Повежливей с ним. Он нам еще для беспорядков там нужен. </sm>

Кролик забегал вокруг ямы и стал махать лапами – движения были размыты, но, вероятно, он потрясал кулаками.

– Ты нарушаешь наш уговор!

Голос его по-прежнему звучал бесстрастно.

Альфред придал лицу самое что ни на есть честное выражение и заговорил без намека на торжество:

– Пожалуйста, мистер Кролик, вспомните, как сформулирован наш уговор. Мы нуждаемся друг в друге для успеха – и мы с вами лучшие каждый в своем деле. Оборудование уже установлено в лабораториях. Если поддержите беспорядки наверху еще несколько минут, получите все, что мы вам обещали.

Кролик смотрел на него без всякого выражения.

– Я вам нужен в лабораториях. Вы, конечно…

Он не всеведущ!

– Не исключено. Я буду информировать вас о развитии ситуации. Что скажете?

Внезапно на морде Кролика замелькали эмоции: настоящий каскад, сначала гнев, потом понимающая улыбка, которая быстро исчезла, словно оператор счел ее слишком откровенной, затем – тщательный, нарочито терпеливый вздох. О, многострадальный Кролик:

– Ах. Паранойя торжествует. Ну что ж, я склоняюсь перед вашими пожеланиями… – так он и поступил, изобразив сложный

поклон и не прекращая при этом плясать на краю дыры, – и удалюсь, чтобы прикрыть вас от угроз на поверхности. – Сверкнули совсем не травоядные клыки. – Но я ожидаю справедливого расчета. Вы знаете, на что я способен.

– Да. И я понимаю, что осложнения по-прежнему возможны. – *И твои попытки их причинить*. – Вы получите связника из числа наших людей.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Кейко? </sm>
Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Хорошо. </sm>

Кролик на прощанье манерно помахал лапой, и внезапно комнатка с пластиковыми стенами и бетонным полом очистилась от всяких признаков его присутствия. Альфред отключил оставшиеся интернет-каналы. Остались только груда старой одежды, тележка, дыра в центре помещения… и единственный пострадавший.

По склону холма от библиотеки продолжали доноситься успокаивающие звуки беспорядков.

Вас ↳Браун: <sm> Как там данные из лабораторий? </sm>

Инспекционное оборудование вело передачу уже несколько минут. Поверят ли его лжи? Откажется ли Гюнберк от своих драгоценных теорий?

Браун ↳Вас: <sm> Получено семьдесят процентов. Нам еще многое нужно будет проанализировать постфактум, но на первый взгляд ничего подозрительного. </sm>

Да!!!

Великий Скучамаут ↳Малый Скучамаут: <sm> Вперед, приятель! Сейчас! Гачекианские ублюдки отступают! </sm>

И гачекианцы действительно откатились, по крайней мере, перед Тимоти Хвинем. Он направил туда свой погрузчик, давя попавшихся по пути арахноботов. Дуга фронта смещалась, пока Хвинь не оказался практически точно к югу от парадного входа в библиотеку. Враг отступал повсюду. У скучеров было больше физических бойцов, а значит, и поддержка по части визуала лучше. Но виртуальных гачекианцев издалека прибыло тысяч двести, а виртуальных скучеров почти вдвое меньше. На

противоположной стороне библиотеки, там, где погрузочная платформа граничила с холмом, места для настоящей человеческой толпы не хватало. И там гачекианцы снова брали верх, их общемировой круг расширялся. Опасное Знание, как никогда грандиозное, зависло там, руководя небесным представлением над северным краем долины. К нему сверкающими копьями неслись с небес подкрепления.

Тим старался не упускать общую картину, хотя в данный момент был очень занят: давил всех арахноботов, какие ему под опоры попадались. Этим вечером приверженцы обеих сторон творили чудеса: их кругам пищи для обсуждений на следующий год хватит. Все же возможность убедительной победы сохранялась. Скучамаутам под силу сегодня избавиться от провинциального статуса и достичь всемирной известности в годину славы своей, как это уже произошло с фанатами Гачека, Пратчетта и болливудских империй. Им позарез требовалось нечто особенное, перед чем бы померкли гачекианские придумки. Хвинь пасся своим Умосуммом, сотканным из стали и мглы, по линии фронта и давил уцелевших арахноботов. Ничего более впечатляющего ему на ум не приходило. *Блин.*

Но скучерские фанаты обретались по всему миру, и им не откажешь в изобретательности.

Великий Скучамаут ↳Малый Скучамаут: <sm> А разблокируй-ка мой погрузчик полностью. </sm>

Хвинь повиновался.

Образ Великого Скучамаута мгновение оставался недвижим, но инженерным взглядом Хвинь улавливал накачку конденсаторов далеко за безопасные пределы.

Затем Великий Скучамаут устремился вперед, словно человек-атлет, и… Господи боже! *Он прыгнул* на тридцать футов, приземлившись на лужайке у Змеиной Тропы. Окинув взглядом долину на севере, крикнул Опасному Знанию голосом как виртуальным, так и реальным, причем реальный голос был шумом на грани физической боли:

– Эй, ты! Маленькое ничтожное Знание! Не кажется ли тебе, что силы наши равны?

Опасное Знание в долине рядом с погрузочной платформой воздело кулак и погрозило им вилочному погрузчику снизу вверх.

– Слишком равны!

– А не кажется ли тебе, что, невзирая на это, кто-нибудь из нас в любом случае должен победить?

– Разумеется! И это буду я, как понятно всему миру. –

Опасное Знание помахало своим виртуальным сторонникам, а их были миллионы! (Впрочем, большую часть образов, как видел Тим опытным глазом, составляли фейки.)

– Быть может. – Великий Скучамаут снова прыгнул, на сей раз очутившись на краю склона, нависавшего над погрузочной платформой. Маневр многотонной машины был выполнен с потрясающим мастерством. – Но ради чего все это затеяно? – Великий Скучамаут воздел руки, как божественный заводила студенческой группы поддержки, и скучеры грянули во всю громкость:

– Нам нужны наши этажи!

– Нам нужна наша библиотека!

– Важней всего – наши РЕАЛЬНЫЕ книги!

– ДА! – воскликнул скучамаут. – Именно за библиотеку идет сражение между нами. И библиотека должна выбрать!

Скучерские звуковые эффекты заглохли. По толпе скучеров прокатилось недоумение. Иногда круг убеждений становится жертвой собственных метафор и начинает изрыгать всякие бредни. Хвинь огляделся, оценивая реакцию на предложение Великого Скуча. Да, сказано хлестко: пускай-де библиотека решает. Но что это, блин, *значит?*

На севере, в долине, загоготали. Враг пришел к такому же выводу. *Нам хана*, – подумал Хвинь. Но тут же заметил, что Опасное Знание не смеется. Существо поднялось вверх по склону, так, чтобы посмотреть Великому Скучамауту прямо в глаза. На обе армии пало зловещее молчание.

Опасное Знание каким-то образом догадалось, что же имел в виду скучамаут.

– Итак, – промолвил наконец отпрыск гачекианских божеств (и голос его внезапно стал шелковым, хотя и отразился эхом от стен библиотеки, чтобы оставить глубокий след в умах всех зрителей), – итак, ты желаешь, дабы сама Библиотека вынесла вердикт? Чтобы она решила, кто достоин о ней заботиться и населять этажи ее?

– И насколько реальными должны быть ее книги, – добавил Великий Скучамаут почти дружелюбным тоном. – Предлагаю вынести этот вопрос на суд Библиотеки. Кого из нас *она* выберет, на того и падет благословение.

– Ага! – Опасное Знание тоже заулыбалось, но его физиономия яростно вытянулась. Существо стало отступать вниз по холму, с каждым шагом вырастая так, чтобы оставаться глазами на одной высоте с Великим Скучамаутом. В обычной обстановке столь дешевый визуал не удостоился бы особого внимания, но сейчас его можно было считать уместным. К тому

же дизайнер Опасного Знания приберег восхитительную фрактальную броню на вырост.

Опасное Знание развернулось, обратясь к миллионам виртуальных сторонников.

– Вызов честный. Все Сопричастные Знанию, присоединяйтесь ко мне в решающем натиске. Покажем Библиотеке, что именно мы суть ее будущее и самые искренние защитники. И пусть Библиотека покажет миру, каков ее выбор!

Молчание прервал ответный рев миллионов глоток из не задействованных прежде усилителей кампуса – а может, кто-нибудь узурпировал и применил себе на пользу часть звуковой аппаратуры скучеров.

Галактика игроков – мехов и людей, реальных и виртуальных – снова пришла в движение, конфликт возобновился. Рыцари и Библиотекари обрушили пламя на скучеров, Умосумм Хвиня вновь начал давить и расшвыривать роботов. Величественный поворот ансамблевого фронта вокруг университетской библиотеки продолжался, и спиральные рукава его загорелись ярче прежнего. Но теперь боевые кличи взывали к самой Библиотеке. А библиотека налилась светом, источник которого, по впечатлению, располагался в бесконечной выси. Свет был чисто виртуальный, но присутствовал во всех ракурсах.

Хвинь шествовал среди вопящей толпы, почти отдавшись велению момента. Почти. Все зашло дальше, чем он мог себе вообразить. Отчасти успехом этим они были обязаны аудитории: присутствовала заметная доля бодрствующего населения мира. Отчасти им на руку сыграли непривычно покладистые GenGen и УСД, а присутствие продюсеров, рыскавших повсюду вокруг, сулило огромную выручку. И ничего бы этого не произошло, если б не контент, проявившийся, когда участники выступили в бой. Контент с обеих сторон, художественно цельный, как новые дизайны, и физически ощутимый, как удары по легионам ботов.

Тем не менее надежды обеих армий, гачекианцев и скучеров, возложены теперь на немыслимое. Если Библиотека не ответит или если ответит просто какой-нибудь дополнительной графикой, тогда уже секунд через тридцать накал начнет спадать, и очень многие люди, в их числе Тимоти Хвинь, почувствуют себя слегка по-дурацки. Таков удел многих флэшмобов, особенно тех, что кажутся поначалу самыми успешными. Большие обещания, большие награды, и иногда награда в том, что обещания… сбываются.

Что же задумал Великий Скучамаут? Хвинь оглядел поле боя в инженерном и артистическом ракурсах. Выглянул из камер скучеров, с аэроботов, даже через утилиты GenGen посмотрел.

Лучшее, что *он* мог себе вообразить, это какой-нибудь вялый сюрприз, просто чтобы отвлечь публику от несбыточного обещания.

Кольцо сражения сжималось вокруг библиотеки. Шумы битвы, долетавшие с обеих сторон, образовали согласованный ритм, пункт и контрапункт. Вопли исподволь дополнила музыка. Спустя несколько мгновений все локальные голоса синхронизировались с нею, и каждый боец стал раскачиваться в такт. Громче, всё громче возносилась она, и Хвинь отметил, что захвачены даже громкоговорители полицейских и пожарных машин. Кто-то пошел на реальный вандализм ради вящего эффекта.

И без какого-то определенного результата все это расточится втуне.

Впрочем, совместный хор продержался считаные секунды. Потом он замолк, словно ничего и не произошло, словно никто не мог себе представить, чтобы еще что-то произошло. Но… прозвучал иной звук, вибрирующая дрожь подкралась из глубин земли. Десять лет назад Тимоти Хвинь уже испытал нечто подобное. При Роуз-Каньонском землетрясении.

Хвинь встрепенулся, отбросил все фэнтезийные оверлеи. В панике уставился во тьму собственными глазами. Там-сям метались реальные огни, выхватывали из мрака лица тысяч реальных участников мятежа, поблескивали на угловатых корпусах более крупных механизмов. А световая колонна с небес исчезла. Библиотека кое-где подсвечивалась, но в основном представала силуэтом на фоне огней с другой стороны долины.

Дрожь земли нарастала. Стены и нависающие этажи библиотеки, казалось, тоже задрожали. Величественная двойная пирамида, пережившая десятилетия, выстоявшая при Роуз-Каньонском землетрясении, тряслась всеми тысячами тонн реального бетона.

В ритме нарастающей музыки.

Раздавались крики. Многие здесь помнили Роуз-Каньонское землятресение. Но многих и зачаровывало это зрелище: их пение возобновилось, видения в ночи подхватили его и разнесли по миру.

Библиотека покачнулась. Некоторые части ее накренились, некоторые вздыбились. Она тряслась не так, как в танце. Не как в ирландском степе. Скорей так, как мог бы танцевать человек, одной ногой увязнув в земле. И Хвинь понял, что никакого землетрясения нет: просто кто-то хакнул систему стабилизации постройки. Он когда-то читал, что здание с хорошей запиткой стабилизаторов способно устоять почти при любом

землетрясении, если только крупная трещина не разверзнется прямо под ним. Сейчас, однако, эта энергия обратилась на себя.

Ритмичные покачивания сделались размашистей, двенадцать футов влево, двенадцать футов вправо, вверх, вниз; части здания раздвигались и съезжались вместе. Качающийся танец нависавших этажей перекинулся на колонны и контрфорсы. Раздался звук, который мог быть реален, а мог и оказаться плодом чьего-то изобретательного воображения. А может, и тем и другим. С таким звуком, вероятно, горы вырывает из основы их.

Колонны сместились, и библиотека… зашагала. Это впечатляло не так, как могла бы поразить графика, но Хвинь видел происходящее собственными глазами. В решительной последовательности поднялась одна пятидесятифутовая колонна, потом другая, потом они переместились на несколько ярдов к Великому Скучамауту и опустились снова со звуком скалы, пробивающей скалу. Остальное здание передвинулось вместе с ними, крутанувшись на служебном ядре – на центральной оси библиотеки.

Великий Скучамаут сделал шаг вперед и обнял угол ближней колонны. Музыка взметнулась триумфальными аккордами. По миру прокатились волны веселья, изумления и легкого остаточного страха.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Ну как вам ЭТО? Ну как вам ЭТО? </sm>

Библиотека сделала выбор.

25
Элис больше не спросить

[29]

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Черт! Внутренняя безопасность на это отреагирует. Мистер Кролик спятил, что ли? </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Он утверждает, что его «библиотечный танец» приведет только к вмешательству ФБР, и в целом это позволит нам выиграть время. </sm>

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> О'кей. Я получил полный дамп нашего инспекционного оборудования. С Божьей помощью, всем нужным для расследования по этим лабораториям разжились. </sm>

Альфред уже прорабатывал план отступления. Коллег он одурачил, но… как там атака на Элис Гун? Если она еще в деле, все его действия могут быть обессмыслены.

– ФБР запрашивает контроль над зоной беспорядков.

– На каком основании? – Боб Гу не отрывал взгляда от библиотеки. Даже без дополнений видео впечатляло. Бетонная махина двадцатого века, изначально – тупая, как валенок, и все же она сдвинулась с места, не обвалившись.

– На основании явного нарушения федерального законодательства, а именно… – В поле зрения Боба промелькнули юридические ссылки. – ФБР утверждает, что это, по существу, атака на федеральное здание.

Боб помедлил. Криминал тут, конечно, присутствует, хотя университет с официальными жалобами не обращался. ФБР к этой вахте отношения не имеет, они, если и появятся, будут действовать исключительно полицейскими методами. А приоритет вахты – *его* приоритет – другой: наблюдение и перехват. Сначала наблюдение, потом перехват. Если эти беспорядки – прикрытие, но для чего? Он проверил состояние биолабораторий. По-прежнему все в зеленой зоне.

– Отказать, – ответил он наконец. – Там продолжается расследование УВБ. Но полиции Сан-Диего, спасателям и охране кампуса УСД предоставьте доступ к первому слою наших аналитиков. Приготовьтесь оказать техподдержку на случай сетевой ЧС.

– Первый слой полиции Сан-Диего и охране кампуса. Есть, сэр.

Боб снова посмотрел на библиотеку. Она устояла, но… это был чертовски опасный трюк.

Его аналитический пул придерживался того же мнения. За последние тридцать секунд узловая структура чуть наизнанку не вывернулась. Элис на миг позволила инженерам перехватить инициативу. Текстовые облака заполонила болтовня о том, как технически была реализована «библиотечная прогулка» и какие опасности могут угрожать людям в библиотеке и кругом. Университетские узлы погрязли в дискуссиях, но и его собственные сотрудники подливали масла в огонь. Это неприемлемо.

Боб подался вперед и произнес:

– Всем отрядам! Перейти в режим готовности к запуску.

Шансы, что понадобится реальный запуск, все еще околонулевые, но это заставит морпехов перебраться в десантные боты. И, что важнее, привлечет их внимание. Университетские узлы вынырнули из марева дискуссий, и морпехи в тесной координации с ними принялись готовиться к старту. Боб еще минутку рассматривал пул отвлеченных аналитиков. Элис уже отгоняла их от библиотеки. Инженеры, занятые вопросами структурной устойчивости, перестали хозяйничать в пучке. Библиотека тронулась с места, и что же она этим прикрыла? Долг морпехов – стоять на страже готовыми к самым опасным сюрпризам. К примеру, как там дела у безопасников биолабораторий? А на остальном Юго-Западе США что творится?

Он развернулся и покинул бункер, направляясь к собственному десантному боту через узкий туннель. Аналитический дисплей плыл рядом с ним, по правую руку. Элис утащила себе еще полторы тысячи аналитиков, в основном биологов и биохимиков по части фармакологии.

В конце туннеля изогнутый потолок понижался. Десантный аппарат Боба был невелик, а в дизайнерском отношении представлял собой компромисс между задачами поскорее достичь цели и обеспечить наилучшее прикрытие руководителю местной операции. Из туннеля просматривались только откинутый люк и фрагмент черного, как ночь, фюзеляжа. Боб пролез в кабину, но не стал застегиваться.

Что это делает Элис? Он смотрел, как разбухает аналитический пул, превосходя размерами большую часть себе подобных. Внимание этой оравы полностью сосредоточилось на биолабораториях вокруг университета Сан-Диего. Да, ситуация там занятная: хотя системы безопасности показывают зеленый статус, персонала внутри нет, они все сбежали участвовать в потешном штурме. Это требовало определенного внимания, но и

надзор за биолабораториями упрощало. *Блин!* Теперь Элис стягивала к себе аналитиков по грузоперевозкам со всего Юго-Запада.

Пойти наперекор старшему аналитику – всем репутацию обляпать, но других вариантов не остается. Даже в бою такая мономания выглядела бы странно.

Но так уж вышло, что Элис сама все сделала. У всех загорелись индикаторы чрезвычайной ситуации. Кабина аэробота закрылась, противоперегрузочный кокон застегнулся.

ЗАПУСК ЗАПУСК ЗАПУСК

Промелькнуло перед его глазами, и пошел обратный отсчет от тридцати секунд. Аналитики приняли меры предосторожности, как всегда в драматической ситуации потенциального дружественного огня. Все вылетят одновременно и уже в полете распределятся.

Но угрозы аналитический пул не показывал. А целью запуска значился УСД.

Кокон надувался вокруг Боба. Часы обратного отсчета дошли до двадцати пяти секунд.

Он вызвал ракурс старшего аналитика.

– Элис! Изложи мотивировку запуска.

Элис посмотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Все просто. Начало медленное, а потом внезапная догадка случилась. Угрожающая интеграция. Нейромодуляторный сигнальный маршрут Gat77 заморочен. Сигнальный каскад имеет слишком много контрольных точек для анализа МБВ, но по этой ссылке… – какой-то arXiv-ный указатель, – видна прогрессия. – Она нахмурилась и внезапно сорвалась на крик: – Не понимаешь? Тут отказ! Конформационные изменения предотвращают адаптивный отклик! Эта…

Десять секунд до запуска. Медицинские показатели Элис Гу зашкалили.

Восемь секунд до запуска. Боб отменил приказ о запуске и вывел с вахты старшего аналитика.

ОТМЕНА ОТМЕНА ОТМЕНА

Кокон расслабился вокруг него. Он это едва заметил. Голова Элис упала на грудь, но она продолжала отчаянно что-то блажить. По ее блузке текла слюна. Он и это едва замечал. Повысил в статусе ее заместительницу, агентессу ЦРУ, которая сегодня была слишком пассивна. Но что она могла сделать, когда

ломается спец калибра Элис?

Цэрэушница принялась за работу сразу же.

– Дайте нам две минуты, сэр, я все подниму.

На это время Боб Гу ослеп, а его смена превратилась в толпу сообразительных людей с миллионом потоков данных на руках. Один из них был медицинским. У Элис приступ ДП-синдрома, самый жестокий и внезапный за всю ее карьеру. Она отчаянно пыталась донести свою мысль, но застряла на молекулярной биологии.

Цэрэушница вернулась.

– Сэр, с вами все в порядке?

– Я… Да. – Боб оглядел выдачу аналитического дисплея. Цэрэушница отсоединилась от остальных смен по континенту. Они работали в режиме тесной интеграции ЧС. Ощутимые сегменты сети Элис запутались, но цэрэушница латала ее, принудительно восстанавливая связь и возможные корреляции. Пожалуй, ее все еще слишком переклинило на УСД. Кажется, она полагает, что Элис в своих последних словах пыталась предупредить о вражеской активности там. О'кей, после того, как со всем остальным разберутся, можно и этим заняться.

– Да, все в порядке.

За последние двенадцать недель Кролик многому учился; он, можно сказать, *рос*. Этим вечером все сошлось. Наверху беспорядки близились к своей кульминации – и, был уверен Кролик, это круче любого секса. *Я стал реальным звеном круга скучерских убеждений, да-а!* Но случались и сюрпризы. Затея породила (или просто позволила заметить?) существо, предположительно равное ему. Кролик на первом этапе беспорядков играл за обе стороны… но теперь Опасным Знанием манипулировал кто-то очень изобретательный, знатный приколист, практически ровня Кролику. Значит, помимо миллионов новых аффилиатов, в том числе исключительно талантливых (насколько доступно человеку), у него бонусом может появиться особенный новый друг.

Беспорядки уже превзошли размахом и сложностью шпионскую возню, которую призваны были прикрыть. Удивительное дело, но Альфред и компания до сих пор не догадываются о природе и масштабе его возможностей, несмотря на морковную ботву и другие подсказки, в изобилии предоставленные Кроликом. Однако что-то подсказывало Кролику: происходящее под землей не менее важно… в долгосрочной перспективе. Альфред затеял там какую-то свою загадочную игру. Настало время выяснить какую, и, возможно, отщипнуть себе кусочек приза.

Настало время, но Кролика заблокировали. *Чертов Альфред*. Оптоволоконный канал в боевой сети Альфреда. Кролика заткнули наглухо: ему оставалось разве что предупредить УВБ и тем спалить тщательно распланированную чудесную шутку. Хех! А с кем это общается сеть Альфреда? О, ну надо же, всего пара тысяч умненьких индо-европейских аналитиков! И они такие умненькие не оттого, что по правительственным норкам прячутся. У каждого своя творческая жизнь. Кролик перескакивал из Брюсселя в Ниццу, оттуда в Мумбай и Токио и – естественно! – прислушивался к своему внутреннему «я». Теперь, когда ему понадобилось об этом задуматься, он понял, как применить некоторые трюки, проверенные ранее на американских безопасниках. Кролик настраивал тысячу аффилиаций и прослушивал миллион разговоров, которые сознательно обрабатывать не было нужды. Последнее волшебство, и *виоля*, ОНА: Кролик в боевой сети! Он нырнул с Альфредова стелс-аэробота, возвращаясь на чудненький командный пост в Пильхнер-холле. Кролик глянул на медсенсоры Ороско. Мальчуган еще жив. Старый Альфред не монстр, если только его принципы этого не требуют. Что он ищет? *И не могу ли я себе немножко откусить?*

Кролик аккуратно крался по каналам связи Альфреда в лабораториях. Неудивительно: Альфред Вас на славу поработал с устройствами, которые в GenGen внедрили маленькие друзья Кролика. Прорву данных выкачивает для своих коллег в ЕС и Японии. Кролик исподтишка наблюдал; если хочешь остаться невидимкой, лучше не задавать прямых вопросов. Он перехватил шифропоток и посмотрел, кто с кем общается в зоне GenGen, замороченной Альфредом.

Но все же… это не имело смысла. Экспортированные данные не отвечали локальным наблюдениям. Внезапно в уме Кролика зажглась здоровенная лампочка. Альфред ничего не ищет, он следит, чтобы его друзья по Альянсу не пронюхали про его собственные разработки! *Альфред, ах ты старый хрен, запустил свой проект на американском оборудовании и ото всех его прячешь*. Ради чего такая секретность и настолько мудреная операция прикрытия? Оставалось строить догадки, но Кролик в этом был мастер, лучше всех аналитиков индо-европейского пула, даже круче Элис Гу и *ее* аналитиков.

Упс. Что-то подсказывало: у Элис нешуточные проблемы. Кролик добросовестно отыграл посредника в таинственной слежке Альфреда за Элис. Наверное, то была подстава с намерением свалить Элис. Но как он это провернул? Внезапно происходящее под землей его крайне заинтриговало.

Сердцем исследовательской империи Альфреда был уголок отдела молекулярной биологии восприятия в GenGen. Данные из всех прочих локальных источников, о невинных проприетарных[30] проектах, экспортировались беспрепятственно. Кролик внимательно пригляделся к дезе, вытекающей из МБВ. В том, что удалось расшифровать, встречалась расхожая фразочка «модель, испытанная на животных». Испытанная на животных, испытанная на животных. Обычно это относилось к животным, чье состояние аналогично человеческому – какой-нибудь болезни, для которой нужно лекарство. Кролик почему-то не думал, что Альфред работает над лекарством. А в зоне МБВ животных много. Конечно, в основном это насекомые. Галлоны дрозофил, каждая – с ярлычком после тестов. Кролик зарылся в местные базы данных. Похоже, Альфред забавляется с ЛТМП, но детали понять сложновато. Кролик *не всегда* был стремителен. В том, что касалось сложных задач, он напоминал тварей меньших; ему нужно было «переспать с этой проблемой». А потом, поутру, старая интуиция подкидывала замечательные озарения.

В данном случае до завтра подождать не получится. Еще пять минут – и будет слишком поздно. Спектакль Альфреда почти окончен, а с ним пропадет и доступ к шпионским узлам; блин, гаджеты, скорее всего, сами себя спалят. Кролик помедлил, прислушиваясь к своему внутреннему «я». Он нутром что-то чуял. Современные разведслужбы существуют, чтобы предотвращать террор. Но Альфред… чем бы он тут ни занимался, а этот хрыч способен вывести Великий Террор в области, куда человеку соваться не следует.

Тогда, может, просто вызвать УВБ? Даже без Элис Гу они Альфреда за пять минут вырубят. Кролик обдумывал эту идею со всей серьезностью, какой она заслуживала… секунды две. Потом широкая ухмылка расплылась по его концептуальному лицу.

Кролика захлестнули идеи. И среди них та, что подзадоривала его с первого момента проникновения в военную сеть Альфреда. *У меня интеллект выше, а теперь и физическое преимущество имеется!* Альфред в поле, он работает при низких задержках, на высочайших битрейтах и с более качественными данными. Тем не менее он прикован к своей комнатушке, а все его мехи, кроме одного, наверху. Клика Старейшин же все еще внизу, в лабораториях. Да, они не в зоне GenGen, но на расстоянии досягаемости оптоволоконного канала. *Ага, а это еще кто?* А это наша знакомая толстушка, принцесса китайских ниндзя. Она не входит в изначальный план, но как же кстати. Странная и чудесная девчонка.

За дело. Он уже прорабатывал запасные варианты и готовил

документы. *Если буду очень осторожен и очень скрытен, сумею прокрасться по оптоволокну и рассказать Роберту, Уинни, Карлосу и Томми правду. И тогда у меня появятся физические руки.*

Альфред замышлял нечто запредельное даже для Великого Террора. *Но с такой же мощью в моих руках… о, я повеселюсь на славу!*

26
Как-пережить-следующие-тридцать-минут. pdf

– Я же вам говорил, что мой план сыграет! Разве я не говорил?

Томми Паркер стоял, закопавшись по колено в остатки библиотечной коллекции. Обрезки порхали за его спиной, как грязный снег, а снежинки были размером с руку. Хранилище библиотомного проекта обнаружилось в задней части пещеры Макса Уэртаса, именно там, где и напророчил Томми. Ряды прочных грузовых контейнеров с пометками *Спасенные данные*. Контейнеры не устояли перед резаком Томми, и он опорожнил на пол содержимое «А-ВХ», сиречь большую часть стеллажей пятого этажа. *В виде обрезков оно такое компактное*, – подумал Роберт.

Томми помахал в сторону порхающих обрезков.

– Ребята, вы готовы к расклейке? Мы Уэртасу всю обедню испортим. А где ваш репортер? Я Шарифа уже давненько не вижу. – Он обошел приятелей, раздавая им баллончики с аэроклеем. Наконец, вроде бы осознав молчание, добавил: – Но Шариф нам, в общем-то, и без надобности, так? В смысле, у нас ведь своя аппаратура для записи. – Он приподнял лэптоп в пристежке.

Роберт переглянулся с Карлосом и Уинстоном. Уинни слегка покачал головой. От Таинственного Незнакомца пока ни слова.

– Да, конечно, Томми, – сказал Роберт. – Всё…

– Все будет в порядке, профессор Паркер, – подхватил голос Шарифа из лэптопа Томми. – Не согласится ли профессор Гу провести съемку?

Они отстегнули лэптоп, и Роберт, повинуясь голосовым указаниям, отошел в сторону. Голос выбрал точку съемки с большой тщательностью, потребовав установить лэптоп на краю захламленной обрезками области, почти на маршруте, которым они двигались к пустому залу.

И вдруг Роберт заметил в своем поле зрения ползущие буквы. Безмолвное сообщение… а буквы были зеленые.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Эй, приятель! </sm>

– Я…

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Тихо-тихо-тихо! Шш. Нельзя, чтобы Альфред узнал, что я вернулся помочь вам. </sm>

Альфред? – недоуменно подумал Роберт и смолчал.

Незнакомца, кажется, больше никто не заметил. Томми возвратился к обрезкам, подкинул их в воздух и обрызгал клеем из баллончика.

– Камере все видно, Роберт?

Роберт опустил взгляд на экран.

– Да…

В любое другое время эффект аэрозольного клея зачаровывал бы. Томми подкинул в воздух очередную пригоршню обрезков и брызнул на них клеем. Там, где встречались клей и бумага, обрывки страниц внезапно опадали как одно целое. Масса обрезков медленно опускалась к полу. Большая часть пола не коснулась, а зависла в воздухе. Томми рассмеялся и на что-то надавил. Собрание обрезков покачалось туда-сюда, словно кусочки фруктов в невидимом желе.

Томми залихватски присвистнул.

– Попробуйте сами. Только не оргазмируйте от восторга.

Он подкинул еще одну пригоршню и еще. Взметнулись бумажно-пылевые радуги.

Роберт откачнулся, подстраивая ракурс, как оператор-профи.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Взгляни туда, где Альфред тебе рассказывал, как направить камеру. Видишь свет? Свет во тьме? </sm>

Крошечное озерцо света стекало по ступенькам. Кто-то бежал по лестнице, спускаясь в пещеру Уэртаса.

Это была Мири. Девочка кинулась к ним, гулко стуча подошвами по полу и вопя:

– Роберт! Роберт!

Томми и остальные обернулись, и у них челюсти отвисли.

Мири обежала обрезки и остановилась, задыхаясь.

Уинстон смерил ее взглядом и поглядел на Роберта.

– Это ведь тоже Гу, гм?

– Ага. Моя внучка.

– Я думал, мы договаривались, что все это останется между нами! – Взгляд Уинни был красноречивей любого хайтек-сообщения. *Ты сейчас все запорешь, и мы сядем в лужу.*

Но Томми прибытие Мири шокировало сильней всех.

– Как она мимо безопасников проскользнула? Там же должна быть уйма копов.

– Нет-нет. – Мири переводила дух, давилась словами. – Нужно *вызвать* полицию!

У лэптопа тоже нашлось что сказать:

– Не обращайте внимания на этого ребенка. Помните, зачем вы здесь.

Роберт сунул Уинни лэптоп и потянулся к Мири.

– Как ты нашла нас, детка?

Она обхватила его за пояс.

– Мы с Хуаном… – Мири помедлила, глядя на него широко распахнутыми глазами. Куда делась ее привычная уверенность в себе? Из них смотрел ужас. – Роберт, вас кто-то использует. Я думаю, они, они могли убить Хуана!

– Вовсе нет, – заявил лэптоп. – Э-э-э… – Голос замялся.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Хех. Альфред закачал в коробочки у вас на поясе забывающий газ, а теперь удивляется, почему вы еще стоите ровно. </sm>

– Господа, – продолжил голос, – я советую вам помнить, зачем вы *на самом деле* сюда явились.

Томми вынырнул из бумажных струй. Чуть не выронил баллончик, но даже не заметил этого. Он перевел взгляд на Карлоса, Уинстона и Роберта.

– Да-да! Что мы должны вспомнить? Зачем *на самом деле* мы сюда явились?

Карлос и Уинни не рискнули посмотреть ему в глаза. Карлос промямлил что-то по-китайски.

– Мы поступили так, как сочли правильным, – ответил Уинстон.

Да, так, как счел правильным каждый из нас, но… Хуан убит? Он посмотрел на Томми.

– Томми, мы тебя обманули. За этим стоит кто-то еще.

Томми отошел к бумажной куче, бесцельно попинал свой шедевр.

– Но… Мне казалось, ко мне вернулась моя хватка. – Он покосился на Мири и, видимо, сопоставил все странности. Плечи его обвисли. – О’кей. Я старый дурень. Кто меня подстегивал, Роберт?

– Не знаю.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Тебе я мог бы рассказать. Может, однажды и расскажу. </sm>

Уинни и Карлос, вероятно, не заметили сообщения.

Мири вздернула подбородок.

– Нужно передать весточку наверх.

Лэптоп цыкнул на нее:

– Перемещения опасны. Оставайтесь, где стоите.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Вообще-то, я бы рекомендовал то же самое, но мы с Альфредом побили горшки, так что, приятель, поступайте как знаете. </sm>

Томми Паркер воззрился в пустоту пещеры Уэртаса. Он почти бесцельно встряхнул баллончик.

– Железо, которое мы внедрили в GenGen. А я-то думал, это *моя* разработка. Мое гениальное творение. Блин, это ж может быть что угодно… бомбы, яд, какое-то террористическое оборудование. Но мы на северной окраине комплекса. – Он махнул в сторону стены, маячившей из сумрака сразу за шредерными контейнерами. – Эта стена выходит на Сорренто-Вэлли. Там старые входы есть. Можно было бы через них пробираться, но мои исследования показывали, что там обезвредить сигнализацию будет труднее. А и начхать мне теперь на сигнализацию!

– Ни с места, – скомандовал лэптоп. – Вас окружает летальное оружие!

Из тьмы шмыгнуло что-то маленькое, черное.

– Я на Гилман-драйв такое видела. – Мири шагнула туда. Робот повернулся к ней. Металлический щелчок очень напоминал звук заряжаемой обоймы.

– Мири… – задержал ее Роберт, но Томми выдвинулся с другой стороны, и внимание робота переключилось на него.

Паркер остановился футах в семи от механизма. К нему вернулось подобие прежней насмешливой самоуверенности.

– Да это ж просто сетевой бот. Его начинка в основном для прослушки и перехвата узлов. Сам по себе он мало на что годен.

– На полу их сотни, – сказал лэптоп. – Не вынуждайте нас действовать.

Мири стряхнула Роберта.

– Не вижу я никаких других, – сказала девочка и двинулась к роботу.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Там только один, но… </sm>

Тут произошло сразу несколько событий: Роберт рванул Мири назад и заслонил собой, Томми сделал выпад баллончиком, как фехтовальщик, и оказался в футе от робота, а тот стремительно сложился, как сработавшая крысоловка. Томми вскрикнул и упал лицом вниз.

Роберт подскочил к роботу и схватился… за жесткий воздух. Упрочненная пена была едва различима глазом, но мешала добраться до робота. Он крутанул гелевую массу, выглядывая точку, откуда подобраться к врагу будет удобней. Вот! Он врезал панцирем машинки о бетонный пол. И еще раз. Робот развалился на части, но гелевая мгла продолжала удерживать их. Завизжали моторчики, пытаясь высвободиться. Подоспели Мири с Карлосом, начали давить то, что осталось от робота. Сквозь туман полетели искры, и Роберт ощутил покалывание, от которого волоски на руках встали дыбом.

А потом робот распался на мертвые компоненты, которые неподвижно зависли в блоках невидимого геля.

Единственным звуком осталось хриплое прерывистое дыхание Томми. Уинни перевернул коротышку на бок. Лицо Томми посинело, рот изогнулся в болезненной гримасе.

– Томми, что случилось?

Паркер выгибал спину.

– Эта сука… спалила… мой кардиостимулятор.

Карлос упал на колени и коснулся плеча Томми.

– *Вомэнь шасы ле нагэ цзицижэнь.* Мы прикончили робота, доктор Паркер.

Томми одобрительно заворчал, не переставая, однако, выгибаться на полу.

– Томми, мы тебя вытащим отсюда, – сказал Блаунт. Он поднял глаза на Роберта. – Никаких больше игр.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> О черт. Паркер подавал такие надежды. О'кей, я вам с ним помогу. А если потом вы поможете мне, я все еще смогу исполнить свою часть сделки. Как тебе такое? </sm>

Роберт посмотрел мимо зеленых букв на Уинстона Блаунта и кивнул.

– Никаких больше игр.

Томми по-прежнему дергался от боли. В промежутках между спазмами он выдавил:

– Кодовый ключ… в кармане.

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Хех. Благодаря

моей магии эта древняя карточка все еще работает. Мой маленький сюрприз, подарочек для Альфреда. </sm>

Голос из лэптопа – Альфред? – безмолвствовал.

Карлос глянул на лэптоп, стоящий на бетонном полу.

– Нужно его сломать. Через него враг за нами следит.

Мири обошла вокруг антикварного компьютера.

– Думаю, если выдернуть оптоволоконный кабель из разъема, плохие ребята исчезнут.

– Да… выдергивай!

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Эй, погодите. Откуда, по-твоему, явился я? Ну и что, если Альфред за вами будет шпионить? Вам нужен я. Если вы меня отрежете, то мне, блин, придется… </sm>

Мири подняла лэптоп и перевернула его, мгновение рассматривала незнакомые порты, потом потянулась к…

Таинственный Незнакомец ↳Роберт: <sm> Ненавижу Мири. </sm>

…и выдернула оптоволоконный кабель из лэптопа.

Они заулыбались друг другу, как придурки. Томми выдавил слабый смешок.

– Мы… сорвались с поводка. – Он несколько секунд боролся за вдох. – Ребята, вам придется меня нести… Я… покажу вам выход.

Уинстон посмотрел на Томми.

– Томми, мы тебя вытащим. С тобой все будет о'кей.

Он поднял Паркера под мышки, потом потянулся перехватить под колени. Паркер не очень много весил, но Блаунт зашатался.

Мири обежала вокруг Блаунта и сунулась туда, где Уинни поддерживал Томми под левую руку. Уинни не возражал; возможно, потому, что она не спрашивала. Роберт взял Паркера под ноги, и они двинулись вдоль стены. Карлос следовал за ними с резаком и остальными железками, которые еще могли пригодиться.

Никто не преследовал их, по крайней мере, никто видимый. Тупая коробочка на поясе Роберта, во всяком случае, показывала лишь мерцание инфраструктуры пустой пещеры.

Дыхание Томми перешло в хриплый свист. Каждые несколько шагов он извивался у них на руках.

– Еще сто ярдов… – Он вздрогнул и обмяк.

– Томми? – помедлил Уинстон, почти затормозив всю процессию.

– Вперед… вперед. – Еще через минуту: – Значит, весь наш протест против «Библиотомы» был с самого начала… подставой?

– Не знаю, Томми. Я понимал, как это глупо выглядит, но мне казалось, что оно того стоит. – Блаунт покосился на Роберта. – Мне казалось, это приведет к тому, чего мне действительно было надо.

– И мне, – сказал Карлос ослабевшим голосом. – Шариф, или кто бишь это такой, всех нас поймал на крючок, да?

– Всех, кроме Томми.

Мири слушала их словесную перестрелку молча, но смотрела во все глаза. Что же, она заслужила ее послушать.

Роберт произнес:

– И что же он пообещал тебе, Уинстон?

Уинни оскалился.

– Провалиться мне на этом месте, если я тебе скажу. – Он помедлил, и оскал превратился в кривую усмешку. – Но я готов побиться об заклад, что знаю, какую сделку с дьяволом заключил *ты*. – Не дождавшись ответа Роберта, Блаунт усмехнулся еще шире и продолжил: – Ты пытался это скрыть, Гу. На всех наших библиотечных встречах ты ни разу не выкинул свой любимый фокус. Поначалу я думал, что ты меня заманить в какую-нибудь хитроумную ловушку пытаешься. Когда я узнал про Шарифа, мне показалось, что *ты* бежишь от *него*. – Уинни рассмеялся. – Но затем я заподозрил правду. Ты утратил свое убийственное качество, потерял способность заглядывать людям в нутро и видеть, что им доставляет самую сильную боль, а потом вываливать на них это. Ты это потерял, Роберт, не так ли?

Роберт потупился.

– Да. – Он произнес это слово мягко, без гнева, будто вздохнул.

– И готов побиться об заклад, что стихов ты тоже больше не пишешь.

– Я хочу вернуть поэзию, Уинни.

– А-а.

Томми дернулся у них на руках, сражаясь за вдох.

– Заткнитесь… северный гейт… через сто футов.

Они двинулись дальше молча, пытаясь углядеть какой-то знак на безликой стене. И теперь, когда Роберт присматривался, он заметил кое-что другое. Не зеленые буквы, нет, а мигающую иконку входящего письма. Это сообщение проскочило последним, перед тем как Мири выдернула кабель. Почти машинально он переложил руку там, где держал за ногу Томми, и нажал на

коробочке подтверждение приема.

Боже мой, pdf-ка. Он их не видел с той поры, как в университете преподавал. В воздухе повис список разделов. Его внутренний критик не устоял перед соблазном прокрутить страницу. Содержание безукоризненно отформатировано, орфография идеальная (в отрыве от контекста). Подпункты же – гротескная мешанина разнородных конструкций и грамматических вольностей. Такое впечатление, что список впопыхах составляли безграмотные неучи.

Но смысл… очень важен.

Ваш друг, Таинственный Незнакомец

Пока мы не на связи друг с другом,

или

Как выжить и преуспеть в следующие тридцать минут

Посвящается идиотам, которые оборвали оптоволоконный кабель. Теперь Альфред вас не видит, но и я отрезан. Поэтому пришлось мне высунуться из-под прикрытия и переслать вам эту охапку бит, прежде чем Мири выдернет штекер.

Краткая сводка результатов
[отсутствует]
Содержание
Введение
Как пользоваться этим документом

Глава 1. Спасение Томми Паркера
Бэкдор в Huertas
Карта-ключ не должна работать, но работает!
Глава 2. Ваша благородная носимая электроника
К сожалению для вас, на самом деле не *hecho en Paraguay*
Нокаутирующий газ – а, я вам уже об этом говорил
Что могут эти гаджеты и в чем им нельзя доверять
Глава 3. Что затеял Альфред
И почему вам *конкретно* не захочется, чтобы он преуспел
Модель, испытанная на животных, или Как завоевать мир с помощью дрозофил
Почему 911 не успеет ему помешать

Если не верите, просто покажите Мири этот файл!
Глава 4. Как вы можете помочь
Карта территории Huertas
Карта массивов МБВ GenGen. Альфред захватил сети на этом участке, но я тоже там
Как вернуться в зону МБВ
Что вы можете сделать, чтобы одолеть Альфреда
Будьте моими руками в этой благородной борьбе!
Глава 5. А вам до всего этого какое дело?
Обещания даны, обещания будут выполнены
Ваши руки помогут мне с этим справиться

Приложение А
Всякие интересные штучки, которые впечатлят Управление внутренней безопасности и облегчат вашу жизнь после ареста

Приложение В
Почему скучамаут должен быть властелином и маскотом библиотеки

Роберт посмотрел на Мири. Она сосредоточилась на том, чтобы не уронить Томми, которого придерживала за плечо. В этот миг ее совсем не занимали гиковские интересы. *Но помощь гика нам сейчас нужна как никогда.*

Роберт ↳Мири: <sm> <file type='pdf'/>

И он сбросил ей файл Незнакомца.

Томми старался считать шаги Уинни, но его отвлекали. В его груди бушевал рок-концерт, и каждый раскат ударной установки обжигал плечи и кисти. Это не настоящий сердечный приступ, а просто хаотический режим кардиостимулятора. Томми не завидовал читерству медицины, которым за последние годы воспользовались многие: сердечно-сосудистая система разваливается? Ну и плевать, кардиостимулятор позволит продержаться до настоящего научно-фантастического бессмертия. Но теперь его планы на вечную жизнь оказались под угрозой. *Считай шаги! Считай шаги!*

На несколько секунд боль отступала, и сердце бабочкой лихорадочно билось в груди. В эти несколько секунд он мог мыслить ясно, а потом отключался снова… Друзья все еще тащили его, хотя дорога была, по впечатлениям, ухабистая.

Роберт ёрзал, словно его отвлекала коробка на поясе.

– О'кей, стоп, – прошептал он. Он бы закричал, но ему теперь оставалось только шептать.

Его услышали. И опустили на холодный жесткий бетон.

Из вышины донесся голос Уинстона:

– Ну и где дверь?.. Ага, вижу!

Уинстон завозился с ключ-картой. Что-то крупное отъехало в сторону, появилась слабо светящаяся стена, возможно, это было ночное небо. Он ощутил дуновение холодного ветерка на лице. Фривей шумел, как далекий прибой.

– Сигнализация не сработала, – сказал Уинстон.

– Может… она беззвучная? – ухитрился просвистеть он. Этот маршрут отхода в первоначальном плане рассматривался как безумный.

Уинстон тенью обрисовался на фоне небосклона и застучал по клавиатуре.

– Томми, я дозвонился в 911! – Он заговорил с кем-то, не слышным Томми, стал рассказывать про сердечный приступ.

– Томми, они едут! Им нужен твой меджурнал.

Рок-концерт возобновлялся, в груди взяли новую мелодию.

– Наверняка… меджурнал… сгорел.

Он крутанулся, приподнявшись на локтях. Были вещи поважней.

– Уин, скажи им про лабы…

– Я им сказала. Я только что сама позвонила в 911. – Это внучка Роберта. Ее нога оказалась совсем рядом с его головой. Потом она отступила, став второй тенью возле Уинстона. Она поворачивалась из стороны в сторону, как поступают дети, играя с носимой электроникой.

– Не нравится мне это, – сказала она спустя мгновение.

– Ты же слышала, что сказали в дорожном патруле, детка. – Уинстон отвечал напряженным тоном, словно был чертовски напуган. – Они высылают машину. Нам просто нужно посидеть несколько минут.

Кардиостимулятор Томми прорабатывал очередное крещендо. Ладно, через несколько секунд боль ослабнет, а может, в этот раз у него сердце разорвется.

Слова девочки то уплывали, то снова становились слышны:

– …«Скорая помощь». По воздуху. А в Сети чертовщина какая-то. Я не могу маршрутизировать своим… друзьям, даже сообщение кинуть. Думаю, кто-то захватил локальные узлы и…

Томми перекатился с боку на бок, боль заглушила остаток фразы.

Кто-то приподнял его за плечи и ласково придержал. Карлос?

– Все будет о’кей, профессор Паркер. – Говоривший отвернулся. – У меня тоже какие-то проблемы со связью. Но сообщения об ошибках осмысленные. Думаю, библиотечные беспорядки оттягивают слишком много ресурсов.

Девочка презрительно бросила:

– Так много, что я даже сообщение послать не могу?

– А если прямо на фривей лазером кинуть? – Роберт.

Тень девочки повторила странный скованный танец.

– Отсюда не дотянусь. – Она помолчала. – Мы же идем прямо в руки Злодеям. Вот. Посмотри pdf-ку.

И снова Уинстон:

– Машина *приедет*! Если не появится через пять минут, мы… ну тогда сами Томми с холма спустим, на руках.

Сердце Томми остановилось. А, нет, снова затрепетало бабочкой. На несколько секунд у него прояснилось в голове. Девчонка, скорее всего, права, но спуска с холма он не переживет. Остальные должны уйти, отойти на расстояние, достаточное, чтобы подать нормальный сигнал тревоги. А может, лучше *вернуться* в лаборатории и устроить врагу крупный сюрприз. Внутри поднималась тьма. Через пару мгновений это перестанет его занимать. А друзья слишком глупы, чтобы оставить его здесь. Может, получится отвязать кого-то с поводка.

Послушайте меня! Но у Томми получилось заговорить немногим громче вздоха:

– Ребята… надо нам разделиться.

Потом тьма окутала его.

27
Атака с отзывом сертификатов

Сю Сян высунулась из машины, оглядывая темные склоны холмов.

– Лена, я себя такой бесполезной чувствую.

– *Ты* – бесполезной? – раздраженно поёрзала в инвалидном кресле Лена Гу.

Их план предусматривал перемещения вдоль территории, где с наибольшей вероятностью мог появиться Роберт. Этим вечером их бы никто не упрекнул, появись они *на сцене*. Вся движуха разворачивалась в других местах. Даже транспорт неохотно шел на сотрудничество: вблизи университета действовали «особые правила на время массовых мероприятий». Машина ехала предельно медленно, однако через тридцать секунд должна была достичь южного конца этого старого асфальтированного участка и, как бы громко ни возражали пассажирки, повернуть налево на маленьком трехстороннем перекрестке, удаляясь от холмов на фривей. Затем, пожелай они того, автомобиль поехал бы на север, к Тед-Уильямс-экспрессвей, повернул бы и снова начал спуск.

Сю рассматривала темный склон холма и ничего не видела.

– Я так старательно практиковалась, а мои контактные линзы толком не работают, хоть ты тресни.

Лена ответила:

– Да там особо не на что смотреть. Этот склон – самая тупорылая территория с общим доступом близ кампуса.

Появился слабый, но реальный свет. Он очертил силуэты холмов и отразился от низкой дымки; вокруг библиотеки продолжалось безумие. Несколькими минутами раньше Лена продемонстрировала Сю некоторые ракурсы. Празднество, беспорядки, что бы то ни было, а сетевая статистика впечатляла. А теперь Сю ничего не видела.

Ну можно просто признать поражение. Она полезла в рюкзак, стоявший на полу салона у ее ног. В рюкзаке лежали ее изделия с уроков труда. Она полагала, что этим вечером от них может быть толк. Трудно представить, какой именно, однако, во всяком случае, Сю Сян по-прежнему способна креативить, и проекты это подтверждают. И помимо ее гаджетов там тоже кое-что полезное есть. Она вытащила визопейджер, откинулась на сиденье и насладилась неуклюжим комфортом старомодного интерфейса. Какой деградантткой себя чувствуешь… но Эпифания ее сейчас слишком нервировала.

Лена внезапно воскликнула:

– Новое аудио от Хуана!

Голос мальчишки, почти шепотом:

– Мы все еще в Пильхнер-холле. Мы ждем, пока дедушка Мири из подвала вернется.

К микрофону приблизилась Мири и тихо добавила:

– Они *ничего* не делают.

– Дай-ка я с Мири поговорю, – сказала Лена.

Сю некоторое время слушала. Видео принять не удалось, а Эпифания Мири показывала ошибку 3030. (Сю поискала: код 3030 оказался размытым обозначением системных блокировок, связанным с конфликтом лицензий.) Приходилось довольствоваться редкими отрывочными голосовыми сообщениями через Хуана.

– Пора идти, – прошептал Хуан, и сеанс связи прервался.

Лена помолчала, наблюдая, как проносится мимо знакомый темный пейзаж.

– Хотела бы я увидеть ребят. Встряхнуть их немножко… А линк не подставной?

– Хуан – осторожный пацан. Его сертификаты Эпифании подделать почти невозможно, и…

Лена фыркнула.

– По тому, что я слышала, они говорили шепотом и не сообщали ничего, кроме скучных и безопасных вещей.

Странно, что дети не воспользовались безмолвными сообщениями, если им нужен был потайной канал при низком битрейте. Не решил ли кто одурачить пару старушек? Фактически… *с носимой электроникой Хуана даже я могла бы такой разговор подделать!* Она бросила взгляд на Лену.

– Может, лучше морпехам позвонить.

Бобу с Элис.

– Да, но если ситуация не такая уж и чрезвычайная, они нам ничем не помогут. А если по-настоящему чрезвычайная, тогда… может случиться ужасное. – Лена насвистывала себе под нос какую-то нервическую мелодию. – И потом, Мири говорит, все в порядке. В полном порядке.

– А если в полицию позвонить?

– Ха! В эти дни нет нужды вызывать полицию, она сама нарисуется.

Лена оглядывала склон холма, прижимая к губам дрожащие пальцы.

Последние месяца два Лена Гу была сама уверенность. *Что, если мы обе скиснем?* – подумала Сю. Ее испугала эта мысль. Она попыталась выжать из себя что-нибудь убедительное:

– Твой бывший *ничего не делает* уже почти полчаса. Тебе не кажется, что это долгонько?

Лена склонила голову и пробормотала, но скорей сама себе:

– О Роберт, ты вляпался во что-то ужасно глупое, не так ли?

И снова уставилась во мрак.

– Ладно, даем Мири еще пять минут, потом вызываем 911.

– О'кей.

Они пересекали нижнюю часть долины достаточно медленно, чтобы можно было опустить стекла в салоне. Ночь источала смолистый аромат донника. Слева показался хайвей 5, ведущий на юг: темные потоки стремительных машин, подчеркнутые светом полосы для авто на ручном управлении. Справа высились крутые темные холмы, и хребты их время от времени подсвечивались фиолетовым сиянием. Сю вызвала вид через местную сеть, перескакивая с нее в реальность и обратно.

Потом машинка снова сбросила скорость. В салоне прозвучал приятный мужской голос:

– Этот участок Вэлли-Боттом-драйв не функционирует. Вы можете вернуться в десять утра завтрашнего дня.

– Что-о? Мы теперь даже обратно проехать не сумеем! Сю, нужно как-то перехватить управление.

Сю покачала головой. На сегодня это последний круг. Это она, Сю, помогала разрабатывать окружение неотчуждаемой аппаратуры. Столько проблем сразу решила. Интернет стал безопасной рабочей средой. А теперь ОНА губит все планы… Сю снова подумала о рюкзаке с самоделками на полу. Она весь семестр забавлялась с этими гаджетами, самозабвенно конструировала. А что, если…

– Сю! Трафик! – Лена указала на склон холма.

Сю перегнулась через сиденье и посмотрела туда. Два светящихся копья поворачивали прочь.

– Похоже, на ручном управлении – или на автоматическом, но едет по неусовершенствованной дороге.

– Наверное, служебная дорога. – Лена помолчала. На визопейджере Сю возникла карта с отметкой дороги, куда им не было доступа. Дорога вела к старому черному входу в комплекс Уэртаса.

Свет снова повернул в их сторону, затем разросшиеся ветки скрыли его. Визопейджер Сю даже не показал навигационной метки этого авто.

– Что они затеяли? – спросила Лена. Их машина почти достигла трехстороннего перекрестка.

– Машина! – воскликнула Лена. – Поворачивай направо.

– Извините. Там нет дороги. Единственный разрешенный

поворот – налево.

– Поверни направо! Поверни направо!

– Извините. Менее чем через пять минут мы въедем в зону безопасного трафика. Пожалуйста, подумайте над тем, чтобы указать конечный пункт маршрута.

Сю готова была побиться об заклад, что машинная логика решила, будто пассажирка под наркотиками или алкоголем. Если не придумать ничего вразумительного, авто отвезет их прямиком назад в «Конец радуг».

У Лены перехватило дух.

– Мы так близко… Погоди. У меня пинг прошел. С одежды Томаса Паркера. Они там, *наверху*! – И она повысила голос: – Эй, машина, я хочу поговорить с твоим руководством, и я имею в виду *человека*!

– Да, пожалуйста. Подождите двадцать секунд.

Через двадцать секунд они уже оставят трехсторонний перекресток позади.

Лена Гу вся поникла в инвалидном кресле. Взгляд ее метался с холма на приближавшийся перекресток и обратно.

– Сю, нужно их перехватить. Думаю, они нам пояснят, что творится.

– Ты хочешь выйти из-под прикрытия? И позволишь Сама-Знаешь-Кому тебя увидеть?

– Я смешаюсь с ландшафтом.

Но вопрос не имел особого смысла. До перекрестка оставалось ярдов пятьдесят. Через несколько секунд машина неумолимо повернет и унесет их прочь.

Или… нет. Сю поставила рюкзак на сиденье рядом. Вытащила изогнутый отрезок трубы с жестянкой синтеалмазных хлопьев на конце. Первый ее проект с урока труда претерпел значительное усовершенствование и лишился сходства с транспортным лотком. Новая модель была заточена на разрушение; иногда это единственный способ привлечь внимание машины. Она встала на колени на сиденье, обращенном в салон, и приставила к приборной панели резак. Роберт Гу показал ей на примере, чего ожидать.

Упс.

– Лена, пригнись!

Лена посмотрела на трубку в руках Сю.

– Да! – Она пригнулась, продолжая смеяться во весь голос.

Сю нажала кнопку – настоящую физическую кнопку, и в салоне поднялся рев. Ее транспортный лоток, преобразившись в отличный ускоритель, загонял в приборную панель три тысячи синтеалмазных хлопьев за секунду. Она чувствовала отдачу:

мягкий, но равномерный нажим. Удерживать кончик резака было нетрудно. Некоторые алмазики отскакивали и вонзались в звукоизолирующее покрытие потолка, но большая часть их попадала в приборную доску. Сю наклонила кончик резака, дыра стала расширяться. Она прорезала начинку двигателя.

Машина медленно сбавила скорость и остановилась, припарковавшись совсем рядом с перекрестком.

– Системный сбой, – сообщил автомобиль. – Задействован аварийный источник питания. Пожалуйста, покиньте машину и ожидайте прибытия эвакуатора.

Дверцы откинулись на все стороны.

– Ха! – воскликнула Лена. – Я надеялась, у нас выйдет настоящая автокатастрофа, и тебе придется вырезать дверцы. – Но она уже выбиралась наружу.

Сю потеряла дар речи. *Это правда я сделала? Я, тихая и покладистая малышка Сю Сян?*

Лена объехала машину и остановилась впереди.

– Дальше по курсу крутой холмик, – сказала она.

Альфред Вас получил хорошие известия. Он закончил лжеобследование лабораторий GenGen и скормил умненьким аналитикам Гюнберка дезу, которая в итоге должна увести их с этого следа. Ну и Элис Гу *наконец-то* свалилась. Это произошло с большим опозданием, но результат даже превзошел ожидания Альфреда; у Кейко утверждали, что дозорные УВБ буквально ослепли и запутались. Этот хаос им с Гюнберком показался неожиданной удачей, Альфреду же сулил полный триумф. Еще несколько минут – и его личная исследовательская программа будет спасена не только от Гюнберка и Кейко, а и от неминуемого американского разбирательства.

И тут все полетело наперекосяк.

Мири Гу отыскала старичков на побегушках. Он потерял единственного меха в лаборатории и оптоволоконный канал связи с ними. А теперь это.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Кролик пролез в нашу боевую сеть. </sm>

Неправдоподобное утверждение, но, по всей видимости, истинное. Последние минут десять накапливались небольшие глюки связи, повторная отправка пакетов немного участилась. Статистически они не превышали порога обоснованных подозрений, как вдруг Кролик, проявив типичное для него безумие, переслал два мегабайта белиберды прямо по военной

сети на другой конец канала, который тут же оборвался.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Перед тем как оптоволокно пропало, местные агенты вроде бы собирались дать дёру. Сколько времени нам это оставляет? </sm>

Численные оценки варьировали от «пока они не вызовут 911» до «пока не среагирует УВБ». Но у Кейко появилась идея.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Пока УВБ отвлечено, я могу пойти напролом и одурачить беглецов, заставив их поверить, что *я и есть* местная полиция. </sm>

Такой маскарад потребует взлома значительной части локальной сети. В современном мире, с его напрочь зарегулированными сетями, этот маневр тонкостью не уступал атаке пехоты. УВБ и впрямь расквасилось.

На несколько минут трафик управляющего уровня оборвался. Альфред мимоходом следил, как Кейко маскируется под калифорнийский дорожный патруль, но основное внимание отдавал задачам, к которым не осмеливался приступить, пока Элис Гун еще была на вахте. Аналитики Гюнберка выясняли, насколько глубоко залез Кролик. Их выводы были отмечены успокаивающим зеленым тегом.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Интересно, что поделывает Кролик? </sm>

Раскрыть операцию можно и проще. Насколько могли судить сетевые аналитики, поступок Кролика был равнозначен удару метафорического молотка в дверь военной сети. Психологи выдвинули объяснение: Кролик инфантилен, он просто не может упустить шанса покрасоваться, вот и переслал ту белиберду. Не стоит спешить с выводами и кричать о провале, в конце концов, с библиотечными беспорядками Кролик управляется изумительно.

У других аналитиков были свои теории, более параноидальные. По текущим оценкам, Кролик, скорее всего, из Китая: неплохая такая детективная комедия, все сверхдержавы гоняются друг за дружкой. Но и без кошмарных гипотез не обошлось. Возможно, Кролик заморочил и сетевых аналитиков, и слабо выраженных параноиков. В конце концов, белиберду он переслал как раз перед обрывом оптоволоконной связи. Возможно, Кролик – Великий Террорист, использовавший Альянс в *своих* целях, внедривший своих собственных агентов в

лаборатории, наметивший быстрое переоснащение их под фабрики смерти. А в GenGen имеется пускатель UP/Ex: превосходная система доставки.

Альфред вздохнул. Вообще-то он опасался Кролика не меньше, чем аналитические параноики из параноиков, но сегодня… гм, если присмотрятся как следует, заметят, что это не кто иной, как Альфред рыщет во мраке. Лучше их успокоить.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Я согласен с зелеными. Да, Кролик превзошел худшие наши ожидания, он вломился в боевую сеть, но мы серьезно ограничили ему полосу пропускания, а мои сотрудники по-прежнему контролируют вносимые коррективы. Просто посмотрите на результаты проверки. Зона МБВ под *нашим* контролем, у нас там разве что десанта нет. </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> И наземная операция тоже под нашим контролем, никаких кроличьих приколов. Важно. </sm> <wait-on-message-pause>

Аналитический пул затапливала красная лужа неуверенности, распространявшаяся из Москвы и Кейптауна. Это те самые ребята, которые все время оказывались правы насчет заговора фьючерсов на соевые бобы. К ним стоит прислушаться… и они утверждали, что ракурсы на северной стороне зоны GenGen заморочены. Альфред туда не лез. К добру то или к худу, а его коллеги обнаружили следы *еще чьей-то* диверсии.

Теперь эти сигналы и статистика по аналитическим пулам получили наивысший приоритет. Тысячи специалистов, секунду назад занятых десятком других задач, внезапно сосредоточились на одной и той же. Вычислительные мощности отвлекли от рутинного просеивания и бросили на корреляцию данных с доступных по лабораториям сенсоров. Индо-европейская разведка стала похожа на колоссального кота, который вдруг напружинился, прислушиваясь и приглядываясь к добыче.

Только одна камера полностью вырубилась, но другим все время чего-то недоставало. Несоответствия раскиданы по всей области, контролируемой Альянсом, но аналитики трудились в поте лица, подкрепляя догадку московско-кейптаунской группы. Пятно дезы двигалось по GenGen на скорости быстро идущего человека.

Вот! Мимолетный призрак: девчонка Гу. Аналитики ринулись туда, выудили из обманчивой тишины два набора звуков шагов. Значит, Кролик высадил десант.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Да это ужас ушастый. Мы не можем его остановить. Он все лезет, лезет и *лезет.* </sm>

Мгновение без обмена сообщениями. Затем:

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Я могу его остановить. Я выдерну из розетки Credit Suisse. </sm>

Еще одна длительная пауза. Да. Гюнберк обнаружил, что Кролик завязан на один основной центр сертификации верхнего уровня. Вся власть в современном мире, от контроля над летящим самолетом до перемещения байтов между компонентами процессора, сводилась к принудительному обмену маркерами доверия в окружении неотчуждаемой аппаратуры. И по миллиарду неведомых маршрутов действия Кролика сводились к единственному источнику силы, ЦС Credit Suisse. Стоит лишь заглушить его – и Кролик обезоружен. Скорее всего, ушастик потеряет доступ даже к своим самым личным файлам, оставшись ни с чем, кроме собственной головы (а если Кролик действительно ИИ, то не останется ничего). Но сопутствующий ущерб будет огромен. Отключить сертификаты верхнего уровня – аналог атаки с применением ОМП. А им больше ничего не остается.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Мистера Кролика нужно остановить… Я запустил процесс. Credit Suisse начнет общий отзыв сертификатов через пятнадцать секунд. </sm>
Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Гюнберк, мне жаль. </sm>

Десять процентов всей структуры программного доверия Европы за следующие полчаса охватит хаос. Эхо-толчки сотрясут мир. Чем бы ни завершилась их здешняя миссия, а карьера Гюнберка Брауна окончена.

Альфреда Васа же тревожил возможный провал иного рода. Он, разумеется, мечтал избавиться от Кролика, но не *прямо же сейчас*! Альфред нырнул обратно в точки зрения GenGen. Если сейчас вырубить Кролика, это сожрет весь запас времени. *А мне нужно время, чтобы закончить свои дела*. Он перешел к экстренному варианту и подключил к сети еще две команды. Одна займется дрозофилами и отвлечет то, что осталось от Кролика, а вторая уничтожит его секретную лабораторию внутри лабораторий, погубит многолетнюю работу Альфреда. Но попутно – выгрузит наружу его величайшее сокровище через GenGen'овский пускатель UP/Ex.

Альфред Вас все еще надеялся достичь определенного успеха.

Самый старший и самая младшая из Гу двигались к югу от пещеры Уэртаса. Позади остались контейнеры с обрезками и северный вход: их слизнула тьма. Света, сопровождавшего Роберта и Мири, хватало рассмотреть лишь ближайшие несколько ярдов.

– Как далеко мы забрались на вражескую территорию? – спросил Роберт.

Мири поднесла палец к губам, зажестикулировала, и в поле его зрения поплыли безмолвные сообщения.

Мири ↳Роберт: <sm> В твоей pdf-ке говорится, что они контролируют небольшую часть GenGen, но слышат, думаю, далеко. Пока общаемся только молча. </sm>

Роберт завозился с клавиатуркой на поясе. Подсветка помогала, но набирать было неудобно. Все фокусы, каким он научился от Хуана, без Эпифании оказались практически бесполезны.

Роберт ↳Мири: <sm> О'кей. </sm>

Мири двинулась дальше почти бесшумно, и Роберт старался ей подражать. Да и во всех владениях Уэртаса сейчас, после ухода Уинстона и его спутников, воцарилась тишина. Возможно, они и правда в таком одиночестве, как утверждал Таинственный Незнакомец, прикрыты и от друзей, и от врагов.

Мири, наверное, читала на ходу. Новые безмолвные сообщения.

Мири ↳Роберт: <sm> Про Альфреда я не знала. </sm>

Интересно, что Таинственный Незнакомец у нее вопросов не вызвал.

Он отстучал несколько сокращенных слов.

Роберт ↳Мири: <sm> Чт нм длт? </sm>
Мири ↳Роберт: <sm> Вот список Умника-Бахвала. </sm>

Она взмахнула рукой в воздухе, и в его поле зрения появилась страница pdf-ки Незнакомца.

Что вы можете сделать, чтобы одолеть Альфреда

Во-первых, даже я, ваш таинственный приятель, не до конца уверен, что затеял Альфред (но я изнываю от любопытства). Вот некоторые предположения.

(1) Уничтожить биолаборатории: классический прямолинейный террор. Но не кажется ли вам, что затея слишком мудреная, если ему только этого и надо? Крайне расточительная по отношению к талантам всех участников. Если это афера, вы станете героями дня, а я вашими руками обезврежу те маленькие коробочки, которые установили вы и ваши друзья, но ваша слава, скорее всего, будет посмертной. Приношу соболезнования!

(2) Испортить какой-нибудь ключевой компонент, но так, чтобы это сказалось лишь гораздо позже. Это немногим умнее (1).

(3) Установить (или замаскировать) какое-нибудь дьявольски хитроумное ПО типа «человек посредине» для перехвата Альфредом контроля над той частью лабораторий, которую ты, Роберт, для него заразил. Это было бы прикольно, и лично я придерживаюсь именно такой версии (см. обсуждение дрозофил в разд. 3). К сожалению для Альфреда, эта затея провалилась так масштабно, что едва ли выдержит проверки безопасности, которые не замедлят последовать. В таком случае вы можете помочь, захватив все, что еще не успел спрятать Альфред.

(4) В случае провала (3) или, возможно, в согласии с первоначальным замыслом Альфред может попытаться использовать вашу Клику и эвакуировать из лабораторий какие-то биологически ценные материалы.

[Диаграмма транспортной системы пневмопочты]

[Рисунок GenGen'овского пускателя UP/Ex]

Зачем все это? О, для обычного террора или, вероятней, для чего-нибудь интересненького и необычного. Уверен, что сумею обнаружить такую активность, а вы, мои верные руки, физически предотвратите выгрузку и отсылку образцов.

Пока все мы блуждаем во мраке, но как только вы проникнете в замороченную зону GenGen, я снова смогу выйти с вами на связь. Ведите себя тихо, будьте

осторожны и Следите за Мной в Небесах!

Не успел Роберт дочитать, а слова Мири уже перекрыли текст:

Мири ↳Роберт: <sm> Этот парень вечно скромничает. </sm>

Роберт усмехнулся. Потом перечитал сообщение. И вспомнил все свои разговоры с Шарифом, как он бился над загадкой Настоящего Шарифа, Шарифа-Незнакомца и… Шарифа – любителя научной фантастики. *Боже правый.*

Роберт ↳Мири: <sm> Скк в Шрф было от тб? </sm>

Она метнула на него взгляд, и на миг ее напряженное выражение сменилось ослепительной улыбкой.

Мири ↳Роберт: <sm> Не уверена. Мы иногда все смешивались с настоящим Зульфи. Это было почти забавно: слушаешь, что спрашивают другие, а сама отвечаешь. Но чаще меня просто выбрасывало, и Умник-Бахвал подчинял его себе. </sm>

Роберт ↳Мири: <sm> Таинственный Незнакомец. </sm>
Мири ↳Роберт: <sm> Ты его так прозвал? Почему? </sm>
Роберт ↳Мири: <sm> Да. </sm>

Из-за его волшебных посулов. Но этого он печатать не стал.

Мири ↳Роберт: <sm> Ну, думаю, без нас он ни на что не годен. </sm>

За пределами маленького круга света все было, как и прежде, покрыто мраком. Но стены стали ближе, а это значило, что они почти вернулись к Туннелю в Небеса.

Роберт ↳Мири: <sm> Кгд тв м и п бдт здс? </sm>

Дети шпионят за близкими и докладывают правительственным агентам: тирания заметно упрощается, если сама семья в основном из правительственных агентов и состоит.

Мири ↳Роберт: <sm> Не знаю. Я им не говорила. </sm>

Где ж эта ваша тирания, когда она нужна? Какое-то мгновение Роберт не мог придумать другого комментария.

Роберт ↳Мири: <sm> Но почему? </sm>

Мири остановилась на секунду и посмотрела на него с выражением упрямства, которое ей бы запатентовать стоило.

Мири ↳Роберт: <sm> Потому что ты мой дедушка. Я знала, ты не хотел мне делать больно. Я знала, как тебе внутри больно. Я знала, что Боб ошибается насчет тебя. Я решила, что если помогу тебе другим способом, тебе станет легче. И тебе стало легче, не так ли? </sm>

Роберт сумел кивнуть. Мири развернулась и зашагала дальше.

Мири ↳Роберт: <sm> Но я облажалась. Я думала, кроме Умника-Бахвала, переживать больше не о чем. Когда вы сюда вломились, должна была сработать сигнализация, а мы с Хуаном могли бы спасти положение. А теперь Хуан… </sm>

Она помедлила, потом потянулась взять его за руку.

Мири ↳Роберт: <sm> Хуану *крепко* досталось. </sm>

Она сжала его пальцы своими. Неважно. Роберт не придумал что ответить, только стиснул их тоже.

Мири ↳Роберт: <sm> Но доктор Сян там, снаружи. Она вызовет подмогу. И мистер Блаунт уже должен был вызвать настоящую 911. А внизу только мы с тобой. </sm>

Почти каждая фраза Мири ошеломляла. Если бы он сейчас мог говорить вслух или печатать, он бы забросал ее сотней вопросов. Хуан? Сю Сян? Мири? Столько друзей, и все они так стараются выручить старого дуралея и его дураков-дружков.

Пол начал эластично пружинить. Они возвращались через небесный туннель на территорию GenGen.

28
Модель испытывалась на животных?

Даже в скучный денек ежечасно отзываются тысячи сертификатов. Процесс этот неприятен, но необходим для пресечения афер, исполнения судебных вердиктов и кредитных лимитов. Все отзывы, за немногими исключениями, сводятся к непродолжительным каскадам отказов в транзакциях, где задействован один индивид и его/ее непосредственный центр сертификации или же небольшая компания и ее ЦС. Примерно раз в год случается значительный каскад, обычно означающий столкновение крупной компании с бескомпромиссными кредиторами и судебный ордер в ЦС среднего уровня. Еще реже атака с отзывом сертификации применяется на войне: так было при падении Южной Осетии. Теоретически протоколы отзыва адекватно работают со сколь угодно крупными ЦС… но до этого вечера еще не происходило глобального отзыва сертификатов центром высшего уровня. А Credit Suisse входил в десятку крупнейших мировых ЦС. Основные его деловые связи были европейскими, но сертификаты Credit Suisse оплели всю планету сетью невероятной сложности и влияли на взаимодействие людей, которые и европейских языков-то частенько не знали.

Сегодня всем этим ничего не подозревающим клиентам предстояло узнать, с кем они связаны.

Ошибки распространялись из промежуточных ЦС в виде задержек сертификации, а также, если процедура была требовательна ко времени, посредством прямых уведомлений. В Европе плавно останавливались воздушные и железнодорожные рейсы: ни одного несчастного случая, ни одной катастрофы. Миллиард ошибок; чрезвычайные службы тут же выдвигались на помощь – с разной степенью эффективности.

Управление внутренней безопасности США также заметило ошибки и сопутствующий ущерб, масштабы которого разрастались. Аналитические пулы США связались с прочими сверхдержавами и обсудили ситуацию – по установленным много лет назад протоколам на случай ЧП. Китайское Министерство общественной безопасности, индо-европейские спецслужбы и американское УВБ сошлись во мнении, что катастрофа эта первой категории: по-настоящему *скверный* программный сбой или террористическая атака нового рода.

В некоторых потайных уголках индо-европейского разведсообщества ситуацию оценивали точнее. И намного.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Итак, я это сделал. Кролика-то хоть проняло? </sm>

Пока что ошибок в университете Сан-Диего проявилось немного: считаные задержки сертификации. Но их хватало для прогнозов: толпа еще не замечала изменений, однако библиотечным беспорядкам вскоре будет положен внезапный и бесцеремонный конец. Кролик управлял всем происходящим в этот вечер, да так плотно, что аналитики его даже недооценивали. Теперь эта поддержка разваливалась.

Внизу, в лабораториях, присутствие Кролика было *практически* незаметно. Убедить других, что он там *и не появлялся*, будет непростой задачей, но аналитики Альфреда достигли консенсуса.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Ошибки связи накапливаются, но основная операция ими не затронута. Кролик все еще тут, но он теряет гибкость. </sm>

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Теряет гибкость? Черт побери, этого недостаточно. А как там два его агента? Чем заняты они? </sm>

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Покинули нашу зону. </sm>

На самом деле это было не так, но он сумел отвлечь обоих Гу и то, что оставалось от Кролика. *Мне бы еще несколько минут…*

На Кролика давили. Ему нравилось считать, что он всего эффективней, когда работает под давлением, но обычно давление нарастало не так стремительно, а оппоненты бывали не столь могучи и не так обделены чувством юмора. Кролик на индо-европейской стороне никого способного оценить шутку не знал, за исключением, возможно, нескольких младших аналитиков.

Кролик выглядывал из дюжины камер, раскиданных Альфредом по зоне МБВ. Его руки только что проникли туда, и, вероятно, именно это спровоцировало врагов на массированную атаку с отзывом сертификации. Небольшую (и постоянно умалявшуюся) часть своего внимания он уделял великолепным беспорядкам вокруг библиотеки. Ох-хох. Альфред и компания так и не сообразили, что это он управляет скучамаутом, и все же… Кто мог предположить, что они заметят его приверженность ЦС Credit Suisse? Или что у ЕС столько власти над центром сертификации формально суверенной страны? Или что личная зависимость Кролика так обширна, как он только сейчас понял?

У Кролика имелись и другие ЦС высшего уровня, но не такие полезные, как Credit Suisse. Их хватит продержаться еще несколько минут. А там, где они были бессильны, за дело принимались юридические программы, рассылавшие апелляции на самые разрушительные отзывы сертификатов.

А тем временем… сфокусируемся-ка на приколах. Что затевает Альфред? Простое уничтожение? Кражу интеллектуальной собственности? Кролик начинал злиться. Он раньше планировал внедриться в операцию Альфреда, оставив себе секретный бэкдор. Теперь, н-ну-у… надо ее всю перевернуть вверх дном. Начиная с дрозофил.

Кролик потянулся к своим рукам.

Роберт вспомнил это место. Они вернулись в самое сердце владений GenGen, к бескрайним рядам серых шкафов, соединенных поверху кристаллическим лесом и пневмотрубками. Но впереди раздавался шум. С таким звуком падают друг на друга картонные коробки.

В pdf-файле Незнакомца имелись расшифровки сокращений на шкафах. *Dros МБВ*.

Роберт ↳Мири: <sm> Дрозофилы? </sm>

Здесь он сгрузил почти треть коробочек и был вынужден потом перебираться через шкафы и между ними.

Мири ↳Роберт: <sm> Да. Ты читал, что Умник-Бахвал про них пишет? Я этому не верю. </sm>

– Эй, эй, приятель! – А вот и Таинственный Незнакомец, которого Мири кличет Умником-Бахвалом. Его кожа даже в сумраке буквально источала зеленое сияние. Лицо сохраняло черты Шарифа, но улыбка была широченная, нечеловеческая. – Говорите-ка без утайки. Альфред нас тут расколол несколько минут назад. – Незнакомец огляделся, словно ожидая увидеть врага. – И теперь мне наплевать, слышит ли он вас. Или меня! Альфред, ну и что ты собираешься делать? Ты меня отключаешь, но у меня наверняка еще минута-другая есть. Ах да, ты можешь отключить и свою собственную операцию, и тогда я исчезну мгновенно. – Он глянул на Мири и Роберта, понизил голос: – Если он это сделает, значит, совсем отчаялся. И ему это абсолютно не поможет, потому что у вас останется моя pdf-ка. *Вы* останетесь здесь и разрушите его планы. Ему рук не хватает.

Таинственный Незнакомец жестом пригласил их следовать за

ним.

– Вы добрались до этого раздела моих объяснений? – Он указал на шкафы. – Молекулярная биология восприятия, МБВ. А ребята Альфреда создали идеальную модель испытаний на животных.

– Дрозофилы? – спросил Роберт.

– Не верю, – сказала Мири. – Дрозофилы думать не умеют. На кой они твоему Альфреду – или тебе?

Незнакомец издал знакомый презрительный смешок, и Роберт заметил, как Мири недовольно дернула подбородком. Она с этим манипулятором бы лучше справилась, чем сам Роберт. В конце концов, ей не нужна его помощь.

– Ах, Мири, ты не поняла прочитанного. Был бы у тебя сейчас доступ к более широкой сети и вдобавок несколько сотен часов на исследования, ты бы могла уразуметь, что молекулярная биология зависит в большей мере от глубины выборки данных и анализа, нежели от конкретного класса организмов. У этой *Drosophila melanogaster alfredii* – не так ли ты ее окрестил, Альфред? – наличествуют все метаболические пути, необходимые для работы аппарата восприятия у животных.

За вычетом редакторских комментариев, в одном месте pdf-ки примерно это и говорилось.

Они повернули за угол и увидели источник шума.

– *Виоля*, триста тысяч дрозофил Альфреда упаковывают для пересылки. – Лицо и тело Незнакомца теряли сходство с Шарифом. – Должен признаться: я, м-м, знаю, что там, но не в курсе, зачем они Альфреду. Вероятно, для разработки каких-то замечательных болезней – когнитивных болезней? Или массовой терапии наркозависимых. А может, он затеял ЛТМП. Но я знаю, что…

Дрозофил выкатывали на большой транспортный стол, гораздо крупнее всего, что было в мастерской Рона Уильямса. Упаковочные цилиндры катились по столу прямо сквозь Незнакомца. Существо заметило это с полусекундной задержкой, но изобразило весьма правдоподобный отскок от стола.

– Но я знаю, что он пытается увезти их отсюда.

– Ты так утверждаешь.

– Хе, мисс Мири, ты уж поверь мне. Ты *встречала* Альфреда. Это он – тот злодей, который пытался убить Хуана Ороско. Он отъявленный мерзавец. Пингани метки на картриджах, если не веришь.

Да. UP/Ex, пункт назначения засекречен. Первый цилиндр соскальзывал со стола к ближайшей пневмотрубе.

Незнакомец запрыгал с ноги на ногу.

– Только вы можете спасти человечество! Просто сбейте цилиндры на нижний лоток. Не позвольте Альфреду победить!

Мири, кажется, прониклась этим призывом. Она подбежала к столу, схватила упаковку и швырнула цилиндр Роберту. Он поймал его, потом следующий, потом следующий, и так ловил, пока не набрал полную охапку. Белые цилиндры были легкими, как пена.

Изображение Незнакомца на миг застыло. Внезапно анимация вернулась.

– Хех! Отлично поработали. – Он рассеянно помахал стенам. – Видишь, Альфред? Не пытайся перехитрить Кролика! – *Кролика?* Существо повернулось в примерном направлении Роберта и Мири, и, боже правый, теперь оно действительно напоминало кролика. – Мы прошли по краю, но я победил! В смысле, мы спасли человечество. – Он отрисовал подскок, но все его тело перекосилось. – Чертов Альфред. Он меня отключает по кусочкам. Может, мне бы стоило напоследок отыграть ведьму Бастинду. В смысле, умереть.

Существо повернулось, испуская мелодраматические стоны. Его тело растворялось на глазах. Помедлив, оно рассеянно бросило Роберту:

– Ах да, не оставляйте цилиндры без присмотра. Просто сгрузи их на нижний лоток.

Роберт не шелохнулся.

– Делай, что я говорю! – В голосе Незнакомца проявились серьезные нотки. Он замахал руками – драматизма добавляет или ищет объяснения? – Если эти мушки переносят заразу, вы в эпицентре! Нижний лоток отправит их в крематорий, и все дела.

Мири покачала головой.

– Нет. Там альтернативный маршрут к пускателю UP/Ex.

– В мою pdf-ку загляни, дура. На карту глянь.

– Я по *своей* карте посмотрела, которую кэшировала утром, – победоносно улыбнулась Мири.

Задержка достигла двух секунд. Существо наконец повернулось и взглянуло почти прямо на Мири.

– Ненавижу тебя, Мири Гу. Ты плохая. Все так хорошо шло, пока ты не влезла. Я тебе за это отомщу.

Оно сорвалось на крик.

– Но прежде я доберусь до *тебя*, Альфред! Если я выбываю из игры, то и ты вместе со мной! Я про тебя все солью. Мне…

Фигура остановилась. Мгновение молчала, потом Роберт услышал единственное слово, тихое, словно бы издалека:

– …помощь.

И исчезла.

Роберт и Мири уставились друг на друга. Не осталось никого, только они двое и ряды шкафов.

– Мири, как думаешь, он *действительно* погиб?

– Не… не знаю.

Мири ↳Роберт: <sm> Но если Умник-Бахвал не во всем врал, то этот его Альфред *все еще где-то рядом*. </sm>

Вслух она проговорила спокойно:

– Может, нам лучше остаться здесь и подождать полицию.

– О'кей.

Мири тяжело опустилась на пол. Мгновение безмолвствовала, публично и в привате. Роберт сбросил упаковки на пол и посмотрел во тьму. Огляделся. Вражеских роботов тут, по идее, не должно водиться. Что теперь может наделать Альфред с дрозофилами? Что он может сделать Роберту и Мири?

Мири ↳Роберт: <sm> Звуки изменились. </sm>

Роберт вопросительно взглянул на девочку. Мири нарисовала золотую стрелку под прямым углом к тому коридору, откуда они прибежали.

Мири ↳Роберт: <sm> Я тут всё прослушиваю с тех пор, как начала тебя разыскивать. Что-то новое. Скорее всего, там, где мышиные массивы. Ты там ничего не делал? </sm>

Она неслышно поднялась с пола.

Роберт отстучал на клавиатуре:

Роберт ↳Мири: <sm> Там уст бол ч нашего железа. </sm>

Мири вздернула подбородок.

Мири ↳Роберт: <sm> Эти звуки похожи на то, что мы слышали *тут*. Кто-то готовит к отправке другую партию. </sm>

29
Доктор Сян принимает командование

У Гюнберка, Кейко и Альфреда были свои аналитические пулы. Десять секунд назад аналитики сошлись во мнениях: Кролик больше не представляет активной угрозы, как наверху, так и в боевой сети операции. Кое-где еще болтались кластеры несогласных, но их особое мнение касалось прогнозов сопутствующего ущерба.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> С Божьей помощью мы остановили монстра. </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> И у нас сохранились все данные инспекции, ради которых мы сюда полезли. Делаем ноги! </sm>

Она вывела увеличенный фрагмент дерева запасных вариантов. Операция зашла довольно далеко по ветке с полным провалом легенды. И тем не менее пока не станут ясны точные результаты расследования, с американцами делиться ими нельзя.

Альфред ответил собственной сводкой извлеченных данных, подкорректировав метки времени так, чтобы прикрыть отгрузку своих образцов.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Восемь минут. Так много? </sm>

У Кейко на северной стороне лабораторного комплекса все по-прежнему под контролем. Картинки с места беспорядков показывали болливудцев у библиотеки… и там начался уже форменный замес, из тех, на какие быстро приезжает полиция. Сейчас Альфред мог без труда вернуться к болливудцам, но очень скоро это станет невоз– можным.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Я экономлю каждую секунду, Кейко. </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Могли бы и поэкономней! Пять минут – все, что я вам обещаю. </sm>

Альфред усмехнулся: Кейко явно в панике и с трудом это скрывает, отсюда и ее резкость. Впрочем, они с Гюнберком

поработали на славу, и в каком-то смысле хаос будет полезен: Альфред все ломал голову, как лучше одурачить Кейко и Гюнберка, и не будь они так заняты, отгрузка образцов едва ли прошла бы незамеченной.

Две минуты. Три. Его тайная команда выполнила большую часть обманных маневров. Они обновили журнал так, чтобы в дальнейшем и американские, и индо-европейские следователи удовлетворились увиденным. Теперь следовало поработать с определенным фрагментом базы по *Mus musculus*, с той самой моделью по результатам экспериментов на животных. Альфред перескакивал с одной точки зрения на другую, проносился над лабораторными шкафами. Они были словно кварталы в непримечательном, утилитарном городе. Реально эвакуировать лишь немногих мышей, тех, с которыми велась работа после предыдущего обновления. Его ребята уже приостановили неоконченные опыты и начали уничтожать материал. Теперь они отсоединяли определенные массивы образцов и готовили их к отправке. Другие уже перемещали упаковки к пневмотрубе над шкафом. В каждый картридж влезает один массив образцов двадцать на тридцать, шестьсот мышей.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Альфред! Публичная сеть разваливается. </sm>

Вас чертыхнулся и пролистал аналитические сводки сверху. Но ведь до обозначенного Кейко предельного срока еще далеко.

Браун ↳Мицури, Вас: <sm> Полномасштабный отказ Сети. Мистер Кролик нас провел. </sm>

Аналитики перебрасывались противоречивыми гипотезами. Такие ошибки случались пару раз в год в том или ином месте: цена, которую цивилизация вынуждена платить за сложность. Но в данном случае причина, вероятно, более зловещая: *сопутствующий ущерб* от атаки с отзывом сертификатов. Возможно, фокусы, показанные Кроликом при беспорядках, зависели от его способности управлять встроенной электроникой общественного окружения. Возможно, сейчас, когда его сертификаты отозваны, каскады ошибок распространяются повсюду по мере отказа сертификатов.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Альфред! Уберите за собой и выметайтесь оттуда! </sm>

Второй и третий картридж будут готовы через минуту. Альфред посмотрел на статус UP/Ex: пускатель рядом с зоной МБВ, и, что еще важнее, управляется он локально, а значит, от обвала сети наверху не пострадал. Он ввел пункт назначения (в Гватемале) и выбрал аппарат, внедренный несколько недель назад. Маскировки должно быть достаточно для эвакуации из воздушного пространства США.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Одна минута. Обеспечите? </sm>

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Попробую. </sm>

Аналитики наверху закопались в запасные варианты и оценки вероятностей. Тысячи небольших модификаций вносились по всему университету Сан-Диего, во всех зонах, досягаемых для индо-европейской операции. Болливудское прикрытие надежно, пока наверху что-то еще работает, продержится и оно.

Альфред с трудом сосредоточился на происходящем в лабораториях. К отправке готовили второй картридж. Первый уже устремился по пневмотрубе к пускателю.

Альфред замер. Парочка Гу исчезла из зоны дрозофил. Движение в другом окне, на краю мышиного массива. Мужчина и девочка бегут к камере. Дрозофилами их не проведешь.

Альфред подался вперед. О'кей, одна минута. Что смогут приготовить за это время его ребята?

Инвалидное кресло Лены – это вам не байк. По ровному асфальту ехало довольно бодро, даже в гору; Сян приходилось бежать трусцой рядом с ним. Но там, где начались размывы и трещины, кресло сбавило скорость до пешеходной. Теперь они продвигались очень медленно.

– Лена, ты дорогу хоть видишь? – Ее визопейджер был черным, как и вид невооруженным глазом.

– Нет. Думаю, кто-то вырубил весь склон холма. Побочный эффект беспорядков, что ли.

Она выехала на середину дорожки.

– Тсс! Они все еще в пути. – Лена жестом велела Сю выдвинуться вперед. – Как нам их остановить? Так или иначе нужно выяснить, что творится.

– Но тогда Роберт тебя увидит.

– Черт! – Лена застыла в нерешительности.

– Возвращайся на тротуар. Мне в любом случае удобнее будет их остановить.

– Гм, – протянула Лена, но подчинилась.

Сю мгновение стояла неподвижно. С фривея доносился шум. По ту сторону холма тоже шумели – что-то вроде ритмичных песнопений. Но вокруг царила тишина, нарушаемая лишь стрекотом насекомых, дуновениями остывающего в ночи воздуха да хрустом камешков на узкой дорожке под ее ногами. Она увидела, как по веткам наверху шарит луч света.

– Я их слышу, Сю.

Сю тоже слышала: хруст колес и слабое жужжание электромоторов. Наконец загадочная машина вынырнула из-за невидимого поворота, и Сю напряглась, чтобы отскочить. Но по этой дорожке авто не гоняли. Фары медленно повернулись к ней.

– Уступите дорогу. Уступите дорогу.

Громкое оповещение сопровождалось пробегавшими по визопейджеру предупреждениями о штрафе за вмешательство в работу калифорнийского дорожного патруля.

Сю отступила было в сторону, потом подумала: *Но мне ведь именно с ними и нужно поговорить. Они в патрульной машине.*

Она махнула машине остановиться. Авто снова замедлилось, потом повернуло, пытаясь объехать ее слева.

– Уступите дорогу. Уступите дорогу.

– Нет! – вскричала Сю и метнулась наперерез. – Стой!

Машина продолжала сбрасывать скорость.

– Уступите дорогу. Уступите дорогу.

И снова попыталась ее объехать. И снова Сю метнулась ей наперерез, размахивая рюкзаком, словно тот мог чем-то повредить машине.

Авто сдало назад на пару ярдов, затем лениво развернулось, будто отказываясь от погони. После того что случилось дальше, Сю задумалась, а действительно ли она была готова броситься под колеса.

Боль пронзала тело Томми с каждым ударом сердца. Потом он сообразил, что это *хорошая* новость. Подняв голову, он увидел, что лежит на заднем сиденье авто. Уинстон и Карлос сидели впереди.

– Где Роберт и девочка?

Уинстон Блаунт покачал головой.

– Они остались.

– Мы разделились, профессор Паркер.

Наползали ужасные воспоминания.

– Ах да… Где мой лэптоп? Вызовите 911.

– Мы звонили, Томми. Все в порядке. Это патрульная машина.

Несмотря на помраченное сознание, Томми удивился.

– Совсем не похожа.

– У нее все эмблемы, Томми. – Но в голосе Уинстона прозвучала неуверенность.

Томми сбросил ноги с сиденья и приподнялся в полусидячей позе. Боль опять сдавила ему грудь, закогтила руки. Он чуть не вырубился снова и упал бы вперед, но Карлос поддержал его.

– Подержи… держи меня! – Томми вглядывался вперед. Фары автомобиля работали. Дорога была узкая и крутая, кое-где сохранилось асфальтовое покрытие, как в Восточном округе или на коротких участках заброшенных прибрежных дорог. Они сбавили скорость, маневрируя между глубокими темными выбоинами. Совсем рядом шелестели кусты. Он увидел, что впереди кто-то стоит: прямо на дороге. Машина сбавила темп до пешеходной ползучки всего в пяти ярдах от этого человека. От молодой женщины.

– Уступите дорогу. Уступите дорогу, – снова и снова повторял автомобиль, пытаясь объехать нарушительницу сначала с одной стороны, потом с другой.

Женщина прыгала туда-сюда, мешая им. Она что-то кричала и махала увесистым рюкзаком.

Машина сдала назад на несколько футов, и Томми услышал слабый писк конденсатора: авто готовилось к чему-то решительному. Колеса повернулись на несколько градусов, но женщина снова выскочила им наперерез. Лицо ее ярко осветили фары. Красивая азиатка… если бы ей сейчас тридцать лет прибавить, станет неотличима от женщины, чье лицо украшало страницы возмутительных статей рубежа веков. Об окружении неотчуждаемой аппаратуры. От кого-кого, а от нее Томми не ожидал, что она станет изображать протестующего перед танками на Тяньаньмэнь.

Фары погасли. Машина рванула вперед. Потом сработали тормоза, и они сползли в канаву на полдороге. Раздался приглушенный взрыв: возможно, конденсатор сдох. Дверцы с обеих сторон откинулись, и Томми сполз в прохладную ночь.

– Вы в порядке, профессор Паркер? – спросил Карлос откуда-то сзади, довольно близко.

– Живой пока. – Он услышал шаги на дорожке. Зажегся фонарик в маленькой руке, и громкий женский голос сказал:

– Вы Уинстон Блаунт и Карлос Ривера… – помедлив, женщина продолжила чуть менее формально: – …а вы Томас Паркер. Вы… вы меня, наверное, не знаете, доктор Паркер, но я большая поклонница ваших работ.

Томми не нашелся что ответить.

– Пропустите нас, – сказал Уинстон. – Нужна срочная

помощь.

Его слова заглушил скрежет колес, но не автомобильных. Из мрака прозвучал другой голос:

– А где Мири? Где Роберт?

– Они все еще внутри, – ответил Карлос. – Они пытаются остановить… э-э-э… Мы… мы опасаемся, что кто-то захватил лаборатории.

Взвизгнули моторы. Инвалидное кресло, а в нем, кажется, совсем скрюченный пассажир. Но голос оставался звучным, гневным:

– Черт подери! Безопасники должны были это предотвратить.

– Наверное, они не могли. – Голос Уинстона был как треск битого стекла. – Мы полагаем, что… системы безопасности заморочены. Мы звонили в 911. Вы нам помешали. – Он махнул рукой в сторону авто. Неподвижная машина торчала из канавы.

Томми прищурился, глядя на темную машину.

– Нет, – сказал он. – Это обманка. Пожалуйста. Вы. Позвоните 911.

Инвалидное кресло подкатило к нему.

– Я пытаюсь! Но тут какая-то мертвая зона. Нам лучше спуститься с холма, там найдем, куда подцепиться.

– *Дуи*! – воскликнул Карлос. Он озирался с видом ребенка, потерявшего контактные линзы.

Непреклонная доктор Сян помахала маленьким фонариком, свет и тени заметались вокруг. Странный она человек. Сю Сян – одна из самых мрачных фигур предыдущей эпохи, во всяком случае, одна из тех, чьими стараниями Плохие Ребята приходили к власти. Но по ее виду этого совсем не скажешь. Она притушила фонарик и постояла мгновение молча.

– Я… Я не думаю, что мертвая зона локальной природы.

– Конечно, локальной! – воскликнул Уинни. – У меня носимая электроника, и я все равно ничего не вижу, кроме реальной картины. Нужно выбираться на фривей или, во всяком случае, в зону его видимости…

Томми вспомнил, что говорила внучка Гу. Возможно, местные узлы скомпрометированы. У Сян была своя теория.

– Я имела в виду, что мертвая зона не только здесь. Послушайте.

– Не слышу ни… что?

Слабый шум, как от насекомых. Это кричали: далеко, за холмами. Ну наверняка диверсия в кругах убеждений, что ж еще? Но и фривей звучал как-то странно… постоянный шорох колес по асфальту исчез. Лишь слабое его подобие, еле уловимое, как вздох умирающего. Томми никогда не слышал ничего подобного,

но он понимал, что это такое.

– Аварийный отказ Сети, – произнес он.

– Все? *Остановилось?* – с ужасом выдавил Карлос.

– Да! – У Томми в груди нарастала боль. *Блин, мне бы только прожить еще немножко, узнать, что происходит!*

Голос из инвалидного кресла сказал:

– Даже если мы не сумеем передать весточку наружу, кто-нибудь заметит.

– А может, и нет, – выдохнул Томми. Если отказ масштабный и во многих местах, имитирующий картину естественной катастрофы… гм, значит, под землей творится что-то по-настоящему серьезное, и это пытаются скрыть.

– Мы ничем не можем помочь, – проговорил Уинстон.

– А возможно, и можем, – эхом откликнулась Сян на слова Томми, но голос ее прозвучал рассеянно и задумчиво. Она пошарила лучом фонаря в рюкзаке. – Я кое-какие полезные штуки на уроках труда смастерила. Сейчас столько всего интересного можно сконструировать.

Томми ухитрился съязвить:

– Ага. И всё строго по закону.

Сю Сян тихо рассмеялась.

– Это можно использовать против них, особенно если правая рука не ведает, что творит левая.

У Томми было много старых приятелей, любивших такую болтовню. И дальше болтовни дело не заходило.

Но это ж Сю Сян, а не хрен с горы.

Она вытащила из рюкзака странный, неуклюжий на вид гаджет. Устройство напоминало старомодный кофейный термос, открытый с одного конца. Сян поднесла термос к своему визопейджеру.

– Многие гаджеты все еще работают, просто узлов им не хватает для маршрутизации. Но у нас тут рядом, на севере, крутая военная база.

С инвалидного кресла заметили:

– Кэмп-Пендлтон милях в тридцати вон там.

Возможно, и показали, где именно, однако Томми не увидел.

Сян наставила термос в беззвездное небо и повела им из стороны в сторону.

– Безумная затея, – заявил Уинстон. – Откуда вам знать, где в поле зрения узлы?

– Ниоткуда. Но дымка отразит сигналы, в этом и состоит моя задумка. Ладно, я звоню морпехам.

И Сян заговорила со своим визопейджером.

Боб Гу и его морпехи провели гораздо больше времени на тренировках, чем в реальном бою или на дежурстве. Тренеры славились пристрастием к немыслимым сценариям – и непринужденной интеграции последних с абсолютно невозможными.

Сегодня реальность заставила даже самых безумных тренеров подвинуться.

Элис перевезли в палату интенсивной терапии. Боб отправился бы туда вместе с ней, не будь он уверен, что ее срыв – результат действий врага, и не последний.

Аналитики предложили новые узлы и полдюжины далеко идущих ассоциаций: только что обвалилась сертификация Credit Suisse, вызвав масштабный европейский катаклизм. Отзыв сертификатов скажется даже в Калифорнии. Боб присмотрелся внимательнее. Обвал Credit Suisse случился так внезапно, что атака наверняка была очень тщательно подготовлена. *Что же здесь диверсия, а что – основная цель?*

Подключились объединенные силы всепланетного слежения Минобороны и УВБ. Это что-то новенькое: похоже, акт Великого Террора осуществляется одновременно в США и Индо-европейском альянсе, и злоумышленники используют уязвимости на стыках национальных юрисдикций. Боб улавливал лишь общие контуры аналитических построений, но было ясно, что разведсообщества США, Альянса и Китая объединились ради поисков источника угрозы.

На Юго-Западе континентальных Штатов новая главаналитик работала не покладая рук. Аналитический пул еще не полностью восстановился, но ребята уже налаживали продуктивное взаимодействие. Структуры предположений и выводов обрастали ветвями. Новая главаналитик подала голос:

– Полковник, сертификатная буря в университете Сан-Диего. Очень мощная.

Слежение за трафиком в окрестностях библиотеки показывало, что демонстрация замерла. И произошло это не потому, что магистральные маршрутизаторы перенасытились. Участники беспорядков выбывали тысячами: у них отзывали сертификаты. Миллионы программ поддержки бесцеремонно отключались. Нужно ли более убедительное доказательство, что гипотеза об иностранном вмешательстве в беспорядки – не кошмарный сон закемарившего аналитика? Что бы ни ударило по Европе, оно и здесь порядком наследило.

Но в биолабораториях все чисто. Хотя вечерняя смена удрала митинговать возле библиотеки, это даже к лучшему. Возможно, продуктивность и производительность в эту смену упали, но то

коммерческие проблемы. Фактически же дезертирство людей облегчило ситуацию. Там ничего, кроме автоматики, – и автоматика работает нормально.

– ФБР снова запрашивает разрешения на контроль операции.

Боб раздраженно покачал головой.

– Отказать. Как и раньше.

Гм. Отзывы сертификатов не только на демонстрации. Три аналитика из инфраструктурного департамента Южной Калифорнии доложили, что в кампусе масштабные сбои. Почему это, интересно, местная инфраструктура зависит от сертификатов Credit Suisse?

– Полковник, корреляция системных сбоев и сертификатной бури – девяносто пять процентов.

Ничего себе. Если даже в лабораториях все нормально, наверху полный содом и помехи. Боб отстучал команду, которую обдумывал последние несколько минут.

ГОТОВНОСТЬ К ЗАПУСКУ

– Обновить дерево запасных вариантов номер 9 и начать обратный отсчет до запуска, – приказал он аналитикам.

Пауза: его запрос верифицировали в ОСВС Минобороны и УВБ. После срыва Элис его вахтенных по Юго-Западу посадили на очень короткий поводок.

Но всего через пять секунд пришло подтверждение.

Боб едва замечал, как надувается его десантный бот. Он вылетит из гнезда последним, а до тех пор есть чем заняться.

ЗАПУСК ЗАПУСК ЗАПУСК

– Запускаются беспилотники.

Тридцать канистрообразных контейнеров с боеприпасами взмыли в ночное небо Южной Калифорнии. Беспилотники стартовали с северной оконечности базы, за двадцать километров от Боба. Еще дальше к северу, со станции воздушного контроля Эдвардс, вылетали более примитивные устройства. Они исправно отчитывались, пополняя каталог экстремальных вариантов: спасательные наборы (500), генераторы тумана блокировки сопутствующего ущерба (100), высокоэнергетические инфракрасные лазеры (10), термические флешетты/изоляторы (100)… и последние, три кошмарные категории: распылители стерилизующего тумана (10 Ч 10), высокоэнергетические ЭМИ-излучатели (20 Ч 20 Ч 4), стратегические ядерные боеголовки (10 Ч 10 Ч 2). *Аналитикам платят за пессимизм… но, боже мой…*

Биолаборатории – единственное оправдание для подобных действий.

Но, по правде говоря (и делая скидку на отсутствие оборудования для дальнейшей полевой работы), боеприпасы эти для любой современной десантной операции вполне обычны. За армейскую карьеру Боба три такие операции завершались реальным столкновением. Но всегда это случалось на другом краю света, в Алма-Аты, Сьюдад-Женераль-Ортисе и Асунсьоне. Самые жуткие системы оружия никогда не были использованы, хотя в Асунсьоне пришлось пройти по краешку.

Сегодня он нацеливал их на соседний двор, в тридцати милях к югу от Кэмп-Пендлтона. Вжарить всей мощью по городской застройке – это как по крысам на кухне из гранатомета лупануть. *Мири, пригнись.*

– ФБР снова запрашивает разрешения.

– Отказать. У нас эскалация.

Ненадолго. Хочется верить, ненадолго. Если полицейские и спасатели перезапустят системы, то все боевое «железо», которое Боб сейчас рассредоточил над Южной Калифорнией, вернется в арсеналы после импровизированных и дорогостоящих учений. Но нет худа без добра: доступ к ресурсам значительно расширился. Гу выгреб себе всех свободных аналитиков на штатовской смене и насыпал им корму в виде сенсорных и разведданных из архива. Приоритетные вопросы: безопасны ли лаборатории Сан-Диего? каков прогноз развития ситуации по текущим отказам Сети?

Между тем выпущенные Бобом устройства достигли верхних точек своих траекторий. Он подкорректировал трассы аппаратов, стартовавших из Эдвардса, уводя их выше, чтобы дать фору «железу» из Пендлтона. Если в ближайшее время ничего не прояснится, придется активировать движки беспилотников. *Ребята, мне позарез нужны ответы!*

Но толпа аналитиков продолжала разгадывать кроссворд из миллиарда слов и строила теории заговора. И вдруг один-единственный доклад изменил все. Резервистка, проводившая этот месяц в метеослужбе, прислала сверхприоритетное сообщение:

– Двадцать секунд назад. Импровизированная маршрутизация обратным рассеиванием вон над *тем* районом.

Она прочертила эллипс рассеяния над округом Сан-Диего, зацепив большую часть Кэмп-Пендлтона. Кто-то наладил самодельную сигнализацию, просто сигналя фонариком в атмосферную дымку! Большая ось эллипса указывала прямо на университет Сан-Диего. Слова перехваченного сообщения поплыли перед глазами Боба:

Сю Сян ↳ Все, кто достаточно башковит, чтобы заметить меня по обратному рассеиванию: <sm> Лабораторную автоматику GenGen заморочили. Система атакует всех, кто пытается ей противодействовать. Это не игра. Это не шутка. Что? Да, я им скажу. Там внизу до сих пор два человека. Это хорошие ребята! Они пытаются помочь. </sm>

Аналитик Национального управления океанических и атмосферных исследований добавила поверх сценарного экрана:

– Сообщение повторено двенадцатью односекундными вспышками. Вы видите суммированную и очищенную последовательность.

Все ясно. Пальцы Боба Гу в перчатках отстукивали команды, посылали морпехов в бой.

Потом его кокон напружинился и… и на миг Боб Гу отвлекся от всего на свете. Точнее, он *утратил* способность отвлекаться на что-либо. Протокол боевой операции добрался до самого начальника. В данном случае его десантный бот вышвырнуло почти горизонтально в небеса над Пендлтоном. *Может, это и не лучшая идея*, – подумал он вяло. Но такие мысли посещали его после каждого старта из рельсотрона с двадцатикратной перегрузкой.

Он понемногу приходил в себя, собираясь с мыслями. Так-с, отряд и железки движутся по графику. Немыслимые Последние Доводы парят высоко наверху, их действия можно гибко подстраивать до последнего. Инструменты кибератаки уже рассредоточены в УСД.

Автоматика биолабораторий *по-прежнему* показывала зелеными индикаторами, что все чисто, мирно и безопасно. Его десантному боту еще несколько мгновений лететь до УСД.

И что-то еще важное было в те последние секунды перед стартом, но что? Сю Сян… Память вернулась к Бобу в тот самый миг, как аналитики УВБ услужливо подкинули это имя. Сю Сян. Не слишком необычные имя и фамилия. Но в Южной Калифорнии таких три-четыре человека, не больше. А одна из них – соседка Лены Гу в «Конце радуг».

Внезапно он догадался, *кого* берет на прицел все развернутое им оружие.

30
Когда отключается Сеть

Библиотека сделала выбор.

На миг Тимоти Хвинь и весь Ночной Отряд умолкли. Толпы реальных людей погрузились в тишину, и даже миллионы виртуалов приняли участие в скоординированной неподвижности.

Библиотека сделала выбор – и она выбрала скучеров.

По рядам гачекианцев медленно ширилось осознание поражения. Триумф настоящий. Как воспримут это гачекианцы? В конце десятых случались катаклизмы, когда крупные круги убеждений продуцировали жуткий отстой вместо искусства. Иногда настолько жуткий, что сами круги сжимались и отмирали. Где нынче Стальные Когти, где Зоны Мысли? Но гачекианцам *нанесли* поражение, они обязаны что-то предпринять… может, даже сотворить что-нибудь пре-красное.

Безмолвная неподвижность толп продлилась еще секунду. Опасное Знание внезапно отвернулось от библиотеки. Яростный взор его скользнул по всем присутствующим. В конце концов, отыгрывать лузера – не его репертуар. Но кто бы ни анимировал это существо, а подход у него гибкий; спустя миг Опасное вежливо усмехнулось и снова обернулось к библиотеке. Оно заговорило таким тоном, словно оказывало великую милость, а не смирялось с поражением:

– Мы подчиняемся желаниям Библиотеки. Здесь вы победили, о скучамауты.

Гачекианцы возопили, но Опасное подняло руку.

– Мы отзываем выдвинутые здесь претензии, – продолжило оно. – Мы останемся лишь в гостевом режиме.

Шейла ↳Ночной Отряд: <sm> Гачекианцы напряженно спорят с университетской администрацией. Цепляются за остатки былой роскоши. </sm>

Великий Скучамаут отозвался снисходительно, не разжимая, однако, объятий с библиотекой:

– Вас примут радушно в библиотеке с *реальными* книгами.

Хэнсон ↳Ночной Отряд: <sm> Админы разнылись, но публичность такая, что дополнительное место окупится. Мы победили, ребята! </sm>

На несколько минут все успокоилось. Беспорядки завершились без стычек с полицией или физической катастрофы – это малость расхолаживало, но у дизайнеров были наготове спецэффекты для поднятия тонуса. Кэти Розенбаум собрала вместе арахноботов и отправила их к мехам Хвиня для диковинного «танца мира»; так получилось, что при этом убрали большую часть накопившегося за вечер мусора. Тим чувствовал, как обе стороны ведут интенсивные переговоры, торгуются, обмениваются обещаниями. Опасное Знание удалилось в небеса, и обе стороны стали возиться с новинками спецэффектов.

Но теперь, когда все должно было пойти на лад, нарастали сетевые проблемы. То здесь, то там – невыносимые задержки и джиттер. Это выставляло всех не в лучшем виде. Скучамаут все еще стоял у библиотеки, обнимая «шагающую» колонну. Если героическая поза слишком затягивается, то начинает выглядеть глупо. Хвинь посмотрел на панель статуса своего меха. Ни одного скучерского обновления почти за семь секунд. Сдвинуть его было нечем.

Хвинь ↳Хэнсон: <sm> Шейла, а кто рулит Великим Скучамаутом? </sm>

Хэнсон ↳Хвинь: <sm> Не знаю. Он хорошо поработал, но сейчас не справляется. О'кей, мы в любом случае сворачиваем затею. Просто возьми управление на себя и отведи робота. Особых выкрутасов не требуется. </sm>

И она стала рассылать сообщения всему Ночному Отряду, пытаясь аккуратно отвести своих подчиненных и оборудование GenGen восвояси.

Хвинь направил вилочный погрузчик к Великому Скучамауту. Он приближался к механизму почти точно сзади, соображая, как бы их двоих отсюда убрать. Туман вокруг Умосумма рассинхронизировался; выглядело все это скверно. О'кей. Он решил, что возьмет на себя Великого Скучамаута, потом два робота напоследок отобьют пятеры и двинутся с поля битвы бок о бок. Во, классная задумка, хотя и не такая изящная, как хотелось бы.

А может, и неважно. Сетевые проблемы *резко* усилились. Возникли странные задержки – никак это реальные разрывы? Целые блоки виртуальной аудитории приходилось подтягивать из кэша. Скачки через один сегмент все еще работали (в основном), но маршрутизация доставляла трудности. Хвинь отошел на пару футов в сторонку и поискал надежный источник диагностики.

Ошибки сертификатов даже на самых низких уровнях. Он *никогда* еще такого не видел.

Даже сеть локализаторов отказывает.

Как расползается плохо сшитое одеяло, так прорастали кругом пятна простой реальности, поедали туман и толпы, обнажали армии обыденных лабораторных механизмов. Там, где размещались раньше сотни тысяч игроков, остались открытые пространства темных лужаек и горстки настоящих людей, шокированных случившимся.

– Тим, твой погрузчик! – Это настоящий крик. Шейла Хэнсон, всего в нескольких футах поодаль.

Хвинь повернулся к библиотеке. Он потерял контакт с Умосуммом! Тим ринулся к роботу. Вилочный погрузчик продолжал двигаться автономно всего пару шагов. Тут вам не ровный лабораторный пол, а сеть локализаторов повсюду кругом отказывала. Механизм зацепился за один из декоративных валунов, окаймлявших террасу. Он потерял равновесие и начал панически рассылать во все стороны запросы на локацию. Но сеть совсем легла, и проблемы вилочника разрешить было некому. Бортовые системы робота умели справляться с нестабильностью: аварийный режим заключался в том, чтобы быстро перейти к падению, понизить центр масс и выпустить стабилизирующие конечности. В стерильной среде лабораторий это бы сработало, а здесь рывок привел погрузчик на край склона к северу от библиотеки, и сеть локализаторов не могла его предостеречь. Стабилизирующая конечность взметнулась в воздух, и вилочник перевалился через край.

Раздались крики.

Хвинь влетел на поле битвы роботов. Эпическая графика исчезла, но у роботов оставались возможности локальной координации. Они откатились с его дороги. Он едва заметил это, полностью сосредоточившись на вилочнике. Ага, есть прямой контакт. Он прокрутил виды с камер… и ему стало плохо. Там внизу кто-то застрял. Он скатился с холма и опустился на колени. Да, там женщина, все еще кричит. Ей ногу по колено прижало и раздавило композитом погрузчика.

Кто-то спустился с холма следом. Шейла. Она протиснулась под лезвиями погрузчика и протянула руку женщине.

– Мы тебя вытащим. Не переживай. Мы тебя вытащим.

– Да! – воскликнул Тим. Он вернул себе полный контроль. Ориентируясь по камерам и собственному зрению, он понял, как падал погрузчик и где зажало потерпевшую. *Спокойно, спокойно, все будет в порядке.* Перенес тяжесть погрузчика на опорные стенки так, чтобы вилы не касались женщины. Опора прочная,

никаких неожиданностей. Он слышал из-под вил, как Шейла успокаивает раненую.

О'кей, просто переместить центр тяжести назад, оттолкнуться, принять низкую сидячую позу… Легко.

Но раздались новые крики, топот бегущих ног.

Смэйл ↳Хвинь: <sm> Тим, помоги! </sm>

Хвинь глянул через камеру на другой стороне погрузчика. Робот, игравший роль Великого Скучамаута, все еще стоял у библиотеки, но его центр тяжести сместился абсурдно высоко. Кто-то заморочил все механизмы его безопасности и начал *давить* на ближайшую колонну. Ноги робота с треском сминали бетонное покрытие террасы. Моторы визжали на пределе, но в таком ритме включений и выключений, что звучало это почти мелодично. Робот напоминал ребенка, пытающегося удержать падающий книжный шкаф.

Хвинь поднял камеру на кронштейне… выше, выше… Шестой этаж почти прямо над головой. В бетоне зияли дыры, кое-где полы перекосились и обвисали. Здание было достаточно умным, чтобы стабилизировать себя и даже немного передвинуться. Но теперь его интеллект отрезан от локации. Подобно вилочному погрузчику Тимоти Хвиня, библиотека делала все, что было в ее силах, чтобы не упасть… и, в своем обширном масштабе, не справлялась.

31
Боб рассматривает возможность ковровой атомной бомбардировки

Боб пронесся над кампусом университета Сан-Диего: его десантный бот был так же неспешен и бесшумен, как сыпавшие с неба дождем боевые устройства. Классическая атака на сетевом превосходстве против значительных сил противника. Столько всего нужно сделать, так мало секунд на это, но в эти считаные мгновения его охватило парадоксальное чувство безопасности. В современном мире немного мест, где человек так же самодостаточен, пускай и на краткое время, как при командовании подобным маневром. Экспедиционная группа Боба Гу располагала собственной сетью, источниками энергии и сенсорным массивом. Если даже все удаленные аналитики вдруг испарятся, морпехи сохранят способность к бою.

А пока тысячи наступательных узлов оседали на деревья и кустарники, прикреплялись к машинам, карнизам и стенам. Еще не успев коснуться поверхности, они перехватывали управление всей гражданской сетевой аппаратурой, которая еще функционировала. Эта стадия, перехват, была почти завершена. Он уже получил доступ почти ко всем встроенным контроллерам зоны операции. Там и сям по несколько секунд уходило на все про все: интенсивный опрос, проверка полномочий УВБ, передача контроля Бобу. Машины и носимые устройства, медицинские приборы, точки зрения, финансовые и полицейские системы – откликались все. Полицейские и спасатели возобновляли связь по боевой сети. Он уже слышал, как они подключаются к операции. Только бы повезло, совсем чуточку, и обойдется без потерь. Всего лишь очень скверный и странный сбой сети. Он решил оставить боевую сеть на месте, как при зарубежной операции. С течением времени ее заменят, но не административными силами, а путем постепенной переустановки гражданских систем.

Но все это не имело особенного значения.

– Лаборатории. Есть ответ?

– Да, сэр, – отозвался Патрик Уэстин. Он высадился вместе с первым отрядом, у входа в главный корпус GenGen. – У нас доступ к резервным системам безопасности лабораторий. Они согласованы с первичной и утверждают, что подземный уровень чист, никаких признаков замор…

Гражданский сигнал тревоги: *Неустойчивость здания.* Буквы

пронеслись в уголке поля зрения Боба. Университетская библиотека разваливалась. В бою случается всякое, но этой ночью особенно не повезло, да и придурки-мятежники с их библиотечным «танцем» масла в огонь подлили. Теперь сбой сети уничтожает умную начинку. Какова бы ни была истинная причина, а смертей, видимо, не избежать.

Боб поручил эту проблему резервистам, которые в настоящий момент находились в четырехстах метрах наверху и готовились к десанту со всем ассортиментом «железа», включая спасательное. Он отстраненно отметил, как раскрываются крылышки канистр, разворачивая их к библиотеке. Как вспыхивают сотни крошечных ракетных двигателей, как упрочненные узлы колотят ливнем по бетону и стали старинного здания. Внутри все произойдет быстрее, чем доступно людскому восприятию: композитные флешетты устремятся меж стен, минимизируя урон старинной проводной начинки. Оказавшись на месте, они перехватят управление кодами систем мертвого здания и попытаются стабилизировать сервомеханику. Волны итеративных[31] расчетов прокатывались по панели с индикацией статуса отряда. Залог успеха – в оценке того, сколько уцелело от старой начинки и как быстро покорится она атаке морпеховских локализаторов.

Но спасение – не главная цель миссии. Его внимание снова привлек Патрик Уэстин.

– …Понял, – сказал Гу. – Биотеховским менеджерам и автоматике донести четко и ясно. Всем встать и покинуть лаборатории. Никого не впускать и не выпускать из зданий.

– Предупреждение и эмбарго. Выполняю, сэр.

Возможно, сообщение от Сян – какая-нибудь безумная разводка. Ага, черта с два. Он выделил в подчинение Уэстину еще один отряд и полицейских для подстраховки. Инспекторы ЦКПЗ примчатся из Денвера минут через тридцать, им и определять максимально безопасный маршрут проникновения в лаборатории.

Боб заложил безмолвную дугу по южной стороне кампуса. Пора приземляться самому. И третьему отряду тоже. Где?

Если это враги, на их стороне явно имеются Важные Шишки. Он пролистал список подозреваемых. Обычная доля иностранных студентов. Интересные Бобу лица будут допрошены к концу вечера. Библиотечные увеселения застигли журналистов практически врасплох, почему же болливудский контингент оказался так подозрительно оперативен? Несомненно, Индо-европейский альянс не может затевать ничего деструктивного. Но кажется, что европейский коллапс сертификатов завязан на разрушения в Сан-Диего! Аналитики и сам Боб (интуитивно) сопрягли его с болливудской командой, которая перескочила на

первое место в списке подозреваемых.

Он повел бот к полянке среди эвкалиптов и с хрустом приземлился на корточки на кучу веток и опавшей листвы. Третий отряд высадился с двадцатиметровыми промежутками к востоку и западу от Боба. Крики и сполохи исходили с холма близ библиотеки. Здание все еще рисковало обвалиться, но стабилизирующие сервомеханизмы уже подчинены, и если ничего больше не откажет, библиотека устоит. Ожили полицейские, транслируя из автомобильных громкоговорителей успокоительные призывы. Если все пройдет как по маслу, может, даже получится замаскировать факт вмешательства военных. Локальные безопасники успокоят себя, списав все на редкие, но неизбежные всесистемные глюки… Ага, прямо впереди по курсу болливудцы, киношники и геймеры. Им уже приказали не двигаться. Никто и не пытался. *Мы вас задержим только на пару слов, дамы и господа, и всё.*

GenGen заявляет, что лаборатории заперты и готовы принять представителей… когда? Ага! Инспекторы ЦКПЗ опережали график; они каким-то образом разжились сверхбаллистичками. Через десять минут высадятся. Выше по цепи его действия одобряют. И ниже. Какие-то очень большие и очень компетентные группы заново оценивали вероятность трансформации лабораторий в узловые фабрики смерти. Раньше они сочли ее ниже одного процента – то бишь научной фантастикой.

Теперь аналитический пул разбух до невиданных Бобом Гу размеров: наверное, процентов пятнадцать всех аналитических ресурсов разведсообщества США. Такая поддержка должна бы его успокаивать, но в некоторых местах связь по-прежнему еле контачит. А может, свободные ассоциации всегда себя так ведут в ситуации подлинно нетипичного кризиса.

Другим это тоже показалось странным. Он увидел многоцветье паранойи; наконец кто-то отчаялся:

> <point-of-order> Проверка целостности. После начала атаки с отзывом утрачена связь с пятью процентами исходного аналитического пула. Это представлялось немыслимым. </point-of-order>

Все аналитики – внутренние сотрудники разведсообщества США. Если сертификаты Credit Suisse были необходимы для поддержания связности, значит, допущена по меньшей мере ошибка разработки… а то и диверсия в собственном штабе Боба.

Немедленно пришел контраргумент:

> <point-of-order> Вы путаете потерю связности с потерей доверия. </point-of-order>

Аналитический пул погряз в диспутах. Состояние блокировки, которое удается быстро распутать только чудом – *а Элис на больничной койке*.

Очередной сигнал тревоги промелькнул на нижнем краю его поля зрения. Боевая сеть рассредоточилась по всему кампусу и достигла даже большего, чем перехват контроля над коммуникациями. Они превратились в двухкилометровый шпионский радар и докладывали, что…

…частный UP/Ex-пускатель GenGen только что активировался.

Пошел отсчет: шестьдесят секунд до вылета груза из лабораторий.

Хотя морпехи чуяли, как накапливает энергию конденсатор пусковой установки, внутренняя сеть самой GenGen продолжала уверять окружающих, что там все безопасно загерметизировано.

Что-то пыталось вырваться из GenGen на волю.

Как это похоже на Асунсьон.

Боб оглядел парящие на высоте десяти тысяч метров атомные боеголовки, распылители смертумана, высокоэнергетические ЭМИ-излучатели и ИК-лазеры. Журналистам эти системы оружия покажутся случайными аэроботами, но подполковнику Роберту Гу-младшему они даруют физическую мощь *испепелить* любую угрозу в этом уголке США.

Какова же минимальная достаточная реакция?

Тридцать секунд до запуска UP/Ex. У аналитиков по-прежнему хаос.

Доверенный контакт с Минобороны/УВБ потерян.

Иногда глобальные решения вынужден принимать ничтожный пехотинец на поле боя.

32
Минимальная достаточная реакция

Mus МБВ.

В pdf-файле Незнакомца говорилось, что *Mus* – сокращение от *Mus musculus*. Мыши! Мышиные стеллажи уходили во мрак. Роберту мерещилось, что зал стал еще огромнее с прошлого визита. Куда же идти?

Мири колебалась лишь секунду, потом побежала туда, где шумело сильней всего. Через два прохода и напротив. Да! Шкафчик с широко распахнутыми дверцами. Пневмотрубы обстреливали кристаллический лес наверху белыми цилиндриками.

Мири метнулась к дверцам. Внутри были стеклянные полки, как в старомодном автомате для снэков. А за стеклом – серебристая решетка со структурой пчелиных сот. Сотни идеальных шестиугольников. Сотни мордочек выглядывали из шкафа. Крохотные мордочки с розовыми глазками-точками, крохотные пушистые белые головки. Из-за стекла доносился тонкий писк.

– Их так тесно упаковали, что они пошевелиться не могут, – сказала Мири. – Их зады, наверное, подключены к… – Она помедлила, вероятно, подыскивая нужный термин в локальном кэше. – К маленьким отсасывателям. – Прозвучало это с горечью, неожиданной для девочки, которая не интересовалась домашними животными. – В общем-то, стандартная штука.

Мири отвела взгляд от массива ячеек и писклявых мордочек.

– В каждом из этих шкафов мышиные ячейки, двадцать на тридцать на десять. Еще девять таких массивов за тем, что перед нами. Слышишь хруст? Приятели Умника-Бахвала готовят некоторые из них к отправке.

– Но где? – Мышиные ячейки были неподвижны.

– Наверное, позади…

Раздался звук, с каким трескается бокал. Из хрустального леса к ним поплыл цветной туман. Роберту едва лицо задело, но Мири стояла прямо рядом со шкафом. Он потянул ее на себя. Наверху растрескались остальные трубки. Слабо запахло потными носками. Роберт потянул Мири дальше от шкафа, давя ногами разбитое стекло.

– Мири, это может быть нервно-паралитический газ.

Мири секунду помолчала, потом чирикнула уверенно:

– Они нас запугивают. Эта часть лабы для простых ядов не

предназначена.

Но Роберт помнил, что упаковочные картриджи прибывали именно сюда. *Этот шкаф был приманкой, и мы попались на нее.*

Мири выскользнула из-за его спины и побежала вокруг шкафа.

– Ха! Тут сзади транспортный лоток.

Когда он ее догнал, девочка уже обрызгивала лоток аэрозольным гелем. Моторчики визжали, не в силах оторвать груз от шкафа. Мири вытянула руку и похлопала по практически невидимым границам гелевого пятна. Спустя миг хруст в шкафу стих.

– Хрен отсюда что вылезет!

Они застыли, прислушиваясь… Знакомый хруст упаковки по всей пещере.

– Мири, сколько тут еще мышиных массивов?

– Восемьсот семнадцать, судя по кэшу описания лаборатории. – Она посмотрела на него. – Но дружки Умника-Бахвала могут одновременно работать только с несколькими из них. Тут внизу слишком много безопасников и других проектов… – Шум упаковочного аппарата стал громче. Десятки шкафов включались в игру. *Поймайте нас, если сможете.* Мири отступила на шаг и взглянула вдаль. Лаборатория была похожа на городок с прямоугольной сеткой улиц, и тянулись они во мрак далеко за пределы пятна света от одинокого фонаря.

– У меня отличная карта, но… что нам делать, Роберт?

Роберт посмотрел на ее карту.

– Мы сюда с Томми приходили. Мы установили гаджеты под некоторыми шкафами.

– Да! Под какими именно?

Роберт снова посмотрел на парящую в воздухе карту. Тут сущий лабиринт, а Клика могла войти с другой стороны.

– Я… Э-э-э… – В 2010-м Роберт потерялся на парковке торгового центра. Спустя час, так и не сумев найти свою машину, он вызвал службу безопасности. Это впервые недвусмысленно дала о себе знать деградация его умственных способностей. *Но я ж как новенький, у меня не должно быть проблем с памятью!* – Ближайший в двух рядах отсюда, потом направо и до конца прохода.

Они пробежали мимо двух рядов, повернули направо. Почти все дверцы были открыты, транспортные лотки работали. Мири махнула в сторону пневмотруб над шкафами.

– Ну ты же видишь, отсюда ничего не выгружается. Где следующая точка?

Они снова побежали, ориентируясь по его воспоминаниям.

Впереди что-то замаячило. Что-то, возносящееся до потолка. Пускатель GenGen.

Мири перешла на трусцу и встряхнула баллончик с гелем.

– Который из них, Роберт?

Все шкафы вокруг выглядели подозрительно.

– Еще два ряда и пять шкафов по проходу.

– Но ты говорил… Неважно. – Мири прошла еще два ряда, Роберт за ней.

Она посмотрела на него.

– Я… не уверен. – Его взгляд метался по вершинам шкафов. Он пытался сориентироваться по пускателю, понукая память.

Она помедлила, потом взяла его за руку.

– Роберт, все о'кей. Иногда просто из головы выпадает. Но с тобой все будет хорошо.

– Стой, – сказал он. – Вот здесь. Я уверен.

Пневмотруба за ближайшим шкафом только что поглотила очередную упаковку. И новые катились по лотку.

– Значит, это… – Мири вдруг выпустила его руку. Огляделась. – Где мы?

А может, это и впрямь не был нервно-паралитический газ. Может, это что-то похуже. *И Мири досталось больше моего*. Над шкафом сомкнулась пневмотруба. Приглушенный стук – и упаковка улетела.

Еще один картридж вытянуло на сайдинги над шкафом. Еще одна партия мышей покатилась ему навстречу. Ее не достать. *Но я еще помню, что надо сделать.* Роберт посмотрел на Мири, старательно улыбнулся и солгал:

– Ой, Мири, мы просто гуляем. Ты бы не могла залезть вон на тот шкаф?

Она глянула в сторону.

– Роберт, я не маленькая девочка. Я на чужую собственность не забираюсь.

Роберт кивнул и с трудом подавил улыбку.

– Но, Мири, это… это просто игра. И… если мы остановим вон ту белую штуку твоим, э-э-э, игровым ружьем, то мы победили. Ты же хочешь победить, а?

А теперь улыбнулась Мири, с задором и интеллектуальным превосходством.

– Конечно! Почему ж ты сразу не сказал, что это игра. Ага… Похоже, тут какая-то биотехлаборатория. Отлично! – Она взглянула туда, куда направлялись подталкиваемые транспортным лотком мышиные коробки. – Так что мне делать, рассказывай?

Пока залезет, уже забудет.

– Расскажу, когда залезешь. – Он подтянул ее, перехватив под мышками. – Давай, подтягивайся! Уцепись за край, и я тебя подтолкну.

Мири хихикнула, но подтянулась, а Роберт ее подтолкнул. Она пролезла под сайдингами. Распылитель оказался в считаных дюймах от транспортного лотка.

– Теперь что? – прозвучал сверху ее голос.

Действительно, а теперь что? Столько усилий, а потом забываешь, для чего это все. Но в этот раз было что-то очень важное, он не сомневался. Роберт мучительно припоминал, стараясь не паниковать.

– Кара, я не знаю…

– Эй! Я тебе не Кара. Меня зовут Мири.

Не моя сестра, а моя внучка. Роберт отступил от шкафа и попытался дать осмысленный приказ:

– Просто распыли этот спрей на движущиеся предметы, Мири.

– Нет проблем!

Его голову распорол звук, причинявший физическую боль. Он успел заметить странную дырку, которая возникла в корпусе пускателя UP/Ex над шкафом. *Но это ж не Мири сделала!* Мысль тут же вылетела из его головы, а самого Роберта отбросило назад.

Первый массив упакован в пускатель GenGen! У стелс-аэробота неплохие шансы вывезти его за границу США. А что там со вторым массивом? Камеры Альфреда показывали, что стратегия насчет Гу сработала. Они каким-то образом отыскали единственный реально важный мышиный шкаф, но импровизированная газовая атака уже сказывалась. Их движения выдавали бесцельную неуверенность.

Пора готовить второй груз; если повезет, получится эвакуировать обе партии!

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> ЭлР морпехов зафиксировала накачку баллистической пусковой установки в лабораториях. Альфред, что это может быть? </sm>

Гребаные морпехи. Аналитики Альфреда недооценили чувствительность инструментов американской электронной разведки.

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Просто не повезло. Это пускатель GenGen ночные циклы калибровки отрабатывает. </sm>

Альфред солгал, но у него уже была наготове легенда. Он забросал сотрудников Кейко и Гюнберка ворохом фейковой аналитики. Потом можно будет обвинить в запуске воскресшего Кролика.

Мицури ↳Браун, Вас: <sm> Но поверят ли американцы? </sm>

Она вывела несколько окошек с наилучшими оценками реакции морпехов на подготовку к запуску.

Времени заряжать третью партию нет. Пускатель GenGen зарядился, через сорок пять секунд запуск. Вот бы американцы еще чуток потянули время в нерешительности…

Вас ↳Браун, Мицури: <sm> Я закончил убирать за собой. Направляюсь к месту встречи. </sm>

Альфред напоследок огляделся. Да, все индикаторы готовности зеленые. Напротив мирно посапывает малец Ороско. Мальчуган не запомнит ничего из событий этого вечера, а его личный журнал умело искажен.

Альфред покинул комнату и направился к выходу. Освещение в коридоре было лоскутное, как при серьезной аварии. *Ага!* Морпехи наконец засекли его сеть. Они сбили стелс-аэробота, но связь с полудюжиной мобилей, рассредоточенных по кустам на севере от библиотеки, сохранялась. Боты были тише воды ниже травы, но сеть старались поддерживать. Американцы прочесывали территорию, уничтожая их одного за другим. Механизмы морпехов США сеялись с небес темной порошей, незаметные для толпы, а роботы их засекали только в последние мгновения перед гибелью.

Он вышел из коридора на первом этаже. Главный выход из здания впереди.

Пять секунд до запуска UP/Ex! Альфреду так и виделся хаос, царящий среди американских аналитиков после того, как их суперзвезда вырубилась в самый критический момент. Современный аналог снайперского выстрела, и еще три секунды…

Контактные линзы армейского образца утратили прозрачность. Лицо опалило жаром. Альфред кинулся на пол. Когда налетела ударная волна, здание покачнулось так, что без средств умной конфигурации едва устояло. Мгновение он лежал неподвижно, наблюдая за происходящим.

Это выстрелил высокоэнергетический инфракрасный боевой лазер, продырявив крышу здания GenGen с расстояния около двух тысяч метров. У Альфреда осталась единственная точка зрения, показавшая деревья на фоне жемчужной мглы и возносящейся тучи водяного пара и тумана. Частично облако состояло из покрошенных в пыль листьев и веток, но в основном – из специально разработанных частиц, которым полагалось притуплять острые края клинка отраженной смерти. Американцы произвели тридцать залпов менее чем за секунду; зона разлета отблесков протянулась на километры, и хотя невооруженный глаз их не воспринимал, угроза ожога роговицы или даже полной слепоты была ощутима.

В онлайне ожила вторая точка зрения. Цель залпа стала похожа на Мауна-Лоа в миниатюре: поток расплавленной породы оползал по склону холма. Вспышки света отмечали продолжение работы термических флешетт. Гремел гром.

Значит, вот как отреагировали американцы. Быстро и эффективно. Прижигание и герметизация пораженного ареала, минимальный сопутствующий ущерб. *И все мои мечты обратились в пепел.*

Контактные линзы снова обрели прозрачность. Альфред поднялся и выбежал из Пильхнер-холла.

Впереди панически блуждали люди, ошеломленные сначала отказом Сети, а теперь и слепящими отблесками лазерного залпа. *Смешайся с толпой*. Хотя Альфред стремился подставить плечо всему человечеству, именно сейчас впервые за вечер он почувствовал себя ужасно одиноким. Кто-то из окружающих глазел вверх; кто-то временно ослеп. Поднялись крики. Кто-то отдавал разумные команды: броситься под прикрытие, смотреть вниз, избегать отблесков. В условиях серьезного обвала Сети у них не оставалось иного выбора, кроме голосового общения. Ширились слухи. Все больше народу в толпе понимало, что их страна под военной атакой – всего лишь третий или четвертый случай в современной истории. Пока, однако, никто не догадывался, что атакующей стороной выступает их собственная армия.

Альфред не поднимал глаз, а лицо прикрывал. Поза эта не должна вызвать подозрений: в толпе сотни людей поступали так же. Он урезал канал связи до мутного ручейка, по которому поступали считаные биты за секунду, и переключился на хаотичную маршрутизацию через свои механизмы. Оптическое оборудование самого Альфреда было надежно заэкранировано, и зондам морпехов оно покажется обычным набором эпифанических железок, пытающимся сладить с неожиданным

отказом публичных сетей.

Он рассчитывал продержаться еще минут десять. Но задолго до того аналитический пул УВБ придет в себя после коллапса Элис и займется *ретроспективным* просеиванием локальных видеопотоков. Если аналитиков натравить на такую маленькую выборку, эффективность их будет устрашающей. Он вообразил себе их радостную погоню. Видите, как вражеские механизмы скучены у Пильхнер-холла? А ну-ка просканируем начало вечера; кто все время крутился рядом с этим зданием? О, тут дочка Гу заходит, а за несколько минут до нее – чувак индийской внешности. Прокрутите вперед: никакого движняка, и вот не далее как минуту назад тот же индиец выбегает наружу. Проследить его в настоящее – вот он, готовенький, чертовски убедительно отыгрывает невинного зеваку.

В любом случае индо-европейская операция завалена так, что отрицать причастность не получится. И это еще не самое скверное. На несколько секунд Альфред Вас поддался нехарактерному для него отчаянию. *Как же все годы моих планов? Как же спасение мира?* Он слышал достаточно, чтобы догадаться: улики, похищенные Кроликом, пересланы в pdf-файле на лэптоп Паркера. Альфреду не суждено будет закончить исследовательскую программу. Да уж, Кролик действительно оказался Новой Большой Угрозой. Морковная ботва в Мумбае недвусмысленно намекала на это. *А я предпочел закрыть глаза и понадеялся, что выиграю, действуя по прежнему своему плану.*

Но… что там с Кроликом? Вполне вероятно, что *убедительные* улики, собранные им, на самом деле – не поддающийся расшифровке хлам. Возможно, то, что стояло за Кроликом, теперь беспомощно. *В таком случае, возможно, возможно, получится уцелеть и попытаться снова, если я задействую все свое влияние во внешней разведке.*

Альфред переместился обратно на край толпы и осторожно прозондировал свою сеть. Он потерял связь с лабораториями. Уже полминуты ничего, кроме смертоносных *клик-клак* в его ушах; не слышные больше никому, звуки эти отмечали методичное истребление его армии.

Ага, вот. Маршрут через уцелевшие устройства к Пильхнер-холлу. Выскочили маленькие окошки… он нашел точку зрения, единственную лабораторную камеру, уцелевшую после лазерной атаки, и посмотрел через нее сверху вниз на мышиный шкаф. Камеру немного повредило отблесками, там и сям пестрели мертвые пиксели, но видимость была достаточная.

Сопутствующий ущерб может быть полезен: вполне вероятно, что обвинения Кролика больше нечем подтвердить! Ударная

волна в момент американской атаки на пускатель опрокинула его ценнейший шкаф. Последняя партия мышей свалилась вместе с ним. Отлично. И, что всего приятнее, термические бомбы янки затопили все окрестности пускателя лавой. Она, как и ожидалось, запечатала дыру, возникшую при залпе, но не остановилась. Мерцающий, вязкий, как битум, ручей растекался между стеллажами, кое-где собираясь в лужи глубиной под два метра. Он достиг упавшего шкафа и затопил все, кроме уголка с последней партией мышей.

Гу нигде не было видно. Перед лазерным залпом они стояли на краю зоны, где сейчас царило опустошение. Располагая другими точками зрения, он мог бы проследить их, но, пожалуй, это сейчас и неважно. Их воспоминания перепутаны, и хотя они все еще сулят определенную угрозу, над нею он не властен. Альфред поймал себя на внезапной усмешке. Как странно: в эпицентре катастрофы он радуется тому, что два его самых упрямых противника (*не считая Кролика, чтоб ему в аду сгореть*), скорее всего, уцелели.

Он приблизился к библиотеке. Туда подоспели гражданские спасатели, хотя поддержку сети, очевидно, взяли на себя морпехи. Следователей еще нет. А вот и запасной аэробот, через который можно прокинуть канал! Он успел получить одно новое сообщение, и аэробот сбили.

Мицури ↳Вас: <sm> Анализ Гюнберка почти закончен. Продержитесь еще пару минут, Альфред. Морпехи по-прежнему сфокусированы на лабораториях. Можете беспрепятственно вернуться к болливудской группе. </sm>

Прилагалась карта, показывавшая текущее положение киношников, на северном краю толпы, под эвкалиптами. Болливудская команда и ее автоматика отлично подготовились к операции, хотя люди, присутствующие на месте, об истинной цели не подозревали.

Альфред напоследок огляделся, сделал несколько шагов под деревьями… и смешался с болливудцами.

– Господин Рамачандран, у нас связь полностью легла! – У операторши глаза были как блюдца. – Все было в порядке, а сейчас полный кошмар!

Эксперты по спецэффектам не привыкли сталкиваться с таким в реальности.

Альфред переключился в режим раздраженного топ-менеджера кинокомпании.

– У вас видео ведь кэшировано, так? У вас же более ранние

контексты перенаправлены на базу, так?

– Да, но… – Киношники порывались выскочить из-под прикрытия деревьев и помочь пострадавшим в библиотеке. Это Альфреда устраивало, а пока он влился в группу. Возможно, аналитики УВБ все еще не очухались. Если это прикрытие поможет просочиться через кордон морпехов и выбраться из Калифорнии, будет просто супер (и поразительно удачно). Он последовал за киношниками на открытое пространство рядом с библиотекой, продолжая прощупывать военную сеть. Остался единственный канал. Пора и его сбрасывать, как избыточную улику.

Но разведданные продолжали поступать. Жуткие, леденящие кровь слова, которые бы не отягчили душу Альфреда, не будь он еще подключен.

– Пожалуйста. Пожалуйста, не надо с ней так. Она же еще маленькая девочка.

Гу. Альфред лихорадочно завозился с единственной уцелевшей точкой зрения. В физическом мире он споткнулся.

Операторша ухватила его под локоть, не дав упасть.

– Господин Рамачандран, с вами все в порядке? Вас при атаке не ослепило?

Альфред сохранил самообладание и не отпихнул ее.

– Простите, я только… Такие разрушения кругом… Нужно помочь этим бедолагам.

– Да, но вы и о себе подумайте!

Операторша провела его туда, где остальные болливудские киношники уже помогали спасателям. Он воспользовался ее поддержкой, чтобы стабилизировать ракурс подземной точки зрения. Камера частично залечила ущерб; некоторые мертвые пиксели снова замерцали, и он теперь мог заглянуть за левый край рухнувшего шкафа… Гу-старшего зажало внизу. Господи, а где его внучка?

Я этого не хотел. Он ничего не сказал вслух, но тело выдало его.

Аноним ↳Роберт Гу: <sm> Где твоя маленькая девочка? </sm>

– Кто это? – вскричал голос в его ушах, потом продолжил тише, но еще безнадежней: – Она тут. Совсем рядом. Она без сознания. *А я не могу ее отодвинуть.*

Аноним ↳Роберт Гу: <sm> Прости. </sm>

Альфред не придумал, что еще сказать. Блин, если эти двое погибнут, ему самому ведь немного проще будет выкрутиться. Он сердито отстранился от подземной точки зрения. *Будь я проклят, если…* Он сегодня ничего не добился, только хороших людей погубил. Ну и как теперь их вытащить, чтобы не спалиться?

– Пожалуйста. Просто сообщите в полицию. Не дайте ей сгореть.

Новые вспышки жуткого давления, звук, словно от тысячи разбивающихся хрупких предметов, хруст ломающегося твердого пластика и раздавленных костей. Всего этого Роберт почти не слышал. Раздавленные кости его отвлекли, а последующие далекие взрывы и волны жара прошли более или менее не замеченными.

Роберт выплыл из состояния глубокой интроспекции, которое легко было перепутать с потерей сознания, вот только теперь заболело куда сильнее. Мири стояла рядом на руках и коленях. Она истошно кричала:

– Деда! Деда! *Пожалуйста*, скажи что-нибудь. Деда!

Он подергал рукой, и Мири ухватилась за нее.

– Прости меня, – сказала девочка. – Не хотела все переворачивать. Тебе больно?

На этот вопрос нелегко было ответить. Ему на правую ногу взгромоздилась агония размером со слона.

– Да, – придумать что-нибудь остроумнее он не смог, помешала боль.

Мири плакала навзрыд, у нее сбивалось дыхание. Это было совсем не в духе Мири. Она повернулась и толкнула шкаф, под которым застрял Роберт.

Роберт глубоко вдохнул, но от этого лишь помрачилось в голове.

– Шкаф слишком тяжелый, Мири. Держись от него подальше.

Почему воздух такой жаркий? Свет пропал. За обрушившимся лабораторным оборудованием что-то капало, шипело и мерцало, как в раскаленной печи.

– Кара – *Мири!* – уходи оттуда!

Девочка помедлила. Под шкафом лежали раздавленные остатки партии мышей, которая должна была улететь через пускатель. Теперь-то никуда не денется. Мири потянулась туда, раздвинула руками кучу битого стекла. Роберт выкрутил шею и увидел крошечную мордочку, глазеющую на него в ответ: мышь выдернуло из отсасывателя.

– О-ой, – пискнула Мири. – Привет, малышка. – Девочка издала всхлипывающий смешок. – И вы тоже. Вы все. Вы

свободны.

Роберт видел, как появляются новые мордочки: выбегали на свободу остальные мыши. Покачивали головками, словно не замечая его, устремленные к чему-то много более важному в мышином порядке вещей. К свободе. Они выбирались из шкафа по ладоням девочки и порскали прочь от жара.

Теперь стал виден источник жара: через груду оборудования перевалил раскаленный добела сиропообразный комок, упал рядом со шкафом и зашипел, охлаждаясь и краснея.

Кара панически вскрикнула и отскочила к нему.

– Что это?

Шипение и бульканье продолжались. Если жидкость перетекла через такой барьер, на другой стороне наверняка лужа глубиной несколько футов.

– Не знаю. Но тебе придется уйти.

– Да! Давай вместе! – Девочка потянула его за плечи. Он оттолкнулся вместе с ней, игнорируя невыносимую боль в ноге. И продвинулся на четыре-пять дюймов, а потом снова застрял, еще прочнее. Жар начинал беспокоить сильнее, чем боль в раздавленной конечности. Мысли Роберта блуждали, перескакивая с одного ужаса на другой, он пытался сохранять самообладание.

Он перевел взгляд на рыдающую сестру.

– Кара, прости, что я заставил тебя плакать.

Она расплакалась еще отчаянней.

– Тебе придется убежать отсюда. Сейчас.

Она не ответила, но и плач прекратился. Она неуверенно посмотрела на него, отстранилась от пышущей жаром печи. *Беги! Беги!*

Но потом у нее вырвалось:

– Мне нехорошо.

И она рухнула неподалеку, но так, что он не мог дотянуться.

Роберт оглянулся на оползающую лаву. Она покрыла нижнюю часть шкафа. Еще дюйм-другой, и перельется на его сестренку. Он потянулся, схватил длинный осколок – керамический? Заклинил его в сияющем приливе.

Раздались новые взрывы, не очень громкие. Отсюда, снизу, казалось, что там кто-то готовит на плите, и пахло так, как при готовке. Он попытался вспомнить, как сюда попал. Кто-то сделал это с ним и Карой, и теперь они, конечно же, слушают.

– Пожалуйста, – произнес он в сияющем сумраке. – Пожалуйста, не надо с ней так. Она же еще маленькая девочка.

Ответа не было. Только жуткие звуки и боль. А потом случилась удивительнейшая вещь: в его поле зрения пронеслись

буквы.

Аноним ↳Роберт Гу: <sm> Где твоя маленькая девочка? </sm>

– Кто это? Она тут. Совсем рядом. Она без сознания. *А я не могу ее отодвинуть*.

Аноним ↳Роберт Гу: <sm> Прости. </sm>

Он подождал, но ничего больше не увидел.

– Пожалуйста. Просто сообщите в полицию. Не дайте ей сгореть.

Но безмолвный наблюдатель исчез. Кара лежала неподвижно. *Она что, не чувствует жара?* Он изо всех сил напрягался, удерживая осколок.

Потом:

– Профессор Гу? Это вы?

Какой-то приставучий студентишка. Ох, сколько ж их было… Он не понимал, кто это, но рядом явно кто-то был, частично погруженный в лаву.

– Это я, сэр. Зульфи Шариф.

Знакомое имя. Тот увертливый бахвал. Но кожа его теперь не зеленая. Это ведь что-то значит, но что?

– Я пытался к вам дозвониться несколько часов, сэр. Ни разу еще так не вырубало. Боюсь… боюсь, меня заморочили по полной. Мне очень жаль.

Фигура тонула в лаве. Фантом.

– Вам больно! – воскликнул фантом.

– Вызовите полицию, – сказал Роберт.

– Да, сэр! Но где вы?.. Ага, неважно, понял! Я сейчас же вызову подмогу…

Сияющая лава перелилась через импровизированную плотину и опалила руку Роберта. Он низринулся в яму немыслимой боли.

33
Свобода на очень длинном поводке

Новое крыло клиники Крика было построено менее пяти лет назад, но стилистически отсылало прямиком к прошлому веку, когда людям приходилось обращаться в величественные и просторные госпитали, чтобы выжить. Потребность в таких местах все еще сохранялась: самые экстремальные процедуры медпомощи не упакуешь в аптечку и на дом не доставишь. И, конечно, оставались трагические случаи неизлечимых, калечащих человека болезней: некоторая, какая ни малая, часть человечества всегда будет попадать в дома инвалидов.

Новое крыло выполняло и некоторые другие функции. Подполковник Роберт Гу-младший размышлял о них ежедневно, когда ехал в госпиталь. Ежедневно после катастрофы в университете Сан-Диего он высаживался из машины на разворотном кольце у клиники Крика и оглядывал холмы и пляжи Ла-Хольи. Отсюда пешком можно было добраться в места, причисляемые к самым престижным и фешенебельным курортам мира. А в нескольких милях от побережья начинались биолаборатории, окаймлявшие университет Сан-Диего: вероятно, самый престижный кладезь медицинского волшебства в мире. Конечно, эти лаборатории можно было разместить где угодно, их локация не играла важной роли. Но психологически – и по традиции – самые богатые и самые несчастные продолжали высоко ценить близость курортов и роскошной медицины.

Жена, дочка и отец Боба Гу попали сюда не потому, что были очень богаты. Дело в том, что за величественным и вполне реальным вестибюлем начиналась зона приватности. Приватность эту обеспечивали два обстоятельства: базовый дизайн клиники и тот факт, что Дяде Сэму были крайне интересны некоторые пациенты.

Нет лучшего места для прикрытия деликатных операций, чем курортный госпиталь. Журналисты пускай себе слоняются за стенами и строят догадки, повода подать жалобу на ущемление гражданских прав у них не будет. Отличное прикрытие.

У входа в вестибюль Боб помедлил.

О, Элис! Он годами жил в страхе, что ее свалит ДП-синдром. Годами они с Элис спорили о пределах допустимого в вопросах чести и долга, об уроках Чикаго. Теперь катастрофа, которой он давно опасался, грянула… и все равно застигла его врасплох. Он

ежедневно навещал Элис. Врачи его не обнадеживали: Элис Гу пала жертвой самого сложного ДП-синдрома за всю их практику. Будут еще ему рассказывать! Элис в сознании, она с ним общается, хоть и несет ерунду. Он держал ее в объятиях и умолял вернуться. В отличие от папы с Мири, Элис не была узницей федералов. Она угодила в тюрьму собственного сознания.

Сегодняшний визит Боба в клинику Крика был особенным. Допросы – сиречь, *дознания* – закончены. Папу обещали разбудить к полудню, а Мири – часом позже. Бобу разрешалось провести с ними некоторое время в виртуальном сопровождении Евы Мэллори[32], офицера УВБ, руководившей допросами.

В 12.00 Боб стоял перед очень старомодной деревянной дверью. Он уже знал, что в клинике Крика такие вещи всегда подлинные. И, чтобы войти, нужно повернуть дверную ручку.

Ева ↳Боб: <sm> Эта беседа нам особенно интересна, полковник. Но не затягивайте. Придерживайтесь плана, который мы для вас составили. </sm>

Боб кивнул. В этот момент он бы затруднился определить, кто его раздражает сильнее, отец или служаки УВБ. И решил придать себе уверенности, открыв дверь без стука и резко переступив порог палаты.

Роберт Гу-старший мерил лишенное окон помещение шагами, словно подросток в КПЗ. По его виду и не скажешь, что совсем недавно у него одна нога была сломана, а другая – раздроблена; врачи это без труда исправили. Что до остального… ну под больничными пижамами ожоги не видны.

Взгляд старика метнулся к Бобу, но слова Роберта выразили не гнев, а отчаяние:

– Сынок! Мири в порядке?

Ева ↳Боб: <sm> Расскажите, полковник. О своей дочери можете с ним говорить свободно. </sm>

– С Мири… все в порядке, пап. – Он показал на кресла с плюшевой обивкой за столиком у стены. Но старик продолжал обходить палату.

– Боже, спасибо. Боже, спасибо. Последнее, что я помню, – это жар… и лава, которая ползет к ней. – Он опустил глаза на пижаму и внезапно, как показалось Бобу, отвлекся на увиденное.

– Папа, ты в клинике Крика в Ла-Холье. Мири не пострадала при пожаре. Но от твоей левой кисти, гм, почти ничего не

осталось.

Местами плоть опалило до кости, прожгло *все* левое предплечье.

Роберт-старший коснулся рукава пижамы, которая в этом месте была ему широка.

– Да, врачи мне рассказали. – Он повернулся и осел в кресло. – И, в общем, ничего больше не говорили. Ты уверен, что с Мири все нормально? Ты ее видел?

Старик никогда раньше себя так не вел. В глазах его застыла мука. *А может, он просто реагирует на то, какой вид у меня самого*. Боб сел напротив отца.

– Я ее видел. И сегодня с ней еще поговорю. Ее главная проблема – скомканные воспоминания о том, что случилось в лабораториях.

– Ага. – И немного тише: – А-ага. – Роберт посидел, переваривая новость, потом снова встрепенулся. – Как долго я провалялся в отключке? Боб, я столько должен тебе рассказать… Может, ты лучше позови кого-нибудь из своих, ну, тех, кто на правительство работает?

Ева ↳Боб: <sm> Значит, он не помнит дознаний? Надо же, как мы хорошо потрудились. </sm>

– Папа, в этом нет необходимости. Возможно, позднее с тобой и пообщаются по некоторым вопросам, но все самые существенные твои грязные тайны мы выволокли на поверхность. Тебя допрашивают уже несколько дней.

Глаза отца едва заметно расширились. Потом он кивнул.

– Ну да, эти странные сны… Значит, вы в курсе про мои, гм, личные проблемы?

– Да.

Роберт отвернулся.

– Боб, вокруг шляются странные ребята. Плохие ребята. Таинственный Незнакомец, тот, кто заморочил Зульфи Шарифа… он все время прикрывал меня. И я никогда еще не встречал никого, кто бы мной так умело манипулировал. Можешь себе представить, чтобы у тебя на плече все время кто-то сидел и подсказывал тебе, как поступать?

Ева ↳Боб: <sm> И, пожалуйста, не развивайте тему Кролика. </sm>

Боб кивнул. Кролик (имя удалось вытянуть из индо-европейцев) – это, надо думать, нечто новое под солнцем. Кролик

скомпрометировал ОНА. Сценарии, построенные УВБ и морпехами, были *искажены* Кролику на пользу. Индийцам, европейцам и японцам за многое придется ответить, а ведь афера могла остаться незамеченной, не запусти они атаку с отзывом сертификатов против этого субчика. Но как удалось Кролику провернуть подобное? И на что еще он способен?

Вопросы, назойливые вопросы, но с отцом-изменником их обсуждать не следует.

– Пап, мы позаботимся об этом. А тебе нужно смириться с результатами и преодолеть последствия.

– Да. Последствия. – Правая рука Роберта нервно мяла тонкую обивку кресла. – Тюрьма? – Он произнес это слово тихо, почти просительно.

Ева ↳Боб: <sm> Ни в коем случае. Он нам нужен на свободе. </sm>

– Нет, папа, никакой тюрьмы. Официально ты и твои приятели поучаствовали в студенческой демонстрации, которая почему-то вышла из-под контроля. Менее официально… ну мы пустили слух, что вы помогли саботировать террористическую атаку на лаборатории. – Очередное задание для Друзей Приватности, которые всегда рады помочь.

Роберт покачал головой.

– Это Мири придумала – остановить злодеев.

– Да. – Он смерил отца тяжелым взглядом. – В тот вечер была моя смена.

Ева ↳Боб: <sm> Осторожней, полковник. </sm>

Но предупреждение не имело смысла: стратегия допросов предусматривала, что Роберт должен узнать часть правды. Единственная проблема – как это сделать, не надавав папочке оплеух.

– Здесь? В Сан-Диего?

Боб кивнул.

– Я дежурил по Юго-Западу континентальных Штатов, но вся заварушка развивалась здесь. В тот вечер моим главаналитиком дежурила Элис. – Он помедлил, стараясь подавить ярость. – Ты не догадывался, что это Элис не позволила мне вышвырнуть тебя из дома?

– Я… – Роберт провел пальцами по всклокоченным волосам. – Она всегда казалась такой отстраненной.

– Пап, ты знаешь, что такое ДП-синдром?

Резкий кивок.

– Да. Карлоса Риверу на китайском заглючило. Он в порядке? – Потом старик вскинул голову, лицо его побелело. – *Элис*?

– Элис свалилась прямо в разгар ваших похождений. У нас имеются основания подозревать, что…

Ева ↳Боб: <sm> Без подробностей. </sm>

Боб продолжил, не моргнув глазом:

– …она все еще заблокирована.

– Боб… Я не хотел причинять ей вреда. Я так отчаялся. Но возможно… возможно, это я подстроил ее… – Он посмотрел Бобу в глаза и отвернулся.

– Да, папа, мы это знаем. Это выяснили в ходе дознания. И да, *ты* подстроил ее коллапс. – УВБ прочесало и дом Гу, и его личный журнал, и все в университете Сан-Диего; даже снимки бота, которого папа запустил в переднюю ванную, нашлись. *И мы по-прежнему не понимаем, что именно произошло.* Индия, Европа и Япония перекладывали вину на Кролика, а Кролик оставил после себя одни слухи да нечитаемые куски старого кэша.

Ева ↳Боб: <sm> Хех. Мы это выясним. Сетевая атака на биологически подготовленную жертву – *слишком* интересная технология, чтобы ее игнорировать. </sm>

Папа склонил голову.

– Мне жаль. Мне так жаль.

Боб резко поднялся. Он ответил спокойным и ровным голосом, что стоило ему немалых трудов:

– Сегодня тебя выпишут. Найди себе что-нибудь из одежды и узнай, что в мире за это время случилось. Пока останешься с нами в Фолбруке. Мы хотим, чтобы… ты продолжал с того же места, где остановился. Я расскажу Мири про Элис…

– Боб, это не сработает. Мири ни за что не простит…

– Вероятно, не простит. Поэтому ограничится кратким содержанием. В конце концов, ты случайно поучаствовал в атаке на Элис. И эта информация спрятана за такими надежными замками, что даже Мири Гу вряд ли пролезет… но я… настоятельно советую… тебе не проболтаться.

На этом миссия подполковника Роберта Гу-младшего завершилась. Теперь он мог позволить себе уйти. Он пересек палату и потянулся к дверной ручке. Но что-то заставило его

обернуться и взглянуть на отца.

Роберт Гу-старший следил за ним с безнадежной тоской. Боб уже встречал это выражение на других лицах. За годы армейской карьеры многие его молодые подчиненные проваливали свои задания. Молодым свойственно отчаиваться. Молодым свойственно чудить, дурачиться, проваливаться из-за своего эгоизма – порою с ужасающими последствиями.

Но это же мой старик! В его случае апеллировать к отчаянию и неопытности нельзя.

Тем не менее… Боб помнил, как смотрел видео от группы ЦКПЗ, спускавшейся в указанное Шарифом место лабораторного комплекса. Он видел своих отца и дочь, лежавших на полу совсем рядом с кратером на месте пускателя UP/Ex. Он видел, как вытянутая рука Роберта задержала расплавленный камень в считаных дюймах от лица Мири. И поэтому, несмотря на жуткий провал папочкиного предприятия, он должен был сказать еще кое-что:

– Спасибо, пап. За то, что спас ее.

– Продолжай с того же места, где остановился, – сказал ему Боб. В Фэйрмонтской старшей школе такой совет прозвучал бы почти разумно. Хуан с Робертом уже сдали последние письменные экзамены, потом начались рождественские и новогодние каникулы. Теперь Хуан и Роберт вернулись, и как раз вовремя: к самому страшному, по мнению большинства учащихся, испытанию семестра. Их ждала креативная демонстрация командных проектов в вечер итогового родительского собрания. Вопросы жизни, смерти и унизительной вины блекли перед перспективой выставить себя дураком на глазах детей и родителей.

Как ни странно, Хуан Ороско продолжал с ним общаться. Хуан не знал, что случилось в университетском городке. Его память выскоблили даже тщательней, чем Мири. Он пытался восстановить утраченное по кусочкам, смотрел новости, прилагал все усилия, чтобы отделить правду от вранья Друзей Приватности.

– Я ничего не помню после того момента, когда мы с Мири пробрались в кампус. А мои одежки все еще в полиции. Я даже последние минуты своего дневника просмотреть не могу! – Ребенок всплеснул руками с таким же отчаянием, как в первый день их с Робертом знакомства.

Роберт потрепал его по плечу.

– Ну да, и журнал Мири тоже у них.

– Да *знаю* я! Я у нее спрашивал. – В глазах мальчишки

вскипели слезы. – И она тоже не помнит. Роберт, мы же подружились. Мы бы за тобой вместе не отправились, если б она мне не доверяла.

– Да, конечно.

– Ну а сейчас она ко мне относится так же, как и до того. Она меня отталкивает. Она думает, я облажался и поэтому ей пришлось самой идти тебя искать. А может, я действительно облажался. Я *не* помню!

Лена ↳Хуан, Сю: <sm> Хуан, дай ей срок. Мири переваривает случившееся, особенно то, что произошло с ее мамой. Думаю, она себя винит, а может, нас всех. *Я* уверена, что ты не облажался. </sm>

Лена ↳Сю: <sm> Но я не понимаю, почему он обращается за утешением к сукину сыну. </sm>

Хуан на мгновение отвел глаза, потом, кажется, взял себя в руки.

Роберт неловко потрепал пацана по спине. В резюме его прежней личности умение утешать других не значилось.

– Хуан, она остынет. Она не называла тебя трусом, пока мы там под землей бродили. Она очень переживала за тебя. Просто дай ей срок. – Он пытался придумать, на что бы перевести разговор. – А тем временем… неужели ты собрался запороть всю нашу совместную работу за семестр? Как насчет ребят из Бостона и Южной? Если хотим успеть с демкой, нужно поторопиться.

Лена ↳Сю: <sm> Нет, ну ты только посмотри на этого мудака. Ему только и надо, что вытянуть из мальчишки очередную помощь. </sm>

Попытка Роберта отшутиться выглядела жалко, но Хуан поднял на него глаза и весьма правдоподобно улыбнулся.

– Да. Пора подумать о более важных делах!

Боб с Мири на профдемки в Фэйрмонтскую школу не явились. Во всяком случае, физически не присутствовали, а Роберт знал, что Хуан Ороско уж постарался их найти.

– Хуан, Мири сегодня в клинике Крика. Ее мать из госпиталя выписывают. – Кажется, Боб очень доволен, что у Роберта на этот вечер мероприятие запланировано.

Мальчик просиял.

– Ну, может, она сюда краем глаза посмотрит, э-э-э?

На самом деле фэйрмонтское собрание привлекло немалый интерес, но поводы для этого были не лучшие. Популярные СМИ

нагромоздили кучу гипотез вокруг событий в УСД, а Друзья Приватности позаботились оплести ее толстенной паутиной теорий заговора. Всё и вся, связанные с событиями того вечера, стали мишенью слухов. Роберт прочесал выдачу общедоступного поиска: сначала затем, чтобы попытаться выяснить, что с ним случилось тогда в университетских подземельях, а потом для того, чтобы узнать, что, *как полагают люди*, с ним случилось. Роберт и Клика фигурировали в большинстве теорий – как правило, случайными героями, в согласии с обещанием Боба. Но выдвигались и другие гипотезы. Роберт никогда не слышал ни про какого Тимоти Хвиня, а некоторые журналисты утверждали, что это Хвинь с Робертом подстроили все, случившееся под землей и во время беспорядков!

Роберт наловчился блокировать письма от папарацци, но известность его быстро убывала; период полураспада рейтинга составлял около пяти дней. Тем не менее Роберт старался проводить большую часть времени в Фэйрмонтской школе, где самых назойливых визуальных визитеров блокировала администрация.

В тот вечер бан тоже действовал – на демонстрации. На трибунах разместились посетители, прошедшие по билетам: семьи учащихся и их гости, в том числе виртуальные. Большинству не было никакого дела до Роберта Гу. Но по сетевой статистике было ясно, что незримые трибуны населены *куда плотнее*.

По части профессиональной программы Фэйрмонту гордиться было нечем. Большинство ребят не освоили самые свежие и прорывные приложения (а учащиеся-ретарды, как правило, и того хуже). С другой стороны, Чумлиг признала в порыве откровенности, что родители предпочитают профтех-демонстрацию, вероятно, потому, что им она интереснее работ других детей.

Ученики разбились на двойки и тройки, но им разрешалось задействовать решения со всего света. Вечерняя демка не начнется до заката, так что срастить оверлеи с реальностью будет довольно простой задачей. Чумлиг бы обычным студентам такой поблажки не сделала. Их демки продолжаются два дня и стартуют только через неделю после того, как закончат выступать профтехи. Интервал вежливости, в течение которого отстающие могут насладиться признанием.

В этот вечер зрители расположились на западной стороне футбольного поля, чтобы освободить восточную для сколь угодно грандиозной графики.

Роберт и Хуан Ороско уселись на боковых скамьях, среди

остальных выступающих. Конечно, расписание казней, то бишь выступлений, известно заранее. В личных ракурсах над полем висели маленькие индикаторы, показывавшие, сколько времени осталось до конца текущей демки и кто выступает следующим. Демократический выбор тут не поощрялся. У Луизы Чумлиг и прочих учителей свои предпочтения, они и заказывают музыку. Роберт улыбнулся про себя. В этом смысле старая чуйка ему верна: даже не вдаваясь в детали проектов, он понял, у кого сильный, а у кого нет. Он знал, кто сильнее всех боится выступить перед аудиторией… и Чумлиг тоже. Порядок выступлений, установленный ею, это тоже проверка ребят и девчонок: на прочность.

Как ни странно, шоу, проходившее в этом порядке, получалось неплохим.

Открыли его близнецы Раднеры. Этой парочке восточной стороны кампуса было недостаточно. Они соорудили шаткий консольный мост – что-то вроде железнодорожного моста через Ферт-оф-Форт, но в масштабе: стальные кессоны по двум сторонам трибун, а пролеты возносятся все выше, сливаясь с угасающим дневным светом. Шли секунды, и вот конструкция проявилась снова на *юго-западе*: шедевр девятнадцатого века окольцевал виртуальную Землю. В качестве кульминации по небу с ревом пронеслись громоздкие паровозы. Трибуны закачались под иллюзорным напором локомотивов.

– Эй! – воскликнул Хуан, пихнув Роберта в бок. – Это что-то новенькое. Наверное, разобрались с какими-то протоколами систем техподдержки здания.

Если Раднеров еще не успели затянуть в жернова слухов по поводу библиотечного мятежа, то теперь это наверняка произойдет. Роберт полагал, что близнецам внимание польстит.

Большая часть демок была из области визуальных искусств. Но некоторые учащиеся предпочли строить гаджеты. Дорис Шлей и Махмуд Квон соорудили аппарат на воздушной подушке, который взобрался по трибунам, и накренили его с верхнего яруса; раздался взрывоподобный звук, и суденышко коснулось земли, ничего не разбив. Хуан наблюдал за демонстрацией воочию, со своего места на нижнем ярусе. Он подзадорил Шлей и Квона, потом опустился на место.

– Вау, парашютный экраноплан. Но готов побиться об заклад, что мисс Чумлиг им больше четверки не выставит. – И Хуан затянул, идеально подделываясь под стандартные интонации Луизы Чумлиг: – Ваша работа мало отличается от готовых инженерных образцов.

Но улыбаться не переставал. Они с Робертом знали, что

больше четверки за визуальные демки вряд ли кто получит.

Некоторые ученики испытывали передовые приложения, проекты вроде тех, какими, по словам Мири, были заняты ее друзья. Две демонстрации с новыми материалами: лентой исключительной эластичности и каким-то водяным фильтром. Эластичная лента не производила особенного впечатления, пока не сообразишь, что это не графический фокус. Демку разыгрывали двое малознакомых Роберту мальчишек. Они встали в двадцати футах друг от друга и подвесили большую куклу на ленте из волшебного вещества. И не просто упрочненного композита: парни ухитрялись регулировать его физические характеристики, меняя силу нажатия на концах. Иногда лента напоминала гигантскую пружину, и куклу стремительно отбрасывало к центру. Иногда растягивалась, как ириска, и манекен раскачивался, описывая широкие дуги. Эта демонстрация вызвала крайний восторг.

А вот другая демка, с водяным фильтром, сводилась к увеличенному изображению садового шланга, изливавшего воду на фильтр. Над ним вывели исполинские графики с описанием производительности перенастраиваемого цеолита в очистке воды от интересующих пользователя примесей. Звуковых эффектов не было, графика еле ворочалась и выглядела примитивно. Роберт поглядел на небо, потом на девчонок.

– Им ведь пятерку поставят, гм?

Хуан покачался взад-вперед, опираясь на локти. Он усмехался, но не без зависти.

– Ага. Чумлиг такое нравится. – Врожденная честность заставила его добавить: – Лиза и Сэнди графику не шлифовали, но, как я слышал, у них нарисовался *покупатель* на этот фильтр. Думаю, они одни из всех пэтэушников реальные деньги своей демкой заработают.

– Мы следующие, сынок, – сказал Роберт.

Взгляд Хуана замер на их личном индикаторе: это было единственным признаком, что он услышал слова Роберта.

Сю ↳Хуан: <sm> Ты справишься, Хуан. </sm>
Хуан ↳Сю: <sm> А Мири смотрит? </sm>

Хуан и Роберт выступали последними: их, и только их, Чумлиг контролировать не могла. И не потому, что Хуан с Робертом провернули какой-то хитрый трюк, а оттого, что в их демонстрации должны были участвовать внешние группы, у которых свои проблемы подстроиться под график.

Хуан колебался еще секунду, потом выскочил на футбольное

поле, помахав фантомной сцене, параллельной трибунам и обращенной к ним. Их исполнители расположились на обеих сторонах сцены. Графика скромная, никаких несуразностей. Реальные люди, реальные инструменты, и усиленный динамиками голос Хуана не преминул подчеркнуть это для аудитории:

– Привет всем, привет-*привет*! – Хуан пылал энтузиазмом и, по оценке Роберта, был напуган до смерти. Роберт мог бы взять на себя роль заводилы или записать вступление, чтобы Хуан его озвучил в режиме телесуфлера, но Чумлиг бы им за это все равно пойнты сняла, и дело с концом. Потому Хуан отважился выступить вживую, срывающимся голосом с неловкими паузами и принужденной бравадой: – Дамы и господа! Встречайте Оркестр обеих Америк, созванный специально для вас этим вечером, с участием оркестра и хора старшей школы Чарльз-Ривер, по чипнету из Бостона в реальном времени, и… – он сделал жест влево, – Гимнасио-Класико-де-Магальянес, тоже по чипнету в реальном времени, но из Пунта-Аренаса, Чили!

Обе стороны сцены заполнились людьми: двести подростков в школьной форме, красной у северян, зеленой в клетку у южан, – ученики, у которых были свои требования к «далеко идущему сотрудничеству». В целом они составляли два хора и два оркестра, разделенные семью тысячами миль, и связывал их только дешевый чипнет-канал. Чудо, что их вообще удалось склонить к этой схеме работы. Посторонним успех покажется банальностью, но и вероятность провала велика. *Ну на репетициях все прошло довольно неплохо.*

– А сейчас… – Хуан выдержал драматическую паузу для пущей важности, – а сейчас, дамы и господа, Оркестр Америк исполнит совершенно особую версию гимна ЕС, на музыку Бетховена, стихи Ороско и Гу, с сетевой синхронизацией от Гу и Ороско!

Он величественно поклонился публике и убежал «за кулисы», где и плюхнулся рядом с Робертом. По его лицу струями катился пот. Он был бледен.

– Ты хорошо поработал, сынок, – сказал Роберт.

Хуан только кивнул. Его трясло.

Гибридный оркестр начал играть. Теперь оставалось полагаться на этих ребят – и еще на джиттер-алгоритм Роберта. Юные музыканты из Бостона и с другого края света трудились за своими виолончелями и басовыми инструментами. Адаптированный ребятами гимн звучал в более быстром темпе, чем обычный евросоюзовский. И каждая нота требовала сотен скачков по Сети со случайно изменявшейся конфигурацией, с

задержками вплоть до нескольких сотен миллисекунд.

Аналогичная проблема синхронизации породила какофонию хора Уинни у библиотеки.

Хоры продвигались по тексту Хуана: северяне исполняли английскую версию, южане – испанскую. Студенты подсобили им гибко настраиваемым дирижерским интерфейсом; это сгладило некоторые шероховатости. К тому же в музыкальных и певческих талантах им не откажешь. И все же успешный перформанс был бы немыслим без магии адаптивных задержек, вносимых в передачу схемой Роберта (а также, вероятно, без магии гораздо более мощной – бетховеновской).

Роберт слушал. Его вклад в демку не был идеален. В общем-то, получалось хуже, чем на репетициях: слишком много зрителей, и появляются они *слишком внезапно.* Он этого и боялся. Трудность тут не с полосой пропускания. Он посмотрел на график дисперсии со своей личной точки зрения. Неожиданно присоединились несколько миллионов человек, выгребли столько ресурсов, что его бедолашная скромная программулина предсказания нагрузки дала слабинку, и это изменило само наблюдаемое представление.

Тем не менее синхрон держался. Гибридный оркестр не фрагментировался.

Десять секунд. Несколько грубоватых крещендо, но потом каким-то чудом все стабилизировалось на последние две секунды. Стихи Хуана отзвучали, и стержневая мелодия пронзила тишину.

Совместный оркестрохор оглядывал аудиторию. Исполнители улыбались, некоторые выглядели малость сконфуженными, но они это сделали!

Грянули аплодисменты, кое-где даже бурные.

Бедняга Хуан совсем спал с лица. К счастью, ему не потребовалось выходить на сцену еще раз. Исполнители сами кланялись и расходились по северной и южной сторонам сцены, возвращаясь в свои уголки планеты. Хуан помахал местной публике, натужно улыбаясь, и обронил Роберту:

– Слушай, а знаешь, мне уже все равно, какую оценку нам влепят. Мы это сделали, и точка!

34
Британский музей и Британская библиотека

Дети рванули с трибун, не слишком смущаясь тем обстоятельством, что Чумлиг и компания могут потом пересмотреть запись вечера и выявить самых бесцеремонных. Роберт и Хуан не так спешили, они задержались поболтать с другими учениками и обменяться комплиментами. Оценки станут известны часов через двадцать: полно времени, чтобы грызть себя за неудачи в другом. Луиза Чумлиг, впрочем, вид имела вполне жизнерадостный и всех учеников поздравляла, отметая любые вопросы о том, повлияет ли та или иная недоработка на итоговую оценку.

Мири и Боба по-прежнему не было видно. Роберт отвлекся на ребят, Чумлиг и Хуана Ороско: последнего кидало из крайности в крайность, от истерического облегчения до самоедства за провал.

Поэтому Роберт совсем не ожидал столкнуться лицом к лицу, практически нос к носу, с Уинстоном Блаунтом. За спиной экс-декана маячил Томми Паркер рука об руку с Сю Сян. Да уж, странная парочка образовалась в результате всех приключений! Коротышка улыбался до ушей. Роберту он энергично показал большие пальцы.

Но все внимание Роберта в тот момент сосредоточилось на Блаунте. Томми и Уинни после того вечера в УСД Роберт почти не видел. Они с Карлосом несколько дней провалялись в клинике Крика. Насколько мог судить Роберт, с ними заключили определенные соглашения. Как и с ним самим. А теперь отпустили. Официальная версия согласовывалась с заявлениями Боба: протест, организованный Кликой, вышел из-под контроля, но лабораторную аппаратуру они портить не хотели, и все страшно об этом сожалеют. Неофициальные истории о героическом самопожертвовании служили объяснением, почему университет и руководство биолабораторий не стали их за это донимать. Если Клика Старейшин будет держать коллективный рот на замке, то и Последствий удастся избежать.

Но вдруг на лице Уинни возникла странная улыбка. Он кивнул Хуану и потянулся пожать Роберту руку.

– Хотя из Фэйрмонтской я свалил, у меня тут по-прежнему родственные связи. Дорис Шлей – моя правнучатая племянница.

– О! Уинстон, она выступила превосходно!

– Спасибо, спасибо. А ты… – Уинни помедлил. В прошлом Робертом Гу восторгались на все лады, и Уинстона Блаунта это слишком часто коробило. – Ты, Роберт, совершил истинное чудо. Я про текст. Я себе и не представлял, что можно так обыграть Бетховена одновременно в английском и испанском вариантах. Это… подлинное искусство. – Он пожал плечами, словно ожидая саркастической ремарки в ответ.

– Это не моя работа, Уинстон. – *Возможно, он расценит это как сарказм, но я не хотел, честное слово.* – Стихи написал Хуан. Мы весь семестр сотрудничали, но здесь я ему дал волю. Я только финальный вариант немного покритиковал. Если честно – а персонаж Чумлиг не выносит лжи, – если честно, это заслуга Хуана.

– Да? – Уинни отстранился и словно впервые заметил Хуана. Потянулся пожать руку мальчишке. – Это было красиво, сынок. – Он бросил еще один взгляд на Роберта и добавил, по-прежнему недоверчиво: – Роберт, а ты отдаешь себе отчет, что это было в некотором смысле не хуже, чем твои работы прошлых лет?

Роберт поразмыслил секунду, прислушиваясь к стихам Хуана в своем воображении так, как мог бы прислушаться к собственной поэзии. *Нет, у меня лучше.* Гораздо лучше. Но не то чтобы из другого мира. Видел бы эти стихи прежний Роберт… гм, прежний Роберт не переносил второсортных поэтов. Он бы мигом нашел предлог задушить творческий порыв Хуана.

– Ты прав. Хуан сотворил красоту. – Он помедлил. – Не знаю, что… что сделали годы, Уинстон.

Хуан глядел на них. На его лице зарождалась улыбка восторга, хотя он наверняка догадывался, что у Роберта и Уинни на уме невысказанные мысли.

– Да, – кивнул Уинни. – Многое переменилось. – Толпа поредела, но это лишь позволило некоторым ребятам подбавить газку. Роберта, Уинни и Хуана увлекало потоком детских тел, крики и смех становились громче. – Значит, стихов ты не писал. Каков же был твой вклад, Роберт?

– О, я занимался синхронизацией задержек.

Насколько то было в моих силах.

– Серьезно? – Уинни пытался быть вежливым, но даже наглядное сравнение с его собственным хором явно не впечатлило его. Впрочем, без шероховатостей ведь не обошлось.

Сю ↳Лена: <sm> Бога ради, Лена, скажи ему что-нибудь! </sm>

Лена ↳Сю: <sm> Тихо, ты! </sm>

Сю ↳Лена: <sm> Тогда я вместо тебя. </sm>

Отпустив еще несколько комплиментов, Уинни утянулся к семье Шлей, а Томми и Сю Сян последовали за ним. Но Роберт заметил дрейфующие за Сян золотистые буквы:

Сю ↳Роберт: <sm> Это было превосходно, Роберт. </sm>

Хуан не уловил безмолвного сообщения Сян.

– Декан Блаунт не понял твоей роли в проекте, да?

– Нет. Но то, что он сумел понять, ему понравилось. Неважно. Мы с тобой оба сделали все, что было в наших силах.

– Да, мы и правда сделали.

Хуан отвел его обратно к трибунам. Боба с Мири нет, зато родители Хуана пришли. Новые приветствия и поздравления, вот только семья Ороско явно еще не определилась, как относиться к Роберту Гу.

Горстка родственников и приятелей еще на некоторое время задержалась у футбольного поля. Казалось, что родителей сильнее всего удивляют сами дети. Они любили своих маленьких непосед, но полагали, что знают пределы их возможностей. Чумлиг каким-то образом сумела их преобразить – не в суперменов, а в более умных существ, способных на такое, что родителям до сих пор не дается. Дети заслужили похвалу, но как теперь себя с ними вести? Непонятки.

Мири все еще не видать. Бедняга Хуан. *Надеюсь, Элис успешно добралась домой.* Одной рукой это проверять в суматохе неудобно.

Роберт ввинтился в самую плотную часть, оставшуюся от толпы, там, где народ клубился вокруг Луизы Чумлиг. Вид у той был довольный и усталый, и она в основном отнекивалась.

– Я всего лишь показала ученикам, как использовать то, что у них уже было, то, чем располагает их мир.

Он потянулся к ней и сумел поймать за руку.

– Спасибо.

Чумлиг с кривой усмешкой глянула на него, но руку на мгновение задержала.

– Вы! Мое самое странное дитя. Вы практически точно обратный случай той задачи, какую я решала с другими.

– Это как?

– Всем остальным нужно было осознать свои способности, а я их должна была этому научить. А вы… вам сперва требовалось отказаться от себя прежнего. – В ее усмешке промелькнула грусть. – Роберт, вы, если хотите, тоскуйте об утраченном, но цените то, чем обладаете.

Все это время она знала! Но ее отвлекли, и она принялась с легким сердцем заверять кого-то, что остаток учебного года будет еще восхитительней начала.

Роберт оставил Хуана с ребятами судачить, на что похожи обычные демки. Ребятам не хотелось верить, что их перещеголяют. Не после сегодняшнего.

Возвращаясь к разворотному кольцу, Роберт выцепил глазами две знакомые фигуры.

– А я думал, вы с Уинстоном, – сказал он.

– Мы с ним, – ответил Томми, – но вернулись. Мы тебя хотели поздравить. Та заморочка с музыкальной синхронизацией.

Сю Сян кивнула в знак согласия. Она одна была при носимых, и сейчас от нее поплыл поздравительный логотип. Бедняга Томми все еще таскался с лэптопом, хотя его содержимое, несомненно, присвоила тайная полиция.

– Спасибо. Я этим горжусь, но подчеркну, что это именно заморочка. Никому она реально не нужна, синхронизация музыки через тысячи миль по дешевому чипнету. А я, в общем-то, не сделал ничего особенного, просто воспользовался преимуществом предсказуемой маршрутизации и знанием о том, какая музыка будет исполняться.

– И еще ты проанализировал тайминги индивидуальных исполнителей. Так? – произнес Томми.

– Да.

– И вставил кое-какой противоджиттер, – заметила Сю.

Роберт поколебался.

– Ну это было *прикольно*.

Томми рассмеялся.

– Тебе бы поэгосёрфить. Твой хак заметили. В мои юные годы его бы запатентовать можно было. А сейчас…

Сю потрепала Томми по плечу.

– А сейчас он принесет неплохую отметку в старшем классе школы. Нам с тобой, Томми, многому нужно научиться.

Томми демонстративно заворчал:

– Вся изнамекалась, что мне пора научиться носить, гррр! – Он покосился на свою моложавую спутницу. – Никогда не представлял, что Сю Сян спасет мне жизнь. Но, разумеется, при этом нас всех арестовали!

Лена ↳Сю: <sm> Паркер боится пробовать новое, хотя и разглагольствует о будущем. </sm>

Несколько шагов в тишине. От Сян поплыли новые

золотистые слова; она уже поднаторела в безмолвном об– щении.

Сю ↳Роберт: <sm><sigh> Томми старый, и медицина ему не так сильно помогла. Он боится пробовать новое. </sm>

Роберт с трудом удержался, чтобы не уставиться на нее во все глаза. С каких это пор гика приравнивают к шринку в приемной? Но, впрочем, она может быть права насчет Томми.

Томми, конечно, об этом обмене безмолвными сообщениями не догадывался, но по его лицу расползалась знакомая хитрая усмешка.

– Ты чего? – спросил наконец Роберт.

– Да я просто думаю. Наша операция в университете Сан-Диего – самая масштабная и опасная из всех, в какие я встревал. Да, нас использовали. Но, ты знаешь, в современных, как бишь это зовется, аффилиациях так часто бывает. Мы внесли вклад – и вместе с тем получили, что хотели.

Роберту вспомнились обещания Незнакомца.

– Это как?

– Мы сделали Уэртаса с его библиотомным проектом.

– Но все библиотечные книги уничтожены.

Томми пожал плечами.

– Точка зрения Воинствующих Библиотекарей мне, пожалуй, близка. Но суть в том, что Уэртаса мы выставили в смертельно жалком свете.

– Это триумф?

Они достигли разворотного кольца. За ними в надежде увязался какой-то автомобиль.

– Ага. Прогресс не остановишь, но Уэртаса мы задержали на срок, достаточный, чтобы спасение явилось из другого источника. – Он бросил взгляд на Роберта. – Ты не слышал? Носишь все эти модные железки, а за новостями не поспеваешь.

Томми не стал дожидаться его ответа.

– Вишь ли, Уэртас такую прыть развил не без причины. Оказалось, что китайцы в Британском музее и Британской библиотеке продвигаются куда быстрее, чем мы полагали. И у китайцев многолетний опыт полунеразрушающей оцифровки. По сравнению со шредерами Уэртаса они просто лапочки. Операция в Сан-Диего рядом с их методикой выглядит идиотски. Они даже с некнижных экспозиций гаптические данные получают. Между ними и всеми остальными, включая архивы Гугла, пропасть. В любом случае мы задержали Уэртаса на несколько дней, и о приоритете он заявить не сможет. На достаточный срок, чтобы китайцы ему вишенку с торта сбили.

Томми полез в карман и вытащил кусок пластика размером около трех квадратных дюймов.

– Вот. Это тебе подарок. Мне он обошелся аж в девятнадцать долларов девяносто девять центов.

Роберт принял у него темную пластиковую карточку. Она была очень похожа на дискеты, привычные ему по старым ПК рубежа веков. Он послал ей запрос. В воздухе проявились ярлычки:

Карта данных. Емкость: 128 ПБ. Занято: 97 %.

И еще что-то, но Роберт лишь посмотрел на Томми.

– А разве такими съемными накопителями еще пользуются?

– Старперы-параноики из пролетариев вроде меня – да. Неудобно ее с собой таскать, но у меня ж ридер прямо в лэптопе. – Разумеется. – Все данные в Сети, а в придачу – куча перекрестной аналитики, за нее китайцы попросят дополнительную денежку. Но даже если у тебя нет кардридера, то, думаю, тебе интересно будет подержать это своими жаркими ручками.

– Ага. – Роберт заглянул в корневую директорию. Ему показалось, что он стоит на вершине высокой горы. – И это?..

– Это Британские музей и библиотека, оцифрованные и сведенные в базу данных Китайской Информагической Коалицией. Гаптика и сведения об экспонатах низкого разрешения, чтобы всё на одну карту влезло. Но библиотечный раздел в двадцать раз объемистее, чем все выкачанное Максом Уэртасом из университета Сан-Диего. Если не считать того, что в библиотеку так и не попало, это, в общем, сводка всех данных о человечестве по состоянию на 2000 год. Весь досовременный мир.

Роберт взвесил на ладони пластиковую карточку.

– Не слишком впечатляет.

– А то! – засмеялся Томми.

Роберт хотел было вернуть ее Томми, но тот отмахнулся.

– Как я уже сказал, это подарок. Повесь ее на стене, чтобы напоминала тебе: это всё, чем были мы. Но если действительно захочешь осмотреть, просто поищи в Сети. Китайцы по коллекции очень подробно прошлись, а их спецсерверы реально сообразительные.

Томми отступил на шаг и поманил следовавшую за ними машину. Задняя дверца открылась, он жестом показал Сю залезать первой. На одно странное мгновение Томми уподобился старому бабнику, окучивающему неопытную девчонку. Еще один образ из прошлого, ничего общего с истиной не имеющий.

– Итак, шредерное предприятие Уэртаса накрылось, а китайцы обещают, что в дальнейшем оцифровка будет еще аккуратнее, чем в Британской библиотеке. Представь себе, как мягкие розовые руки роботов терпеливо шарят по всем библиотекам и музеям мира. Перекрестные проверки, аннотации… целым поколениям научников вроде Зульфи Шарифа хватит на их диссеры. – Он помахал Роберту. – Хэй-хо!

Сю Сян вернулась в «Конец радуг» незадолго до полуночи. Лена еще не спала. Сидела на кухне, готовила себе какую-то закуску. Остеопороз Лены вынуждал ее так далеко выгибаться вперед, что лицо находилось в считаных дюймах от стола. Выглядело это странно, однако инвалидное кресло и отделка кухни давали достаточную свободу маневров.

Сю осторожно заглянула туда, чувствуя себя совсем неловко.

– Лена, извини, что я тебя отключила, но…

Та изогнулась, искоса поглядела на нее. На лице Лены возникла кривая усмешка.

– Да ладно, нет проблем. Вам, молодым, нужна приватность.

Она жестом показала Сю сесть и приготовить что-нибудь.

– Да. Ну Томми не так уж молод. – Сю застеснялась. – Я, гм, не в физическом смысле. Ему хочется поспевать за прогрессом, но он просто не в состоянии охватить все, что из этого следует.

Лена передернула плечами.

– У Томми мозги лучше работают, чем у некоторых.

Она взяла с тарелки сэндвич и вгрызлась в него.

– Думаешь, к нему вернется соображаловка?

– Возможно. Наука не стоит на месте. А если даже Паркеру она не поможет, мы его в нужном направлении подталкивать будем. Его проблемы в значительной степени от того, что ему в молодости слишком легко все давалось. Он слишком заносчив, чтобы браться за реально трудные задачи. – Она ткнула рукой в сторону Сю. – Ешь давай.

Сю кивнула и потянулась за сэндвичем. Они это уже проходили. Фактически именно такие споры и привнесли критически важную для доктора Сю Сян разницу. Но, быть может, ей повезло больше, чем Томми. В ближайшем будущем главной трудностью будет отбиться от различных *предложений работы*. На правительство.

Сю куснула сэндвич. Ореховое масло и желе. Ну не так уж плохо.

– У тебя была возможность попрактиковаться с теми, кто нам сегодня встретился?

– В смысле, шринка изобразить? Да, я просмотрела журнал

твоей Эпифании, несколько анонимных консультаций запостила. Совет, который мы дали Карлосу Ривере, оказался удачным. Да, у него нарисовались проблемы, но такова жизнь. А что до Хуана, то мы сделали все, что было в наших силах, по крайней мере, на данный момент.

Сю улыбнулась с полным ртом орехового масла и желе. Она не сразу постигла всю гениальность Лены. Психиатрия, как ни крути, дело тонкое. Лена говорила, малышке Мири нравится представлять свою бабушку колдуньей. Лена утверждала, что знает это, хотя Мири ни разу не делилась с ней. Теперь до Сю дошло, что Лена и есть та, кем ее воображает Мири, во всяком случае, метафорически. *Я никогда не понимала других людей, но теперь, когда Лена смотрит моими глазами и подсказывает мне на ухо, я учусь.*

Но оставались загадки:

– Если честно, я не понимаю, почему твоя внучка так чурается Хуана. Да, дети не помнят, что в действительности произошло в Пильхнер-холле, но мы знаем, что они подружились. Вот бы нам до журнала Мири добраться…

Правительственные агенты все еще не вернули его.

Лена ответила уклончивым вопросом:

– Ты в курсе, что Элис выписали домой из госпиталя?

– Да! Твоими стараниями знаю, но без подробностей.

– А подробностей не будет. Элис-де болела, но теперь ей лучше. На самом-то деле я давно поняла, что ставка в игре Элис – ее собственная душа. На сей раз она ее почти лишилась, и каким-то образом это связано с грандиозной лажей моего бывшего в УСД. Думаю, Элис поправится. Хуану с Мири это должно помочь. – Лена выпрямилась в кресле. Или, вернее, послала креслу команду изменить наклон. Самостоятельно Лена выпрямиться не могла. – Мы это уже обсуждали. Мири бывает чертовски упряма. Она унаследовала это качество от сукина сына, а Боб пропустил в своем поколении. И теперь упрямство гложет ее: Мири подсознательно мнит себя виноватой, ей кажется, что они с Хуаном облажались и натворили ужасных дел с Элис.

– Гм, Лена, это как-то ненаучно звучит.

– Я опускаю технические подробности.

Сю кивнула.

– И ты приносишь результат. В Фэйрмонтской школе некоторые меня считают гением по части общения с людьми. Меня!

Лена передвинула руку на пару дюймов по столешнице, насколько позволяли искривленные кости. Сю нежно взяла ее в свои.

– У нас с тобой классная команда получилась, да? – сказала Лена.

– Да. – И не только благодаря Лене. Не только потому, что они спасли Томми и его друзей. В начале ее фэйрмонтского класса выпадали мрачные деньки, когда Сю теряла надежду, что когда-нибудь наверстает упущенное, да и Лена не была тогда такой счастливой и расслабленной. Они вместе выбрались на дневной свет. Сю посмотрела на маленькую старушку, десятью годами младше ее самой. *Мы с Леной вместе достигли кое-чего примечательного.* По отдельности же…

– Лена, как думаешь, получится у меня людей оценивать так же хорошо, как ты?

Лена пожала плечами и едва заметно улыбнулась.

– Ой, не знаю.

Сю склонила голову, припоминая небольшие эпизоды последних месяцев. Лена Гу почти никогда не лгала в открытую. Она, кажется, понимала, как это скажется на доверии к ней. Но Лена умела уходить от правдивого ответа, даже если ей задавали прямой вопрос.

– Лена, когда ты так говоришь – *ой, не знаю* – и пожимаешь плечами, это ведь значит *нет, даже через миллион лет*?

Лена взглянула на нее широко распахнутыми глазами и пожала руку.

– Гм. Ну что ж, а вдруг в твоем случае потребуется меньше миллиона лет?

– Это хорошо. Потому что, Лена, я тебе вот какую штуку хочу сказать… Не думаю, что Роберт такой сукин сын, каким его помнишь ты. Он, по-моему, неподдельно переменился.

Лена выдернула руку.

– Беру свои слова обратно. В твоем случае миллиона лет может не хватить.

Сю потянулась к ней, но Лена положила руку обратно на колени. Неважно. Есть вещи, которые просто необходимо озвучить.

– Вначале Роберт вел себя грубо, но ты посмотри, как он Хуану помог. У меня есть теория. – Она показала Лене ссылку на «Nature». Это была не совсем ее личная теория. – У Роберта случился эквивалент серьезной травмы, после которой восприятие мира фундаментально изменяется.

– Сю, ты слишком много бульварных статеек читаешь. Оставь это нам, профессионалам.

– Он словно исцелился от всех старых ран. У него остались воспоминания, но физически он просто обычный молодой человек. У него есть право на второй шанс, все наладить. Лена,

разве ты не понимаешь?

Лена дернулась при этих словах, потом еще сильнее выгнулась вперед. Долгое мгновение молчала, глядя на свое исковерканное тело, качая головой в вежливом отрицании. Затем снова подняла глаза на Сю. В них мелькнуло нечто вроде слез.

– Тебе многому предстоит научиться, девочка моя.

И с этими словами она откатилась от стола. Инвалидное кресло быстро приподнялось и развернулось.

– Боюсь, на сегодня с меня хватит.

Она покатила к себе в спальню.

Сю убрала посуду. Лена обычно настаивала, что сама на кухне справится.

– Это я еще могу делать своими руками, – говорила она частенько.

Не сегодня. *И, разбирайся я в людях хоть немного лучше,* – подумала Сю, *– я могла бы догадаться, почему*.

35
Недостающая буква

Зульфикар Шариф пропал из аспирантуры Орегонского университета. Роберта встретило весьма старомодное сообщение об ошибке:

Не числится среди зарегистрированных студентов, не числится в Орегонском университете.

Даже энум Шарифа был помечен как незанятый. Это немного пугало. Роберт отправился на поиски. В мире обнаружилось около тысячи поисковых соответствий запросу «З* Шариф». Однако ни одно из общедоступных не подходило, а остальные с разной степенью компетентности пытались закрыться от внимания.

Но Зульфи Шариф, который требовался Роберту, технически грамотней не стал. Спустя пару часов Роберт напал на его след в Калькуттском университете.

Шариф выглядел очень уныло.

– Профессор Блэндингс меня уволила.

– Как, из орегонской аспирантуры? В мое время у нас, профессоров, такой власти не было.

– Профессору Блэндингс помогли ваши спецслужбы. Я несколько недель пытался объясниться с чрезвычайно настойчивыми агентами американского правительства. Им все не верилось, что я не имею отношения к неоднократным взломам своей учетки.

– Гм. – Роберт отвернулся от Зульфи Шарифа, посмотрел на город вокруг. День, судя по всему, выдался жаркий и душный. Рядом с их столиком кружились толпы, смеялась и распевала молодежь. На горизонте положенное количество башен, высоких и из слоновой кости[33]. Калькутта в современном индийском представлении. На миг им овладело желание открыть второй канал, отрицающий, и попытаться отделить надуманное от реального. *Нет, сосредоточься-ка лучше на том, что в Зульфи Шарифе реально, а что надуманно.*

– Я догадываюсь, что лучшим доказательством вашей непричастности стало разрешение вернуться в Индию.

– И это так, хотя порой я задумываюсь, не оставили ль меня, как рыбу, болтыхаться на конце очень длинной удочки. – Он устало усмехнулся. – Профессор Гу, я искренне хотел написать о вас диссертацию. Вначале мной владело академическое отчаяние.

Я вас рассматривал как трофей, которым смогу откупиться от Энни Блэндингс. Но чем больше мы общались, тем…

– Как много было в том Шарифе от вас? Сколько вас?..

– Я тоже гадаю! По меньшей мере двое, помимо меня. Это чрезвычайно раздражало, сэр, в особенности поначалу. Я мог интервьюировать вас, продвигаться по списку вопросов, которые, как я знал, впечатлят профессора Блэндингс, а потом – бац! – и оказаться посторонним слушателем!

– Значит, вы по-прежнему видели и слышали происходящее?

– Да, зачастую это было так! И настолько часто, что я начал размышлять, не используют ли меня другие для формулировки вопросов, которые затем искажают в собственных целях. В конце концов (и признать это перед вашей полицией было моей ошибкой)… в конце концов я начал ценить эти сумасбродные интервенции. Мои дорогие похитители задавали вопросы, до которых я бы никогда не додумался. Так я втянулся в ваш библиотомный заговор и в итоге произвел впечатление идеального иностранного провокатора.

– И если бы не вы, в тот вечер беспорядков моя Мири погибла бы. Что вы видели, Шариф?

– Что? Ну меня в тот вечер почти полностью отключило, наглухо. Другие игроки, управлявшие моим персонажем, выстроили свои планы на тот вечер и литературных дискуссий не позволили. Но я продолжал попытки достучаться до вас. Полицейские заявляют, что без помощи террористов я бы не преуспел. В любом случае на несколько секунд я увидел вас лежащим на полу. Вы попросили о помощи. Лава подползала к вашей руке… – Он задрожал. – Если честно, у меня духу не хватило смотреть дальше.

Роберт помнил тот разговор. Один из самых четких фрагментов во всей мешанине.

Двое посидели молча несколько мгновений в восьми тысячах миль друг от друга. Затем Шариф испытующе склонил голову.

– Теперь с моим опасным литературным расследованием покончено. И все же я не могу удержаться от вопроса. Вы начали новую жизнь, профессор. Можно ли ожидать чего-нибудь нового под солнцем? Впервые в человеческой истории, новых «Тайн веков»?

Ага.

– Вы правы, всегда есть место для чего-то нового. Но, как бы вам объяснить, некоторые тайны недоступны описанию тех, кто с ними сталкивается.

– Только не в вашем случае, сэр!

Роберт поневоле усмехнулся в ответ. Шариф достоин узнать

правду.

– Я мог бы что-нибудь написать. Но не поэтическое. У меня новая жизнь, однако лекарство от Альцгеймера… уничтожило мой дар.

– О нет! Я слышал про неудачные случаи альцгеймеротерапии, но, если честно, никогда не подозревал, что и вы… А я-то думал, что из всей этой истории может получиться нечто достойное, новая часть «Тайн». Мне очень жаль.

– Не жалейте. Я был… не слишком приятной особой.

Шариф опустил глаза, потом снова поднял взгляд на Роберта.

– Это я слышал. В те дни, когда я не мог пробиться к вам, я интервьюировал ваших бывших коллег по Стэнфорду, даже Уинстона Блаунта, если тот был свободен от конспиративной работы.

– Но…

– Неважно, сэр. Я постепенно понял, что вы утратили садистские наклонности.

– Тогда вы, безусловно, могли догадаться и об остальном!

– Вы так думаете? Вы считаете, что ваши талант и злонравие были увязаны? – Шариф подался вперед; таким возбужденным Роберт его с первых дней интервью не мог припомнить. – Я… сомневаюсь. Но исследовать этот вопрос было бы захватывающе! Например, я давно раздумывал, но не осмеливался спросить: что в вас в действительности переменилось? Вы стали добряком сразу после применения лекарства от маразма? Или перемена осуществлялась постепенно, как в «Рождественской песне» Диккенса, так что новый опыт понемногу смягчал ваш характер? – Он отстранился. – Ах, какая бы чудесная диссертация получилась!

Он вопросительно уставился на Роберта.

– Ни за что!

– Да-да, конечно, – покивал Шариф. – Но возможность такая захватывающая, что я и забыл о данных себе клятвах. И первая среди них – больше не влезать ни во что, чреватое разбирательством со спецслужбами. – Он поднял голову и обратился к незримым наблюдателям: – Вы это слышите? Я чист, чист телом, душою и даже новенькой одеждой, ее полностью прожарили! – И снова к Роберту: – Должен сказать, у меня даже специальность сменилась.

– Да?

– Да. Придется несколько семестров повозиться, но оно того стоит. Видите ли, наш Калькуттский университет открывает новый филиал с новым факультетом. Обещаны по-настоящему прорывные исследования. Конкуренция со стороны мумбайских университетов острая, но у нас есть спонсоры, и им нужны свежие

лица, вроде меня! – Он энергично улыбнулся озадаченному Роберту. – Я говорю о нашем новом Институте болливудских исследований! Комбинация кино и литературы. Я буду изучать влияние литературы двадцатого века на современные формы индийского искусства. Как ни сожалею я об утраченных возможностях, профессор Гу, но, поверьте, я очень счастлив обзавестись специальностью, где проблем со спецслужбами не предвидится!

В промежутке между семестрами Роберт был очень занят. Придумка с синхронизацией даровала ему репутацию начинающего гуру. Его заметили в небольшой компании под названием Comms-R-Us. Фирма оказалась до некоторой степени традиционная. Старая (пять лет), три сотрудника на постоянных должностях. Не такая гибкая, как иные операции, но несколько инноваций в конкурентных коммуникациях на ее счету было. Comms-R-Us наняла Роберта консультантом на три недели. И хотя «консультативные услуги», ясное дело, лишь давали предлог Comms-R-Us присмотреться к Роберту Гу и решить, есть ли у него будущее, Роберт ухватился за этот шанс.

Впервые с тех пор, как повредиться в рассудке, он создавал нечто ценимое другими.

В остальных сферах дела шли не столь гладко. Хуан Ороско уехал: родители забрали его в Пуэбло к прадедушке по материнской линии на каникулы. Хуан продолжал время от времени заглядывать, но Мири не разговаривала с ним.

– Роберт, я пытаюсь не обращать на это внимания. Может, если перестану ее беспокоить, Мири позволит начать все сначала. – Однако у Роберта сложилось впечатление, что если бы родители не уволокли Хуана, пацан бы так и поселился на крыльце дома Мири.

– Хуан, я поговорю с ней. Я обещаю.

Хуан с сомнением посмотрел на него.

– Но так, чтоб она не подумала, что это я тебя попросил!

– Не буду. Я аккуратно выберу время.

Роберт десятками лет совершенствовал умение наносить удар в нужное время. Этот случай не обещал трудностей. Мири своему демопроекту еле-еле выклянчила незавершенный статус. А следовательно, когда под конец следующего семестра она с ним таки справится, ей предъявят еще более высокие стандарты. Пока же девочка хлопотала по дому, в основном заботилась о матери. Элис Гу превратилась в тень себя прежней. Стальной стержень последних пятнадцати недель их знакомства из нее вырвали. Результат был… очаровательным. Элис и Мири частенько, обычно

по вечерам, зависали на кухне, делая вид, что у них там много кулинарной работы. Невестка держалась отстраненно, однако ее улыбка больше не выглядела бессмысленным рефлексом.

Потом Боб снова уехал, а Мири принялась хлопотать еще старательней. Каждый день она подбрасывала ему новости о лечении ожогов и травм конечностей. Вскорости потребуется использовать это как предлог для разговора начистоту о Хуане… и о самом Роберте.

Возможно, этим вечером время настало. Боба все еще нет в городе, Элис вскоре после ужина убралась в берлогу на первом этаже. Никаких «настольных игр» с Мири. Игры были прикольные, одно из немногих светлых пятен в его жизни после того ужасного вечера в УСД, но сегодня Роберт наконец нащупал решение некоторых задач для Comms-R-Us. Работая над ними, он потерял счет времени. Отвлекшись передохнуть, он обозрел результаты: похоже, работодатели останутся довольны. Какой чудесный вечер!

Внизу хлопнула дверь. Не отрываясь от работы, он слушал, как Мири с топотом взбегает по лестнице. Она пробежала по коридору и кинулась к себе в спальню.

Спустя несколько мгновений вышла и постучала к нему в дверь.

– Роберт, привет, могу я тебе показать, что я сегодня накопала?

– Конечно.

Она влетела в спальню и подтянула к себе кресло.

– Я нашла еще три проекта, которые могут помочь твоей руке.

Фактически левой руки у Роберта Гу с медицинской точки зрения и не было. Она полностью обгорела в нижнем предплечье. В двух местах у плеча рука держалась в буквальном смысле на полоске плоти. Его «протез» больше напоминал старомодный лубок. Но, что интересно, медики отказались от мысли отрезать ее и заменить каким-нибудь современным чудом. Рид Вебер, тот самый ассистент терапевта, которым прикрывались доктора, если требовался физический фронтэнд, объяснил ситуацию, хотя, вероятно, и не в тех терминах, какие предпочли бы врачи:

– Роберт, вы стали жертвой нового веяния: «защитной медицины». Видите ли, существуют протезы с моторным контролем пяти пальцев, почти не уступающие выносливостью настоящей руке. Но они несколько тяжеловаты, а сенсорная система и близко не такая, как у настоящей. С другой стороны, очевиден прогресс в регенерации нервов и костей. Никто не знает, как это произойдет и произойдет ли вообще, но имеется

неплохая *вероятность*, что через восемнадцать месяцев вам вырастят новую руку на основе той, что у вас есть сейчас, доведут до естественного состояния. А врачи опасаются, что если сейчас отрезать вашу искалеченную руку, заменив ее протезом, то впоследствии адаптировать более совершенное решение будет намного дороже. Поэтому вам пока придется походить с заменой, которой бы и ваш дед остался недоволен.

А Роберт кивал и не жаловался. Каждый день он ощущал на левом плече мертвый груз, и это было своеобразной епитимьей, напоминанием о том, какой малости не хватило, чтобы его глупость разрушила чужие жизни.

Мири об этом не подозревала. «Защитную медицину» она считала чушью. Мири верила в самолечение.

– Вот эти три группы, Роберт. Одной удалось вырастить полноценную обезьянью лапу, другие работают над протезом всей конечности, но очень легким, а третья продвинулась в нейрокодировании. Готова побиться об заклад, твои друзья из Comms-R-Us охотно им тебя в аренду на опыты сдадут. Что думаешь?

Роберт коснулся пластикового лубка, заключавшего то, что осталось от его руки.

– О, мне кажется, что сделка с обезьяньей лапой слишком рискованная.

– Нет-нет, *тебе* обезьянью лапу пришивать не станут. Обезьянья лапа – это просто… – Судя по виду, Мири взялась гуглить. – Роберт! Я не про старый рассказ[34]. Я же тебе помочь пытаюсь. Я хочу этого сильнее прежнего. Я твоя должница.

Да, сегодня определенно удачный вечер для разговора начистоту.

– Ты мне ничего не должна.

– Эй, пусть я ничего и не помню, но Боб мне рассказал о том, что видел. Ты своей рукой лаву перегородил. Ты ее сдержал. – Ее лицо вздрогнуло от воображаемой боли. – Ты меня спас, Роберт.

– Я спас тебя, детка. Да. Но этим я создал проблему. Я заигрался с кем-то очень злым.

Или очень странным.

– Ты отчаялся, и я это понимала. Я просто не понимала, как глубоко можно во всем этом увязнуть. И мы оба начудили.

Пора было ему упасть перед ней на колени и просить прощения. Но сначала следовало объяснить, почему прощения ему нет. Слова давались мучительно.

– Мири, ты начудила, когда пыталась все исправить. Но я… Это я навлек на твою мать то, что ее практически погубило.

Вот. Он это озвучил.

Мири сидела в полной неподвижности. Спустя мгновение она опустила глаза и сказала мягко:

– Я знаю.

Теперь оба застыли в полной неподвижности.

– Боб тебе рассказал?

– Нет. Элис. – Она подняла глаза. – И еще она сказала, что им до сих пор не удается выяснить, каким образом это могло ее свалить. Все о'кей, Роберт.

Она внезапно разрыдалась. И Роберт таки упал на колени. Внучка обхватила его за шею. Она плакала в три ручья, так что все тело тряслось в рыданиях. И колотила его кулачками по спине.

– Мири, мне так жаль. Я…

Мири зарыдала еще громче, но перестала его колотить. Спустя полминуты ее воющие рыдания улеглись, сменились сдавленными всхлипами, а потом стихли окончательно. Но она не выпускала его из объятий. Слова Мири звучали сбивчиво, неразборчиво:

– Я только что… Я обнаружила… Элис… Элис *снова* на переподготовку пошла.

Ого.

– Но она ведь еще не выздоровела! – Мири снова расплакалась.

– А что твой отец говорит?

– Боб сегодня не в Сети.

– Не в Сети? – В этот день и век?

Мири отпихнула его. Начала вытирать лицо рукавом, но выхватила салфетку из коробки, которую он поставил рядом.

– Да, полностью выпал. Тактический блэкаут. Ты… Ты за новостями не следишь, Роберт?

– М-м…

– Учись читать между строк. Там, где сейчас Боб, предметы и места будут потом светиться в темноте. – Она энергично вытерла слезы с лица, а голос обрел некоторое соответствие нормальному тембру. – О'кей, может, не буквально; Боб так говорит, когда хочет намекнуть, что ему поручили по-настоящему неприятную работку. Но я слежу за жерновами слухов, я наблюдаю за Элис и Бобом. И в совокупности это позволяет строить неплохие догадки. Иногда Боб недоступен, а я потом читаю о чем-нибудь странном или о чем-то ужасном в другой стране. Иногда Элис уходит на тренинг, и я понимаю: кому-то нужна помощь, или случится нечто по-настоящему ужасное. Сейчас Боб в отъезде, *а* Элис возвращается к тренировкам. – Она на миг заложила руки за спину, потом снова стала вытирать лицо. – Я п-предполагаю, что

самые популярные слухи верны. Во время библиотечных беспорядков случилось что-то ужасное, даже страшнее захвата GenGen. Все сверхдержавы напуганы до усрачки. Они полагают, кто-то нашел способ взломать их системы безопасности. А Э-Элис едва не призналась в этом сегодня. Она себе в этом *оправдание* ищет!

Роберт снова сел, но на самый край кресла. Его великое признание растворилось в бездне.

– Тебе лучше поговорить с Бобом, когда он вернется.

– Я поговорю. И он попробует ее отговорить. Ты сам слышал, как это бывает. Но в конечном счете остановить ее не удастся.

– На этот раз, возможно, он сумеет это устроить в обход Элис или попросит врачей подкрепить его позицию.

Мири помедлила и, кажется, слегка расслабилась.

– Да. *Этот* раз особенный… Я… Я рада, что мы можем общаться, Роберт.

– В любое время, детка.

Но после этого она замолчала.

Роберт наконец спросил:

– Ты что-то замышляешь или просто гуглишь?

Мири помотала головой.

– Н-ни то ни другое. Я пыталась кое-кому дозвониться… но мне не отвечают.

Ага!

– Мири, ты же знаешь, Хуан в Пуэбло у прадедушки. Может, он не все время носит.

– Хуан? Я ему бы не стала звонить. Он не слишком умный, а в Пильхнер-холле, когда приперло, толку с него было чуть.

– Ты не можешь знать наверняка!

– Я знаю, что спустилась в туннели одна.

– Мири, я разговаривал с Хуаном почти ежедневно с того момента, как записался в Фэйрмонтскую школу, и я уверен, что он бы тебя не бросил. Подумай, как все было в те моменты, которые ты *помнишь*. Вы двое наверняка часто общались, следя за мной. Не сомневаюсь, что он честно выполнял свою часть уговора. Он может стать тебе хорошим другом, и с ним ты тоже будешь общаться.

Мири тут же понурилась.

– Ты знаешь, что я не могу с ним этого обсуждать. Я бы и с тобой не могла, но ты и так в курсе.

– Это правда. Кое о чем ты с ним говорить не вправе. Но… мне кажется, он заслуживает лучшего к себе отношения.

Мири вскинула голову, посмотрела ему в глаза, но смолчала.

– Помнишь, я тебе рассказывал, что ты похожа на твою

двоюродную бабушку Кару?

Мири кивнула.

– Ты обрадовалась. Но я думаю, ты в курсе, как я обращался с Карой. Это вроде инцидента с Эзрой Паундом, но повторялось снова и снова много лет. У меня не было шанса искупить вину; она умерла, когда была немногим старше нынешней Элис.

На глаза Мири снова навернулись слезы, но салфетки были под рукой.

– И я всю жизнь так прожил, Мири. Я женился на чудесной женщине, которая меня очень любила. Лена от меня натерпелась больше, чем Кара, и продолжалось это дольше. И хотя я потом ее выгнал, она в конце концов вернулась помочь мне в «Конце радуг». А теперь она тоже мертва. – Роберт опустил взгляд; на миг у него все вылетело из головы, кроме сожаления об утраченных возможностях. *О чем бишь я? Ага.* – И… мне кажется, ты обязана Хуану. Ты, конечно, обходишься с ним не так мерзко, как я. Но у тебя *остаются* шансы исправить положение.

Он посмотрел на Мири. Ее плечи обвисли. Девочка рвала салфетки в клочья.

– Мири, просто подумай об этом, ладно? Меня отсюда вперед ногами пока выносить не собираются.

Наконец она нарушила молчание:

– Роберт, ты когда-нибудь нарушал чистосердечное обещание?

А это еще откуда? Но не успел он рта раскрыть, как Мири добавила:

– Потому что *я* сейчас нарушила!

С этими словами она схватила коробку салфеток и вылетела из комнаты.

– Мири!

Но когда он выскочил в коридор, Мири уже исчезла в своей спальне.

Роберт на мгновение растерялся. Можно добежать до ее спальни и заколотить в дверь. Или послать сообщение.

Он повернулся, зашел обратно к себе – и увидел на столе, рядом с местом, где сидела Мири, золотистый огонек. Это был энум, открывавший канал ограниченного обмена сообщениями. Но Мири ему такой уже выдала, и не только такой. Он открыл золотой энум и посмотрел, что там.

Энум был настроен на Лену Льюэллин Гу.

Роберт просидел рядом с энумом почти полчаса. Он обследовал его. Изучил сопроводительную документацию. Все было так, как он и подозревал. *Лена жива.*

Физического адреса нет, но ей можно было отправить простое сообщение. У него ушло всего два часа на составление текста. Меньше двухсот слов. И были это самые важные слова из всех когда-либо написанных Робертом Гу.

Роберт в ту ночь не спал. Наступило утро, за ним день.

Ответа не было.

Эпилог

Прошло шесть недель.

Теперь Роберт чаще смотрел новости: жизнь научила его, что реальность кусается. Они с Мири сравнивали впечатления от увиденного. Рейды на окраинах мира, по-видимому, прекратились. Ходили слухи, что обнаружить ничего толком не удалось. Пробегали также слухи, а иногда и реальные новости, о скандалах в евросоюзовской, индийской и японской разведслужбах. Все сверхдержавы по-прежнему сильно нервничали из-за [вставьте здесь свою любимую сумасбродную теорию].

На домашнем фронте снова возник Боб! Из этого Роберт и Мири сделали вывод, что самые катастрофические теории, скорее всего, ошибочны. Другие же оставались неприятно правдоподобны. Боб действительно вышел из себя, узнав про Элис. В доме воцарилось напряжение. Роберт и Мири чуяли ожесточенную борьбу при закрытых дверях, выражавшуюся взглядами и многозначительными паузами. Мири годами училась расшифровывать такие сигналы. Она полагала, что Боб *выразил протест* докторам, что он *пожаловался* начальству. Но это ни к чему не привело. Элис продолжила тренировки.

В какой-то момент этой истории Хуан вернулся из Пуэбло. Мири о нем редко упоминала, но они снова стали общаться. Мальчишка теперь улыбался чаще.

Лена же… хранила молчание. Она была жива. Сообщения Роберта не отбрасывались, энум оставался доступен. Он словно говорил с безбрежной пустотой. Говорил и говорил, посылал сообщения ежедневно – и размышлял, что еще сделать.

Сю Сян уехала из «Конца радуг».

– Лена попросила меня уехать, – объяснила ему Сю. – Видимо, я на нее слишком надавила.

Но я теперь знаю, где она живет! Я могу туда отправиться. Я могу ей показать, насколько изменился.

А может, он тем самым лишь продемонстрирует, что изменился только в тех аспектах, которые для нее не важны. Поэтому Роберт избегал «Конца радуг» и не заглядывал туда через публичные камеры. Однако он продолжал писать ей. И часто размышлял вне дома, не наблюдает ли за ним, помимо спецслужб (эти-то наверняка, круглосуточно и ежедневно), еще кто-нибудь. И не простит ли она Роберта однажды.

Он с головой уходил в учебу. Столько всего нужно было узнать. А свободное от школы время отдавал Comms-R-Us. Они

ценили его работу.

Спустя два месяца после Великого Библиотечного Восстания Роберт снова отправился в университет Сан-Диего. С Уинстоном и Карлосом он связь потерял. Если подумать, то это странно. Поначалу Клика сплела теснейший заговор, но после этого они перестали общаться. Простейшее объяснение? Всем им стало стыдно. Их самих использовали, под разными предлогами, и это чуть не привело к многочисленным людским жертвам. Да, это правда, но Роберт предпочитал другое истолкование, более странное и не менее неприятное: Клика была подобна детским тайным кружкам, где чувство локтя и близости рассеивается, стоит детским интересам переключиться на иные дела. Отчаяние, охватившее его в прошлом семестре, почему-то казалось таким далеким, словно происходило это в двадцатом столетии. *Слишком много* всего нужно выучить, сделать, испробовать, и у этих задач слишком мало общего с тем, что его раньше глодало.

В конечном счете именно проект для Comms-R-Us привел его обратно в кампус. Джиттер и задержки – обычные напасти видеопротоколов, для голоса все обстоит еще хуже, а о тактильных ощущениях и говорить нечего, там каюк. Робогаптики улучшались с каждым годом, но в сетевом режиме толку от них чуть. И Comms-R-Us попросила Роберта проверить его безрассудную схему синхронизации на гаптиках.

По горячим следам библиотомной истории и беспорядков администрация университета завалила библиотеку деньгами. В некоторых аспектах здешние тактильные интерфейсы превзошли даже коммерческие образцы с «Пирамидального холма». Вопрос в том, *как* это совершенство по Сети транслировать? Он много читал, изучал гаптический дизайн, но все источники сходились во мнении, что пока замены непосредственному присутствию нет. Роберт поехал в УСД.

Два месяца. Не такой уж большой срок. Серверные стойки на северной стороне лектория имени Варшавского объединили. На месте факультета информатики возникло футбольное поле. Роберт понял, что это не результат разрушений при Библиотечном Восстании и высадке морпехов, а нормальная динамика редизайна любого современного учреждения.

Он двинулся по тропинке, петляющей среди эвкалиптов. Как всегда, на выходе из рощи открывался неожиданно обширный вид – на мили, до подножия гор, в которые упиралась равнина. И прямо впереди стояла Библиотека имени Гейзелей.

Это здание было старейшим во всем университете Сан-Диего; его, в числе двадцати процентов университетских построек,

восстановили после Роуз-Каньонского землетрясения. Но ущерб той поры не шел ни в какое сравнение с последствиями беспорядков: спонсоры Клики буквально выкорчевали восточную сторону здания из земли. Любое другое здание кампуса после подобного издевательства снесли бы или, в случае исторической ценности, отреставрировали. С Библиотекой имени Гейзелей не случилось ни того ни другого.

Роберт прошелся вдоль северного крыла, мимо погрузочной платформы. Он видел снимки этого места сразу после беспорядков: полы качались и проседали, пожарные поспешно возводили контрфорсы на замену сгоревшим сервосистемам, по всей террасе валялись куски бетона двадцатого века.

Приметы катастрофы исчезли. Нависающие этажи снова выровнялись.

Университет не ограничился простой реставрацией. С запада библиотека выглядела почти не изменившейся, но над погрузочной платформой были заметны ощутимые искажения, а на восточной стороне величественные колонны здания грациозно *выгнулись*. Там, где эти колонны двигались с места, там, где «ступала» библиотека. У основания – трава и ровный бетон, плитками выложена тропинка в форме змея, ползущего к знаниям. Посмотрев вверх, можно было увидеть, как повторяет роскошный плющ бетонные изгибы. Там, где плющ обрывался, в колоннах виднелись полоски цветной гальки, подобные линиям раскола под нагрузкой в подсвеченном кристалле. А еще выше прямоугольник пола каждого этажа был немного повернут относительно нижнего яруса.

Роберт понял по спецификациям, что некоторые колонны – из углеволокна, внедренного в легкий композит. Но здание было таким же реальным и прочным, каким представлялось невооруженному глазу; более реальным, чем все остальные здания кампуса. И живым.

Он поднимался по лестнице, задерживаясь на каждом этаже, чтобы оглядеться. Вот домен Гачека. Воинствующие Библиотекари все еще здесь. *Но я думал, их круг убеждений отсюда стерли?* В других местах – диковинные создания, очевидно, скучеры. В эклектичной бессмыслице скучерских преданий он так и не разобрался. Он понятия не имел, как она уживается с библиотечными метафорами, но скучеры ведь «выиграли» сражение и завоевали библиотеку.

А в некоторых местах *оба* круга убеждений работали параллельно. Можно было выбрать любой или никакой.

Роберт сконцентрировался на ракурсах менеджмента и том,

что было видно невооруженному глазу. В конце концов, он же сюда приехал тактильную поддержку изучать. Повсюду робогаптики, не в таком количестве, как на «Пирамидальном холме», но ассортимент немногим скуднее, и это на нескольких этажах единственного здания. УСД тратил на гаджеты колоссальные средства. Некоторые модели двигались самостоятельно, большинство же были смонтированы на определенном месте. Они работали быстро. Стоило Воинствующему Библиотекарю потянуться за образом книги, как робот перемещался в нужную позицию и менял поверхность там, где с ней должна была соприкоснуться рука.

Несколько мгновений Роберт простоял, наблюдая, как это происходит. Ничего подобного он невооруженным глазом раньше не видел. Когда студентка – а это была она, без прикрытия Воинствующей Библиотекарши – поворачивала книгу в руках, гаптики скоординированно переключались, ни на миг не теряя контакта и не ускользая из картинки, которую требовалось поддерживать. Когда книгу клали обратно на стол, гаптики мгновенно переходили к другим задачам, то бишь поддерживали какого-то скучерского пользователя в еще более замысловатых действиях.

Он поймал на себе взгляд девушки.

– Простите, простите. Я этого раньше не видел.

– Трагично, не так ли? – широко улыбнулась она.

– Да, гм, трагично. – Где-то на высоком протокольном уровне все это включало книги и содержимое книг. А на физическом… очаровывало… еще сильнее. Он бродил по библиотеке, уносясь мыслями далеко-далеко, раздумывая, как воспроизвести изящные танцы гаптиков на роботах, удаленных по Сети на заметное расстояние. Если на обоих концах игроки-люди, задача адски усложняется. Но если служба асимметричная, то, возможно…

– Профессор Гу! Посмотрите вверх.

Роберт вскинул голову на этот голос. Потолок наверху стал прозрачным, и потолок следующего этажа тоже. Точку зрения туннелировало на шестой этаж. Карлос Ривера смотрел на него с довольной улыбкой.

– Давно не виделись, профессор. Подниметесь?

– Конечно. – Роберт пробрался назад к лестнице. Там не было отвлекающей гаптики…

…как не было ее и на шестом этаже. Но и книг там больше не было. Кто-то обустроил этот уровень под офисы.

Ривера повел его на экскурсию. Казалось, на этаже он работает один.

– Сейчас наша команда вся разбежалась по делам кто куда.

Некоторые, скажем, в подземелье, расширяют территорию.

– Значит, это теперь твоя работа? В смысле, ты в штате библиотеки, как и раньше?

Карлос поколебался.

– Гм, у меня сейчас несколько должностей. Это долгая история. Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет Карлоса находился на юго-востоке, окна выходили на эспланады и Змеиную Тропу. Именно здесь собиралась Клика. Карлос жестом пригласил его садиться и сам устроился за широким столом. Сам Карлос… он по-прежнему был полноват, носил старомодные очки в толстой оправе и футболку. Но вот и различие: этот Карлос был расслаблен и в то же время энергичен. Любая работа доставляла ему счастье.

– Я надеялся, мы раньше поговорим, но тут столько хлопот… вы понимаете. Мы тогда так облажались – чудо, что удалось это исправить.

– Да, я понимаю. Мы… нам очень повезло, Карлос.

Он оглядел офис. В эту эпоху должность трудно угадать по видимым атрибутам, но большая часть мебели и растения были тем, чем казались.

– Ты мне собирался рассказать, кем работаешь.

– Да! Я… – слегка смутился. – Я новый шеф библиотечной техподдержки. Эту должность признает университет. В некоторых кругах, однако, она бессмысленна. Вниз по лестнице и в остальном мире я известен, например, как Опасное Знание и Величайший из Малых Скучамаутов.

– Но это ведь два разных круга убеждений! Я думал, что…

– Вы читали об окончательной победе скучеров, да? Не совсем так. Когда пыль улеглась, был достигнут довольно своеобразный… компромисс? Вряд ли это верный термин. Корректнее говорить об альянсе или дистанцированном объединении. – Карлос откинулся в кресле. – Страшно вспомнить, как близки мы были к тому, чтобы весь этот район Сан-Диего взлетел на воздух. Но вовремя остановились на самом краю. И эти дурацкие беспорядки принесли больше денег, чем премьера блокбастера. Еще важнее вызванный ими приток денег и творческих талантов со всего мира, которым администрации хватило ума воспользоваться. – Он помедлил, в его голосе появились печальные нотки. – Итак, мы потерпели неудачу во всех своих начинаниях. Книги погибли. Физически. Но Библиотека имени Гейзелей жива, а эти два сумасбродных круга убеждений распространяют ее контент по всей планете. Вы же это видели, да? И поэтому приехали?

– В общем-то, я приехал исследовать ваших робогаптиков.

Роберт изложил Карлосу свои цели в работе с дистанционным интерактивным тактильным интерфейсом.

– О, превосходно, превосходно! Обе группы борются со мной за право расширить свое влияние. Но как, по вашему мнению, сказывается их присутствие на библиотечном процессе?

– Гм, Воинствующие Библиотекари выглядят примерно такими же, какими были. Если этот интерфейс человеку по душе, то и чудесно. Но скучеры… я пытался проникнуться и не сумел. Там все так разбросано, как если бы каждая книга формировала собственную консенсуальную реальность.

– Почти. Для скучеров всегда был характерен эклектизм. Теперь у них в подчинении «Библиотома», и они прорабатывают игровой консенсус до детальных тем, иногда – до отдельных параграфов. Это гораздо тоньше гачекианского подхода, хотя дети быстро схватывают. Истинная мощь скучеров – их талант *совмещать* реальности. И с гачекианцами у них так получилось. Теперь скучеры стекаются со всего мира, даже из неудавшихся государств, и распространяют оцифрованные знания. А гачекианцы рулят там, где это удобно. В других местах, с другими ракурсами, но с полным доступом к библиотечному фонду. Если вы решите проблему дистанционной тактильной интерактивности, их взаимное притяжение еще усилится. – Карлос окинул взглядом кабинет. Здесь члены Клики строили свои заговоры с такими разными целями. – Столько всего изменилось за каких-то два месяца.

– Карлос, как ты думаешь, что в действительности случилось тем вечером? Беспорядки должны были отвлечь внимание от нашей четверки или наоборот?

– Я много размышлял об этом. Думаю, беспорядки были диверсией, но она зашла слишком далеко и привела к масштабной… какая противоположность у сопутствующего ущерба? Сопутствующая удача? Шариф-кто-бишь-это – мне он чаще показывался кроликом – был безумец, но чертовски удачливый.

Кролик. Так называли следователи Таинственного Незнакомца. И сам Незнакомец так себя стал называть под конец.

– Ну *наша* часть уговора мрачней. Кролик всеми нами манипулировал сообразно нашим слабостям.

Карлос кивнул.

– Да.

– Кролик пообещал каждому из нас исполнить тайную мечту, а потом съехал с темы, когда мы совершили требуемое предательство. – Хотя, честно сказать, Роберт не сомневался, что с этим существом покончено. Если б оно выжило, все могло пойти

иначе. Пламя надежды, разожженное посулами Незнакомца, питало измену Роберта. Теперь остались одни холодные головешки. И слава богу.

Карлос подался вперед. Глаза его за стеклами очков обрели скептическое выражение.

– О'кей, – уступил Роберт, – возможно, Кролик и не всем обещал что-нибудь исполнить. Думаю, Томми остался доволен самим фактом участия в заговоре.

– Вероятно, это так. – Но вид у библиотекаря по-прежнему был неуверенный.

– Послушай, мы бы знали, если б те обещания исполнились. Это бы выглядело ошеломительно. Готов побиться об заклад, Уинстон потребовал… кстати, а *где* сейчас Уинни?

Он взялся было искать ответа, но Карлос опередил:

– В прошлом месяце декана Блаунта снова зачислили в университетский штат, на факультет искусствоведения и литературы.

Роберт пробежался взглядом по своей поисковой выдаче.

– Но только на младшую административную должность, ассистентом!

– Да, это забавно. Факультетом сейчас заправляет Джессика Ласкович. Она тоже ретард после медицинского вмешательства. В нулевые она секретаршей там работала. В наши дни у ассистентов администратора нет карьерного потолка, но Уинстон начинает чертовски низко, и ходят слухи, что они с Ласкович никогда не ладили.

Ну и ну.

– Наверное, Уинстон смирился с неизбежным. – *Как и я*. В любом случае это значило, что Таинственный Незнакомец действительно исчез, а его экстравагантные обещания оказались пустышкой. Он посмотрел на Карлоса Риверу и вдруг изумился. Роберту отказало его былое чутье на людей; теперь его нужно было по голове стучать, чтоб дотумкал очевидные вещи. – Что… что с *тобой* случилось?

– О, заметили во мне перемену, профессор?

Роберт внимательно пригляделся к нему, потом снова окинул взглядом реальный офис с плюшевыми креслами. Карлос неплохо устроился, но Роберту не казалось, что он именно таких, земных даров требовал от Незнакомца.

– Ты выглядишь довольней, уверенней, говоришь четче. – *Бинго*. – Ты ни разу не соскочил на китайский. Ни единого проявления ДП-синдрома!

Вместо ответа Карлос улыбнулся неописуемо счастливой улыбкой.

– Значит, ты утратил язык?

– Нет. *Ци си, во хай кейи шуо чжунвэнь, буго бусян ицянь намэ люли ле*[35]. У меня за шесть недель ни единого припадка! ДП-синдром перестал меня донимать. Теперь я могу наслаждаться знанием языка. Мне это сильно помогло в работе с китайскими информагами. Мы объединяем их оцифрованную версию Британской библиотеки с тем, что осталось после Уэртаса.

Роберт долго молчал. Потом отозвался:

– Твое исцеление могло быть случайностью.

– Я… думал об этом. Медицинский прорыв совершили группы из Турции и Индонезии. С департаментом по делам ветеранов и исследовательскими программами государственных институтов они никак не связаны. Ну в наше время большая часть медицинских прорывов так и происходит. И Кролик не выходил со мной на связь похвастаться. Все в открытом доступе, хотя новость эта не привлекла большого внимания. Видите ли, предложенная ими методика терапии большинству жертв ДП-синдрома не подходит. Они со мной связались через «желтоленточников», потому что мой генотип – тютелька в тютельку. – Он пожал плечами. – Да, это могло быть совпадением.

– Угу. – Минное поле, засеянное на небесах.

– Но совпадением *чертовски удачным*, – продолжал Ривера. – Я получил то, о чем просил, всего через несколько недель после того, как выполнил свою часть уговора. Да и среди скучеров я такие успехи делаю, что сам диву даюсь. Я за несколько недель согласовал вопросы, на которые мог уйти год. Кто-то мне все время помогает. Думаю, вы ошибаетесь насчет Кролика. Может, он просто залег на дно. И не в состоянии совершить все чудеса одновременно… Профессор, с вами все в порядке?

Роберт отвернулся, прижавшись лбом к холодному оконному стеклу. *Мне это не нужно. Я рад себе новому!* Он открыл глаза и, смаргивая слезы, посмотрел наружу. Внизу тянулась привычная тропа, извивалась подобно змею по склону библиотечного холма. Возможно, Таинственный Незнакомец и впрямь был богом или вырос в бога. Трикстера.

– Профессор?

– Со мной все в порядке, Карлос. Может быть, ты и прав.

Они поболтали еще несколько минут. Роберт почти не запомнил о чем, но у него отложилось в памяти, что Карлос слегка забеспокоился, вероятно, приняв смятение Роберта за признак нездоровья.

Потом он спустился в лифте и вышел на освещенную солнцем площадь. Над ним возносились миры искусства и наук, которые увлеченно конструировало человечество. *А если бы мне получить*

всё сразу?

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

Бодрость духа *(франц.)*.

2

О да *(нем.)*.

3

Да *(нем.)*.

4

В эволюционной теории – необходимость постоянной адаптации организма и, шире, вида к изменчивым природным условиям, «эволюционная гонка вооружений», в ходе которой шансы любого вида на выживание остаются крайне неопределенными. В традиционном русском переводе «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, откуда взято это выражение, использован вариант «Черная Королева» вместо «Красная Королева» (во времена Кэрролла цвет шахматных фигур отличался).

5

Стандартные имена участников сеанса шифросвязи в модельных криптографических задачах, особенно относящихся к квантовой криптографии.

Аналогичное название (локализаторы Ларсона) носят элементы беспроводной сети для «вездесущих вычислений» у торговцев Чжэн Хэ из «Глубины в небе»; сеть изобилует древними бэкдорами, обеспечивающими недокументированные возможности использования локализаторов, что играет ключевую роль для сюжета.

7

Здесь, видимо, игра слов: salsipued стилизовано под название динозавра, но ср. sal si puedes *(исп.)* – «убегай, если сможешь», также: традиционное название часто затапливаемых при наводнении низинных районов в городах Калифорнии, например, в Санта-Барбаре.

8

Ничего *(исп.)*.

9

Зд.: ёпт! *(исп.)*

10

Здесь и дважды далее Кролик использует вместо более уместного вуаля именно это слово, отличающееся в оригинале на одну перестановку букв.

11

Критически важно *(исп.)*.

12

Параллель с Фокусом тоталитарной культуры авральников из «Глубины в небе», синтетической инфекцией, позволяющей в краткие сроки превратить обычного человека в идиота-саванта или, во всяком случае, весьма квалифицированного в определенной области специалиста, абсолютно лишенного эмоций и не испытывающего усталости.

13

Отсылка к известному афоризму Маршалла Маклюэна, канадского философа и теоретика средств электронной коммуникации: «Среда – это и есть сообщение».

14

Белый слон (white elephant) – в англоязычной традиции идиома для обозначения безрассудно дорогого проекта или подарка, обслуживание или ремонт которого ложатся тяжким грузом на владельцев.

15

Долой библиотомный проект! *(франц.)*.

16

Иронический парафраз Мк. 8:36.

Здесь: хрень полнейшая *(исп.)*.

18

Правила игры в квантовый футбол предложены Грегом Иганом в рассказе «Хранители границы». Цель – изменить волновую функцию квантового мяча таким образом, чтобы вероятность его пребывания в воротах превысила определенный порог.

19

Во-первых *(лат.)*.

Во-вторых *(лат.)*.

21

Фантастическая повесть Марка Твена о договоре с посланником нечистой силы, исполняющей желания.

22

Здесь и далее вероятна мрачноватая параллель с «Пламенем над бездной», где о Погибели несколько раз говорится, что она вертит порабощенными цивилизациями на Вершине, *как своими руками* или элементами скоординированной автоматики.

23

Доктор Сьюз – литературный и мультипликаторский псевдоним Теодора Сьюза Гейзеля (1904–1991). Реально существующая библиотека университета Сан-Диего, которой отведено центральное место в романе, названа в честь Гейзеля и его супруги Хелен Палмер Гейзель (1898–1967).

24

Тут интересно отметить, что Роберт Гу в некотором смысле является сюжетным двойником Пратчетта – у последнего на момент создания книги развивалась болезнь Альцгеймера, от которой Пратчетт впоследствии и скончался.

25

Общество креативного анахронизма – одно из старейших американских сообществ средневековой ролевой реконструкции (основано в 1966 г.), которое, однако, не ставит себе цели точно воссоздать определенную историческую эпоху, а допускает значительные вольности во имя «живости духа». Квартирует в калифорнийском Мильпитасе.

Иммерсивный *(англ.)* – обеспечивающий полный эффект присутствия *(примеч. ред.)*.

27

Сделано в Парагвае *(исп.)*.

Блуждающий *(примеч. ред.)*.

29

Отсылка к рекламному слогану популярного в 1970-х псевдодокументального молодежного романа «Дневник Элис».

Частных *(примеч. ред.)*.

Многократных, повторяющихся *(примеч. ред.)*.

Стандартные имена злоумышленников («людей посредине») в модельных криптографических задачах, особенно относящихся к квантовой криптографии. *Ева* – пассивный наблюдатель, она не модифицирует содержание беседы (в квантовом случае, однако, можно разработать систему, которая будет автоматически определять присутствие Евы на линии по вносимым ею в суперпозицию кубитов возмущениям); *Мэллори* – активный наблюдатель, который не просто перехватывает сообщения, но и способен модифицировать или полностью отбросить их, и защититься от него гораздо сложнее (причем даже в квантовом криптоанализе, когда традиционные атаки типа «человек посредине» запрещены принципом неопределенности, Мэллори может причинить некоторый ущерб, например, провести атаку на классический генератор случайных чисел, подключенный, для удешевления сервиса, к квантовому каналу).

33

В британском и американском обиходе башня *из слоновой кости* – слегка презрительная метафора оторванного от повседневной жизни академического учреждения.

34

Классический мистический рассказ Уильяма Джейкобса (1902).

35

В действительности я, как и прежде, владею китайским в совершенстве и получаю от этого удовольствие *(кит.)*.